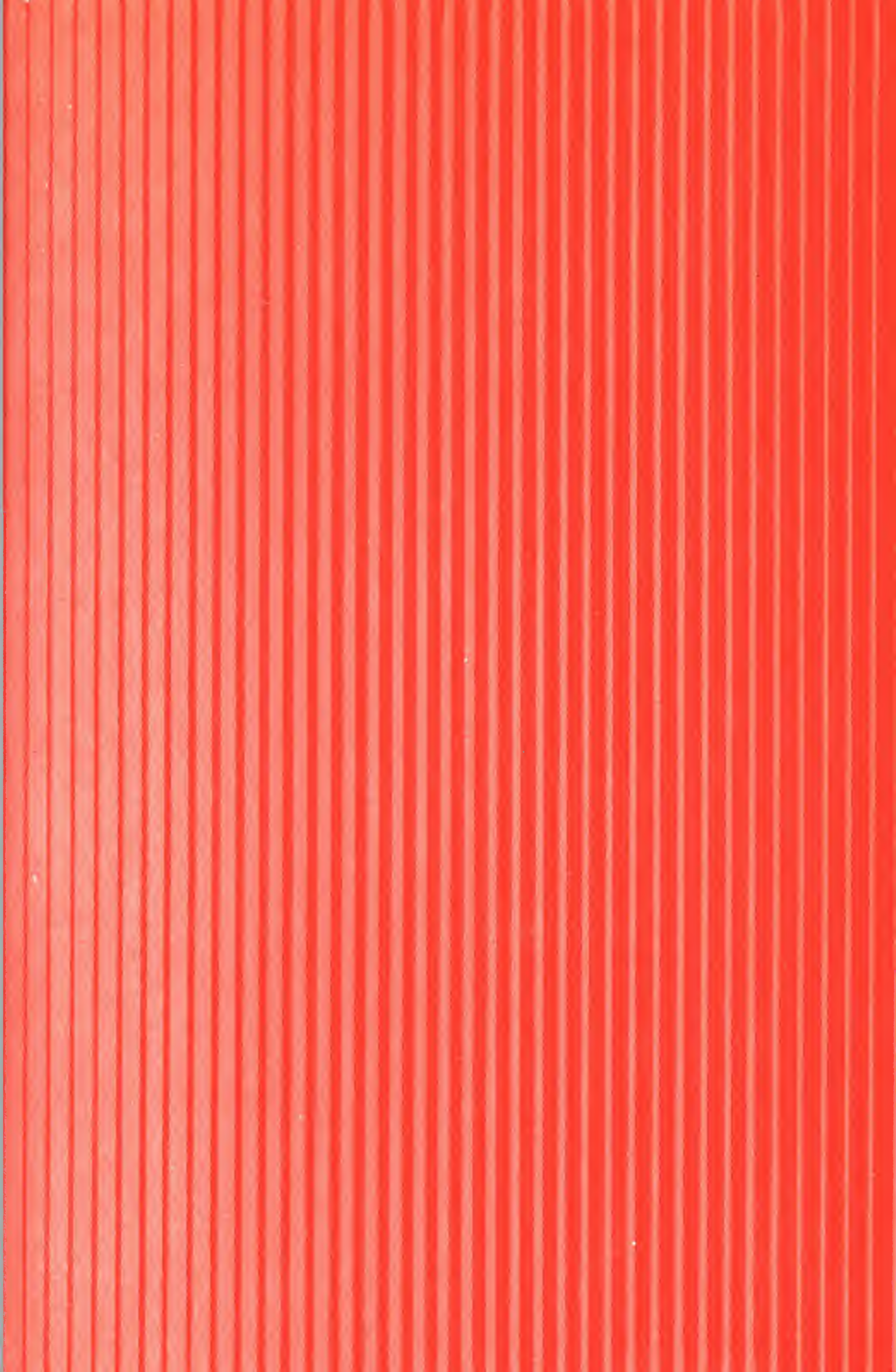

Педагогическое наследие

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

КАК ВОСПИТАТЬ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

КАК ВОСПИТАТЬ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

(Этика коммунистического воспитания)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

МОСКВА
«ПЕДАГОГИКА»
1990

ББК. 74.03
С 91

Составитель **О. В. Сухомлинская**

Рецензенты:
доктор педагогических наук **Г. И. Щукина**,
доктор педагогических наук **А. В. Мудрик**

Сухомлинский В. А.

С 91 Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О. В. Сухомлинская. — М.: Педагогика, 1990. — 288 с. — (Б-ка учителя).

1 р. 30 к.

ISBN 5-7155-0145-8

Проблему нравственного воспитания замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский считал самой главной в работе школы. В книгу включены беседы, которые учитель может использовать в воспитании у учащихся патриотизма, коммунистической идейности, гражданственности, любви к близким, природе, учителю.

Для учителей.

С $\frac{4302000000—001}{005(01)—90}$ подписное **ББК 74.03**

ISBN 5-7155-0145-8

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Работа «Как воспитать настоящего человека» (Этика коммунистического воспитания) создавалась Василием Александровичем Сухомлинским в последние годы его жизни. Рукопись носит следы долгой и кропотливой работы автора над текстом — в ней много изменений, дополнений, незавершенных страниц. По рукописи можно представить творческую лабораторию В. А. Сухомлинского. Вместе с тем данная публикация — цельное и законченное произведение. Оно представляет собой пособие для учителя по этическому воспитанию подрастающего поколения, в котором обобщены и систематизированы важнейшие принципы коммунистической нравственности, включающие наряду с педагогическими ее философские, психологические и социологические аспекты.

В книге «Как воспитать настоящего человека» Василий Александрович рассмотрел главные вопросы этики и предложил пути формирования у подрастающего поколения правильного понимания жизненных и общественно значимых целей, потребностей, интересов и стремлений. Василий Александрович органически включил категории этики и понятия о добре и зле, долге, долженствовании, достоинстве, чести, совести, свободе, ответственности, гражданственности, любви, общих нормах и принципах поведения в структуру проблем марксистско-ленинской теории воспитания, раскрыл их значение для решения проблем развития, формирования и воспитания — идейного, трудового, умственного, нравственного, эстетического, физического. В. А. Сухомлинский всей проблематикой и направленностью этой книги определил предмет и задачи педагогической этики: формирование у подрастающего поколения нравственного сознания на основе организации нравственных отношений детей и их включения в стихийно или специально организованную нравственную деятельность.

Содержание книги подчинено идее воспитания настоящего человека — духовно богатой, идейно убежденной, высоконравственной личности, умеющей преданно любить Родину и искренне ненавидеть ее врагов, отстаивающей ценности нашего социалистического государства и коммунистические идеалы как личное достояние, воспринимающей жизнь как деятельность во имя высших целей. В ней сочетаются интеллектуальное богатство с любовью к труду, эстетическое восприятие мира с физическим совершенством.

Василий Александрович считал, что учитель обязан в беседах с учащимися раскрывать общественные жизненные цели, каковыми являются борьба за коммунистическую идейность и идеалы, патриотизм,

гражданское ви́дение мира, овладение знаниями, творчество; обращаться к таким ценностям, как любовь, семейные радости и горести, дружба, радость бытия. Он считал эти ценности основой развития общественно значимых черт и качеств личности.

Василий Александрович утверждает в своей работе, что смысл жизни — в самой жизни, в ее правильном понимании и правильной организации, в диалектической взаимосвязи, совпадении общественных целей с индивидуальными, а именно в выполнении долга перед Родиной, школой, близкими, родителями, в делании добра, в достижении личного счастья, в радости бытия. В одной из последних записных книжек Василий Александрович писал: «Моя педагогическая вера (состоит) в том, чтобы делание добра для других и было деланием добра внутри самого себя, **строительство самого себя**, чтобы это **выявление желания** быть хорошим представляло собой огромный духовный труд, **огромную затрату** духовных сил. Здесь мы подходим к святая святых воспитания: у каждого воспитанника должен быть свой личный подъем **на вершину моральной доблести,** свой взлет, свой накал, свое данковское мгновение горения сердца. Привести каждого человека к этому — в этом смысл воспитания».

Книга «Как воспитать настоящего человека» написана в своеобразной художественно-публицистической форме, характерной для многих работ Василия Александровича, в форме этических поучений (нравоучений, заповедей, законов, бесед). Их структура и содержание были определены В. А. Сухомлинским в результате длительной работы с учащимися Павлышской школы. «В воспитательной работе нашей школы, — писал он, — на протяжении многих лет сложилась система этических бесед с воспитанниками, выработана тематика, составлено пособие по этике для воспитателя и этические хрестоматии для чтения питомцам различных возрастов в школе и семье» (*Сухомлинский В. А.* Проблемы воспитания всесторонне развитой личности // Избр. произв.: В 5 т. Т. 1. Киев, 1979. С. 130). Василий Александрович планировал проведение на уроке или во внеурочное время одной беседы, и содержание ее дополнялось раздумьями, размышлениями, анализом, примерами из литературы и жизни. Поэтому каждое поучение имеет законченную форму и значение. Вместе с тем каждое последующее поучение органически вытекает из предыдущего.

Поучение состоит из двух частей. Первая — этическое поучение — обращена к ребенку, подростку, юноше или девушке. Его моральная идея заключена в наставлении, раскрывающем содержание той или иной нравственной категории, понятия, нормы поведения, ценности, черты характера и т. д. Вторая — размышления.

В. А. Сухомлинский, обращаясь к учителям, воспитателям, родителям, размышляет о формировании мотивов и деяний ребенка, о путях формирования нравственного сознания сквозь призму идей добра или долженствования. Эти размышления написаны живо и образно: автор рассуждает, анализирует, обращается к опыту народа, истории, собственному опыту учителя, педагогическому опыту своих коллег.

В данном издании сохранен, за редким исключением, принцип изложения материала, предложенный Василием Александровичем. Логика

его рассуждений заключалась в том, чтобы выработать, привить уже с раннего детства способность к нравственно ориентированному мышлению и нравственной деятельности. В. А. Сухомлинский соблюдает возрастной подход. Направленность, содержание и смысл бесед учитывают процесс постепенного формирования человеческих и духовных потребностей личности — от осознания ребенком своего «я», своего места в жизни до самосовершенствования и самовоспитания, осознанного чувства гражданственности. Поэтому большое место на общем проблемном фоне книги занимают вопросы воспитания любви, уважения и преданности родным и близким, воспитания потребности человека в человеке, чувств сострадания, сопереживания, сочувствия, уважения к горю, чуткости, отзывчивости. В. А. Сухомлинский был убежден, что все последующее нравственное развитие ребенка целиком зависит от того, насколько родители, школа и учителя сумели в первые годы школьной жизни сформировать в маленьком человеке способность к состраданию — основу доброты, а затем и естественную потребность в добром деянии. Неоценимую помощь в этом отношении, а также в поиске и стремлении к идеалу могут и должны оказать ребенку школа и учитель как главные носители нравственных ценностей общества. На этом пути, считал Василий Александрович, главной задачей воспитателя является выработка у подрастающего поколения таких черт характера и моральных привычек, как совестливость, верность, преданность, скромность, бескорыстие, непримиримость к злу, стойкость, убежденность, неприятие лицемерия, ханжества, предательства, равнодушия, подлости и т. д.

Высшим проявлением человеческой сущности, проверкой на зрелость и достоинство личности выступает, по мнению педагога, культура человеческих желаний, любовь. Поэтому в книге следует целый цикл поучений и бесед о воспитании у молодежи способности на глубокие человеческие чувства, воспитании высоконравственного отношения к семейной жизни.

В. А. Сухомлинский убежден, что лишь на основе развитых в таком направлении морального сознания, нравственных чувств и убеждений можно воспитать гражданственность, высокую идейность и патриотизм как высшие формы проявления нравственно воспитанной личности, только таким путем сформировать систему духовных потребностей гражданина социалистического Отечества.

Василий Александрович видел в воздействии на чувства ребенка главный путь воспитания нравственности. Влияя на эмоции, умело управляя ими, он ведущим средством избрал слово учителя, воспитателя, родителей в сочетании с трудовой деятельностью, с упражнением в нравственности, эстетическим воздействием на чувства ребенка, развитием у него любознательности, радости познания. Все 59 поучений книги объединены высокой идеей гуманизма, ценности и неповторимости человеческой жизни, самобытности и талантливости каждой индивидуальности, идеей страстной веры в коммунистические идеалы и готовность к самопожертвованию во имя процветания Родины.

Рукопись «Как воспитать настоящего человека» не была издана при жизни автора. Уже после его смерти она в сокращенном виде вышла

отдельным изданием в издательстве «Радянська школа» (Киев), вошла во второй том пятитомного Собрания избранных педагогических произведений. Василий Александрович мечтал увидеть свою работу опубликованной вместе с «Хрестоматией об этике», где развитые в книге «Как воспитать настоящего человека» нравственные идеалы, нормы, правила и законы дополняются богатым фактологическим и иллюстративным материалом. Пособие по этическому воспитанию в соединении с хрестоматией позволяет соединить теоретические положения книги с жизненными наблюдениями, рассказами, зарисовками, народными притчами и легендами.

Предлагаемое читателям издание расширено архивными материалами, которые не вошли в первые публикации. В книге «Как воспитать настоящего человека» опущен тот иллюстративный материал, те сказки, рассказы, притчи, которые включены в хрестоматию, и оставлены те, на изложении которых основывается вся логика рассуждений автора. Представленная в таком виде книга отвечает первоначальному замыслу Василия Александровича.

В заключение хотелось бы отметить, что доверительная, глубоко индивидуальная манера изложения В. А. Сухомлинского, особенно ярко проявившаяся в этом произведении, делает восприятие содержания многообразным и неоднозначным. Книга несет на себе отпечаток личности ее создателя, предложившего свою форму общения с читателем, свое приобщение к вершинам нравственности. Заповеди, поучения нельзя рассматривать как некий катехизис, догму. Они предполагают развитие творческого начала учителя — и в проникновении в замысел книги, и в побуждении к нравственным идеалам.

Если у вас, учитель, при чтении книги возникло единство взглядов с Василием Александровичем, созвучие мыслей, а ваша душа откликнулась на горячее и страстное слово педагога, тогда материал, вошедший в книгу, окажет вам существенную помощь в вашей повседневной воспитательной работе, где бы вы ни трудились — в маленькой сельской школе или в большой городской. Ведь все вы вместе с автором преследуете одну цель — воспитать высоконравственную личность, творить человека «по законам красоты» (*К. Маркс*).

Особо хочется сказать о тех циклах бесед, в которых Василий Александрович затрагивает проблемы жизни, смерти, любви. Это особые грани воспитания нравственности, которых, как говорил педагог, нужно касаться с осторожностью. Не следуя общепринятым стереотипам мысли, отходя от узости мышления, В. А. Сухомлинский впервые в советской педагогике попытался проникнуть в сокровенные уголки развивающейся личности и считал эти вопросы основанием нравственности. Мировоззренческие, социально-эстетические и гуманистические проблемы волнуют каждого ребенка, подростка, юношу, девушку, но мало занимают педагогическую науку. Вопросы жизни и смерти — почти не исследованная область воспитания, объединяющая биологическую и социальную сущность человека, к которой и сам Василий Александрович только прикоснулся. Поэтому эти беседы требуют очень бережного и тщательного обращения с материалом и должны опираться на знание, понимание, чувствование состояния ребенка, его

характера, эмоционального мира. Учитель, который по складу своего мышления не чувствует в себе склонности к размышлению на эти темы, должен просто опустить их в процессе работы.

В представленной книге есть некоторые повторения и недосказанности, объясняющиеся тем, что рукопись готовилась к изданию в последний, тяжелый для Василия Александровича год жизни. В ней есть и повторения, характерные для всего его творчества: развивая новую идею или положение, Василий Александрович опирался на примеры привычной практики, характерной для сельской школы, или же, желая подчеркнуть важность мысли, брал для иллюстрации один и тот же материал. Недосказанности же дают читателю широкие возможности для собственного творчества, стимул для размышлений и раздумий.

В беседах упоминаются рассказы и миниатюры, включенные В. А. Сухомлинским в «Хрестоматию по этике».

Хочется надеяться, что каждый педагог, воспитатель, родитель, прочитав книгу, найдет много полезных советов, обогатится новыми идеями, а также получит некоторые практические рекомендации, которые окажут помощь в воспитании человека завтрашнего дня.

О. В. Сухомлинская

ЧТО ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА ВОСПИТУЕМЫМ

Настоящая книга является итогом многолетней практической работы в школе. В заглавие вынесены слова — *настоящий человек*. Это значит, что сам процесс воспитания автор рассматривает как стремление к идеалу — живому образу того человека, который воплощает в себе совершенные отношения идеального общества. Самая сущность этики коммунистического воспитания заключается в том, что воспитатель верит в реальность, осуществимость и достижимость коммунистического идеала, измеряет свой труд критерием и меркой идеального.

В идеальном образе того человека, которого я называю *настоящим,* мне представляются важнейшими следующие черты:

ясность представления, глубокое осознание справедливости и совершенства коммунистического общества и коммунистических отношений между людьми как вершины нравственного развития человечества; переживание красоты коммунистического идеала как глубоко личных стремлений и побуждений; умение дорожить святынями Отечества и коммунистического общества как личными ценностями и святынями своего сознания и своего сердца; другими словами, эту черту идеала можно определить как понимание и переживание цели и смысла жизни, умение поставить перед собой вопрос: во имя чего я живу, и дать ответ: страстная влюбленность в жизнь как деятельность во имя высоких целей;

гармоническое единство общественного и личного, большого и малого в духовной жизни личности;

богатство духовного мира, духовных интересов, духовных запросов и потребностей; умение пользоваться и дорожить духовными ценностями, видеть, находить их, *очеловечивать* в собственном личном мире; настоящий человек — это человек гармонической и многогранной духовной жизни; личность человеческая проявляется и раскрывается, утверждается и выражается только в духовном мире, связанном с идеями, устремлениями самого передового мировоззрения — коммунистического, с интеллектуальными, эстетическими, эмоциональными ценностями и приобретениями человечества;

потребность человека в человеке как в носителе духовных ценностей; возникновение, развитие этой потребности на основе духовной общности людей, их стремления к обладанию духовными ценностями; в творении этого идеального заключается творческий смысл нашей педагогической деятельности; только в том случае я могу считать себя воспитателем коллектива, когда я, утверждая красоту души, открывая эту красоту для сверстников, ровесников, товарищей, друзей, творю

единомышленников и людей, влюбленных в идейные, интеллектуальные, эстетические ценности человечества;

гармоническое единство утверждения и отрицания; другими словами, умение сильно любить и также сильно ненавидеть, быть глубоко преданным и в такой же мере непримиримым; идеальная личность выражается в деятельности духа, в активном отношении к добру и злу, в умении не только видеть добро и зло, но и близко принимать к сердцу всё, что происходит вокруг; сила духа — это, образно говоря, крылья той птицы, которую мы называем идейной убежденностью, без гармонического единства утверждения и отрицания немыслим стержень личности — идейная убежденность; *настоящий* человек скорее даст отрубить себе голову, чем откажется от своих убеждений; готовность бороться за свои убеждения, отстаивать их, торжествовать каждой частичкой своей личности, когда торжествуют убеждения класса, — это сущность идеала настоящего человека;

глубокое понимание и личная оценка того обстоятельства, что в наши дни в мире происходит бескомпромиссная борьба за души людей, прежде всего за души юношества; нашему коммунистическому идеалу в этой борьбе противостоит не только хищный, жестокий и оголтелый, но и хитрый, ловкий, находчивый, по-своему умный, умеющий прикидываться носителем общечеловеческого добра враг — идеология империализма, кровавого человеконенавистничества, «свободного» мира, в котором всё покупается и продается; одной из важнейших черт идеального человека является классовое чутье на идеи, поступки, взаимоотношения, быт, человеческие радости — последнее в настоящее время приобретает исключительную важность;

чувство человеческого достоинства — уважение самого себя, умение дорожить своей личной честью, своим именем; чуткость к оценке собственного поведения, собственного духовного мира коллективом, товарищами; постоянное стремление к нравственному совершенству, чувствование привлекательности, обаятельности идеального, высоконравственного, желание стать сегодня лучше, чем был вчера;

интеллектуальное богатство, творческий ум, стремление жить в мире мысли; постоянное желание обогащать и развивать свой разум;

эстетическое богатство личности, тонко развитая потребность в прекрасном;

любовь к труду, высокая нравственность трудовых отношений, влюбленность в конкретное дело; стремление к совершенствованию трудового мастерства;

физическое совершенство.

Чтобы нравственный идеал стал реальностью, надо учить человека правильно жить, правильно поступать, правильно относиться к людям и к самому себе. Учитель лишь тогда становится воспитателем, когда в его руках тончайший инструмент воспитания — наука о нравственности, этика. Этика в школе — это «практическая философия воспитания». Настоящая книга заключает в себе педагогическую этику, этику коммунистического воспитания.

Важнейшая идея педагогической этики — *долженствование.* В том, как *должно,* как *надо,* раскрывается смысл добра. Слова: *вы*

должны, ты должен — каждый день миллионы раз повторяются в школах. Понимание и чувствование долженствования — краеугольный камень этической образованности, этической культуры. Во внутренней убежденности в том, что я должен, заключается тесная связь этики как теории морали и этической практики. Идеи о должном войдут в душу маленького человека и станут его идеалом лишь тогда, когда долженствование станет стилем мышления, человеческих отношений в коллективе, стилем труда, служения обществу. Идея добра станет ориентиром жизненной практики, меркой поступков лишь тогда, когда смыслом жизни человека является стремление к добру и непримиримость к злу. Идеал коммунистического воспитания становится реальной силой лишь тогда, когда есть стремление к идеалу. Сущность этического воспитания в школе и заключается в том, что воспитатель пробуждает у своих питомцев стремление к идеальному, к тому, что должно быть. Чувствование красоты, привлекательности идеального — это моральная и эмоциональная сердцевина долженствования как средоточия этики.

Настоящая нравственность есть стремление к нравственности, писал известный педагог П. П. Блонский (*см.: *Блонский П. П.* Избр. пед. произв. М., 1961. С. 618)[1]. Нравственность в школьной жизни должна стать этической практикой — в этом, на мой взгляд, одно из условий того единства обучения и воспитания, о котором так много говорится и которое еще не стало реальностью. Нравственность становится этической практикой тогда, когда понятия о должном, о добре и зле, о моральных ценностях одухотворяются живой человеческой страстью учителя и учеников — преданностью и любовью, непримиримостью и ненавистью, стремлениями к идеалу, взаимоотношениями единомышленников и соратников.

Воспитать настоящего человека, научить его жить — это значит научить долженствовать. Как вложить в души наших питомцев эту мудрость жизни? Как воспитать высоконравственных людей коммунистического общества? Этические нормы нашей морали сами по себе являются огромной духовной ценностью, которую надо вложить в юные души.

Я верю в могучую, безграничную силу слова воспитателя. Слово — самый тонкий и самый острый инструмент, которым мы, учителя, должны умело прикасаться к сердцам наших питомцев. Эта книга — о воспитании словом. В ней раскрываются нормы коммунистической этики — конкретные поучения и наставления, как жить, как поступать, в чем добро и зло, — все это и есть сущность долженствования. Но слово лишь тогда становится инструментом этического воспитания, когда в нем, образно говоря, заложено зерно стремления к нравственному идеалу. Воспитание словом — самое сложное, трудное, что есть в педагогике и в школе. Совершенной нелепостью является утверждение о том, что порок воспитательной работы во многих школах — словесное воспитание. Надо говорить о другом: о примитивности словес-

[1] Примечания, отмеченные звездочкой (*), даются по изданию 1975 г. Остальные подготовлены составителем. — *Ред.*

ного воспитания, о неумении отдельных учителей воспитывать словом. Я поставил перед собой цель — воплотить нормы и правила, истины и принципы коммунистической этики в слово, проникнутое идеей долженствования. Это мое слово, обращенное к моим питомцам, — как жить, чтобы стать настоящим человеком. Это поучения, составленные не для абстрактных учеников. Это слова, идущие от души и вложенные в души нескольких поколений моих питомцев.

Слово учителя я считаю самым необходимым и самым тонким прикосновением человека, убежденного в правоте и красоте своих взглядов, убеждений, мировоззрения, к сердцу человека, *жаждущего быть хорошим.* Заметьте — прикосновение убежденности к *жажде быть хорошим,* к стремлению стать сегодня лучше, чем был вчера. Только при том условии, когда прикасаются эти две вещи, есть настоящее воспитание. Следовательно, воспитание словом становится возможным лишь там, где перед вами — *воспитуемый* человек. Творить человеческую *воспитуемость* — это красная нить этического воспитания.

На мой взгляд, найти практический ответ на вопрос, что делает человека воспитуемым, — значит, образно говоря, настроить музыкальный инструмент, на котором музыкант собирается играть. Мы имеем дело с ребенком, об этом нельзя забывать ни на минуту. Даже шестнадцатилетний, семнадцатилетний — во многом еще ребенок и для нас, воспитателей, и для матери, и для отца (что именно детское должно как можно дольше сохраниться в человеке; чем дольше сохраняется, тем лучше, — это особая грань педагогической мудрости). Воспитуемым ребенка делают, во-первых, радость, счастье, жизнерадостное мировосприятие. Истинная гуманность педагогики заключается в том, чтобы беречь радость, счастье, на которые имеет право ребенок.

Я расскажу об одном событии, которое произошло в моей практике.

Третьеклассница Зоя вышла сегодня утром из дому радостная, счастливая. Вчера вечером тато и мама долго сидели у ее кроватки, рассказывали сказки, а когда ей захотелось спать, поцеловали ее и сказали: пусть приснится тебе ясное солнышко. Зое снилось ясное солнышко, огромный, как море, зеленый луг, желтые огоньки цветов одуванчика, жужжание шмеля и песня жаворонка...

А Зоин одноклассник Митя вышел из дому бледный, грустный, задумчивый. Вчера вечером тато и мама долго ругались. Мама плакала. Мите долго не спалось. Он видел во сне заплаканные глаза матери.

Идут в школу Зоя и Митя. Девочка о чем-то весело щебечет; Мите хочется думать о том, что она говорит, чтобы рассеялись печальные мысли, но это невозможно: перед глазами мальчика — большие глаза матери, полные слез. Мальчику хочется плакать.

Вдруг Зоя воскликнула:

— Смотри, Митя, журавли летят! Целая стая... Весна, весна. Смотри, какие они красивые, журавли, — голубые! Голубые журавли, смотри же, Митя, смотри!

— Не голубые, а серые... — тихо промолвил Митя.

— Да не серые же, а голубые! Как же это так — голубая птица кажется тебе серой? — с изумлением говорит Зоя.

Дети пришли в школу. Зоя подошла ко мне и говорит:

— Когда мы шли в школу, в небе летела стая голубых журавлей. А Митя говорит: журавли серые. Разве они серые? Я же видела своими глазами: голубые.

Есть детские вопросы, которые слышать больно, а отвечать на них страшно трудно. Воспитание не обладает столь магической силой, чтобы делать человека счастливым независимо от тех обстоятельств, в которых он живет, но воспитание обязано беречь это огромное, ни с

чем не сравнимое духовное достояние, духовное богатство маленького сердца — радость, счастье. И если в детскую душу пришло горе, мы должны помнить, что перед нами человек, которому надо дать прежде всего мир, покой, снять страдание, смятение, огорчение, а потом принести маленькому человеку радость бытия — ту радость, без которой журавли никогда не кажутся голубыми. Если ваш ребенок видит мир жизнерадостным, если каждое явление окружающего его бытия поворачивается к нему той стороной, которая озарена красотой, тонкостью, хрупкостью, нежностью, он легче поддается воспитанию. Он жадно вслушивается в каждое ваше слово. Я знаю детей, которые не могли постигнуть ни умом, ни сердцем нравственной красоты, о которой им говорил учитель, лишь потому, что они были глубоко несчастны. Иногда событие, кажущееся нам, взрослым, совершенно незначительным, приносит ребенку огромное страдание. Одна пятилетняя девочка ночь не спала: молча, без слов и без слез страдала, узнав, что куклу ее маленькой подружки оставили под открытым небом и она вымокла под дождем. Если свое маленькое горе ребенок пережил в одиночестве, без сочувствия и сострадания, его сердце может надолго покрыться ледяной корой равнодушия.

Воспитуемым ребенок становится, во-вторых, тогда, когда среда, в которой он общается с природой и с людьми в годы детства и отрочества, делает его сердце беспокойным, тревожным, хрупким, тонким, легко уязвимым, нежным, отзывчивым, — речь идет о культуре чувств, о высокоразвитой способности *видеть человека,* находящегося рядом, принимать близко к сердцу его радости и огорчения, тревоги и смятение, чувствовать одиночество как большую беду, которая может постигнуть человека.

Говоря о хрупкости, тонкости, уязвимости, нежности детского сердца, я имею в виду не слабость и беспомощность, а твердость, мужество, стойкость, способность избрать свою собственную позицию и собственную точку зрения. Но — в этом тысячу раз убеждала меня жизнь — подлинная душевная стойкость, мужество, верность принципам немыслимы именно без тонкости и хрупкости. Сердца детей должны быть широко открыты радостям и горестям других людей — в этом одна из важнейших предпосылок к тому, чтобы маленькие люди, переступающие порог класса, стали воспитуемыми. Когда мои дети начинают жить в коллективе, первая моя забота о том, чтобы самой большой бедой каждого ребенка стала чужая беда, самой большой радостью и утешением была мысль о том, что он принес радость другому человеку.

Воспитатель коллектива маленьких детей — это дирижер, по мановению палочки которого каждый участник оркестра творит чужое счастье и благодаря этому переживает первое гражданское счастье коллективиста. Тот, кто живет заботами о других людях, становится восприимчивым, чутким к слову, заключающему в себе призыв к идеалу нравственности, к творению красоты в самом себе. Там, где дети творят радость людям, слово воспитателя становится могучей силой.

Нравственный опыт отдачи своих духовных сил для счастья людей дает маленькому человеку исключительно важную способность видеть

себя как бы со стороны, глазами других людей, способность чувствовать открытость своей души, своих поступков, своего поведения. Тот, кто в детстве на собственном нравственном опыте изведал самое высокое счастье бытия — вложил частицу своей души в другого человека, становится честным наедине с самим собой, а это, пожалуй, важнейшее качество, делающее человека воспитуемым.

Кстати, спор, который ведется о причинах преступности в обществе, где совершенно уничтожены социальные ее корни, невозможно решить без анализа тончайших психологических процессов, происходящих в человеческой душе. Преступность полностью исчезнет в нашей стране лишь тогда, когда каждый — буквально каждый человек станет властелином собственных поступков, когда строгим судьей станет собственная совесть, когда человеку будет стыдно перед собой несравненно больше, чем перед другими. Но, заметьте, совестливость, способность совести быть строгим стражем поступков — это большая душевная стойкость, это мужество — вырастают на почве нежности, хрупкости, уязвимости сердца в тех тончайших сферах духовной жизни, которые охватывают взаимоотношения людей: дружбу, товарищество, взаимопомощь. Быть твердым умеет лишь тот, кто умеет быть нежным и хрупким. Ненависть доступна лишь тому, кто умеет любить.

Я всегда заботился прежде всего о воспитании *способности быть воспитуемым.* Чем меньше ребенок, чем больше у него радостей, предоставляемых в готовом виде старшими, тем важнее, чтобы главным стало творение радости для других людей: товарищей, матерей и отцов, стариков. Очень важной задачей воспитателя является пробуждение эмоциональной зоркости, внимательности, тонкости чувств.

Первый класс. Весной, во время половодья, в школу не пришла маленькая черноглазая девочка Галя. Дорогу в школу преградил ей весенний разлив. Если учитель не расскажет о беде девочки, не пробудит у детей добрые чувства, одноклассники могут и не вспомнить о ней. На каждое событие надо открывать глаза, ум, сердце. Мы идем с детьми к реке, разлившейся и отрезавшей от нас Галю. В детских сердцах пробуждается сочувствие. Они переживают горе своего товарища. То, что они ничем не могут помочь товарищу, еще больше углубляет их чувства. Все их помыслы о том, как же все-таки помочь. Мы просим взрослых перевезти к нам Галю на лодке. Приходим к разлившейся реке, смотрим на противоположный берег. Вот она машет нам руками, наша Галя. Девочку перевозят на лодке. Две недели, пока не ушло весеннее половодье, она живет у своих подруг. Эти дни — самые счастливые для нас всех, но особенно для тех, кто непосредственно заботился о маленькой девочке.

Радости особенно дороги, когда они достаются трудом; нет радостей благороднее и сильнее, чем радость заботы о человеке. Детские сердца, одухотворенные этими радостями, объединенные ими в коллектив, воспринимают слово учителя, его нравственное наставление и поучение как призыв к активной деятельности, к самовоспитанию. Если у ваших питомцев сердца открыты перед человеческими радостями и горестями, воспитание с самого начала гармонически сливается с самовоспитанием. Только тот способен воспитывать сам себя, кто живет не для себя.

Как огня бойтесь одной из самых страшных бед школьной жизни: детского одиночества. Как это ни странно, такое не редкость. Иногда воспитатель, увлекаясь показными, эффектными мероприятиями, за-

бывает о самой сущности воспитания — человеческих взаимоотношениях.

Задумаемся, не потому ли и интеллектуальное богатство для множества детей теряет свою привлекательность, что с малых лет не развивается чувствование привлекательности духовной щедрости, готовности отдать частицу своих духовных сил во имя блага других людей. Жажда духовных богатств, жажда ума, мысли, творчества появляется только у человека, который уже знает, что такое благородство, познал привлекательность и красоту добра.

Я убежден, что годы первоначального школьного обучения — наиболее ответственный период становления той грани человеческой воспитуемости, которая заключается в формировании потребности в человеке. Именно в этот период надо воспитывать *щедрость души* во имя счастья других людей, а эта щедрость и есть обратная сторона того, что можно назвать неутолимой потребностью в человеке.

В-третьих, человека делает воспитуемым его глубокая вера в другого человека. Прежде чем для ребенка станет непререкаемой, нерушимой истиной нравственный принцип, правило, норма, он должен, образно говоря, чувствовать свою руку в руке того, кому безгранично доверяет, кем дорожит, кем восхищается и одухотворяется как образцом нравственности. Диву даешься, когда видишь иной раз, как воспитатель беспомощно разводит руками, удивляясь: ничего не сделаешь с этим мальчишкой, никакие средства на него не влияют. А удивляться нечему как раз потому, что рядом с этим непутевым мальчишкой нет человека, слово которого было бы для него, малыша, откровением и вместе с тем утверждением истины, поступки которого изумляли бы, восхищали бы его как яркая человеческая красота. Да, в мире нет ничего изумительнее человеческих поступков, потрясающих воображение того, кто еще только-только становится на ноги и открывает мир.

Рядом с каждым питомцем должна стоять яркая человеческая личность. Тридцать пять лет мучительного поиска секретов воспитания убедили меня в том, что как раз благодаря этому слово воспитателя становится могучим и тонким инструментом в его руках. Конечно, это прежде всего отец, мать, старший брат или сестра. Добрая половина всех наших забот — это заботы о том, чтобы каждый наш питомец верил в яркую человеческую личность, достойную этого звания и веры. Эти заботы наши выражаются прежде всего в том, что каждого мальчика, каждую девочку с малых лет мы готовим к высокой миссии матери и отца и рассматриваем материнство и отцовство как важнейшую общественную деятельность — единственную в своем роде и ни с чем не сравнимую по своей важности и сложности. Воспитание будущей матери и будущего отца — одна из самых ярких граней нашей школьной этики. Воспитывая матерей и отцов, мы закладываем основы воспитуемости будущих поколений. Без преувеличения можно сказать, что это одно из условий социального и нравственного прогресса общества.

Если ребенок потерял веру в человека или совсем не знал ее, в его душе происходит надлом, а нередко и трагедия. Он теряет веру в правду, истину, становится или озлобленным, ожесточенным, или же без-

вольным и лицемерным, двуличным и лживым. Какими бы пороками ни взошли семена безверия, человек становится нравственно толстокожим, этические ценности для него не существуют. Он очень зорко подмечает малейшие проявления безнравственности в окружающем его мире, зло притягивает его, он как будто бы мстит кому-то, поступая не так, как его наставляют. Несколько таких учеников в классе — и воспитание словом становится делом безнадежным. Как важно для всего дела воспитания своевременно заметить эту опасность, когда кто-нибудь из ваших питомцев может потерять веру в человека или — что еще хуже — вообще не знает, как хорошо, когда твоя рука в умной и твердой руке старшего, когда твой путь озаряют мудрость, дальновидность и мужество наставника. Надо обладать большой человеческой чуткостью, чтобы заметить эту опасность и предотвратить ее. Надо заметить человека, который падает, и не дать ему упасть. Мудрость настоящего воспитания заключается в том, что воспитатель сам является опорой и светочем для тех, кто не знает веры в человека или теряет опору и путеводный огонек.

Слово этического поучения воспитателя воспринимается лишь тогда, когда он имеет моральное право поучать. Не надо быть ангелом, чтобы иметь нравственное право воспитывать настоящего человека, надо самому быть истинным Человеком — жить *правильно*, любить людей, высоко хранить свое достоинство патриота, гражданина, труженика. Если ваше слово этического поучения созвучно вашему внутреннему духовному миру, одухотворено вашими убеждениями, оно, как магнит, притягивает тех, кто усомнился в человеке, и вы становитесь для них опорой и путеводным огоньком.

В-четвертых, воспитуемым человека делает красота (если есть три предыдущих условия), точнее — духовная жизнь в мире прекрасного. Этическое воспитание, творение настоящего человека — это призыв быть прекрасным; к этому призыву человек становится чутким и восприимчивым, если его одухотворяет привлекательность, обаятельность этического идеала, потому что и этический идеал сам по себе — высшая человеческая красота. Духовная жизнь в мире прекрасного — это чувствование, созидание, сохранение красоты в окружающем мире — в природе, в человеческих взаимоотношениях, особенно в духовной сфере. Духовная жизнь в мире прекрасного пробуждает неискоренимую человеческую потребность — потребность быть красивым, *стремление долженствовать*. Открывая вокруг себя красивое, восторгаясь и изумляясь красивым, маленький ребенок как бы смотрит в зеркало и видит человеческую красоту. Чем раньше он ее почувствовал и чем *тоньше изумился* ею, тем выше его чувство собственного достоинства. В сочетании с радостью творения добра для людей это познание себя через познание красоты, заключающейся в цветке, в оттенке найденного на берегу камушка, в маковом разливе утренней зари, в тончайшем звучании слова, в прекрасном человеческом поступке, — в этом сочетании кроется настолько могучая сила воспитания, что вы, воспитатель, приобретаете поистине волшебную способность переворачивать душу, выпрямлять ее, если она согнулась под гнетом горя, несчастья, беды. Власть воспитателя как творца детской радости

как раз и заключается в том, чтобы открыть маленькому человеку дверь в мир прекрасного.

Мой идеал в том, чтобы буквально каждый ребенок увидел прекрасное, остановился перед ним в изумлении, сделал прекрасное частицей своей духовной жизни, почувствовал красоту слова и образа. В этой сфере воспитания каждое сердце требует своего, очень тонкого прикосновения. Мир красоты вокруг нас неисчерпаем и безграничен. Сумейте открыть этот мир так, чтобы в душе ребенка, как музыка, зазвучало слово, чтобы мучительный поиск слова стал для ребенка ни с чем не сравнимой радостью. Если в душе вашего питомца заиграла музыка слова, он станет вашим воспитанником. Ваше слово — этическое поучение дойдет до самых сокровенных уголков его души и пробудит желание быть прекрасным. Исключительно важно, чтобы в духовной жизни каждого вашего питомца наступил момент озарения, изумления красотой, восторга перед красотой.

Вот как пережил это один мой питомец.

Пришла весна. Из земли показалась зеленая стрелочка. Она быстро росла, разделилась на два листочка. Листочки стали большими. Между ними появился маленький росток. Каждое утро мы с Толей ходим смотреть, что же будет дальше. Вдруг однажды рано утром мы увидели: росток, наклонившись к одному из листочков, расцвел белыми колокольчиками. Это были колокольчики ландыша. Толю поразила красота цветка. Он не мог оторвать глаз от ландышей. Мальчик протянул руку, чтобы сорвать цветок. «Зачем ты хочешь сорвать ландыши?» — спрашиваю я у Толи. «Они очень нравятся мне... Они очень красивые...» — «Хорошо, — сказал я, — срывай, но перед тем, как сорвать, скажи, какие они красивые». Мальчик посмотрел на колокольчики ландышей. Они были похожи и на белое облачко, и на маленькое крылышко голубя, и еще на что-то удивительно красивое. Толя все это чувствовал, но сказать ему было трудно. Он стоял у ландышей, очарованный красотой, стоял и молчал. В эти мгновения в его душе, как музыка, зазвучало слово. Маленький человек почувствовал, что в обычных, казалось бы, совсем не примечательных словах — неведомые переливы красоты. Его губы тихо шептали: «Как снежные пушинки... как серебряные колокольчики...» «Растите, колокольчики», — тихо прошептал мальчик. Для учителя эти мгновения — счастье. Мой идеал — поднять на эту вершину каждого. Это действительно одна из вершин нравственного развития.

Чувствование прекрасного вносит в юную душу утонченную способность откликаться на призыв, быть мужественным и великодушным, добрым и сердечным. Человек не может стать воспитуемым, если в годы детства он не восторгается красотой духа человеческого. Изумление человеком — вот что должно стать основой школьного воспитания. Я считаю, что школа лишь тогда школа, когда в ней познание мира начинается с познания человеческой души и на основе этого познания формируются убеждения и, самое главное, воспитывается способность любить и ненавидеть. В сущности, воспитание настоящего человека есть одухотворение красотой человеческого духа — столь глубокое одухотворение, что маленький человек задумывается: кто я? Для чего я живу на свете? Великое это искусство и великая педагогическая мудрость: уметь говорить маленьким своим питомцам, а потом подросткам, юношам и девушкам о красоте человеческого духа. Воспитывайте своих питомцев так, чтобы с малых лет их сердца озарялись ярким светом духовной красоты, и тогда их сердца будут чистыми и тонкими, чуткими и восприимчивыми к этическому поучению, на страже поступков ваших питомцев всегда будет стоять чуткий часо-

вой — совесть. Совестливые, совестные люди (к сожалению, почему-то избегают этих слов) вырастают там, где царит *дух изумления* перед красотой героизма, мужества, верности убеждениям, готовности отдать жизнь во имя идеалов и идей. Этот дух изумления создает ту *утонченность сердца*, благодаря которой слово становится могучим средством воспитания.

Великая человеческая красота порождает в юных сердцах то, что я называю духом изумления. Красота человеческого духа, одухотворяя в одинаковой мере и меня, и моих питомцев, делает нас идейными единомышленниками, приверженцами одной и той же веры. Одухотворение красотой человеческого духа утверждает в юных сердцах веру в человека, веру в то, что высшее человеческое счастье — быть духовно красивым.

Вот что необходимо, чтобы человек был воспитуем. Но как звучание музыкального инструмента становится тоньше и выразительнее, когда на нем играют, так и чуткость человека к воспитанию — способность быть воспитуемым — повышается, когда человека постоянно воспитывают.

Перехожу к конкретным поучениям, которые составляют содержание бесед по этике коммунистического воспитания.

1. КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК[1]

Ты рожден человеком; но Человеком надо стать. Настоящий человек — это дух человеческий, который выражается в убеждениях и чувствах, воле и стремлениях, в отношении к людям и к самому себе, в способности любить и ненавидеть, видеть в мечте идеал и бороться за него.

Человек — это дух человеческий. В этой истине я вижу красную нить всего этического воспитания. Я стремлюсь к тому, чтобы воспитание утверждало в каждом питомце человеческую гордость — благородный и мужественный дух борца за коммунистический идеал, дух революционера, творца, мыслителя. В моей «Хрестоматии по этике» есть цикл рассказов, идея которых: человек — это прежде всего сила духа. Рассказывая о людях, безгранично верных идее, я стремлюсь заронить в детскую душу семена идейного мужества. Это рассказы, которые запоминаются на всю жизнь.

Сила духа как нравственная доблесть начинается с веры в святыни. Я стремлюсь к тому, чтобы уже в годы детства в сознании каждого маленького гражданина утверждалась нерушимая, незыблемая, непреложная вера в нравственные святыни нашего Отечества, народа. Ни во что не верящий человек не может быть ни духовно сильным, ни нравственно чистым, ни мужественным. Вера в святыни дает маленькому человеку исключительно ценные духовные качества: видение и чувствование большого мира общественной жизни, стремление жить в

[1] В архивных материалах беседы шли под номерами. Заголовки бесед даны составителем. — *Ред.*

этом мире. Человек, верящий в святыни нашей идеологии, обладает великим даром любви и ненависти.

Каждому поколению детей, вступающих в организацию юных ленинцев, я рассказываю героическую легенду о десятилетнем пионере Юре, погибшем в годы фашистской оккупации.

Я считаю исключительно важным правилом воспитания то, чтобы с детства у человека была духовная жизнь в мире нравственных ценностей — святынь нашей идеологии, нашего Отечества, нашей истории, нашего народа. Сущность духовной жизни маленького гражданина должна заключаться в изумлении, восхищении, одухотворении красотой человека и красотой идеи, в стремлении, в жажде стать настоящим патриотом, настоящим борцом. Тот, кто живет в мире нравственных ценностей, с малых лет чувствует себя сыном Отечества.

2. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ПОТРЕБНОСТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ

Человек не может жить один. Высшее счастье и радость человеческая — общение с другими людьми. Каждый твой шаг, каждое слово, даже взгляд, даже то, как ты открыл глаза или поднял руку, — всё это отзывается в сердце другого человека.

Встреча с человеком не проходит бесследно, он входит в душу, человек привязывается к другому человеку, переживает ни с чем не сопоставимую радость открытия человеческого мира.

Дети каждый день встречаются друг с другом у школьного здания, в коридоре, в классе. Они смотрят друг другу в глаза, доверяют друг другу свои тайны, спорят, радуются, огорчаются, бывает — дерутся, уносят свои большие и маленькие обиды. За будничными делами порой теряются тонкости человеческих отношений. Воспитатели, не забывайте, что понимать эти отношения — ваш первый долг. *Как видит* каждый ваш питомец человека, что он открывает в нем, что оставляет в другом человеке и что оставляет в своем сердце от других людей — это во сто крат важнее, выполнил он или не выполнил сегодня домашнее задание. В сущности, воспитание является длительной, многолетней подготовкой маленького человека к постижению истины: Человек — высшая ценность. Постижению не потребительскому, не для себя, а для людей. Одна из тонких граней педагогического мастерства — творить в своем питомце потребность в человеке, готовить маленького гражданина к тому, чтобы он умел быть верным другому человеку.

Одна из самых тонких сфер духовной жизни человека — *верность* долгу человека перед человеком. Не может быть и речи о формировании патриота, преданности идеям и идеалам, если в детстве, в отрочестве, ранней юности конкретный человек не стал для вашего питомца единственно дорогим, если он не отдал силы своей души для радостей другого человека. В этой книге много раз будут повторяться слова *долг, долженствование.* Задача воспитателя заключается в том, чтобы каждый его питомец уже в детстве приобрел нравственный опыт долженствования в глубоко личных отношениях с другим челове-

ком. Поменьше трескучих фраз о любви к человеку вообще, побольше конкретных дел, сердечного участия в жизни, в творении радостей — вот что должно стать правилом нравственного воспитания. Очень опасно, когда добро творится напоказ; оказывая помощь товарищу, ребенок заранее рассчитывает на похвалу, поощрение. Нередко о хорошем поступке пишут в стенгазете, учитывают добрые дела в соревновании пионерских отрядов. Так воспитываются лицемеры и бездушные, бессердечные люди. Идеал воспитания в том, чтобы отдача духовных сил во имя человека хранилась в сердце как нечто сокровенное и неприкосновенное. Чувство потребности в человеке по самому характеру своему — одно из наиболее стыдливых чувств. Л. Н. Толстой считал стыдливым даже чувство патриотизма (см.: *Толстой Л. Н.* Собр. соч. Т. 12. М., 1973. С. 99).

Однажды мы вошли в лес. В зарослях деревьев пришлось в одном месте идти узенькой тропинкой. Один из мальчиков споткнулся: в стороне от тропинки была ямка. Мы остановились. Я посоветовал детям: засыплем ямку, ведь она рядом с тропинкой. Дети спросили: зачем мы ее засыпаем, ведь больше сюда мы никогда не придем... Это событие заставило задуматься над многоликостью эгоизма. За 35 лет работы с детьми произошло на моих глазах несколько событий, которые я использую для того, чтобы учить жить для людей. На детей производят большое впечатление рассказы об этих событиях.

Идеал этического воспитания в том, чтобы чувство брезгливости не позволило маленькому гражданину перешагнуть ту черту, за которой начинается унижение человеческого достоинства. Как нежная ткань тела не переносит раскаленного железа, так для юной души чуждым должно быть даже представление о том, чтобы своим равнодушием затруднить жизнь другого человека, заронить в его сознание мысль о том, что каждый живет для себя. Детство, отрочество ваших питомцев не должны быть спокойными и беззаботными — лишь при этом условии юность станет долженствующей и гражданственной. Я всегда считал исключительно важным то, чтобы уже в детстве каждый мой питомец переживал заботы, тревоги, волнения оттого, что кому-то в мире сейчас трудно. Радости лишь тогда облагораживают детство, когда маленький человек испытал счастье, облегчив чью-то участь, судьбу, жизнь.

Однажды я получил от старой учительницы тревожное письмо: в маленьком городке на берегу моря живет десятилетняя девочка Ира. Тяжелая болезнь приковала ребенка к постели. Ира успела до болезни научиться читать и писать. Но теперь ее мир ограничен окошком, видом на далекие горы и вечным шумом морских волн. У девочки единственный родной человек — бабушка, оставляющая внучку на несколько часов, когда она уходит на работу. Ира любит рисовать, но ей тяжело держать не только альбом, но и карандаш. Ежедневно она могла прочитать 2—3 страницы... Девочке нравятся сказки о птицах и зверях, но сказок этих очень мало... Обо всем этом я рассказал детям, показал им и фото: на снимке — огромные задумчивые глаза Иры.

Мне хотелось, чтобы дети мои почувствовали: где-то живет человек, которому невыносимо больно, трудно. Ведь каждый человек — маленькая частица человечества, частица нашего народа, и, если хоть один человек страдает и гибнет в одиночестве, самое отдаленное горе стучится в дверь дома, имя которому — человечество.

Мы составили письмо Ире. Я постарался, чтобы каждый ребенок вложил в это письмо свое слово и свое чувство. Я написал Сказку о Жаворонке; письмо и сказку отослали в маленький городок на берегу теплого южного моря. Через несколько дней получили ответ бабушки; в письме этом было несколько слов и от Иры. Письмо и обрадовало,

и опечалило нас. Мои дети близко к сердцу приняли рассказ бабушки о том, как живет Ира. Они поняли, как трудно живется этому маленькому человеку, какую стойкость и какое мужество он проявляет, насколько богат его внутренний мир. Детей поразили рисунки Иры и подписи к ним — по существу это были маленькие поэмы в несколько слов. Каждому захотелось что-нибудь нарисовать и послать девочке. Мы отправили целую серию рисунков, я написал девочке еще несколько сказок.

Несколько лет мои питомцы жили заботами и тревогами о человеке, которому жить невыносимо трудно. Я уверен: какую бы радость ни переживал каждый из моих питомцев, самое светлое чувство всегда окрашивалось мыслью: где-то смотрят на мир эти огромные серые глаза, в которых и боль, и надежда на то, что ни один человек не может оставаться одиноким. Благодаря этой мысли мои питомцы становились воспитуемыми, и чем богаче, многограннее было наше общение — общение учителя и детей, тем ярче выражалось это качество — *воспитуемость* — в чуткости к каждому моему слову.

3. ЧТО ЗНАЧИТ ДОРОЖИТЬ СЧАСТЬЕМ БЫТИЯ

Дорожи счастьем бытия. Это счастье постижимо только человеком, доступно только людям. Перед каждым человеком — безграничный океан этого счастья, как безграничен воздушный океан, но так же, как никто не думает о воздухе, когда его вволю, так мало кто задумывается и о счастье бытия.

Для того чтобы по-настоящему дорожить счастьем бытия, требуется высокая, тонкая, всесторонняя воспитанность души — интеллекта, сердца, воли. Я говорю это без преувеличения: в обществе, снявшем с человека все цепи экономического порабощения, воспитание способности дорожить счастьем бытия становится одной из самых важных нравственных проблем. Это, образно говоря, ветер, надувающий паруса самовоспитания; без этого свежего ветра человек останавливается в своем развитии, не видит жизненной цели. Если бы каждый живущий понимал, какое богатство открывается перед ним — бери, пользуйся; если бы этим богатством все умели дорожить, люди в нашем обществе стали бы, по словам А. М. Горького, как звезда перед звездой (см.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1950. С. 309).

От нас — матерей, отцов, педагогов, на каждом шагу соприкасающихся с чутким, открытым сердцем маленького ребенка, в огромной мере зависит, чтобы он стал мыслителем, понимающим и переживающим великое человеческое право на жизнь, счастье, радость, неприкосновенность личности. Эта сфера духовной жизни требует большого такта, глубокого уважения человеческого права на счастье. Всем, причастным к воспитанию, надо мудро вводить ребенка за руку в мир человеческий, не закрывая его глаза на радости и страдания. Постижение той истины, что мы приходим в мир и уходим из него, чтобы никогда больше в него не возвратиться, что в мире есть величайшая радость — рождение человека и величайшее горе — смерть, — подлинное постижение этой истины делает человека мудрым мыслителем, формирует тонкую воспитанность интеллекта, души, сердца, воли. В эту истину уходят тончайшие корни человеческого благородства — благородства гражданина, труженика, семьянина, культурной личности, благородства человека, которому не угрожают никакие социально-экономические потрясения и счастье которого зависит в подавляющем большинстве случаев исключительно от него самого.

Пусть же ваш питомец постигает эту истину, пусть дети будут маленькими философами. Мне представляется исключительно важным, чтобы ребенок задумался над тайной вечности и необратимости времени, над величием и в то же время хрупкостью человеческой жизни. Учить видеть и понимать бытие — вот первое условие того, чтобы ребенок понимал и чувствовал красоту, счастье, радость бытия, чтобы мудрая мысль А. С. Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» — открывала в каждой душе сокровенные уголки благородства (* см.: *Пушкин А. С.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1953. С. 461).

Я люблю сидеть со своими питомцами в тихую летнюю пору на вершине степного кургана и смотреть, как садится солнце. Вот уже три дня подряд мы приходим в степь, вслушиваемся в пение птиц, но наше внимание привлекает больше всего одна удивительная вещь. Третий раз над пылающим диском солнца, опускающегося за горизонт, мы видим в лазурном небе легкое белое облачко. И позавчера, и вчера, и сегодня — совершенно одинаковое облачко.

— Учитель, — спрашивает Мишко, маленький черноглазый мальчик, очень пытливый, впечатлительный, вдумчивый, — скажите, одно и то же облачко мы видим уже три дня или не одно?

— Нет, не одно и то же. Вчера не то облачко, что позавчера, сегодня — не то, что вчера.

Дети задумались. Пылающий диск солнца опускается за горизонт. Вот от него осталась тоненькая багровая полоска, потом — на какое-то мгновенье — единственная искорка, потом и искорка угасла.

— Учитель, — спрашивает Валя, задумчивая синеглазая девочка, — куда деваются позавчера, вчера?

Пробиться к родникам детской мысли, из которых свежей струей забьют эти вопросы, — вот о чем думаю я каждый раз, когда душу тревожит вопрос: как воспитать это тонкое человеческое умение — умение дорожить радостью бытия? Умение видеть счастье уже в том, что ты идешь по земле, что твое лицо обжигает солнце, а глаза заливает пот, что вечером, с наслаждением расправляя спину после утомительного труда, ты видишь на своих ладонях мозоли, а на пепельном небосклоне — первую вспыхнувшую звездочку? Умение видеть и чувствовать это счастье — одна из тончайших проблем педагогики. В социалистическом обществе нет других причин для нравственных аномалий и нравственного уродства отдельных личностей (а эти аномалии и уродства приносят пока еще огромные человеческие потери), кроме как неумение дорожить счастьем бытия, счастьем свободного труда, величайшей роскошью жизни — счастьем человеческого общения, кроме как неумение утвердить в себе достоинство подлинного человека.

Учите детей видеть, мыслить, открывать и изумляться. Пусть откроет, осмыслит ваш питомец ту истину, что человек рождается, растет, развивается, зреет, стареет, и каждый день правильно прожитой им жизни, умудряя и обогащая его, прибавляет новую крупицу к этой ни с чем не сравнимой ценности.

Однажды я пошел с детьми на берег старого пруда. Рассказываю малышам: когда я был маленьким мальчиком — вот таким, как ты, Мишко, здесь было глубоко-глубоко. Вот здесь рос высокий дуб…

— Неужели вы были вот таким маленьким мальчиком? — спросил изумленный Мишко.

— Ведь вы старый, седой.
— Был... Вот здесь купался, под этими корнями раков ловил...
— А куда же девался тот мальчик? — спросила Валя и взяла в свою маленькую руку мою. И она, и Мишко, и все дети смотрели на меня с удивлением: действительно, куда девался тот мальчик? Значит, и они станут пожилыми мужчинами и женщинами... Куда же деваются маленькие дети?

Чем раньше задумается над этим вопросом ребенок, тем больше будет дорожить он человеческими ценностями и собственным счастьем жить и трудиться, думать и переживать.

Нельзя ограждать ребенка от того, с чем он по самой логике жизни неизбежно сталкивается и что должно пробуждать у него мысли о собственном бытии.

У 6-летней Кати две бабушки — бабушка Катерина и бабушка Марина. Бабушка-то в сущности одна — Катерина, а бабушка Марина — мать бабушки Катерины, то есть прабабушка. Обе они старенькие, обе добрые, обе любят Катю, и для нее они обе — бабушки. Весной заболела бабушка Катерина. Долго болела и летом умерла. Идет Катя за гробом бабушки, провожает ее в последний путь, плачет. Рядом с Катей идет бабушка Марина. Плачет бабушка Марина и причитает:
— Куда же тебя несут, мое дитя ненаглядное? Откуда же мне тебя ожидать и откуда выглядывать, девочка моя?
Катя спрашивает у матери после похорон:
— Мама, разве наша бабушка Катерина — дитя?
— Дитя, доченька, дитя. До последнего дыхания каждый человек — дитя.

В скорбных глазах ребенка — нелегкая мысль. Эта мысль непостижима без скорби. Пусть знает ребенок, что в жизни есть не только радость, но и скорбь.

Учите своих питомцев в каждом человеке — и в младенце, и в столетнем старце — видеть дитя человеческое. Я считаю важным воспитать в ребенке сердечную привязанность к старому, пожилому человеку, чтобы утрату этого человека он пережил как непоправимое личное горе. Это горе — вершина, с которой перед маленьким человеком открывается счастье бытия. Это горе не делает человека несчастным, оно умудряет его, учит по-настоящему ценить счастье. Без воспитанности сердца немыслима воспитанность интеллекта и воли. Воспитанность чувств приходит к человеку лишь тогда, когда он тонко и мудро переживает все, что вокруг него, находит радость в общении с людьми и с природой, радость труда, напряжения физических и духовных сил, радость познания. Если вы хотите воспитать настоящего человека, стремитесь к тому, чтобы в центре интересов вашего питомца в годы его детства и отрочества был человек. Счастье бытия перед ним раскрывается в жажде познания: чем больше он узнает, тем больше ему хочется знать. Как это важно, чтобы каждый мальчик, каждая девочка были влюблены в умудренного жизнью человека — бабушку, дедушку. Это не частность, а одна из важнейших закономерностей воспитанности.

Чем глубже вам удастся развить в своем питомце жажду познания, тем большее счастье даст ему сознание, что он живет, думает и чувствует. Но знающим надо быть в самом широком смысле этого слова. В нашей системе воспитательной работы есть специальная программа воспитания думающего, чувствующего, переживающего — знающего

человека. Эта программа начинается интеллектуальной жизнью в мире природы и рассчитана на десять лет постижения красоты лесов и садов, рек и озер; красоты весеннего пробуждения и осеннего увядания, зимних сумерек и летнего рассвета. Это одна из самых сложных, тонких, мучительно трудных и радостных сфер воспитания — сфера, в которой формируется интеллигентность души и всепобеждающая жажда жизни. Заметьте, что лишь тот воспитанник, который затаив дыхание смотрит на раскрывшуюся почку вербы как на величайшее чудо природы, кто постиг счастье видения и переживания этого чуда, — лишь тот может спросить у учителя: куда деваются позавчера, вчера? Мы добиваемся того, чтобы каждый ребенок до боли сердца любил мир природы, стремился к активному общению с природой в труде.

4. КАКИЕ СУЖДЕНИЯ МОГУТ ВОСПИТАТЬ ЗРЕЛОСТЬ МЫСЛИ

Ты не всегда будешь ребенком — умей вдуматься в глубокий смысл этой истины. Мы приходим в мир и вначале бываем маленькими детьми для того, чтобы, став взрослыми, оставить свой след на земле, прожить жизнь настоящими людьми. Живет и червяк, живет и курица, живет и вол, но их жизнь так же далека от человеческой жизни, как далеки норка червяка, куриный насест и воловье стойло от кабины космического корабля, в которой бьется пытливая мысль, познающая Вселенную. Человеческая жизнь очень коротка. Пусть твоей заботой будет желание скорее стать духовно зрелым творцом — мыслителем, тружеником. Человек смертен; мы уходим в небытие, но человек вместе с тем и бессмертен: твое бессмертие в том, что ты сумеешь создать для людей.

Это одно из наиболее тонких, мудрых — *философских* — этических поучений. Я убежден, что духовная зрелость приходит к человеку *с вúдением жизни своего поколения* как одного из звеньев в бессмертной цепи человечества. Не так легко озарить сознание ребенка мыслью о том, что он — завтрашний взрослый человек, что ему надо готовиться к миссии созидателя, творца материальных и духовных ценностей. При этом нельзя умалить детский мир ни на одну крупицу чисто детских радостей. Я считаю очень важным умение педагога тактично, тонко, ненавязчиво напоминать ребенку о том, что предстоит ему сделать в жизни, какой труд и какой долг, соединившись в деятельности духа, создадут его личность, его имя гражданина, труженика, мыслителя, отца, мужа. Здесь особенно важны именно тонкость и неназойливость: маленькое напоминание учителя должно пробудить в детском сознании большую мысль.

С каждым из моих питомцев я нахожу тот единственно возможный и единственно удачный и счастливый час нашего духовного общения, когда я веду его в свою личную библиотеку. Это его первое знакомство с важнейшим источником моей духовной жизни (в дальнейшем каждый знакомится с моей библиотекой более детально). Вот мы проходим вдоль библиотечных полок, расположенных от пола до потолка — в нескольких комнатах и в коридоре... Тысячи, тысячи книг... Коля, тихий, ничем особенно не проявляющий себя мальчик, как раз и беспокоит меня тем, что уж слишком он послушный, исполнительный... слишком уж усердно выполняет он то, что я требую на уроках и в нашей школе мышления... Меня тревожит то, что в сознании мальчика очень уж медленно развивается

«цепная реакция мысли». Я дал мальчику — в это время он учился в III классе — прочитать книгу французского писателя Г. Мало «Без семьи». Книга взволновала мальчика. У нас была интересная беседа. Беседуя, мы пошли в мою библиотеку.

— Вы все эти книги прочитали? — спрашивает изумленный мальчик.

Я рад, что слышу в его вопросе удивление. Коля время от времени останавливается у книжной полки, снимает то одну, то другую книгу. Ему хочется знать, о чем эти книги... Он еще раз повторяет свой вопрос. Я отвечаю:

— Здесь очень много книг. В каждой из этих книг что-нибудь я прочитал. Отдельные книги — их около трехсот — прочитал несколько раз и сейчас перечитываю то одну, то другую. Вот, смотри, они на двух отдельных полках. Для меня это все равно, что скрипка для музыканта — разве может он жить, не прикасаясь к своему любимому инструменту? Так и я не могу жить, не прочитав каждый день хоть несколько страниц, иногда бывает хоть несколько строчек из этих книг. Некоторые из этих имен тебе уже известны, некоторые ты узнаешь позже: Гомер, Шекспир, Гюго, Гёте, Гейне, Шиллер, Руставели, Пушкин, Шевченко, Гоголь, Тургенев, Толстой, Франко, Леся Украинка, Чехов, Горький... Полностью я прочитал из моей библиотеки не больше четырех тысяч. Успею еще прочитать около тысячи — не больше...

— А остальные — не успеете прочитать?

— Не успею. Останутся не прочитанными...

Мальчик с изумлением смотрел на книги. Я увидел в его глазах новую мысль.

— Как же это? — тихо спросил Коля. — Книги останутся не прочитанными...

У меня сердце радостно забилось от мысли, что мальчик подумал: человека окружает море богатств, а он не может постигнуть и маленькой их частицы.

Как важно, чтобы эта мысль пришла в голову каждому воспитаннику, и я добиваюсь, что все приходят к этой мысли, каждый по-своему. Если вы хотите, чтобы питомец ваш увидел, понял, почувствовал, какими духовными богатствами предстоит овладеть ему в течение всей своей жизни, введите его в мир своей интеллектуальной жизни. Пусть он увидит в вас пытливого мореплавателя, стоящего в задумчивости перед безграничным океаном, знающего, что за всю свою жизнь ему не удастся исследовать и тысячной доли неведомых пространств, но все же бесстрашно отправляющегося в путешествие, имя которому — Познание. Созерцание, непосредственное восприятие духовных богатств, переживание величия того, что создал человек, — все это помогает мне воспитать у своих питомцев зрелость мысли, сознательное суждение о том, что уже сейчас, сегодня надо начинать ту огромную работу, которую предстоит делать всю жизнь. Это суждение играет очень важную роль в формировании вот какого убеждения: учиться, овладевать знаниями — дело всей жизни, и чем усерднее, серьезнее начал ты это дело в годы детства и отрочества, тем больше радостей познания, радостей приобщения к мысли достанется тебе в зрелые годы. Подросток, умеющий сожалеть о том, что он не успеет прочитать и тысячной доли тех книг, которые ему хотелось бы прочитать, не успеет узнать о множестве интересных и нужных вещей, — такой подросток осознает, переживает, чувствует ту пору, когда он вступает в годы ранней юности и зрелости. Он умеет думать о своей взрослости и зрелости, умеет сознательно строить планы на будущее.

Если хотите, чтобы ребенок подумал о том, что он завтра станет взрослым человеком, и чтобы эта мысль заставила его взглянуть на себя, проверить свои силы, — покажите ему наглядно, что сделал человек за свою жизнь.

Хмарино поле... Так называется участок плодородной пахотной земли площадью гектаров двести. Когда-то здесь была глинистая, изъеденная рытвинами и канавами почва. Много лет работал тракторист Иван Хмара, обсаживал участок защитной лесной полосой, засыпал рытвины и канавы, привозя ежегодно десятки тонн плодородного ила. Мало кто верил, что поле можно излечить, но этот мужественный человек знал, что труд этот требует не одного и не трех лет. Он трудился на поле два десятилетия. Человек возвратил земле плодородие. И вот люди назвали поле Хмариным.

Задумайтесь, дети, о своей судьбе. Только тот может стать настоящим человеком, кто смотрит вперед, знает, что ему надо сделать за свои годы. Труд — основа всего мудрого и прекрасного на земле. Ты часами сидишь над книгой, наслаждаешься красотой художественного слова, вслушиваешься в прекрасную музыку, едешь за тысячи километров, чтобы побывать в картинных галереях и музеях и увидеть произведения мирового искусства, — все эти блага становятся твоим достоянием лишь потому, что металлург и пахарь, шахтер и доярка поднимаются на рассвете, идут на работу, создают материальные ценности. Труд создает человеческую зрелость, творит мужчину и женщину. Только благодаря труду рождается твое чувство ответственности за будущее.

5. КАК ВОСПИТЫВАТЬ У РЕБЕНКА СИЛУ ДУХА

Будь духовно сильным, твердым, выносливым, несгибаемым, мужественным. Человеческой силе духа нет пределов. Нет трудностей и лишений, которых бы не мог одолеть человек — не молчаливо перетерпеть, перестрадать, а именно одолеть, выйти победителем, стать сильнее. В минуты, когда трудность кажется тебе непреодолимой, когда появляется мысль отступить, пойти по легкому пути, больше всего бойся жалеть себя. Жалость к себе — чувство слабовольных, оно способно даже сильного сделать тщедушным существом. Быть тщедушным — незавидный удел. У тщедушного — мелкие, убогие радости, он не знает подлинного счастья бытия, для него непостижим и недостижим идеал: тщедушие вырождается в эгоизм и трусость. Чем труднее тебе, тем ярче должна быть твоя мысль о том, что ты человек, тем сильнее должен заговорить в тебе тот уголок твоего сердца, где положено жить человеческой гордости; этот уголок может навсегда остаться молчаливым, если ты будешь развивать жалость к себе. Будь непримиримым и нетерпимым, безжалостным к нытью и унынию, расслабленности и безнадежности. Помни, что человек иногда оказывается на таком рубеже, когда у него уже нет физических сил, но силы духовные рождают в нем новые физические силы, и он продолжает жить борцом.

Как донести до детей это поучение, как добиться, чтобы оно стало принципом и правилом личного поведения? Здесь прежде всего важно то, чтобы у каждого вашего питомца с детства утвердилось — и в сознании, и в эмоциональном мире — глубоко личное отношение к силе духа: отвращение, презрение к тщедушию и увлеченность, одухотворенность духовной несгибаемостью. Без отрицательных чувств невозможны и положительные. От того, как удастся вам уже в младшем возрасте утвердить презрение к слабоволию, тщедушию, нытью, жалости

к себе, зависит очень многое. В детстве исключительно большую роль играют духовное самовоспитание, самопознание, закалка, умение требовать от себя и отдавать приказы себе. Дух неотделим от тела; сила духа проявляется в умении напрягать физические силы, в слиянии физической выносливости с тонкими, нежными чувствами. Меня всегда удивляло, что физическое воспитание детей и в теории, и на практике отрывается от задач духовного становления личности. Этот разрыв недопустим. Физическое напряжение всегда должно захватывать духовную сферу и пробуждать отношение личности к силе собственного духа — лишь при таком условии человек приобретает способность воспитывать себя.

Я еще раз подчеркиваю исключительную важность закалки духовных сил уже в младшем возрасте. Упустите младший возраст — всё упустите. Совершенно недопустимо вселять в сознание первоклассников мысль: мы еще маленькие, нам и то непосильно, и это трудно. Ребенку не хочется думать и чувствовать, что он слабый, беззащитный и маленький. То, что он маленький и нуждается в вашей защите, то, что его надо постоянно ограждать от бед и опасностей, — держите это в уме, а в детском сознании и в сердце утверждайте мысль: я должен быть сильным и мужественным; не меня пусть защищают, а я должен защищать, мир полон существ, которые неизмеримо слабее меня, я должен быть их защитником. Очень важное правило воспитания: в детстве человек пусть тысячу раз изумится, сделав то, что казалось ему недостижимым, — изумится силой собственного духа. Только в этом изумлении корень презрения к тщедушию и слабоволию. Лишь тот, кто изумлялся силой собственного духа, способен стыдиться своего слабоволия, не может проявить слабость. То, что в жизни называют беззастенчивостью, — горький плод бесконечного вдалбливания в сознание маленьких детей мысли о том, что они маленькие.

До леса шесть километров; мамам кажется это невообразимо далеко: разве не сошел с ума учитель, уходя пешком с детьми в такую даль? Но дети в восторге, и учитель знает, что эта восторженность станет источником духовных сил. В конце концов из тридцати трех мам только две не пускают детей: маленькие. Дети собираются в школе на рассвете. Отправляются, сопутствуемые тревожными взглядами нескольких мам. За селом детей догоняют и двое маленьких, слабеньких: они просто убежали от мам, им стыдно быть маленькими и слабенькими. В пути дети вначале забывают о том, куда им идти и какие будут трудности. Когда становится трудно, мальчикам тяжело показать свою слабость перед девочками, а девочкам — перед мальчиками. Каждому хочется быть выносливым и несгибаемым. Собственная выносливость переживается как доблесть, это возвышает каждого ребенка в его глазах. Наконец дети в лесу. Никто из них никогда не проходил такого расстояния пешком: шесть километров. А еще и обратно — тоже шесть. Да и в лесу не усидят дети на месте. Учитель уговаривает детей отдохнуть: давайте ляжем, уснем... Но дети неутомимы. Они открывают множество интересного. Потом, к середине дня усталость все-таки берет свое, уставшие малыши спят под тенистым дубом, просыпаются со свежими силами, варят обед. Солнце склоняется к закату, когда дети выходят из лесу. Теперь усталость значительно сильнее, но никому не хочется выглядеть слабым. В село дети возвращаются в сумерках. Матери с нетерпением ожидают малышей. Дома — последняя вспышка бодрости: дети рассказывают о своих впечатлениях, все уверяют, что ноги не болят и вообще никакой усталости нет, но, едва прикоснувшись к подушке, засыпают.

6. КАК УЧИТЬ ПОНИМАНИЮ ИДЕИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

Человек *должен.* Вся сущность нашей жизни заключается в том, что все мы *обязаны, должны.* Иначе жить было бы невозможно.

Живя в обществе, ты на каждом шагу соприкасаешься с другими людьми, каждое твое удовольствие, каждая радость чего-то стоят другим людям — напряжения их духовных и физических сил, забот, беспокойства, тревог, раздумий. Жизнь превратилась бы в хаос, среди бела дня невозможно было бы выйти на улицу, если бы не было человеческого долженствования. Ясное понимание и строгое соблюдение твоего долга перед другим человеком и перед людьми — это твоя подлинная свобода. Чем лучше ты соблюдаешь свой долг перед людьми, тем больше черпаешь ты из неисчерпаемого источника подлинно человеческого счастья — свободы. Попытайся освободить себя от долженствования — и ты превратишься в раба своих прихотей. С того, что человек делает не то, что он должен делать, что надо делать, начинается нравственное опустошение, развращение и падение. Опасайся духовного порабощения. Если не будешь держать свои желания в узде и подчинять их воле долженствования, ты превратишься в безвольное существо.

В долженствовании человек всегда уступает в чем-то другому человеку. Одному человеку легче, другому — труднее, одному достается больше радостей, другому — меньше; одному — лучше, другому — хуже. Мудрость человеческого долженствования как раз и заключается в том, чтобы видеть и внутренне рассудить, где должен ты и где должны тебе. Если бы нам удалось раскрыть тонкости человеческих взаимоотношений и душа каждого человека всегда, буквально всегда считалась бы с ними, в нравственной жизни наступила бы всеобщая гармония. От самых, казалось бы, незначительных поступков повседневной жизни — от того, например, что ты уступаешь место в лифте, в трамвае, в автобусе пожилому человеку, — до великой человеческой ответственности за жизнь, судьбу, будущее человека — того, с которым ты соединил свою судьбу, — во всей жизни мудрым повелителем твоим пусть будет долженствование. Потеряешь долженствование, вначале станешь мелким себялюбивым существом, потом — подлецом, дальше — предателем. Помни, что великое горе человеческое, о котором уже шла речь выше, начинается с забвения долга, вначале в делах, казалось бы, маленьких, потом в больших, значительных.

Трудно переоценить важность этой педагогической и человеческой мудрости — умения говорить с детьми о долженствовании. Говорить же об этом надо очень часто, слово учителя здесь незаменимо. Приучать к долженствованию — это значит прежде всего учить видеть жизнь, видеть людей, видеть то, что тебя окружает, понимать то, что все окружающее тебя в той или иной мере касается тебя, и не только понимать это, но и чувствовать сердцем, быть нетерпимым к равнодушию, презирать закрытость сердца, ненавидеть хамство.

Мы путешествуем с маленькими детьми в школьном саду, идем улицей села, садимся в поезд и едем к теплому морю — всегда и везде мы оказываемся в мире человеческих отношений, всегда и везде я вижу

свою воспитательную миссию в том, чтобы говорить с детьми о должном, учу маленького человека поступать, как должно.

Мы увидели в саду надломленную ветку яблони. Это ветер повредил дерево; нет виновника, но мы не можем пройти мимо. Именно там, где, казалось бы, всё делается само собой, особенно важно чувствование долга. Дети могли бы равнодушно посмотреть на повисшую ветку и пройти мимо — это был бы урок равнодушия, и, чем больше таких уроков получил в детстве человек, тем больше опасность эгоизма, подлости, предательства. Мы останавливаемся, подвязываем надломленную веточку, дети чувствуют и радость, и беспокойство — не всё, что встречается им в мире, благополучно. Это уже урок долженствования. И так на каждом шагу. Мы идем улицей села, у магазина видим плачущую бабусю... Пройти мимо — урок равнодушия. Мы останавливаемся, узнаем, в чем дело, помогаем бабусе (у нее беда: потеряла рубль, а пришла за хлебом, а денег-то больше нет...). У нас по десять копеек — идем мы в кино. Отдаем деньги бабусе, она целует детей.

Трудно найти человеческое счастье полнее, чем счастье выполненного долга. Дети переживают большую радость, но это не радость потребления... Если путешествуешь по морю человеческих взаимоотношений внимательно и зорко, на каждом шагу видишь возможность для долженствования. Вначале детям приходится отказаться от какой-то радости, зато приобретается совершенно особая радость долженствования.

Если вам удалось открыть детям глаза на факты, в которых ярко раскрывается человеческое долженствование, если эти факты удивили, заставили задуматься, в такие минуты слово вашего поучения доходит до сокровенных уголков детского сердца, падает на благодатную почву и дает сильные всходы.

На узенькой лесной тропинке мы встречаем дедушку. Все тридцать человек освободили тропинку, стояли в густой лесной траве, пока прошел старик. Самый благоприятный момент для того, чтобы рассказать, как понять и почувствовать, когда должен ты и когда должны тебе. Я рассказываю детям рассказы и притчи о том, что радость всегда должна уступать место горю.

7. КАК РЕБЕНОК ДОЛЖЕН ПОНИМАТЬ СВОЙ ДОЛГ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУГИМ ЛЮДЯМ

Если ты будешь делать только то, что хочется, если активность твоя будет побуждаться лишь предчувствием удовольствий, — в жизни у тебя не будет ничего дорогого и святого, душа твоя не постигнет, что такое любовь, преданность, желания твои будут низменными и убогими, а жизнь без благородных человеческих желаний пуста и уныла. Долженствование — единственная школа воспитания возвышающих человека желаний. Каждый человек должен достигнуть той вершины, где он, поступая так, как велит долг, делая возможным то, что кажется с первого взгляда немыслимым и недостижимым, проявляет величие духа. Только в величии духа постигается долг. Только величие духа рождает подлинно человеческую потребность — потребность в дорогом, единственном в мире человеке. Счастье любви, преданности, привязанности — трудное счастье. Оно добывается, постигается только долженствованием и живет в долге.

Может быть, кому-то из читателей эти поучения покажутся слишком трудными для детей. Нет, каждое слово, каждую мысль поймет даже 10-летний ребенок, многое будет понятно и 7-летнему, но только при одном условии: взаимоотношения, через которые все это познается, должны быть проникнуты долженствованием. Когда ребенок находит в жизни дорогого, единственного в мире человека, его сознание становится чутким и восприимчивым к этим истинам. Как глухого не взволнует музыка, так духовно одинокому не постигнуть высоких слов о человеческом долженствовании.

Я вижу важный воспитательный смысл в том, чтобы в годы детства каждый человек пережил привлекательность, красоту стремления человеческого к вершине долга. Идеал заключается в том, чтобы каждый стремился к своей вершине, не утерял тропинки к ней, не прошел мимо нее. Настоящим человека делает сила духа.

Многим поколениям воспитанников я рассказываю быль «Как родился Василько» — о мужественном поступке отца мальчика. Своими рассказами о сильных духом я добиваюсь того, чтобы каждый мой питомец стремился к вершине духовных сил. Для меня подлинное рождение человеческой личности начинается с того, что питомец мой нашел, открыл, приобрел, «добыл» напряжением духа своего единственного в мире человека. Чаще всего таким человеком для моих питомцев становятся мать, отец, дедушка, бабушка, но бывают и чужие люди — старики, слабые, больные, нуждающиеся в помощи.

Для Василька таким человеком стала 3-летняя сестричка Наташа. Мальчик достиг первой вершины напряжения своих духовных сил во имя этой маленькой крошки, ставшей для него дороже всех на свете. К стенке колхозной мельницы — высокого каменного здания – кто-то поставил лестницу. Играя, Наташа залезла по лестнице на черепичную кровлю здания. Влезла, оглянулась и закричала от страха. Дома в это время не было ни отца, ни матери. Увидев из окна сестричку, ухватившуюся за черепицу, Василько бросился по лестнице на крышу. Через несколько мгновений он был рядом с Наташей. Но слезть вместе с сестричкой он не мог. Долго сидел мальчик с Наташей на крыше, поддерживая ее в прямом и переносном смысле, пока не пришел отец.

Как важно, чтобы каждый уже в раннем детстве пережил это счастье — счастье приобретения дорогого человека. Детское величие духа — это та ступенька воспитанности, достигнув которой человек начинает понимать свой долг. Мудрость и искусство воспитания в том, чтобы каждого поднять на эту ступеньку.

Для воспитания духовной стойкости, выносливости, несгибаемости особенно важны труд, зимние походы, военные игры. Десятилетний ребенок может пройти в морозный день несколько километров. В походе и во время военной игры дети с большим воодушевлением сооружают снежные крепости, ледяные укрепления — всё это требует большого напряжения и выносливости. Поистине волшебное влияние на духовные силы ребенка оказывают взаимоотношения в коллективе. Коллектив — самый могучий побудитель самовоспитания личности. Коллективное презрение к тщедушию, безволию, слабости, хныканью пробуждает здоровые силы души каждого отдельного человека. Но коллективная оценка духовных сил становится возможной лишь тогда, когда коллектив преодолевает трудности.

Воспитание силы духа и презрения к тщедушию неотделимо от воспитания доброты, чуткости, сердечной тонкости и нежности. В способности быть добрым, чутким, великодушным проявляется подлинная духовная сила. Только добрый и великодушный может быть сильным. Не жалей себя, но умей жалеть других, «жалеть тех, кто несчастен» (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1913. Т. 14. С. 38).

8. В КАКИХ ПОСТУПКАХ ДОЛЖНО ПРОЯВЛЯТЬСЯ ЧУВСТВО ДОЛГА

В нашем обществе на практике осуществляется принцип: высшая ценность — Человек. Социализм дает право каждому человеку на утверждение и активное выражение личности, на творческий труд, богатую и неприкосновенную духовную жизнь, счастье, свободу, радости бытия, любовь, продолжение рода, семейные очаг. Но эти права немыслимы без долга и конкретных обязанностей — обязанностей гражданина, труженика, культурной личности, сына или дочери, отца или матери. Тот, кто думает прожить счастливо без долга, в конце концов становится человеком, достойным осуждения или сожаления. Гармония права и долга, личного счастья и труда во имя счастья и блага других людей — это нравственный идеал социалистического общества. Только при этой гармонии человек может быть поистине счастливым.

Корень духовного благородства человека — это убеждение в том, что за право на личное счастье надо платить — платить прежде всего трудом, усилиями, напряжением духовных сил, заботой об общем благе. В годы детства человек на собственном опыте должен убедиться в том, что, если он будет только потребителем материальных и духовных благ, вскоре станет духовно нищим.

С каждым поколением школьников, готовящихся стать пионерами, мы совершаем поход в один заброшенный степной уголок. На склонах балки дети видят чахлый кустарник, за кустарником — несколько дубов, дальше — поле; балка переходит в выжженную солнцем пустошь, вдали — село. Вот здесь, на месте этой пустоши, много лет назад был глубокий пруд, в нем водились карпы и караси, по берегам пруда росли вербы, можно было из села выплыть на челноке и приплыть к этим тенистым дубам, их здесь было много. В лесу водились белки. Что же произошло, почему исчез пруд?

Это старинное казацкое село. Говорят, выкопали этот пруд запорожцы после победы под Желтыми Водами. И поселились на берегу. Но заметили, что пруд заносит илом. Сошлись селяне на сходку и решили: каждый, кто выкупался в пруду или просто пришел на берег полюбоваться красотой, должен набрать ведро ила и вынести за склон балки, высыпать в поле. Там сейчас очень плодородная земля: толстый слой ила. Люди придерживались этого порядка. У берега на вербовых кольях висели деревянные ведра. Для взрослых мужчин — большие, как половина нынешней бочки. Для детей — маленькие. Только тот, кого матери приносили на руках, не платил трудом за радость и удовольствие. Пруд с каждым годом становился чище и глубже. Но вот приехала в село неизвестно откуда семья — отец, мать, четверо сыновей и две дочери. Поселилась семья на околице рядом с прудом. И взрослые, и дети из этой семьи с весны до осени купались в пруду, а за ведра не брались. Поначалу люди как-то и внимания особенного не обратили на это. Но потом стали замечать, что многие подростки делают так же: купаются, но ила не выносят. Старики стали увещевать молодежь: что же вы делаете? А подростки отвечают: раз Неприкаянным можно (так называли неизвестно откуда приехавшую семью), то и нам можно. Пример оказался заразительным. Многие стали приходить купаться после сумерек,

чтобы никто не видел... Старики качали головами, но ничего не могли сделать. Деревянные ведра, висевшие на вербовых кольях, рассохлись, а потом и совсем исчезли. Старый обычай был забыт. Каждому думалось: на мой век пруда хватит... А пруд мелел, превращался в болото, зарастал бурьяном; исчезли карпы и караси. Наступило время, когда вода стала сохраняться в пруду только весной, а потом и весной не сохранялась. Пруд исчез. Надо было копать заново, но каждый думал: разве мне больше всех нужно? До сих пор жители этого села страдают от безводья. Колодцы очень глубокие, воды очень мало. Летом привозят воду в бочках из Днепра... Ходят друг к другу с ведром: дайте, пожалуйста, воды на суп...

Нет ничего страшнее эгоизма, нет гибельнее оправдания собственной лени: а разве мне больше всех надо? Моя хата с краю... Корни эгоизма живут в сознании человеческом столетиями.

Социализм — это источник человеческого счастья, он открыт перед каждым, но нельзя допустить, чтобы каждый стремился взять из источника как можно больше, забывая о родниках, не очищая их от ила. Всеобщее благо — о нем должен думать каждый человек. В заботе о всеобщем благе проявляется подлинная гражданственность. Всеобщее благо нельзя представить себе как сооружение из кирпичей, где каждый кирпич — счастье отдельно взятого семейного очага. Такое сооружение не может быть прочным. Счастье общества не строится механическим сложением индивидуального благополучия каждой семьи. Я стремлюсь к тому, чтобы дети поняли, что может произойти с глубоким прудом, если каждый будет думать: на мой век хватит... Тревога, забота личности об истоках общего блага, о зависимости личного счастья от счастья общества — это цемент, скрепляющий кирпичи индивидуального блага в прочное здание всеобщего счастья. В годы детства, отрочества, ранней юности человек должен своими руками открывать родники общего счастья и блага, оберегать их. Я считаю исключительно важным, чтобы уже в детстве началась оплата благ, радостей, счастья, которые дает общество. Общественное должно стать для ребенка личным (нельзя говорить: дороже личного).

Бесплодный, выжженный солнцем склон, обращенный к югу. Я рассказываю детям: здесь можно создать виноградник. Это будет красивый, цветущий уголок и полезное дело. Мы создадим Виноградник для Людей. Будем дарить солнечные ягоды больным. Наш труд принесет людям радость.

Мы начинаем нелегкий труд. Копаем ямы, носим плодородный ил, уничтожаем сорняки. Нас одухотворяет мечта о радости для людей. В нашем представлении уже наливаются животворными соками солнечные гроздья. Забота об осуществлении мечты становится личным интересом каждого ребенка. Виноградник так же дорог, как дороги кукла, огнегривый конь... Вот как раз с того момента, когда общественное становится личным, человек начинает платить за право брать и из этого источника, над истинной ценой которого он бы никогда не задумался, если бы не увидел уже в детстве плоды собственного труда для общества. Когда после нескольких лет нашего труда унылый склон превратился в виноградник и мы понесли гроздья старой матери трех сыновей, погибших на фронте, дети пережили ни с чем не сравнимую радость. Дайте эту радость каждому ребенку — и он поймет, откуда что берется, как надо благодарить общество за то, что оно дает.

9. ВЫСШАЯ РАДОСТЬ — РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Высшей человеческой радостью является рождение человека. Знай, что твое появление на свет было большой радостью для матери и отца, и каждый год, когда приходит день твоего Рождения, они с волнением вспоминают, какими были они, когда родился ты, каким был твой первый крик, какое ты первое слово произнес. Каждый пришедший в мир не только продолжение рода человеческого, но и ни с чем не сравнимое богатство, несущее в себе источник славы, величия, могущества Родины. Рождение человека — это будущее народа, радость отца и матери.

От того, как относится ребенок к самому факту рождения новой жизни, к беременной женщине и особенно к своей матери, готовящейся стать роженицей и снова матерью, зависит душевная чистота, нравственная порядочность, моральное целомудрие отношений в детской среде. Формируя благородное отношение к рождению человека, мы воспитываем будущего отца и будущую мать.

Есть на Украине села, где рождение нового человека отмечается как общий праздник, и в воспитании такого отношения к этому событию активную роль играет школа. Я советую рассказать подросткам, юношам и девушкам о событии, которое произошло в одном маленьком селе на берегу Днепра и вошло в мою «Хрестоматию» под названием «Почему умолк трактор».

В хорошей семье у ребенка развита потребность в духовном общении с братом, сестрой. В семье с одним ребенком значительно обедняются условия для гармонического воспитания чувств. Забота о другом человеке начинается с заботы о братике, сестричке. Чувство кровного родства является благоприятной почвой для воспитания и развития отзывчивости, участливости, сердечности, а для старшей сестренки — это и первая школа материнских забот. Для мальчика и особенно для девочки появление в семье маленького ребенка, даже ожидание рождения нового человека, означает своеобразную ступень их нравственного развития. Если семья ждет нового человека, мы рассматриваем это как ни с чем не сравнимые, очень благоприятные условия, способствующие развитию нравственной свободы. С ожидания рождения нового человека в духовной жизни мальчика или девочки начинается период особенно активного выражения своей подлинно человеческой сущности. В индивидуальных беседах и консультациях мы советуем родителям: если вы хотите, чтобы в семье сложились отношения долженствования и любви, уважения и ответственности, будьте матерью и отцом детей, а не дитяти; пусть у каждого вашего ребенка будут братья или сестры, по крайней мере один брат или сестра.

Наиболее счастливо обстоятельства складываются тогда, когда интервал между рождением старшего и младшего ребенка — от 3—4 до 5—6 лет. Рождение новой жизни оставляет в душе ребенка особенно сильное, неизгладимое впечатление тогда, когда он еще не взрослый и не подросток, но уже достаточно развит умственно и эмоционально, для того чтобы понять и почувствовать, хотя бы в общих чертах, смысл человеческих отношений, в которые он вступает в связи с появ-

лением на свет родного существа. Появление на свет младшего брата или сестры создает наиболее благоприятные условия для развития нравственной свободы в семье, для гармонического развития и младшего, и старшего, и родителей, когда старший еще не может объяснить тайну рождения и поэтому переживает чувство восторга, изумления, благоговения и перед самим таинством рождения жизни, и перед матерью.

И в беседах с маленькими детьми, и в советах матерям и отцам по этим очень тонким вопросам (советы эти возможны лишь в условиях полного взаимного доверия и многолетней работы, которая ведется с семьей) мы придерживаемся того, чтобы старший брат или сестра готовились к появлению нового человека как к великому торжеству жизни и сами переживали это событие как нравственное обновление, возвышение, чтобы они чувствовали: передо мной теперь будут новые обязанности, я теперь уже не только сын, но и брат. Если школа поможет родителям, подскажет, что можно и чего не надо говорить ребенку, как отвечать на его вопросы, — это событие войдет в его духовную жизнь как акт великой нравственной чистоты; не будет прикосновений к неприкосновенному, сохранится романтический ореол тайны рождения и материнства.

Родителей и учителей часто волнует вопрос: как объяснять детям тайну их рождения? Одни считают, что надо говорить об аисте, другие уверены, что будет лучше, если ребенку рассказать всю или почти всю правду, третьи находят наиболее целесообразным ответ: ты еще маленький, подрастешь — узнаешь. Все-таки вариант с аистом в нравственном отношении наиболее подходящий, потому что это художественный образ, в котором выражается народная мудрость и поэзия, заботливое отношение к сокровенному в нашем бытии и к чуткой душе ребенка. Расскажите ребенку сказку о прекрасном, добром Аисте, и он поймет ее именно как сказку, поверит в нее так, как верят в сказку дети. В сокровенном и неприкосновенном должны быть недомолвки — иначе человек просто перестанет быть человеком, должно быть поэтическое мышление — иначе мы опустимся до грубости и примитивизма. Тот, кто с появлением в семье нового существа обретает волнующее чувство братства, пусть находит удовлетворение своей любознательности в чистой романтической сказке — в этом нет никакой опасности, наоборот, только таким путем можно воспитать целомудрие. Специально для маленьких детей — дошкольников и младших школьников — я придумал сказку о рождении человека.

Вот эта сказка.

«Ты спрашиваешь, Оленька, где взялся твой братик, откуда он пришел к вам, почему твоя мама стала и его мамой, ты стала его сестрой, а он стал твоим братом? Слушайте, дети, я расскажу вам самую правдивую в мире сказку. Смотрите, алеет небо на востоке. Скоро взойдет Солнце. Там, далеко-далеко, где Солнышко ночью отдыхает, у него есть прекрасное Маковое Поле. Вот сейчас Солнце приближается к своему Маковому Полю. Алые Маки цветут там вечно, в долине журчит прозрачный ручей. Каждой матери, и твоей маме, Оленька, Солнышко дарит на своем Поле Маковый Куст. Когда Матери хочется сына или дочь, она мечтает: какое у меня будет дитя? И вот, как она и мечтала, под Маковым Кустом и рождаются сын или дочь. Рождается новый человек — из материнской мечты и из золотых лучей Солнца. Лежит маленькое дитя на алых маковых лепестках, протягивает ручки, улыбается — ему хочется к груди материнской. В эту минуту на

маковое поле прилетает Аист — птица с серебряными крыльями и изумрудными глазами. Берет Аист дитя и приносит матери. Это ее родное дитя, она взлелеяла его в своей мечте; Солнышко создало тебя, Оленька, такой, как маме твоей мечталось. А птица чудесная — Аист с серебряными крыльями летит снова к Маковому Полю, потому что много в мире матерей, и у каждой своя мечта...

От материнской и отцовской мудрости зависит поддерживать в ребенке бережливое, заботливое, восторженное отношение к новой жизни — даже тогда, когда она еще и не появилась.

10. КРАСОТА — МОГУЧЕЕ СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ЧУТКОСТИ

В годы детства и отрочества умей проявить душевное мужество и доблесть — вложи свои духовные силы в человека, который тебе, казалось бы, чужой. Пусть неспокойным будет твое сердце оттого, что рядом с тобой человек лишен счастья или же явно страдает. В жизни бывает не так часто, чтобы горе кричало, заявляя о себе. Умей услышать и почувствовать молчаливое горе — оно особенно безысходное.

Самым могучим средством воспитания чуткости является красота. Красота — это вершина, с которой ты можешь увидеть то, что без понимания и чувствования прекрасного, без восторга и одухотворенности никогда не увидишь. Красота — это яркий свет, озаряющий мир, при этом свете тебе открывается истина, правда, добро; озаренный этим светом, ты испытываешь приверженность и непримиримость. Красота учит распознавать зло и бороться с ним. Я бы назвал красоту гимнастикой души — она выпрямляет наш дух, нашу совесть, наши чувства и убеждения. Красота — это зеркало, в котором ты видишь сам себя и в соответствии с этим относишься сам к себе.

В понимании и чувствовании красоты — могучий источник самовоспитания.

Чувствование и переживание красоты, стремление к прекрасному, нетерпимость к уродливому — все это требует развитого, тонкого, чуткого ума. Только слияние умного и красивого дает высоконравственное; без идей красота не может открыть перед человеком величие жизни и его собственное человеческое величие. Красота лишь тогда облагораживает и возвышает, когда она сливается с правдой, человечностью, непримиримостью к злу. Каждому поколению детей, духовное развитие которых уже позволяет раскрывать перед ними сущность высоконравственного и аморального, я рассказываю о событиях, происходивших на нашей земле в годы фашистской оккупации. Офицер-гестаповец, целую ночь истязавший в застенке советских людей, придя домой ранним утром, любил наблюдать восход солнца, любовался красотой нового дня, а потом шел в сад, поливал розы... Такое отношение к красоте пробуждает в детских сердцах ужас, омерзение и ненависть. Дети убеждаются, что нет красоты вообще и восторженности вообще, есть реальный человеческий мир благородства, противостоящего злу и человеконенавистничеству, и только в этом мире красота — могучий воспитатель. Мы живем в этом мире, он воздействует на наши сердца ежеминутно, только благодаря этому этические поуче-

ния о красоте имеют реальную силу и без красоты невозможно полноценное воспитание. Сила красоты реальна в социалистическом обществе лишь потому, что есть солнце правды — самые справедливые в мире человеческие отношения.

Я считаю очень важным учить маленького человека видеть красоту и в то же время думать о красоте и человеческом благородстве. Мысль, понимание, размышления играют исключительную роль в оттачивании чувств. Мы с детьми идем встречать рассвет на берегу пруда, и здесь я рассказываю им сказку «Вол и Синичка».

У меня есть целый сборник сказок для маленьких детей о красоте. Самое главное в этих сказках — побуждение к размышлениям о прекрасном, становление взглядов и убеждений на красоту природы, человека, его поступков. Сказка «Вол и Синичка» заставляет детей задуматься о том, что красота открывается только мудрому и думающему.

Есть у нас сказка о Первом Одуванчике. В ней рассказывается о том, как среди зеленой травы вспыхнул яркий, как солнышко, цветок одуванчика. Все зеленые былинки обратили на него внимание: что это такое, откуда такая изумительная красота? Одуванчик возгордился: я самый красивый, я единственный в мире. Но вот вспыхнули десятки, сотни других ярких солнышек, и о Первом Одуванчике забыли: травинки любовались теми цветочками, которые цвели вблизи. Слушая и переживая эту сказку, дети задумываются над тем, что подлинная красота неотделима от скромности и достоинства.

С детскими представлениями о красивом надо быть очень вдумчивым и осторожным. Пожалуй, нигде поверхностность не приносит столько вреда, как во время беседы о красоте. Неосторожным словом можно принести большой вред.

Красота как бы открывает глаза на мир. Плохое, уродливое, незаметное в течение длительного времени в свете красоты становится вдруг нетерпимым. Одна из закономерностей воспитания — зло и уродство пусть вытесняются красотой. Поставьте на стол среди класса красивую веточку цветущей вербы — и дети заметят в углу паутинку. Посадите у входа в школу вечнозеленую ель — и у каждого вашего питомца, проходящего мимо ели, каждый раз из глубины души будет подниматься смутное желание сделать что-то хорошее — помогите ему осмыслить это желание! Вообще надо нам зорко следить за рождением в юных сердцах неосмысленных побуждений и, лелея и развивая эти тонкие движения души, превращать их в стремления. Красота помогает этому превращению. Неясная, неосознанная мысль становится голосом совести.

Красота несовместима с нерадивостью, бездельем, пустопорожним времяпрепровождением. Этика школьного воспитания заключается в том, чтобы познание, постижение красоты пробуждало беспокойство, тревогу, стремление сделать окружающее лучше, чем оно есть. Мысли о красивом должны пробуждать у ребенка чувство неуютности, неустроенности в той среде, где есть что-то от равнодушия, нерадивости, безразличия. С раннего детства мы приучаем детей к тому, что в классной комнате, где стол не накрыт красивой скатертью, на полу — пыль, а где-то в углу — паутина, немыслим умственный труд.

Чувствование красоты природы, активное творение прекрасного я бы назвал драгоценными упражнениями юной души, необходимыми

для того, чтобы человек стремился видеть красоту человека и его души, стремился утвердить прекрасное в самом себе, презирал тщедушие, малодушие, слабоволие.

11. ЧТО ТАКОЕ ГОРЕ И КАК УЧИТЬ ДЕТЕЙ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ЕГО

Кроме счастья в жизни человеческой есть горе, беда, страдание, отчаяние, смятение, боль души. Счастье как солнце — одинаково светит счастливым; несчастье же как тень: оно многолико и у каждого несчастного глубоко неповторимо. Самое страшное человеческое горе в нашем мире — это война и смерть. За ними идут еще два горя: 1) изменник, запятнавший род свой изменой Отечеству, великим святыням Родины, идеалам нашего строя и советского народа; 2) неблагородный, бессердечный отец, предавший своих детей, и неблагодарный, бессердечный сын, предавший свою мать и своего отца.

Среди бед человеческих самая большая — это потерять мужество, стать мелким, трусливым, жалким существом. Если ты потерял мужество, ты можешь потерять всё: честь, уважение, доверие; вековечную связь свою с родом, из которого ты вышел и который дал тебе фамилию, имя, отчество; ты можешь потерять и Отечество, потому что от трусости до измены — один шаг. Дорожить мужеством надо так же стойко и мудро, как и честью, достоинством гражданина, отца, сына.

Огромной бедой является одиночество. Бойся остаться один, бойся того, чтобы от тебя отвернулись люди, окружили тебя презрением и предали забвению. Духовная связь с людьми, чувство соучастия в делах и страстях человеческих, одухотворение радостями людскими и страдание бедами ближних и далеких своих соотечественников — это такое же счастье, как чистый воздух; понимает человек это счастье лучше всего тогда, когда он лишился его. Мудрость же воспитания заключается в том, чтобы человек дорожил этим счастьем тем больше, чем в большей мере он им обладает, и как смрадной темницы боялся одиночества.

Страшной бедой человеческой является пустота души. Это значит, что у человека нет ничего святого за душой, ничем он не дорожит и ни перед чем не преклоняется; ничего нет в жизни, во имя чего он готов был бы отдать свою жизнь — пойти под пули и положить голову на плаху, отказаться от всех благ, пойти на лишения. Человек лишь тогда по-настоящему дорожит жизнью, когда у него есть нечто неизмеримо дороже собственной жизни, нечто такое, во имя чего, одухотворенный ненавистью и непримиримостью к силе, противостоящей его идеалу, он готов пойти на смерть во имя идеала.

В том, как человек относится к горю, беде, страданию, отчаянию, смятению, боли души собственной и других людей, выражается его идейная сердцевина, его отношение к добру и злу, к идеалу. Нам, воспитателям, надо воспитать в питомцах глубокое понимание и чувствование того, что горе и беды бывают разные. Одно горе возвышает и закаляет человека, другое унижает и позорит; одно горе несут с вы-

соко поднятой головой, другого стыдятся. Я вижу свой воспитательный идеал в том, чтобы возвышающее и благородное горе человек встречал и переносил стойко и мужественно; к унижающему же и позорному горю, к бедам, которые опустошают человека, я утверждаю непримиримость, нетерпимость; такого горя, таких бед в нашей жизни не должно быть.

Война — это всенародное горе, всенародное бедствие; ничего, кроме проклятия и ненависти, убийство человека человеком в душе человеческой вызвать не может. Но мы живем в таком мире, где каждый наш гражданин должен быть готов к войне — готов физически и — что исключительно важно — готов духовно, нравственно. Одну из задач коммунистической этики я вижу в том, чтобы питомец, которого я воспитываю, — человек с добрым, нежным, чутким, благородным сердцем и возвышенными чувствами, — был готов убить, уничтожить врага, посмевшего посягнуть на наши священные границы, на мирный труд и спокойную, миролюбивую жизнь нашего народа. Это ни в коем случае не значит, что мы должны с детства учить убивать, воспитывая в юной душе жестокость. Дело обстоит сложнее и тоньше.

Духовная готовность к мужественной встрече с жестоким и неумолимым врагом требует от нашего питомца мужества, стойкости, доброты, чуткости, сердечности, а не жестокости и неумолимости. Жестокий всегда трус, добрый и сердечный храбр, великодушен, мужествен.

В годы Великой Отечественной войны на поле боя мне выпало счастье увидеть поступок, в котором, на мой взгляд, ярко выразился идеал нашего воспитания, идеал человеческого отношения к горю и радости, жизни и смерти. Наши солдаты гнали фашистов с родной земли. Враг жестоко сопротивлялся. Мы наступали через лес. На нашем пути рвались фашистские мины и снаряды. Под кудрявой березой стоял молодой советский солдат, юноша лет восемнадцати, Николай Поливанов из Сибири. Он приложил ручной пулемет к березе и стрелял по врагу. На березе жила маленькая птичка, рядом с пулеметом вздрагивало ее гнездышко, она притаилась рядом с гнездышком, смотрела своими глазами-бусинками то на солдата, то на птенцов, выглядывавших из гнезда. Где-то вблизи разорвалась мина. Осколком отбило ветку на мягкую прошлогоднюю листву. Взлетела птичка, запищала тревожно, кружится над птенцами, а они, маленькие, открыли клювы и жалобно-жалобно пищат. Враг отступал, но бой был рядом, за холмиком. Николай Поливанов снял с дерева ручной пулемет, поставил его к стволу березы. Подошел к птенцам, осторожно поднял ветку. Отделив гнездышко от ветки, прикрепил к другой веточке на березе. Вынул из вещевого мешка тоненькую веревочку, привязал гнездо — чтобы не свалилось, да еще и замаскировал, чтобы птичка не заметила веревочки. «Знаю я эту птичку... Заметит, что человек похозяйничал в гнезде, может и от птенцов отказаться», — сказал Николай, улыбаясь. Когда солдат с пулеметом пошел туда, где гремел бой, птичка, посидев у гнездышка, прыгнула к питомцам. «Не отказалась...» — сказал юноша, оглянувшись на мгновение. В тот же день в рукопашном бою Николай кинжалом убил фашистского офицера. А вечером, когда выпал час затишья, он рассказывал о птицах своей родной Сибири, и в глазах его светилась нежность.

Постижение этого учит детей быть мужественными. На долю многих детей выпало горе, которое они имели право нести с высоко поднятой головой: их отцы погибли на фронте. Я никогда не забуду благородную нравственную атмосферу жизни коллективов тех лет. Но именно тогда дети считали позором слезы и слезливость.

Это было в 1948 г. Я читал детям рассказ. В нем речь шла о том, как у одной маленькой девочки был добрый, ласковый отец. Придя с работы, он брал ее на руки, нес к столу. Они садились за стол, и отец на большом листе бумаги рисовал сказочную птицу. А потом отец ушел на фронт и погиб в бою. В классе у меня была маленькая девочка Зоя. Дочитывая рассказ, я заметил: Зоя плачет. В одно мгновение мое сознание озарила догадка: Зоя вспомнила своего отца. У нее он тоже был добрый, ласковый. Тоже рисовал ей — не птицу, а белочку, коня... И сейчас эти рисунки бережно хранятся в семье. «Почему ты плачешь, Зоя?» — спросила Маша, соседка по парте. Зоя вздохнула, как будто бы пробудившись от сна, и тихо прошептала: «У меня пальчик на ноге замерз...» Ей хотелось быть мужественной.

Нельзя забывать и о такой важной стороне этического воспитания: дети, подростки, юноши, девушки должны понимать и чувствовать сердцем, какое страшное горе обрушивается на семью, если сын, брат, отец запятнал честь своего рода, честь фамилии, предков изменой Родине. Семена презрения к измене надо закладывать в том чутком возрасте, когда каждую грань человеческого духа создает глубоко личное отношение к самому себе. Я тысячу раз убеждался, что строгая нравственная требовательность и взыскательность к себе утверждаются в юном сердце лишь тогда, когда уже в раннем детстве человек умеет пережить и осмыслить презрение, отвращение к мерзостям.

Много лет я наблюдаю, какой след в душе маленьких питомцев оставляет мой рассказ о трусе — изменнике Родины. Этот рассказ называется «Вечный скиталец». В нем говорится о молодом солдате, который позорно бежал с поля боя. Этот рассказ, в котором правда переплетается с легендой, запоминается на всю жизнь; люди, окончившие школу десять, двадцать лет назад, помнят его не просто как интересную быль, а как завещание матерей, как строгий наказ быть верными патриотами своей Родины.

Меня радует, что питомцы мои ненавидят ложь, малодушие, трусость. Я вижу исключительно важную воспитательную задачу в том, чтобы у каждого мальчика, у каждой девочки с малых лет развивалась такая тонкая и сильная нравственная черта, как преданность человеку — любимому, дорогому, единственному в мире. Только тот, у кого есть эта преданность с детства, станет верным мужем и преданным, любящим отцом. Множество бед нашего общества уходит своими корнями в сферу семейной жизни. Становится страшно, когда видишь маленького ребенка, только что осознавшего свое бытие и уже искалеченного: маленький, только что пришедший в мир человек с горечью осознал, что он никому не нужен, что самый факт его рождения, появления на свет — досадное недоразумение. Вот почему предательство в человеческих взаимоотношениях я считаю большим горем — горем детства, горем нашего общества. Этого горя не должно быть. Способность любить и быть верным человеку, способность утвердить в своем сердце судьбу единственного в мире человека — это человеческие качества, которые также важны для устоев нашего общества, нашего строя, как и верность Отечеству. Прикосновение к тончайшим уголкам человеческих сердец убедило меня в том, что человек, не умеющий утвердить в своем сердце единственного человека, с которым он соединяет судьбу, чтобы творить его (потому что любить — это начинать длительный, на всю жизнь процесс творения того, кто стал люби-

мым), — этот человек остается на всю жизнь одиноким, и одиночество его — в этом беда — приносит страдания другим людям, калечит, ломает чужую жизнь. Самый верный путь навсегда оградить от одиночества — это научить соучастию души и мысли в судьбе ближнего. Чем беспокойнее, тревожнее на душе у человека в годы его детства и отрочества, тем спокойнее на душе будет у тех, кому судьбой определено быть с ним рядом всю жизнь.

Я стремлюсь к тому, чтобы каждый мой питомец в годы детства пережил роскошь, прелесть, очарование огромного нравственного приобретения — соучастия в облегчении беды, несчастья, страдания другого человека. С первого же дня школьного воспитания я учу детей, вкладывая свои душевные силы в другого человека, видеть в нем себя, свои тревоги, заботы, волнения. Воспитание тонкого чувствования духовной связи с людьми требует уроков, которые бы убеждали ребенка, что отнестись к человеку равнодушно — это большой позор, что душевное соучастие требует труда, хлопот, беспокойства, нередко отказа от некоторых благ и ограничения желаний. Душевное соучастие в судьбах других людей — это большая школа дисциплинирования желаний; тонко развитую способность к соучастию, воспитанную в детстве, я бы назвал зеркалом, в котором человек видит себя, окошком, через которое он заглядывает в свою душу.

Мы собираемся в интересный поход по родному краю; к нему мы готовились много дней, он обещает нам много радостей и удовольствий. Уже всё подготовлено, и вдруг — несчастье. У Гали, нашей одноклассницы, тяжело заболел отец, его отправили в больницу. Что делать? Можно оградить детей от чужой беды; радости и волнения похода вытеснят из их сознания мысли о Гале. Но это означало бы «наморозить» на детских сердцах слой льда. Нет, этого нельзя делать. Я объясняю детям, что переживает Галя, какая беда в ее семье, что она будет думать, если мы уйдем в поход. Детям трудно отказаться от своего желания, но они понимают, что их радость дорого обойдется их подруге. Они убеждаются, что есть в мире и такая жизнь: закрыть глаза на чужую беду и делать то, что приятно, выгодно тебе, но эта жизнь недостойна человека, позорна. Если бы я только позволил своим питомцам в данном случае пойти по такому пути, я заронил бы в каждую душу семена большой беды — одиночества. Я же даю им другой урок — урок душевной щедрости, дисциплины желаний, человеческого соучастия.

Нет лучше школы эгоизма, чем всем коллективом повернуться спиной к горю одного товарища. И наоборот, коллективное соучастие ограждает от одиночества и того, кто ограничивает свои желания, и того, кто нуждается в соучастии.

Особая сфера воспитательной работы — это ограждение и охранение детей, подростков и юношества от одной из самых больших бед — пустоты души, бездумности. Вера в святыни, вера в идеалы — это один из самых тонких и глубоких корней духовной стойкости, мужества, непоколебимости, полноты жизни, подлинного счастья. Настоящий человек начинается там, где есть святость души. Через всё, что делается, думается, переживается, красной нитью должна проходить идея: в мире есть нечто неизмеримо дороже моей и твоей жизни — жизнь Отечества, моего и твоего личного блага — благо Отечества, я и ты можем быть счастливы лишь тогда, когда счастливо Отечество. Невозможно допустить, чтобы вся духовная жизнь школы не была глубоко проникнута взволнованным познанием тернистого пути нашего народа

к счастью, чтобы пульс духовной жизни школы и каждой человеческой личности, которую мы воспитываем, не отражал забот, тревог, волнений Отечества. Один из самых сложных секретов воспитания заключается в том, чтобы мысли о всенародном стали для человека как можно раньше глубоко личной заботой и тревогой. Я вижу искусство и мастерство воспитания в том, чтобы маленький человек жил в мире больших идей и благодаря этому постигал свое величие и в самом деле становился великим. В сущности все то, что в практике называется идейным воспитанием, и есть жизнь человека в мире идей.

Но как же сделать жизнь в мире идей этической практикой?

Приближаемся к самому тонкому и, можно сказать, трудно уловимому. Истина воспитывает лишь тогда, когда есть отношение к истине. Знания перестают воспитывать, как только они освобождаются от накала человеческих страстей и перестают нести дух борьбы. Воспитатель, бойся холодных, «сообщающих» истин. Знания, заключающие в себе прошлое, современное и будущее Отечества, должны быть наполнены трепетом личных чувств и переживаний человека, лишь при этом условии камни истории оживают и становятся могучими великанами, сражающимися рядом с нами, живыми строителями коммунизма. Познание судеб Отечества всегда должно быть размышлениями, раздумьями об истине, и в этих размышлениях определенное место должна занимать собственная судьба того, кто познает. Только в таком случае мысль становится собственной позицией человека, он сочувствует и презирает, любит и ненавидит; дорогами и тропинками истории он проходит к собственному дому, к личной судьбе, это и есть жизнь в мире идей. По крупинке, по капельке в духовном мире человека складывается его святое и незыблемое, безгранично дорогое, ни с чем не сопоставимое и не сравнимое — судьба Родины. Надо тысячи раз переболеть душой, перестрадать за то, что происходило и происходит на нашей земле, за то, что создал наш народ, прежде чем Отечество станет неизмеримо дороже собственной жизни. Не потому, что человек ни во что не ставит собственную жизнь, а потому, что, только связывая мысленно свою личную судьбу с судьбами Отечества, он познает свое величие. Только человек, лично заинтересованный в судьбах Родины, по-настоящему раскрывается как личность, по-настоящему дорожит своей честью, гордостью, достоинством семьи, своего рода, имени.

Вся эта тонкая, повседневная, кажущаяся незаметной воспитательная работа и есть творение богатства и полноты юной души: предотвращение пустоты душевной.

12. ПОНИМАНИЕ ГОРЯ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА РАЗВИВАЕТ НРАВСТВЕННУЮ ЗОРКОСТЬ

Умей чувствовать рядом с собой человека, умей понимать его душу, видеть в его глазах сложный духовный мир — радость, горе, беду, несчастье. Думай и чувствуй, как твои поступки могут отразиться на душевном состоянии другого человека. Не причиняй своими поступками, своим поведением боли, оскорбления, беспокойства, тяжелых переживаний другим людям. Умей поддержать, помочь, подбодрить человека,

у которого горе. Помни, что такое же горе может прийти и к тебе. Не будь равнодушным. Равнодушие — одеревенение и окостенение сердца. Равнодушный — это душевно слепой человек. Есть в этике понятие: хамство. Это один из пороков человека, дремуче невежественного в нравственном отношении. Хам не понимает и не чувствует душевного состояния человека; он способен посыпать солью раны на сердце другого, тащить тяжелую дубинку туда, где необходимо тонкое прикосновение ласковой руки; громко стучать грязными сапогами там, где нужно затаить дыхание; ломиться в дверь, когда надо тихонько и незаметно отойти на цыпочках от этой двери; смеяться, когда всем грустно. Умей воспитать себя так, чтобы не только сам не был дремучим невеждой в нравственных отношениях, но и ненавидел невежество, хамство.

О горе человеческом в этой книге речь будет идти еще не раз, потому что чувствование и понимание горя своего ближнего развивает нравственную зоркость, благородство, человечность. Горя в жизни будет вообще значительно меньше, если все мы будем уметь видеть его в глазах, в тончайших, незаметных с первого взгляда движениях рук, в том, как человек идет, как дышит, как смотрит на мир.

С радостным трепетом я вспоминаю один свой классный коллектив, с которым я шел по жизни десять лет, мы вместе ходили в поле, на луг, животноводческую ферму не только что-нибудь сделать, но и всматриваться в человека, — мы учились читать душу, видеть горе, страдания, чтобы потом помогать людям. Вот несколько женщин стоят, беседуют. Детям бросилось в глаза, как одна их них (потом мы узнали ее имя — тетя Елена) сложила руки на груди, смотрит куда-то вдаль... «Она видит что-то такое, что другие не видят, — тихо сказала Оля, синеглазая девочка. — У нее что-то нелегкое на сердце...» Потом мы узнали, что эта женщина пережила много горя. У нее погибли на фронте один за другим муж, сын, брат. Маленькая дочь тяжело заболела и лежала несколько месяцев прикованная к постели. Через несколько лет после войны возвратился из госпиталя муж сестры — без ног... Мы подружились с тетей Еленой, она привязалась к детям, ждала их. Я заботился тогда о том, чтобы в нашей сердечной участливости не было ни малейшей черточки бестактности. Чем ближе принимали дети к сердцу радости и горести других людей, тем зорче становился их взгляд, тем тоньше они чувствовали душу человека, который впервые им встретился. Однажды мальчики и девочки прибежали ко мне и с тревогой сообщили, что на лавочке у школы сидит дедусь, в глазах у него такая скорбь, такое отчаяние, что страшно уходить от него. Дети познакомились со стариком, оказалось, что у него большое горе — в больнице умирает жена...

Я с радостью и гордостью говорю, что дети мои научились понимать и чувствовать тончайшие оттенки переживаний и близких, и незнакомых людей. У нас в классе учились две сестры — близнецы Вера и Надежда. Они до того были похожи, что учителя не могли различить их. Сходство разительное было не только в чертах лица, обе были прекрасными математиками, у обеих был абсолютно одинаковый почерк. Не было такого случая, чтобы кто-нибудь из них не выучил урок или не выполнил домашнего задания. Если что-нибудь не понятно, то не понятно было обеим девушкам. Учителей тревожил вопрос: когда же, наконец, начнет проявляться индивидуальность девушек и вообще проявится ли она когда-нибудь? Не различали сестер и одноклассники.

В девятом классе, когда девушкам исполнилось шестнадцать лет, Вера влюбилась. Влюбилась в юношу, который окончил школу и ушел в армию. Он служил на границе. Все знали об этой любви, надеялись, что светлое чувство наложит какой-то отпечаток на облик Веры и ее легче будет отличить от Надежды. Но любовь не изменила ни одной черточки. Все знали, что юноша писал Вере хорошие, восторженные письма; Вера давала читать их единственному человеку — Надежде. В тот день, когда Вера получала письмо, в глазах сестер светилась особенная радость, но различить их было так же невозможно. Радость делала девушек еще больше похожими друг на друга.

Но вот произошло большое несчастье. Вера получила сообщение о том, что ее любимый погиб, защищая границы Родины.

Горе потрясло обеих девушек. Но горе Веры было неизмеримо сильнее, чем горе На-

дежды. И тут все — и учителя, и ученики — увидели, что Вера хотя и похожа на Надежду, но у нее всё свое — и глаза, и губы, и лоб, и брови.

Это событие открыло передо мной ту грань человеческой и педагогической мудрости, в которой таятся бесконечно тонкие черты человеческой индивидуальности. Нет в мире двух совершенно одинаковых людей. Нет одинаковых мыслей, одинаковых чувств, одинаковых переживаний, одинакового подхода к пониманию, постижению истины. Особенно неповторимыми и непохожими делает людей горе. Долг педагога — прежде всего самому видеть человека. Уметь передать своим питомцам чувствование того, что любая наша деятельность, любой наш труд — это вхождение в мир, населенный людьми. Главное в нашей жизни — это прикосновение к людям. Чем тоньше, глубже чувствует педагог человека в своем питомце, тем благороднее отношения между питомцами.

Чувствовать человека — это прежде всего понимать мотивы его поступков. Многие детские поступки, кажущиеся нам, взрослым, предосудительными, часто побуждаются благородными порывами души, и, если вы не поняли, не заметили этих порывов, вы можете угасить маленький, еле заметный огонек человеческого благородства.

Годы и годы уходят на то, чтобы научить и учителей, и родителей быть чуткими к переживаниям — радостям, горестям, тревогам, страданиям детей. Понять детское чувство — это значит подойти к ребенку по-человечески, принести ему успокоение, рассеять смятение, научить его самого быть добрым и отзывчивым. Ребенок, почувствовавший, что старшие — отец, мать, бабушка, дедушка — поняли его душевное состояние, становится мягким, чутким к добру. То, что я называю воспитуемость, есть ответ ребенка на ваше умение понять его состояние. Если же старшие, не понимая ребенка, равнодушны к его душевным движениям, порывам, порой бурям и ураганам, ребенок озлобляется и ожесточается, он может умышленно причинять зло. Злоумышленник — дитя равнодушия, в этом меня убедили многие печальные факты. Воспитание ребенка, образно говоря, похоже на оркестр, исполняющий самые нежные мелодии. Слово, взгляд учителя должны быть тонкой, очаровательной музыкой. Не поймите меня так, будто в этой музыке должны быть исключительно сладкие звуки. Нет, диапазон чувств и переживаний настоящего мастера очень широк — в нем и упрек, и порицание, и обида, и негодование, и осуждение, и непримиримость, но все эти чувства проникнуты правдивостью и пониманием. Неиспорченный, не искалеченный нравственно ребенок тонко чувствует правду и взаимопонимание.

Особенно же нуждается в понимании и участливости ребенок тогда, когда у него на сердце боль. Мы специально учим отцов, матерей, бабушек и дедушек распознавать разновидности детской боли; угадывать, образно говоря, ту маскировку, которой ребенок часто пытается прикрыть свою боль. Тонкое педагогическое чутье, развитое у родителей, является одним из краеугольных камней нашего воспитания.

Берегите, храните для своего ребенка радость на тот случай, если сердце его будет уязвлено болью, — это мы не просто советуем, но и

рассказываем (например, рассказ «Иволга»), как это делать в конкретных обстоятельствах. И мы, и родители помним, что оставшаяся без утешения боль в сердце ребенка огрубляет душу, в конечном счете делает человека равнодушным, особенно в тех случаях, когда он видит, как без помощи, без утешения остается боль и в сердцах других людей. Бывает, что ушедшая в глубину сердца детская боль на длительное время отдаляет ребенка от взрослых, порождает замкнутость и недоверие.

Но учить чуткости, воспитывать отзывчивость, сердечность — это не значит всегда утешать и успокаивать. Зло в детском сердце может утвердиться как раз тогда, когда он, увидев зло, остается спокойным или же не идет дальше удивления. Если человек только удивляется и ничем другим не выражает своего отношения к злу, то со временем исчезнет и удивление.

Однажды мать заметила, что Витя, ученик IV класса, несколько месяцев назад поступивший в пионеры, пришел из школы чем-то взволнованный. Мать почувствовала в его глазах недоумение. Она стала расспрашивать, что произошло, и мальчик рассказал: «Я видел, как отец привез машину кукурузы нашему родственнику, дяде Николаю... Никто не знает, а я знаю. Разве можно так делать? За такое отца могут в тюрьму посадить...» Мать не принялась успокаивать сына. Наоборот, она сказала ему слова, пробудившие непримиримость к злу:

«Это преступление. И молчать о нем нельзя. Какой же ты пионер, если на твоих глазах воруют колхозное добро, а ты молчишь? Иди к отцу и скажи ему: если кукуруза останется у дяди Николая, пойду в милицию и всё расскажу. Этим еще можно спасти отца. Если же он не одумается, он погиб».

Слова матери оказались для мальчика свежим ветерком, расшевелившим еле заметный огонек. В детской душе пробудилось возмущение. Витя пошел к отцу и сказал всё так, как советовала мать. Отец смотрел на сына с изумлением, как будто впервые видел его. Он понял, что сын не дитя несмышленое, а маленький гражданин. Ему ничего другого не оставалось делать, как погрузить на автомашину кукурузу, выгруженную во дворе дяди Николая, и отвезти ее в колхозный амбар.

Если на каждый душевный порыв маленького человека взрослые отвечают умно, чутко и требовательно, он сам становится умным, чутким и требовательным. Он не может спать спокойно, зная, что рядом с ним горе или зло.

Мы с родителями много размышляем о том, с чего начинается настоящий человек, где огонь, на котором закаляется человеческая душа, чтобы стать несгибаемой, к каким духовным порывам надо побуждать детей, чтобы они ненавидели зло, презирали равнодушие, бессердечность. Самое главное во всем этом, по-видимому, то, чтобы главным предметом в школе было человековедение.

13. КАК УЧИТЬ ПРАВИЛЬНОМУ ОТНОШЕНИЮ К СМЕРТИ

Самое большое горе человеческое — смерть. Она противна самому существу человека. Познав бесконечность времени и безграничность пространства, человек с особенной горечью почувствовал, насколько непродолжительна его жизнь. Человеческий организм стареет и умирает подобно другим живым существам, но взирать на смерть человеческую,

думать о смерти человека мы не можем так спокойно, как об усохшем дубе или об околевшей от старости собаке. Смерть человеческую можно объяснить и понять, но примириться с ней невозможно, потому что со смертью исчезает неповторимый дух человеческий, а это значит, гибнет маленькая частичка человечества. Без понимания смерти немыслимо постижение жизни, радостей бытия, ответственности человека за каждый свой шаг на земле. «Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». (Автор приводит слова английского поэта эпохи Возрождения Джона Донна (1572—1631), которые американский писатель Эрнест Хемингуэй взял эпиграфом к своему роману «По ком звонит колокол». — *Сост.*) Надо не только уметь правильно жить, но и по-человечески умереть.

Всем существом своим, духом своим, борьбой своей человек отрицает смерть и утверждает жизнь. Понимание смерти — это не безотчетный страх перед смертью, а гимн вечной человеческой жизни. Человек умирает — человечество бессмертно. Понимать смерть как величайшее человеческое горе надо для того, чтобы любить жизнь, дорожить жизнью, беречь жизнь как величайшую и ни с чем не соизмеримую ценность. Отрицать смерть — это значит наполнять жизнь радостью творческого труда.

Нельзя представить себе полноценное нравственное воспитание без того, чтобы у человека, познающего Человека, не было правильного отношения к смерти. Для полного уточнения своей идейной и педагогической позиции и своих идеалов я еще раз повторяю, что понимание этической стороны смерти — важнейшее условие подлинного оптимизма, жизнелюбия, умения дорожить жизнью и беречь ее. Многолетний опыт воспитательной работы убедил меня, что ребенок, вместе с взрослыми постигая смерть как неотвратимое горе, у взрослых же черпает оптимистическую веру во всепобеждающую силу жизни.

Я тысячу раз убеждался, что прикосновение детского сердца к смерти любимого человека, переживание утраты пробуждает не только радость бытия, жажду жизни, но и новое вúдение мира вообще. Человек с изумлением как бы открывает для себя истинную цену того, что он живет, чувствует, видит, наслаждается радостью бытия и познания. Постигая смерть, человек не примиряется с ней, а восстает против нее, отрицает ее, стремится утвердить радость бытия своей любовью к жизни. И самое главное — понимание смерти как величайшего горя учит ребенка дорожить человеком, беречь его жизнь, щадить его душу.

Как важно, чтобы у маленького ребенка был любимый, дорогой человек, разлука с которым — а разлуки этой никому не избежать — переживалась бы как первое испытание человеческого духа будущего отца, будущей матери, будущего гражданина. Духовная связь восходящего и уходящего поколений, проникнутая любовью, преданностью, памятью сердца, — это один из тончайших корней патриотизма, нравственная основа человеческого благородства.

Понимание утраты человека как ничем не восполнимой утраты открывает в человеческой душе чувствование того, что самым, каза-

лось бы, безобидным поступком можно обидеть, поразить в самое сердце, причинить глубокие страдания, а бывает, и смерть.

В тех случаях, когда детям приходится соприкасаться со смертью, учитель, обладающий высокой педагогической культурой, умеет направить интеллектуальные и эмоциональные силы детей на познание величия жизни.

Во II классе шел урок рисования. В дверь кто-то постучал. Учитель открыл дверь. В двери стояла заплаканная женщина — мать маленькой белокосой Наташи.

— Прошу вас, — сказала мать учителю, — отпустите Наташу. — Бабушка умерла.

Учитель подошел к столу и тихо сказал:

— Дети, пришло большое горе. У Наташи умерла бабушка.

Наташа с мамой ушли, а учитель оставшиеся два урока рассказывал о жизни умершей. Перед детьми открылась мало кому в селе известная страничка человеческого мужества, несгибаемой силы духа.

Дети переживали чувство личной боли: ушел из жизни человек, заслуживающий того, чтобы о нем помнили не только в семье. Я считаю очень нужным проводить в классе беседы об ушедших из жизни дедушках и бабушках детей. Как солнце в капельке росы, в каждой человеческой судьбе отразилась судьба народа. Постигнуть величие моря нельзя, не пережив изумления, восторга перед красотой капельки.

14. ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ДОРОЖИТЬ ПАМЯТЬЮ СВОИХ ПРЕДКОВ

Береги и почитай память об умерших. У кого нет в душе прошлого, у того не может быть и будущего. Каждый человек — это неповторимый мир. Под каждой могильной плитой — мировая история (*см.: *Гейне Г.* Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1956. С. 188). Умей познавать этот неповторимый мир. Дорожа самобытностью человека, уважая личность, храни в своей памяти ту человеческую красоту, которая создала тебя, возвысила твои мысли и чувства до вершин человеческой мудрости. Кладбище — человеческая святыня. Умей оберегать эту святыню. Иди на кладбище в день поминания предков. Это важно для воспитания твоей гражданственности и твоей совести. Даже если там никто не похоронен из твоих близких, иди, чтобы научиться беречь в сердце славу и мудрость предков. Кладбище — страж человеческой совести. Могила дорогого для тебя умершего человека — зеркало твоей души. Забытая могила — это твое равнодушие и бездушие.

Каждому поколению своих питомцев, когда для них становится посильным постигнуть важнейшие человеческие ценности, я рассказываю сказку «Для этого надо быть человеком». Рассказывая ее, я стремлюсь к тому, чтобы дети постигли великую нравственную ценность: человек утверждается в мире не только как мыслящее и чувствующее существо, но и как живое звено в вечной цепи поколений; это звено соединяет ушедшие поколения с будущими; чем больше дорожит человек памятью своих отцов, дедов и прадедов, тем глубже он чувствует свою ответственность за будущее. Только потому, что Человек в своем отце, деде и прадеде видит корень своего бытия, своей чести, достоинства, только благодаря тому, что наша героическая современ-

ность не мыслится без славы отцов, у нас есть Отечество, мы дорожим им и оберегаем его, мы готовы положить голову свою за его независимость, за его коммунистические идеалы.

Об уважении и почитании старших поколений мы говорим с матерями и отцами. На занятиях родительской школы мы рассказываем о поучительных судьбах матерей и отцов, которые, не постигнув мудрости воспитания любви к старшим, пожинали горькие плоды своего нравственного невежества. Одна из материнских судеб ярко отражена в рассказе «Петрик и Павлик».

Маленькая капелька обмана и лицемерия, которая упала из ваших рук к ногам вашего ребенка, превращается в большую лужу лжи и подлости — таково этическое правило, которое мы стремимся утвердить в сознании не только родителей, но и молодых людей, только мечтающих о материнстве и отцовстве. Быть правдивыми перед детьми — это самое сильное, самое убедительное моральное поучение. Речь идет не о всякой правде, а о красоте человеческих отношений, воплощающих в себе дух уважения к уходящим и ушедшим поколениям. В этой красоте ребенка одухотворяет бескорыстная забота. То, что бескорыстно, что побуждается высшими нравственными идеями и идеалами, возвышает ребенка, заставляет его вдумываться в святые истины и принципы, установленные вечным и строгим хранителем добра и красоты — народом. В одухотворении, в изумлении бескорыстием — путь познания народного духа, народных взглядов на нравственность, на чистые взаимоотношения людей. Перед открытым детским сердцем будьте бескорыстны, и пусть бескорыстие это выражает ваше отношение к святыням Отечества, народа, вашей семьи — это поучение занимает одно из главных мест в системе нашего педагогического просвещения родителей и будущих родителей.

Забота воспитателя, матери, отца о нравственной чуткости ребенка, о его восприимчивости к каждому слову поучения старших должна быть особенно мудрой в тех случаях, когда речь идет о том, что мы называем памятью сердца. У детей надо развивать, углублять это тонкое человеческое качество. Все, что мы говорим детям, пусть учит их хранить в своей памяти образы людей, заслуживших того, чтобы их имя не было предано забвению.

15. КАК УЧИТЬ УМЕНИЮ ПОСТИГАТЬ ВЕЛИКУЮ МУДРОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СКОРБИ

Если у тебя умерли дедушка или бабушка, знай, что это умерла частица тебя самого. Соблюдай траур. После смерти бабушки или дедушки ты не должен посещать клуб, кино и другие места развлечения в течение такого времени, какое подскажет тебе совесть. В дни траура в доме не должна звучать развлекательная музыка. У одного девятиклассника умер дедушка; сразу же после похорон он пошел играть в футбол. Друзья с одобрением отнеслись к этому: вот, мол, герой, у него дома покойник, а он проявляет такую духовную стойкость. Этот юноша — нравственный урод и дикарь, его поступок свидетельствует не о духовной стойкости, а о дремучем невежестве и моральной пустоте. Для та-

кого человека в жизни нет ничего святого.

Смерть матери, отца, брата, сестры — неутешное горе, ничем не заменимая утрата. Это горе требует от тебя не только вечно беречь в сердце память об умерших, но и быть мужественным.

Я еще раз вынужден сделать оговорку: это не проповедь какого-то аскетизма. Это забота о полноте и красоте духовной жизни живущих, о благородстве мыслей и чувств, о чистоте духовных порывов, о верности идеалам нашей коммунистической нравственности, о вечных и незыблемых святынях — Отечестве, чувстве любви к родной земле, готовности отдать жизнь во имя святынь нашего общества. Это забота о коммунистическом мировоззрении, об оптимистических взглядах и убеждениях, о настоящей любви человека к человеку.

Я считаю важным, чтобы с раннего детства в человеке жило вот какое исключительно важное убеждение: дух человеческий стоек и несгибаем, но в то же время именно потому, что у человека есть дух, духовная жизнь, он, человек, нежен и тонок, хрупок и легко уязвим.

Недавно в одном селе нашей области произошло событие, которое с первого взгляда может показаться малозначительным, но в нем кроются глубокие нравственные корни. Молодые супруги решили отметить день рождения единственного сына — 5-летнего Сережи. На вечеринку, которую устроили по этому поводу, пригласили гостей, среди них были просто знакомые люди. Каждый принес подарки имениннику. Забыли пригласить только дедушку... Он много дней готовил внуку свой подарок — вырезал из дерева ножиком аиста. Вечером, когда под яблонями началось празднество, дедушка сидел в своей маленькой каморке, которую отвели ему в доме, и смотрел на аиста. Так и нашли утром умершего дедушку: склонившимся на подушки, с застывшими на лице слезами.

В жизни происходят события, которые — можно сказать это без опасности впасть в преувеличение — вопиют, кричат о необходимости воспитывать чуткое, заботливое, нежное отношение к родным. Как бы хорошо ни проводилась эта воспитательная работа, всегда будет опасность что-то упустить и никогда не будет опасности «пересолить».

Я считаю одной из самых тонких и, я бы сказал, изящных операций в юной человеческой душе то прикосновение словом (вернее, множество прикосновений), которое утверждает убеждение: человеческая смерть — это не просто угасание и прекращение жизненных процессов. Это ни с чем не сравнимое событие в том процессе неугасимой жизни поколений, который называется преемственностью. Кто по-настоящему постиг сущность этого процесса, тот видит прикосновение к человеческому сердцу в каждом своем поступке. Человек не закапывает своего отца и свою мать в землю, а хоронит их. В этом емком, значительном русском слове — глубокий нравственный смысл. Хоронит — значит хранит, оберегает, дорожит. Смерть того, кто вложил в твое существо живую человеческую душу, пробудил мысль, чувства, — это твоя тяжелая личная утрата, в твоей скорби выражается боль народа. Настоящему человеку доступна великая мудрость человеческой скорби. Не всякое страдание — благородная скорбь. Часто бывает не скорбь, а страх перед людьми и перед собственной совестью. Страх приходит тогда, когда наступает суд и расплата, скорбь же переживается тогда, когда выполнен долг. Только человеку долга доступна благородная скорбь.

16. ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОСТАВИТЬ ПО СЕБЕ СЛЕД

Человек рождается не для того, чтобы бесследно исчезнуть никому не известной пылинкой. Человек рождается для того, чтобы оставить по себе след — вечный.

Человек оставляет себя прежде всего в человеке. В этом наше бессмертие. Мы живем для того, чтобы запечатлеть себя в сыне или дочери, чтобы жить в их страстях и труде. В этом высшее счастье и смысл жизни. Если ты хочешь остаться в сердце человеческом — воспитай своих детей. Воспитание человека — важнейший общественный долг.

От того, насколько отчетливо видит человек в отцовстве и материнстве высший смысл своего бытия, зависит его нравственный облик. Наша важная воспитательная миссия заключается в том, чтобы человек, которого мы творим, отвечал не только за свое сегодняшнее поведение, но и за будущее, а будущее — это ум, чувства, убеждения живого человека, корни которого закладываются в настоящем. В день совершеннолетия девушек, когда им исполняется шестнадцать лет, я рассказываю им украинскую легенду «Кто самый искусный мастер на земле».

Я стремлюсь к тому, чтобы все годы обучения в школе человек постигал очень тонкую и сложную науку — умение видеть себя. Чтобы каждый уже в отрочестве задумался: **что** я способен оставить в людях, в труде, в живом и цветущем? Какая хотя бы маленькая капелька от меня войдет в вечный океан человеческого бытия?

Что для этого необходимо? Как вести воспитательную работу в этом направлении?

Чтобы видеть себя, маленький человек должен научиться видеть жизнь. Видеть человека, понимать и чувствовать в нем красоту, восторгаться и изумляться ею, соотносить себя с увиденным и понятным, как бы примерять свои достоинства с тем, что он считает образцом. Я считаю очень важным рассказывать подросткам, юношам и девушкам о прожитой жизни. О том, что человек сделал за свою жизнь, чем он отчитывается перед поколениями, принимающими от него эстафету творчества, созидания, как в рассказе о яркой человеческой жизни — «Самый счастливый человек на земле».

Вы вступаете в жизнь, юноши и девушки. Перед вами солнце вашего пленительного дня — оно только поднялось над горизонтом, его путь еще впереди. Вам пахать землю и строить дома, возводить мосты и пасти скот, радоваться прилету птиц из теплого края и тревожиться о судьбе нежной былинки — зеленого ростка пшеницы, идти в далекие походы и стрелять по врагу, если он вздумает нарушить священные рубежи нашей Родины. Во всем этом вы оставите какую-то крупицу своей души, разума, таланта. Но полностью вложить свою душу можно только в человека. Не забывайте, что вам быть отцами и матерями. В отцовстве и материнстве — самая сложная трудовая мудрость. Это труд, труд и еще тысячу раз труд. Тебе с замиранием сердца придется слушать крик новорожденного сына, отец (я обращаясь сейчас к вам как к будущим отцам). Тебе придется в болях и муках рожать сыновей

и дочерей, мать (я обращаюсь к вам как будущим матерям). Собираясь в далекий жизненный путь, помните, что вам надо взять с собой как можно больше богатств из отрочества и юности — эти богатства нужны вам для созидания Человека.

Есть народная сказка о Человеке-Пустоцвете. Любил этот человек петь, веселиться, не мог он долго задерживаться на одном месте — все время переезжал с зеленой нивы в цветущий луг, с цветущего луга в тенистую рощу. И вот родился у него сын. Повесил Человек-Пустоцвет колыбельку на дубовую ветку и сидит поет. А сын не по дням, а по часам растет. Выпрыгнул из колыбельки, подошел к отцу и говорит:

— Отец, покажите мне, что вы сделали собственными руками?

Удивился отец таким мудрым речам сына, улыбнулся. Подумал, что же показать сыну? Ждет сын, а отец молчит, и петь перестал. Смотрит сын на высокий дуб и спрашивает:

— Может быть, это вы посадили дуб?

Наклонил голову отец, молчит.

Повел сын отца в поле, смотрит на полный колос пшеницы, спрашивает:

— Может быть, это вы вырастили колос?

Еще ниже наклонил отец голову, молчит.

Пришли сын с отцом к глубокому пруду, смотрит сын на синее небо, отразившееся в воде, и говорит:

— Отец, скажите мудрое слово...

А Человек-Пустоцвет не только руками ничего не может делать, но и слова мудрого сказать не умеет. Еще ниже наклонил голову и молчит... Так и превратился он в траву-пустоцвет. Цветет она с весны до осени, а ни плодов, ни семени не дает.

Как величайшего горя, бойтесь, юноши и девушки, войти в жизнь пустоцветом. Вам стыдно будет перед сыном, перед дочерью, перед людьми за бесследно прожитую жизнь.

Страшно от мысли, что такое может быть: ходит по земле старый, как будто заслуживающий уважения человек, но оказывается, никто не знает, кто этот человек, и не заслуживает он ни уважения, ни памяти.

Я часто рассказываю подросткам и юношам об ушедшем уважаемом, достойном человеке, стремясь пробудить горячее стремление оставить после себя яркий след на земле. Эти рассказы — крупинки, из которых слагается живая история нашей современности. Донести до сознания, до души подростка смысл богатой, насыщенной, данной людям жизни — это не заупокойное поминание, а гимн жизни.

17. КАК УЧИТЬ ДЕТЕЙ ЛЮБИТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Для матери и отца ты всегда будешь дитя — даже тогда, когда тебе исполнится пятьдесят, шестьдесят лет, а отцу и матери — семьдесят, восемьдесят, девяносто. Каждый твой шаг, каждый твой поступок — и хороший, и плохой — отзывается в материнском и отцовском сердце радостью или болью, счастьем или страданием. Помни, что ты — смысл жизни, цель жизни, сладость и горечь жизни твоих родителей. В своей безграничной любви к тебе они порой забывают о том, что придет время, когда у них не останется сил для того, чтобы давать тебе материальные — ощутимые и конкретные — радости бытия, и у них останутся силы только на то, чтобы любить тебя. Знай, что человеческий долг детей — платить родителям за их заботы о тебе, за их безграничную лю-

бовь и преданность — платить тем же: заботами, любовью, преданностью. Долг детей перед родителями нельзя измерить никакой меркой, нельзя сосчитать никаким счетом.

Как доносить до юных сердец это поучение? Речь идет об одной из тончайших сфер человеческого бытия — взаимном долженствовании. Поле для семян этого поучения, образно говоря, должны вспахать мы, взрослые — родители и педагоги. Самое тонкое человеческое умение — это умение любить. Любовь может открыть самые сокровенные человеческие родники, и из них будет вечно журчать животворное добро; любовь же может превратить сердце сына или дочери в безводную пустыню — всё зависит от того, насколько проникнуто чувство любви взаимным долженствованием, взаимной заботой. Когда есть взаимное долженствование, слова о заботливом отношении к родителям доходят до юных сердец.

Самое страшное во взаимоотношениях родителей и детей — это бездумное «кормление» материальными удовольствиями и пустота, убогость духовной, сердечной жизни ребенка. Это и есть неумение любить. К чему оно ведет, видно из житейской истории о ненаглядном сынке.

Как огня бойтесь, матери и отцы, чтобы в сознании ребенка не засела мысль о том, что он всегда прав; всё, что он делает, — хорошо. В ней — источник духовного одеревенения; она, эта мысль, под корень рубит взаимное долженствование; маленький человек делает свои первые шаги с убеждением, что ему все должны, а он никому не должен. Мысль о том, что всё сделанное мною хорошо, что я всегда прав, — это тот горький яд эгоизма, который на всю жизнь отравляет человеческое существо. Уметь любить — это значит не допустить даже возникновения такой мысли. Я сравнил бы духовную жизнь и взаимоотношения людей с плаванием бесчисленного множества маленьких челноков в бурном море; в каждом челноке — человек, и надо плавать так, чтобы не задеть чужого челнока, а если уж и заденешь случайно, то искать в этом прежде всего свою вину.

Нет ничего мудрее и сложнее человеческой любви. Это самый нежный и в то же время самый скромный, самый красивый и самый незаметный цветок в букете, имя которому — Нравственность. Любя своих детей, учите их любить вас; не научите — будете плакать на старости лет — вот, по-моему, одна из самых мудрых истин материнства и отцовства. Только там, где эта истина становится требованием, почва детского сознания, образно говоря, вспахивается под семена любви к родителям.

Как же учить детей любить своих родителей? Ребенок с малых лет должен научиться видеть людей. Научиться понимать, что каждый человек имеет право на радость, счастье, неприкосновенность своего мира. Я считаю очень важным предупредить духовное тунеядство ребенка: он должен понять, что отбирать радости у других людей — бесчестно; строить свои радости на чужом горе — предательство. Исключительно тонкая воспитательная задача — воспитать у маленького человека презрение, органическую нетерпимость к этому, не заметному с первого взгляда предательству. Как же это делать практически? Ребе-

нок обладает безграничной способностью отдавать свое сердце другому человеку. Его надо учить сочувствовать, сопереживать, жалеть людей. Нет ничего важнее в семейной жизни, как духовное соучастие ребенка во всех делах, которые совершаются человеком для человека.

Мама ежедневно просит своего 7-летнего сына: «Идем, Юра, перестелем постель дедушке». Сын радостно откликается на призыв матери — какой это мудрый, дальновидный призыв. Идя с сыном к дедушкиной кровати, мать творит настоящего гражданина и вместе с тем заботится о своей старости... Постепенно мальчик привык к этому ежедневному труду, и вот уже не мать напоминает Юре, что надо перестлать дедушкину постель, а Юра напоминает матери.

Вот что значит учить жалеть, сопереживать, сочувствовать. Я рассказываю об этом не только родителям, но и детям. Им надо разъяснять, показывать, как соучаствовать в духовной жизни семьи, их надо побуждать, одухотворять, учить соединять силы своей души с силами души взрослого человека. Ни одно благородное движение детского сердца не должно оставаться бездеятельным. Это движение порой бывает очень слабым, незаметным. Надо утвердить его, помочь человеку выразить себя в отношении к человеку.

18. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ГАРМОНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОТЦАМИ И ДЕТЬМИ

В мире есть отцы и дети. Твой отец и твоя мать — дети своих отцов и матерей — твоих дедушек и бабушек. Род человеческий состоит из поколений — это великая мудрость нашего бытия. Одновременно живут в мире несколько поколений — уходящее, находящееся в расцвете творческих сил, восходящее и только что появившееся на свет, только начинающее осознавать свое бытие. Кроме множества других отношений наша жизнь движима также отношениями поколений. Ты — в поколении восходящем. Перед тобой высоко поднявшееся над горизонтом солнце, до полудня еще невообразимо далеко, жизнь представляется тебе необозримым, пленительно прекрасным, ясным и в то же время загадочным полем, ты полон сил и радужных надежд. Впереди тебя два поколения — поколение, для которого солнце в зените, и поколение, чье солнце уже склонилось к закату. Человек смертен, но бессмертен народ. Его бессмертие — в преемственности поколений. Мудрость веков хранится в книгах и нашей истории; богатства же народной души, то, что делает тебя человеком, хранятся в памяти, в сердце, в поступках старших поколений — твоих дедов и отцов. Тем, чем ты стал и чем станешь в будущем, ты обязан старшим поколениям. Ты припомни, как поразил тебя пытливый, пристальный, вдумчивый и в то же время недоуменный взгляд дедушки или отца, — взгляд, направленный как будто бы в самую душу твою, взгляд тревожный и беспокойный. Это дед твой и отец твой стремятся увидеть в тебе самих себя, задумываются, как им удалось повторить себя в тебе и что ты сумел создать сам в себе — свое. Они имеют право так смотреть на тебя.

Уважение, почитание старших поколений — закон нашей жизни. Уважать старших надо потому, что они мудрее, духовно богаче тебя.

В каждую минуту своего общения со старшими умей учиться у них. Не будь самоуверенным и самонадеянным. Не думай, что, если ты молод и полон сил, тебе всё по плечу. Есть вещи, которые посильны только старости, потому что в ней — мудрость многих поколений. Воля и слово старших — закон для всех нас.

Эти поучения играют очень важную роль в воспитании гармонических отношений между поколениями — отцами и детьми. Я считаю очень важным, чтобы пионеры и комсомольцы понимали ценности человеческой мудрости старших поколений. Очень важно раскрыть подросткам и юношам ту мысль, что, возвышая человека, коммунистическая нравственность учит беречь всё, что накопил человек за годы своей жизни. Ни одна мудрая мысль не должна исчезнуть бесследно, ни одно глубокое нравственное убеждение не должно угаснуть, не передав своей страсти младшим поколениям, — какая огромная мудрость заложена в этой педагогической истине, выдвинутой не книгами, а самой жизнью. Какие сражения происходили в годы гражданской войны — об этом можно прочитать. Но ни из каких книг не почерпнешь неугасимой страсти человека-борца, который шел на врага плохо одетым и голодным, верил в идеалы коммунизма и победил. Живую кровь этой веры не вольешь ни в какие строчки — ее можно почувствовать только в человеке. Самые мудрые учителя моих питомцев — люди, для которых заходящее солнце уже прикоснулось к горизонту. Рассказывая о святынях Отечества, они перекладывают в юные сердца огонь любви и ненависти, страсть борцов; каждое их слово — это завет и напутствие, именно так оно звучит в устах человека, которому надо сказать только самое главное, самое важное. Встречаясь с людьми старшего поколения, дети как бы идут к ярким огонькам нравственных убеждений. Они дорожат этими людьми, снимают шапку перед ними и низко кланяются им.

Мы уважаем не седины сами по себе, а то, что за сединами, поэтому и седины пользуются всеобщим почетом и уважением. Исключения бывают из всякого правила, но общая закономерность такова: чем больше прожил человек, тем больше оставил он в мире от себя, от своей души, тем высшую ценность представляет для восходящего поколения его дух человеческий.

Многолетний опыт воспитательной работы убедил, что уважение и почитание старших тем сильнее, чем глубже осмысливается и переживается недопустимость поступков, корни которых уходят в низкую культуру, невоспитанность чувств. В нашем этическом воспитании выработалось *Десять Нельзя;* соблюдение этих запретов считается в коллективе делом чести и достоинства, нарушение — позором и нравственным невежеством. Вот эти *Десять Нельзя*:

нельзя бездельничать, когда все вокруг трудятся; позорно предаваться праздности, всевозможным увеселениям, когда — ты прекрасно знаешь об этом — старшие поколения заняты трудом и не могут позволить себе отдыха;

нельзя смеяться над старостью и старыми людьми — это величайшее святотатство; о старости надо говорить только с уважением; в мире есть три вещи, которые ни при каких условиях не могут быть

подвергнуты осмеянию, — патриотизм, истинная любовь к женщине и старость;

нельзя вступать в пререкания с уважаемыми и взрослыми людьми, особенно со стариками; недостойно человеческой мудрости и рассудительности скоропалительно выражать сомнения в истинности того, что советуют старшие; если у тебя просятся на язык какие-то сомнения, придержи их, подумай, рассуди, а потом спроси у старшего еще раз — спроси так, чтобы не обидеть;

нельзя выражать недовольство тем, что у тебя нет той или иной вещи… у ровесника твоего есть, а о тебе родители не позаботились; от своих родителей ты не имеешь права требовать ничего;

нельзя допускать, чтобы мать давала тебе то, что она не дает сама себе, — лучший кусочек на столе, лучшую конфетку, лучшее платье… Умей отказаться от подарка, если ты знаешь, что в вещи, которую тебе дарят, мать отказывает себе; мысль о праве на какую-то собственную исключительность — это яд, отравляющий твою душу; великое счастье — чувствовать нетерпимость к этому яду;

нельзя делать то, что осуждают старшие, — ни на глазах у них, ни где-то в стороне; каждый свой поступок рассматривай с точки зрения старших: что подумают они; особенно недопустима назойливость, стремление без надобности напоминать о себе, выставлять напоказ свои притязания; мать и отец никогда не забывают о тебе; если ты не на глазах у них, они думают о тебе больше, чем тогда, когда ты рядом; помни, что у матери и отца есть свой духовный мир, они иногда хотят остаться в них наедине с собой;

нельзя оставлять старшего родного человека в одиночестве, особенно мать, если у нее нет никого, кроме тебя; в радостные дни праздника никогда не оставляй ее одну; ты сам — твое слово, твоя улыбка, твое общение, — бывает, единственная радость ее бытия; чем ближе закат человеческой жизни, тем острее переживает человек горечь своего одиночества; оставлять одиноким дедушку, оставлять в одиночестве старика отца, даже если и ты уже станешь стариком, — бесчеловечно, дико; помни, что в жизни человека наступает такой период, когда никакой другой радости, кроме радости человеческого общения, у него уже не может быть;

нельзя собираться в дорогу, не спросив разрешения и совета у старших, особенно у старика дедушки; не простившись с ними, не дождавшись от них пожелания счастливого пути и не пожелав им счастливо оставаться;

нельзя садиться обедать, не пригласив старшего; только дремучий нравственный невежда уподобляется скоту, утоляющему голод в одиночестве и опасающемуся, как бы его сородич, присутствующий при этом, не урвал куска себе; человеческая трапеза — это не утоление голода, не физиологический акт в цепочке обмена веществ; люди придумали стол не только для того, чтобы ставить под стол ноги, а на стол облокачиваться; за столом происходит интереснейшее духовное общение людей; если ты сумел уговорить старика разделить с тобой трапезу, ты доставил ему большую радость;

нельзя сидеть, когда стоит взрослый, пожилой человек, особенно

женщина; нельзя ожидать, пока с тобой поздоровается старший, ты должен первым приветствовать его, встречаясь, а расставаясь — пожелать доброго здоровья; в этих правилах этикета заключается глубокая внутренняя сущность — уважение человеческого богатства; не умея уважать его, ты уподобляешься шалопаю, плюющему в прекрасные волны моря; море огромно в своем величии и красоте, твои плевки его ни оскорбят, ни унизят, а, плюясь и любуясь своими плевками, ты позоришь себя.

Осуществление Десяти Нельзя требует большой заботы о гармонии всего воспитательного процесса. Уважать можно того, кто заслуживает уважения; путеводным огоньком может стать лишь тот, кто озаряет путь. Особенное внимание в работе родительской школы мы уделяем проблеме: как быть достойным уважения и почитания молодого поколения? Наше собственное поведение, наш образ мыслей, наше отношение друг к другу и к нравственным ценностям общества — это, образно говоря, камертон, настраивающий убеждения наших детей. Каждое наше слово приобретает для наших детей истинный смысл в зависимости от того, какие дела видят они за нашими словами. Если наши слова расходятся с поступками, поведением — мы воспитываем лицемеров, мы представляем всё старшее поколение в искривленном зеркале. Маленький человек, не уважающий людей, не может уважать и истину.

19. ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА УВАЖЕНИЯ К ДЕДУШКЕ И БАБУШКЕ

Старость не может быть счастьем. Это невежды придумали слова: счастливая старость. Старость может быть лишь покоем или бедой. Покоем она становится тогда, когда ее уважают. Бедой ее делают забвение и одиночество. Не превращай старости своих дедушки и бабушки, отца и матери в беду. Помни, что и ты будешь старым. Присмотрись внимательно к дедушке и бабушке; таким станешь и ты через несколько десятилетий. Дорожи здоровьем дедушки и бабушки, у них закат жизни, им осталось жить меньше, чем тебе.

Дедушке и бабушке — почетное место в доме. Если решается какое-нибудь непростое и нелегкое дело, первое слово пусть принадлежит дедушке и бабушке. Не стесняйся и не опасайся поделиться с ними своими радостями или бедой. Они умеют озарять человеческую радость мудростью жизни, и радость сделает тебя вдвойне счастливым. Они умеют утвердить в человеке силу духа. То, что ты обратишься к ним за советом, само по себе для них большая радость. Если дедушка и бабушка живут не в твоей семье, пиши им. В старости для человека особенно дорого то, что о нем не забывают. На праздники поздравляй дедушку и бабушку. Забвение — вообще беда, в старости — беда вдвойне. У человека возникает мысль о жестокости окружающих его людей, если он чувствует, что о нем забывают потому, что знают о приближении его смерти. Внимательно слушай, что говорят тебе, чему учат дедушка и бабушка. Они имеют на это право. Если бы в полной мере почиталась стариковская мудрость, в жизни было бы несравненно меньше юношеской глупо-

сти, которая происходит от незнания жизни, самоуверенности, неосмотрительности.

Если дедушка, бабушка оставили после смерти дорогие их сердцу вещи-реликвии — свято береги их, передавай своим детям и внукам. Память поколений — это и есть живая история народа.

Я еще раз повторяю: сколько бы мы, старшие, ни заботились о воспитании у детей чувства уважения к уходящему поколению, наших забот будет недостаточно. Это проблема очень тонких нравственных отношений. От того, что доброго, вечного, неугасимо человеческого оставляет уходящий из жизни человек в душе того, перед которым только поднимается пленительное солнце бесконечного дня жизни, зависит *нравственное здоровье* человеческих отношений, моральная воспитанность вступающего в жизнь. Молодым родителям и будущим родителям мы внушаем мысль о том, что в становлении нравственности их детей очень большое значение имеет духовная связь самого младшего и самого старшего поколений. Если эта связь развивается и крепнет, вы, родители, можете не опасаться за своих детей. Сущность этой связи должна заключаться в том, чтобы старшее поколение пробуждало у детей мысль о радости бытия и о долге человека перед человеком. Мудрая и благородная старость умеет так любить детей, что каждое проявление этого чувства пробуждает у детей любовь к старшим, заботу и беспокойство об их здоровье и благополучии. Задача молодых родителей заключается в том, чтобы оберегать эту мудрую любовь стариков как очень нежную и хрупкую вещь. Добро, которое делает дедушка или бабушка внуку, должно на всю жизнь остаться в памяти как святыня. Я знаю семью, в которой вот уже тридцать лет хранится ручка дедушки. Этой ручкой он исправлял ошибки в тетрадях своих внуков и правнуков. Благодаря помощи дедушки его внуки и правнуки стали прекрасными математиками.

Чуткое, заботливое отношение бабушки или дедушки к внуку всегда выражается в чем-то конкретном. Родителям и учителям надо очень бережно относиться к этим конкретным вещам, долгу, отношениям. Мне известны случаи, когда невнимательность родителей больно ранила ребенка, оставив глубокий след в его душе на всю жизнь.

Хочется сказать родителям: берегите эту хрупкую, красивую и нежную вещь — любовь бабушки и дедушки к внукам, любовь внуков к бабушкам и дедушкам. В этих взаимных чувствах закладываются тончайшие корни человечности. Как грозное напоминание о недопустимости небрежного, а порой и грубого отношения к этим чувствам слушают молодые родители на занятиях родительской школы рассказ о зеленой кастрюле.

Надо учить детей и подростков быть чуткими и внимательными к тем сложнейшим человеческим соприкосновениям, которые нередко ранят старческое сердце, если забыть о том, что оно легко ранимо и уязвимо. «Думайте, дети, как будет переживать ваша бабушка то, что вы не навестили ее накануне праздника, — учим мы своих питомцев. — А если навестили, то чтобы в душе старого человека не осталось горького воспоминания — так бывает». Духовная связь детей и по-

дростков с пожилыми людьми как бы обнажает совесть, воспитывает чувствительность к тому, чем живет человек.

Для родителей и учителей, для всех наших воспитанников очень поучительным стало событие, заставившее задуматься над важными, тонкими гранями воспитания.

За селом — лес. На лето сюда вывозят колхозную пасеку. Хозяин на пасеке — дед Матвей. Живет он в маленькой белой хатке. На зеленой лесной поляне ровными рядками стоят ульи. С утра до ночи над пасекой звенит удивительная музыка. Как будто кто-то прикасается к невидимым струнам, и они тихо звенят, звенят...

Однажды на пасеку пришли два дедушкиных внука — 10-летние близнецы Коля и Вася. Они принесли дедушке белую вышитую рубашку — подарок матери. Дедушка угостил внуков медом. Но дети почувствовали, что хочется дедушке пробудить в их сердцах чувство изумления дивной музыкой — пчелиной игрой — так называл дед Матвей несмолкаемое жужжание пчел.

«Прислушайтесь, дети, какая она, эта музыка, — говорил дед. — Как будто к золотым крыльцам пчелиным прикасается солнечный луч — играет, играет...»

С того дня Коля и Вася часто стали бывать на пасеке. Пройдет день, два — и мальчики приходят к дедушке. Как всегда, дедушка угощает их медом. Но дети чувствуют: он ревниво наблюдает за ними, слушают ли они пчелиную игру?

Прошло лето. Приближалась осень. Пчелы уже не приносили меда. Пришли мальчики на пасеку, а дедушке нечем угостить их, весь накачанный мед отвезли накануне в колхозную кладовую. Опасался дедушка: вот теперь внуки перестанут ходить на пасеку. Когда они расставались в тот первый день без сладкого угощения, на глазах старика блестели слезы. Тонко чувствуя духовный мир дедушки Матвея, внуки поняли, что его волнует.

— Дедушка может подумать, что мы приходили на пасеку из-за угощения, — сказал Коля, когда они возвращались домой.

— Разве дома меда нет? — взволнованно продолжал его мысль Вася. — Ведь мы ходили к нему, к дедушке. Мы ходили слушать пчелиную игру, а не мед есть...

К большому удивлению деда Матвея, внуки пришли не через день, не через два дня, а уже на следующий день.

— А ведь меда-то нет, — заикнулся было дедушка.

Но Коля и Вася сказали с обидой:

— Дедушка Матвей, разве мы за угощением приходили? Мы к вам в гости приходили... Расскажите еще о пчелиной игре... Вы так хорошо рассказываете, с вами так хорошо слушать пчелиную игру...

До сумерек мальчики оставались на пасеке, они напекли картошки, угостили деда. Самой большой радостью для них было общение с дедом Матвеем. Дед это чувствовал, у него как будто крылья росли. До глубокой осени, пока ульи не перевезли в зимний омшанник, дети ходили в гости к деду Матвею.

Этому надо учить — учить делать добро и приобретать тонкое чувство потребности в человеке — старом, мудром, многоопытном.

Для уроков чуткости и человечности — безграничное поле, как безграничны человеческие отношения. Мы специально поучаем маленьких детей, как относиться к щедрости, бескорыстию, хлебосольству бабушек и дедушек. Чуткое отношение к этим душевным порывам приносит старикам большую радость.

Наш педагогический коллектив очень озабочен тем, чтобы взаимоотношения детей и уходящего поколения были проникнуты сердечностью, захватывали индивидуальный мир и ни в коем случае не приобретали характера очередной кампании или мероприятия. Как огня опасайтесь того, чтобы встреча школьного коллектива с уважаемым, заслуженным человеком не превратилась в красивый спектакль, а забота о стариках — в выполнение повинности. Отношения с пожилыми людьми должны быть только сердечными. От того, как относится ре-

бенок к уходящему поколению, в решающей мере зависит, каким он станет гражданином.

Учить человечности — самое сложное и невероятно трудное дело. Это значит утвердить уже в маленьком ребенке потребность в друге, дороже которого нет на свете. Одной из величайших радостей ребенка должно быть просто общение с человеком: я пришел к тебе потому, что не могу жить без тебя. К сожалению, бывает иначе.

Среди моих воспитанников было несколько равнодушных мальчиков. Трудно было их воспитывать. В силу самых разнообразных причин сердца у них были оледеневшие, равнодушные. Невозможно было думать ни о каком воспитании, не растопив этот ледяной панцирь, не пробудив мысли о том, что рядом с ними — люди и у каждого — свой мир, достойный уважения и неприкосновенности. Чтобы проникнуть в эти сердца, я поехал со своими воспитанниками в дом для престарелых. Мои мальчики увидели там отделение, в котором живут старики, не имеющие достаточно сил даже для того, чтобы обслужить себя: сесть за стол, выйти из комнаты.

Вид этих стариков поразил моих воспитанников. Дети спрашивали у меня:

— Они больны?

— Нет, не больны. Они стары, очень стары. Старость — это самая неумолимая болезнь, от которой не выздоравливают. К тому же они и одиноки... у них нет близких... ну, таких людей, которые бы хотели отдать им свои силы и рассеять их одиночество. В сущности, они и беспомощны и бессильны потому, что одиноки. Если бы у каждого из этих безучастных дедушек и бабушек был любимый человек, они были бы бодры, жизнерадостны, они ухаживали бы сами за собой. Одиночество и безнадежность делают человека бессильным...

— Значит, они живут здесь... живут здесь только для того... — сказал самый трудный, самый равнодушный мой мальчик Петро, сказал только часть своей мысли, побледнел и не находил в себе сил, чтобы высказать то, что в эти мгновения потрясло его. Мне пришлось закончить его мысль:

— ... только для того, чтобы умереть. Весь ужас их положения в том и заключается, что они знают: нас привезли сюда для того, чтобы мы здесь умерли...

— Но... как же это может быть? — спросил изумленный Петро. — Почему же так бывает?

Я не опасался того, что перед моими питомцами открылась мрачная страница человеческого бытия. От этих страниц никуда не уйдешь. Я был рад, что сердца моих самых равнодушных, самых трудных открылись перед человеческим миром.

Если вы хотите, чтобы питомцы ваши задумались над смыслом бытия, над целью жизни, над нравственными ценностями нашего мира, над тем, что у каждого должен быть безгранично родной, дорогой человек, что, если этого нет, жизнь может превратиться в ад, а старость в великое горе, если вы хотите, чтобы эти воспитательные замыслы стали реальностью, пусть они посмотрят в глаза тем, кто знает, что он никому не нужен.

20. РОЛЬ МАТЕРИ И ОТЦА В ЖИЗНИ РЕБЕНКА

Отец и мать дали тебе жизнь и живут для твоего счастья. Береги их здоровье и покой. Не приноси им боли, огорчений, страданий. Всё, что дают тебе отец и мать, — это их труд, пот, усталость. Умей уважать труд родителей. Самое большое счастье для отца и матери — твоя честная жизнь, трудолюбие, а в школьные годы — усердие в учении. Приноси в дом радость, оберегай счастье семьи. Если люди считают тебя плохим человеком — это большое горе для твоей матери и твоего отца.

По-настоящему любить отца и мать — это значит приносить в дом мир и покой.

Дорожи честью семьи. Знай, что твоя семья — это не только отец и мать. Это и вы, дети. Это твое поведение, твои поступки. Со всеми людьми надо быть правдивыми, но для матери и отца малейшая капелька лжи, если только они дорожат собственной честью, — это большое несчастье. Спрашивай у отца и матери разрешения и позволения на то, что без их воли делать нельзя. Настоящая свобода сына и дочери — быть послушными детьми. Подчинение воле родителей — первая школа гражданского воспитания, твоей совести. Если ты не научился подчиняться воле родителей и в этом подчинении видеть настоящую свою свободу — ты не сможешь стать стойким, несгибаемым воином, дисциплинированным тружеником, верным отцом своих детей.

Проблема отцов и детей — одна из самых сложных в воспитании; у этой проблемы столько граней, сколько перед вами живых, неповторимых питомцев. Прежде всего надо оговориться, что все попытки оказать воспитательное влияние на ребенка останутся тщетными, если отец, мать не являются теми людьми, истинная потребность в которых составляет моральную культуру и полноту жизни детей. Только при том условии, если у отца и матери есть моральное право повелевать (а родительское воспитание — это, по существу, воля отца и матери, помноженная на их любовь к детям и на любовь детей к ним), все поучения, предназначенные для детей, могут дойти до их сердца, вызвать ответные чувства, пробудить желание быть хорошим. Право повелевать и любовь оберегает и защищает его, ребенок с пониманием относится к требовательности, строгости отца и матери, знает, что в поведении недопустим произвол. Повелевание без любви превращает жизнь ребенка в мучения. И другая зависимость: чем нежнее и щедрее родительская любовь, тем мудрее и многоопытнее должна быть воля. Любовь без умения повелевать, управлять желаниями, особенно ограничивать желания, превращает ребенка в капризное, своенравное существо, на которое, как вскоре в этом убеждаются мать и отец, нет никакой управы. Непослушание — в подавляющем большинстве случаев нарушение гармонии любви и воли.

Итак, мы учим родителей и будущих родителей любить и повелевать, зорко следим за тем, чтобы не нарушалась гармония этих понятий.

Параллельно с воспитанием родителей идет этическое просвещение детей, подростков, юношей и девушек. Как практически осуществлять поучения, касающиеся отношения к родителям?

Мы считаем исключительно важным, чтобы в школе царил культ матери. Конечно, для гармонического воспитания важно общее, совместное влияние на ребенка отца и матери как духовного содружества, товарищества. Любовь и дружба, взаимная поддержка отца и матери являются для ребенка наглядным примером, который вводит его в мир сложных человеческих отношений. Отец и мать как бы дополняют друг друга; ребенок по-настоящему видит своего отца, если у него есть хорошая дружба с матерью... Но все же первые истоки, первые тончайшие корни нравственного развития ребенка — в разуме, чувствах,

душевных порывах матери. Человек в своем нравственном развитии становится таким, какова у него мать, точнее, какова гармония любви и воли в ее духовном мире. Мудрость материнской любви заключается в том, что воля управляет любовью и подлинная человеческая любовь одухотворяет главный стимул воли — чувство ответственности за будущее человека.

Утверждение культа матери в духовной жизни детей, культа, в котором уважение проникнуто глубоким пониманием и понимание вдохновляет уважение, почитание, любовь, благоговение, требует от педагога умно, мудро, возвышенно говорить с детьми о высокой материнской миссии. Дети любят слушать, когда я читаю из моей этической хрестоматии сказки и были о Матери. Каждое поколение моих питомцев в самом чутком, нежном, хрупком возрасте запоминает навсегда Сказку о Гусыне.

Гражданин, воин, мужественный и несгибаемый человек, готовый положить голову за свою веру и свои убеждения, начинается с преданной, бескорыстной и щедрой любви к матери. Я считаю, что воспитал настоящего человека тогда, когда воспитал сына, которому нужна мать не тогда, когда ему, сыну, трудно, а в любое мгновение жизни: без матери — самого дорогого в мире человека — мир кажется ему убогим и безжизненным. Я вижу важную воспитательную миссию в том, чтобы сын умел жалеть, оберегать сердце матери, потому что оно неисчерпаемо и бесконечно в своей любви. Есть в моей этической хрестоматии несколько рассказов и сказок о Материнском Сердце.

В беседах с воспитанниками, особенно на рубеже детства и отрочества, я считаю очень важным сделать для ребенка ясной мысль о том, что мир и покой, счастье и благополучие матери зависят от ее детей. Материнское счастье создается ребенком, подростком, юношей.

Мы говорим молодым матерям: **полное материнское счастье ваше в том, что сын ваш счастлив, когда на душе у вас, матери, мир, покой и уверенность в том, что всё с детьми благополучно.**

Мы убеждаем детей: **биение ваших сердец, радость вашего бытия, возвышенная мечта об идеале, благородный порыв к выражению себя в творчестве, ваша любовь, счастье человеческой преданности, творение нового человека, вера в собственную несгибаемость и неодолимость в самые трудные минуты жизни, радость преодоления трудностей и сознание собственного мужества — всё это от матери. Мать не только рожает, но и рождает. Если бы она только рожала, она не была бы творцом рода человеческого. Мать рождает наше бытие, мать одухотворяет живой комочек жизни духом твоего народа, родным словом, мыслью, любовью и ненавистью, преданностью и непримиримостью. Мать творит твою неповторимую человеческую личность — вот в чем смысл, искусство и мастерство того, что мы называем рождением. Благодаря матери своей ты един со своим народом, ты капелька крови в его жилах, но вместе с тем ты единственный в мире. С молоком матери ты впитал в себя человеческую самобытность.**

Беречь мать — это значит заботиться о чистоте и незамутненности источника, из которого ты пил с первого своего дыхания и будешь пить до последнего мгновения своей жизни: ты живешь человеком и смо-

тришь в глаза других людей как человек лишь постольку, поскольку ты навсегда остаешься сыном своей матери.

В тихом, уютном коридоре — Уголок Матери. Здесь портреты матерей, у которых погибли на фронте дети. С волнением и благоговением смотрят наши дети на портрет Епистинии Федоровны Степановой. Девять ее сыновей сложили головы в боях за Советскую Родину. В самую душу детей смотрят грустные материнские глаза. В этом взгляде — великая мысль и великое, единственное в мире чувство — преданность святыням нашего народа, нашего Отечества. Воспитатель, ваша миссия в том, чтобы к тончайшим, самым чувствительным уголкам сердец ваших детей прикоснулся взгляд Русской Матери.

Рядом портрет еще одной матери, нашей односельчанки. Три ее сына, два брата и муж пали в боях за Отечество.

Воспитатель, ваша миссия — утвердить в детском сердце чувство заботы о матери как о самом дорогом в мире. Чтобы даже мысль об утрате матери была ужасной. Чтобы каждое ее слово было святыней, чтобы воля ее стала для детей законом. Это восхождение на вершину нравственности постепенное, но безостановочное. Надо использовать каждое жизненное обстоятельство для того, чтобы ребенок понял, что такое мать. Одного чувства привязанности мало. Ребенок должен как можно раньше задумываться, осмысливать, рассуждать. Чем взрослее будет мысль, тем глубже будут детские чувства. Как мать творит в своем ребенке самобытную и неповторимую человеческую индивидуальность, так и учитель творит в своем питомце его индивидуальное отношение к матери. Надо видеть всё, что делается в детской душе. Надо найти к каждому сердцу такой подход, чтобы соприкосновения ребенка с миром, с явлениями и фактами, с людьми пробуждали у него не только добрые чувства, но и тревожные, беспокойные раздумья, прежде всего о том, что утрата матери ни с чем не сравнимое горе.

Есть в моей хрестоматии сказка-быль о семи дочерях. Рассказывая ее, я стремлюсь пробудить в сознании маленьких дочерей и сынов взрослые мысли: для чего мне нужна мать? Почему я дорожу ею? Маковому цветку нужен солнечный луч, сухой земле — капля воды, беспомощному птенцу — заботливая пташка-мать, пчеле — цветок, розе — утренняя роса, вишневому саду — песня соловья... — все это нужно для того, чтобы лучше, легче, приятнее, красивее было мне. Как важно утвердить в душе сына и дочери чувство того, что мать дорога не столько как источник личных радостей и благ, сколько как живой, любящий человек, у которого есть мир своих чувств и мыслей!

Может быть, у моего коллеги-учителя возникнет недоуменный вопрос: почему нет ни слова об отце? У меня свои взгляды на ряд тончайших зависимостей воспитания. Я твердо убежден, что мать со своим богатым духовным миром, своей образованностью, своими широкими общественными интересами, своим чувством собственного достоинства, своей преданностью и вместе с тем высокой требовательностью в любви к мужу, своей строгостью, несгибаемостью, нетерпимостью к злу (а важнейшим злом в семье пока еще является духовное рабство женщины, ее холопское подчинение мифической власти рабовладельца-мужа), мать, женщина должна быть нравственным, духовным властелином и повелителем в семье, к этой миссии ее надо готовить с детства. Теперь же я хочу сказать, что вся воспитательная работа, направленная на воспитание благородного отношения к матери, — это

краеугольные камни, утверждающие авторитет отца. Подлинная гармония воли и любви, о которой шла речь выше, достигается в тех семьях, где в нравственно-этических и духовно-психологических отношениях властвует мать, где свет разума, мудрости, изумляющих детей каждодневными открытиями человеческой красоты, исходит от матери, где духовную красоту, благородство, преданность мужа жене и семье дети видят только благодаря этому свету, исходящему единственно от умной, тонко чувствующей человеческие доблести и пороки матери. От материнской мудрости исходит духовная сила, морально дисциплинирующая отца, утверждающая в нем чувство благородной человеческой ответственности за семью. В хорошей семье — а хорошей я называю семью, у духовных истоков которых стоит умная, духовно богатая, гордая, умеющая дорожить своим достоинством мать, — всё это осуществляется тонко, изящно, незаметно; духовная власть женщины над мужем возвышает его; не раз убеждался: чем изящнее, незаметнее умение жены и матери быть духовным властелином, повелительницей семьи, тем больше уважают дети отца, тем преданнее любят его, тем органичнее в их сознании сливаются мать и отец как нечто единое, породившее и творящее их.

Умение матери тонко и изящно властвовать и повелевать — одно из самых важных условий так называемой отцовской власти, или твердой руки отца. Здесь надо остановиться на одном нелепом предрассудке, утвердившемся в сознании части педагогов и родителей. Кое-кто считает, что «отцовская власть», «твердая рука» отца — это некие волшебные палочки, действующие уже в силу того, что с ребенком соприкасается существо мужского рода. Высказывается даже опасение по поводу того, что в школах происходит феминизация — усиление женского влияния за счет ослабления влияния мужского. Ребенку якобы недостает именно мужской «твердой руки», которая должна держать его в узде. Нелепость этого предрассудка опровергается самой жизнью. Разве можно противопоставлять женское — материнское влияние мужскому отцовскому влиянию? Было бы неверным считать, что от мужчины якобы исходит более сильное, волевое влияние и в этом заключается мужественность воспитательной силы мужчины-отца, а от женщины-матери — более нежное, тонкое, благородное влияние, чуть ли не расслабляющее человека. Настоящая женщина-мать нежна, как лепесток только раскрывшегося цветка, и тверда, мужественна, несгибаема, непримирима к злу и беспощадна, как справедливый меч. Жизнь дает множество изумительных примеров женского — материнского мужества.

Но нельзя отрицать особенной роли и особенного места мужчины-отца в воспитании детей, в том сложном оркестре, который называется духовными взаимоотношениями отца и матери как единой силы, властвующей над молодым поколением. Роль мужчины-отца определяется его ответственностью. Отец, умеющий быть ответственным, умеющий долженствовать, — настоящий мужчина; его воля становится силой, способной дисциплинировать мысли, чувства, желания, порывы детей. Отношения в семье исторически сложились так, что труд отца, имеющий своей целью заботы о здоровье, жизни, благопо-

лучии детей, становится основой его нравственности. Чем желаннее и радостнее этот труд для Мужчины, тем благороднее, чище нравственный облик его как Мужа и Отца. Радостный и желанный труд Отца делает существо мужского пола настоящим Мужчиной.

Мужественность Мужчины, Мужа, Отца заключается в умении защищать, обрегать детей и жену. Нравственный долг, нравственная ответственность мужчины требует от него быть главным кормильцем детей и матери: обстоятельства могут складываться так, что в определенные периоды труд матери должен заключаться только в воспитании детей. С этого начинается миссия Мужчины, Мужа, Отца. Если мы говорим о гражданском облике отца, о его способности быть образцом для детей, то гражданственность мужчины определяется прежде всего его способностью быть долженствующим. Ответственность за человека, рожденного тобой, — это твоя первая школа гражданского служения Отечеству. Тропинка к служению Отечеству для настоящего мужчины проходит через семью, через долженствование в сфере отношений с женой и детьми, через ответственность за человека. Только идя этой тропинкой, мужчина-отец способен подняться к вершине патриотического служения Родине.

Таковы нравственные позиции, из которых мы исходим, воспитывая у детей, подростков и юношей любовь и уважение к отцу. Мы поучаем своих питомцев: **отец — самый родной, самый дорогой для тебя мужчина, в облике которого выражается человеческая ответственность за твое появление на свет, за каждый твой шаг и поступок, за весь твой жизненный путь — от рождения до смерти. В отцовстве — великая миссия продолжения рода человеческого, творения нового человека, преемственности поколений, нравственного совершенствования личности и рода человеческого в новой, созданной отцом и матерью личности. Мать рожает и рождает, отец рождает и выражает, продолжает, развивает себя в своем сыне и дочери, сливая свое духовное начало с духовным началом матери. Отца надо уважать за то, что он ответственный и долженствующий. Мерой ответственности и долженствования отца определяется мера твоего сыновнего повиновения.**

Отец — гражданин, труженик, самый дорогой друг твоей матери. Служение твоего отца Родине, его верность и преданность социалистическому Отечеству, идеалам коммунизма — это твоя гордость. Умей быть наследником своего отца — дорожи тем, что он отдал и дает народу, что он оставил от своей души, своего ума в материальных и духовных ценностях Отечества.

Быть достойным своего отца — это твоя личная честь. С умения дорожить добрым именем, славой, трудом отца ты начинаешься как гражданин — помни это! Честь и достоинство отца надо умножать и оберегать, но не относиться к ним как к капиталу, на который можно жить, как к разменной монете, за которую можно приобретать блага и привилегии. Твой корень уходит в отцовскую честь, но тебе — помни это как один из главных заветов народной мудрости — надо иметь собственный корень. На отцовском корне, если у тебя не будет собственного, может вырасти чертополох. Чем ярче светят заслуги отца перед обществом, тем больше необходим тебе собственный свет.

Твой отец — защитник Родины. Он отслужил в Советской Армии, владеет оружием, необходимым для того, чтобы стрелять по врагу, если тот нападет на нашу страну. Если вспыхнет пламя войны, отец твой уйдет в бой. Он грудью своей будет защищать тебя, маму, бабушку и дедушку, всю твою семью, весь наш народ. Помни, что миллионы отцов погибли на фронтах Великой Отечественной войны, защищая социалистическое Отечество. Быть храбрым, мужественным воином — долг каждого мужчины.

В любви к отцу, которую мы стремимся утверждать, сочетается уважение с требовательностью. Ребенку хочется, чтобы его отец был ярко выраженной прекрасной личностью. Чем больше мы заботимся о том, чтобы в школе господствовал культ матери, тем сильнее потребность в отце.

Я знал многих детей, отцы которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Мальчики и девочки многие годы хранили как святыню какую-нибудь вещь, оставшуюся от отца: звездочку, ручку, кисет, платочек, ремень, полевую сумку. Эти живые, трепетные страницы народной истории — неоценимое нравственное богатство, без которого невозможно представить воспитание. Мы стремимся к тому, чтобы каждый ребенок видел, открывал в своем отце те черточки, которые создают непреходящие ценности, — честь, гордость, достоинство семьи. Познание моральных богатств в собственном отце — ничем не заменимые уроки чести. Два таких урока заключено в рассказах «Не было трудно» и «Мое поле, сын».

Воспитывая чувство любви и уважения к отцу, надо обладать большой чуткостью и тактом. Есть дети, для которых даже напоминание слова *отец* причиняет боль.

Вот что я видел на одном уроке.

— Дети, сейчас мы напишем наше любимое слово, — сказала учительница первоклассникам. — Кто догадается, какое это слово?

Дети задумались. Поднимают руки: догадались.

— Мама! — вот наше любимое слово.

Написали слово *мама.*

Учительница спрашивает:

— А еще какое слово вы хотите написать?

— Папа! — говорят дети, и в глазах у них — радость.

Только маленький синеглазый Саша не улыбается. Все пишут слово *папа,* а он не пишет. В его глазах — боль и страдание... Мальчик расплакался и выбежал из класса...

Какой чуткостью, душевной зоркостью, внимательностью, предусмотрительностью надо обладать учителю, чтобы не задеть ни одного сердца... Хочется посоветовать учителям: когда речь идет об отце, вы прикасаетесь к тонкому, чуткому, легко уязвимому уголку детского сердца. Умейте прикасаться так, чтобы этот уголок не кровоточил или же, наоборот, не огрубел, не стал бесчувственным.

И еще хочется посоветовать: ваша миссия — защищать детскую душу. Бывают такие обстоятельства, когда перед ребенком как бы обнажается острие ножа; маленькому человеку жутко, он закрывает глаза, сердце его замирает от страха. Такое чувство переживается в минуты обнажения тех интимных семейных взаимоотношений, которые ребенку хочется спрятать, прикрыть. Его отец оступился, даже совершил

преступление, это не значит, что сын должен презирать отца. Даже к закоренелому преступнику нередко приходит раскаяние под влиянием мысли о том, что дети переживают его падение как свое глубокое личное горе.

Берегите детскую любовь к человеку и веру в человека, творите, имейте эти высокие, чистые чувства — это заповеди для педагога. Семья — школа подлинной человеческой любви, любви доверчивой и строгой, нежной и требовательной. Эти заповеди нашего педагогического труда преломляются в этическом поучении для детей, подростков и юношей.

21. КАК УЧИТЬ ПИТОМЦА БЫТЬ ХОРОШИМ СЫНОМ (ДОЧЕРЬЮ)

Будьте хорошими детьми своих отцов и матерей. Три несчастья есть у человека: смерть, старость и плохие дети — говорит украинская народная мудрость. Старость — неотвратима, смерть — неумолима; перед этими несчастьями никто не может закрыть двери своего дома. А от плохих детей дом можно уберечь, как и от огня. И это зависит не только от родителей твоих, но и от вас самих — детей.

Что значит быть хорошим сыном, хорошей дочерью? Это значит приносить в дом только мир и покой, радость и счастье. Не приносить тревог, огорчений, обид, позора семье. Не допустить, чтобы старость отца и матери была отравлена твоим позорным поведением. Забота о мире и покое в семье, о радости и счастье родителей должна стать главным желанием твоей жизни, которое, как руль, управляло бы всеми другими желаниями. Любое свое желание подвергай контролю разума, мысли, сознания: а как это желание отразится на душевном мире моих родителей? Что оно даст им и что отберет у них?

Ты часто слышишь слова: жить для людей. Вдумайся, что это такое. Жить для людей — это значит быть настоящим сыном, настоящей дочерью отца и матери. Умей жить для людей. Это умение постигается по учебнику, который называется многовековой мудростью, народной моралью, опытом многих поколений. Умей читать этот учебник, думать над ним.

Хорошие дети — спокойная старость, плохие дети — старость превращается в ад — говорит украинская народная мудрость. Помните: как вы, дети, относитесь к своим отцу, матери, так и ваши дети будут относиться к вам, когда вы станете отцами и матерями. Быть добрым сыном, доброй дочерью — это должно быть в плоти и крови детства, отрочества, юности, зрелости и старости. До конца дней своих человек должен оставаться сыном. Чем больше его ответственность за собственных детей, тем выше его сыновний долг, даже тогда, когда уже нет в живых его матери и отца. Помни, что в мире всегда есть и будут люди старше тебя, может быть, не по годам, а по нравственному богатству, достоинству, праву на уважение.

Умей чувствовать тончайшие душевные движения матери и отца. Их болезнь — твое горе. Их неудачи и неприятности на работе — твоя беда. Их позор — не только твой позор, но и твое несчастье, от которого

можно избавиться, только преодолев его. Если в семье горе, несчастье, неприятность — твоя ответственность за благополучие семьи возрастает во сто крат. Только упорным трудом ты можешь облегчить труд своих родителей. Этот твой труд — самое сложное человеческое дело. Он — труд души. Несчастье, горе, беда матери и отца преодолеваются часто уже тем, что и как ты думаешь. Умей думать хорошо. Умей быть добрым в мыслях и чувствах.

Береги здоровье родителей. Помни, что раннюю старость и болезнь твоей матери и отцу твоему приносят не столько труд и усталость, сколько сердечные волнения, переживания, огорчения, обиды. Больше всего уязвляет сердце отца и матери сыновняя неблагодарность, равнодушие сына, дочери к тому, как отражаются на здоровье родителей их — сына и дочери — труд, жизнь, поведение.

Это одно из самых важных этических поучений, касающихся чутких взаимоотношений поколений. Я твердо убежден, что первая школа гражданского долженствования начинается с мысли ребенка: а что скажет и подумает о моем поведении мать, отец? В развитии тонкого чувствования ребенка к чувствам, переживаниям, мыслям матери и отца, вообще к их духовному миру я вижу исключительно важную воспитательную задачу. Как можно меньше вызовов в школу матерей и отцов для моральных нотаций детям, для устрашения сыновей отцовской «сильной рукой», для предупреждения об опасностях, «если и дальше так будет продолжаться», и как можно больше такого духовного общения детей с родителями, которое приносит радость матерям и отцам, — вот какого очень важного принципа придерживаемся мы в воспитании отношений матерей и отцов, с одной стороны, и детей — с другой. Мы считаем очень важным, чтобы ребенку было совестно перед матерью и отцом (как, впрочем, и родителям должно быть совестно перед детьми — это особый вопрос), чтобы он с малых лет познал, какая это большая радость — принести счастье, удовлетворение, полноту духовной жизни матери и отцу. Воспитывайте так, чтобы у ребенка были радости, которые становились бы радостью матери и отца. В начальных классах, если хотите, у нас на этом держится школа — и ни на чем другом. Всё, что у ребенка в голове, в душе, в тетради, в дневнике, — всё это мы рассматриваем с точки зрения взаимоотношений детей и родителей. Совершенно недопустимо, чтобы ребенок приносил матери и отцу одни огорчения, — это уродливое воспитание. Зорко следите за тем, чтобы именно в этот период — в начальных классах — не появились плохие дети, чтобы у матери не ожесточилось сердце, а у ребенка не угасло желание быть хорошим. Взаимоотношения детей и родителей должны строиться только на желании ребенка быть хорошим, на том, что он приносит в семью радость. Это особая, малоисследованная грань школьного обучения; ее сущность заключается в том, что всё обучение ребенка — это его воспитание; что бы вы ему ни рассказывали, ни объясняли, ни спрашивали, вы прикасаетесь к его сердцу, вы излучаете свет, который в конечном счете отражается на родителях.

Мы приглашаем матерей и отцов в школу очень часто. Приглашаем на Праздник матери и Праздник отца, на Праздники Книги и Праздники Творчества. Здесь — это и есть

наш замысел — матери и отцы соприкасаются с умом, способностями, наклонностями своих детей. Здесь родители видят умственный труд и успехи сыновей и дочерей. Каждая мать, каждый отец несут сюда тайную надежду на то, что сегодня их порадуют успехи сына, дочери. Не всегда эти надежды оправдываются сегодня, но ни у одного отца, ни у одной матери нет несбывшихся надежд. Без этого невозможно было бы представить правильное воспитание детей.

Мне кажется странным, удивительным, совершенно непонятным тот факт, что в подавляющем большинстве школ игнорируется важнейший стимул, побуждающий ребенка хорошо учиться и вообще быть хорошим человеком, — желание принести в семью радость, счастье, мир и покой. Это желание — самая тонкая и в то же время самая прочная нить, связывающая школу с семьей. Если нет этой нити или она оборвалась, в звук пустой превращается педагогическое просвещение родителей, никаких желаемых результатов не дает обращение школы к помощи семьи. Единство усилий школы и семьи становится возможным лишь тогда, когда сын стремится принести и несет в семью радость. Конечно, речь идет о нравственно здоровой семье, построенной на прочных человеческих основах взаимной любви, преданности, помощи, соучастии каждого члена семьи в творении общего счастья.

Я вспоминаю интересное событие, которое произошло в одной из наших семей. Восьмиклассник Виктор Матвиенко, не обладая большими способностями, отличался трудолюбием и усердием. Камнем преткновения для него была математика. С трудом он учился на «трояки». Мальчик поставил цель: научиться решать задачи и овладеть теоретическим материалом настолько прочно и глубоко, чтобы получать только «пятерки». Он записался в математический кружок, часами просиживал над трудными задачами. Его тайной надеждой было стремление к тому, чтобы мать и отец не вздыхали с огорчением, когда речь заходит о математике. И вот однажды он пришел из школы радостный, сияющий. Открыв дверь, он сразу же воскликнул: «За письменную — «пятерка»!»

Мальчик не успел заметить, что мать и отец были чем-то очень взволнованы, в глазах матери застыло страдание, у отца дрожали руки от волнения. Ничего этого Виктор не увидел. Он не знал, что у матери и отца была серьезная размолвка, что он прервал ее на том моменте, когда мать поставила отцу вопрос: можно ли дальше жить так, как живем мы, можно ли мне прятать самой от себя свои обиды, горечи...

В это мгновение прозвенел радостный голос сына. Никогда еще мать и отец не видели в его глазах такой радости. Он принес свою радость им — матери и отцу — как богатство, достигнутое огромным трудом. «Радость, принесенная сыном, перевернула мою душу, — рассказал мне отец. — Она погасила костер нашего разлада... Мне стало стыдно перед собой. Я понял, что сын наш не одну неделю стремился, мечтал о том, чтобы принести нам с матерью счастливую минуту. Какой же я отец, если в эту минуту буду думать о чем-то другом? Поверьте, радость, принесенная сыном, спасла нас от разрыва, а точнее будет сказать — спасла меня от предательства...»

Я знаю десятки семей, в которых тонкие и глубокие трещины во взаимоотношениях отца и матери исчезали именно благодаря тому, что ребенок приносил в семью радость, мир и покой. Природа человеческого духа такова, что в счастье своего сына или дочери мать и отец видят свое общее творение, и, чем глубже это счастье, тем больше оно укрепляет духовную общность и взаимную преданность матери и отца. Миссия школы в укреплении семьи очень важная: ребенок должен приносить из школы домой радости. Я никогда не соглашусь с возражениями, которые могут последовать: а что же сделаешь, если ребенок учится плохо, откуда же возьмешь ему радость? В том-то и дело, что ни один ребенок не должен чувствовать и осознавать: я неудачник, ничего у меня не получается, ничего путного из меня не выйдет... Если

только эти мысли зародились в детской голове, он, ребенок, больше не ваш воспитанник и семья его — отец и мать выпали из сферы вашего воспитательного влияния. В том и заключается гуманная миссия воспитателя, чтобы самый слабый ученик переживал радость успеха: лишь при этом условии он ваш воспитанник, а в семье его маленькие радости являются огромной духовной силой, укрепляющей духовную общность матери и отца. Отец и мать в тысячу раз больше смогут помочь вам тогда, когда сын приносит им из школы радость, чем тогда, когда они заставили ребенка быть хорошим. Можно принудить к поступку, но *заставить быть* невозможно. В стремлении быть хорошим важнейшим побуждением является добрая воля ребенка; это источник долженствования, это условие того, что чуткий уголок сердца никогда не очерствеет.

Если человек чувствует , что он бесконечно дорог другому человеку, из таинственных глубин его организма поднимаются неведомые источники, способные победить страшный недуг. Я учу своих питомцев: **материнская душа — это нежный лепесток только что раскрывшегося цветка. Твое недоброе слово — царапинка на хрупкой ткани души материнской. Мать перенесет всё: и обиду, и боль, и горе... Но от каждой царапины навсегда остается ранка — помни это.**

На выпускном вечере, провожая юных граждан в самостоятельную жизнь, я рассказываю им сказку «Мой жаворонок в окошко улетел».

Пусть каждому из вас, будущие матери и отцы, на всю жизнь запомнится то мгновение, когда вы съели улетевшего в окошко жаворонка, когда мама ваша, вздохнув тихонько, чтобы и вас особенно не потревожить, сказала об этом, и до вас дошел подлинний смысл ее слов. Пусть мысль об этом мгновении всю жизнь горит ярким красным огоньком на вашем пути, предостерегая от равнодушия и бессердечности, напоминая вам: о с т о р о ж н о, у меня единственная в мире мать, у меня единственный в мире отец.

Если вы сумеете сказать об этом юношам и девушкам в тот торжественный момент, когда они прощаются со школой, сказать ярко и выразительно, это будет хорошим завещанием, напутствием и наставлением. Помните, что далеко не всем вашим питомцам быть инженерами и врачами, учеными и художниками, а отцами и матерями быть всем, без исключения, мужьями и женами — быть всем. И если поставить воспитательные задачи школы по степени важности, то на первом месте станет воспитание Человека, мужа, жены, отца, матери, а на втором месте — воспитание будущего инженера или врача.

22. КАК ПОЗДРАВЛЯТЬ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

У твоего товарища родился брат или родилась сестра — поздравь его с счастьем. Поздравление с рождением человека — один из признаков человеческой культуры.

Для каждого человека День его Рождения — самый счастливый в его жизни. Если никто не поздравил его с Днем Рождения, даже не напо-

мнил ему об этом — этот человек одинок и несчастен. Есть люди, которых не огорчает одиночество, — они вдвойне несчастны. Ты должен знать и всю жизнь помнить День Рождения матери, отца, дедушки, братьев, сестер. Счастье семьи заключается в том, что мы отдаем друг другу теплоту своих сердец. Сколько человек в семье, столько и Дней Рождения.

В День Рождения дорогого для тебя человека встань раньше обычного. Приди к имениннику и скажи ему: «Поздравляю с Днем Рождения. Желаю вам от всего сердца доброго здоровья и счастья, сильного духа и ясной мысли». Если поздравляешь маленьких брата или сестру, порадуй их, напомнив, сколько лет исполнилось сегодня имениннику. В детстве годы прибавляются с восторгом, в отрочестве — с радостью, в ранней юности — с волнением и тревогой, в зрелости — с грустью, в старости — с печалью. Не надо считать, сколько лет исполнилось отцу или матери, бабушке или дедушке. Не напоминай, сколько лет твоей старшей сестре — имениннице, особенно если ей уже больше двадцати. Девушке, женщине всегда хочется быть молодой — это право той половины рода человеческого, в которой с наибольшей силой и выразительностью видим мы свою красоту. Красота должна быть неувядаемой; годы творят, но годы же и разрушают красоту. Время необратимо, как необратимо прожитое и пережитое. Счастье человеческое не в том, что прошел еще год, а в том, что он нам принес. Поздравление с Днем Рождения требует большого такта и душевной тонкости. В том, как ты поздравил, о чем сумел вспомнить и о чем подумать, о чем сказать и о чем умолчать, выражается твоя культура. Поздравляя, не надо говорить: «Желаю многих лет жизни...» Ребенку, подростку эти слова ничего не скажут, потому что для понимания и переживания этих слов необходима большая жизненная мудрость: отцу и матери они лишний раз напомнят, что придет время уходить в небытие, для дедушки и бабушки они прозвучат иронией, потому что годы их жизни уже ушли...

В День Рождения преподнеси подарок дорогому для тебя человеку. Подарок на День Рождения — это вещественное выражение твоей культуры, символ, память сердца. Умей сделать или купить подарок. Самый дорогой подарок для родного, дорогого тебе человека — что-нибудь сделанное твоими руками, например цветы, которые ты сам вырастил. Хороший подарок — рисунок, стихотворение или маленький альбом, даже обычная тетрадь с твоими рисунками или стихами. Не умеешь писать стихов — напиши маленький рассказ о том, что запомнилось тебе на всю жизнь. Матери-имениннице напиши свое воспоминание: какой она запомнилась на самой первой страничке твоей памяти. Бестактно просить у матери или отца деньги, чтобы купить им подарок в День Рождения. Если сам не умеешь сделать ничего своими руками или поленился, — ну, что же, сумей отчитаться перед своей совестью, купи подарок, заставив себя отказаться от самого необходимого. Если мать ежедневно дает тебе десять или пятнадцать копеек на обед, не пообедай несколько дней, купи книгу, которую, ты знаешь это, любят мать и отец. Не думай о покупке дорогих и громоздких вещей. Пусть будет мал золотник, да дорог. Ценность подарка на День Рождения — нравственная ценность, она измеряется не стоимостью вещи, а теми силами души, которые ты вло-

жил, готовясь принести радость.

Особенно дорого поздравление с Днем Рождения для твоих дедушки и бабушки. Забыть о их Дне Рождения — значит быть моральным невеждой.

Не забудь о Дне Рождения своего старого учителя, особенно если он одинок.

День Рождения — семейное торжество. Это праздник родных и близких, а не всего коллектива (общественность отмечает только День Рождения людей, удостоившихся этой чести своими заслугами перед обществом, да и об их юбилее люди узнают, когда человеку исполняется 50 лет, не раньше). Отмечать торжественно в коллективе День Рождения раньше этого возраста или если человек не удостоился признания общества — нескромно. Семья, как правило только семья, должна отмечать торжественно День Рождения взрослого человека.

Не надо отмечать торжественно День Рождения каждого школьника и в большом коллективе школы-интерната, как это, к сожалению, нередко делается: собирают в большом зале всех воспитанников, сажают на почетное место всех родившихся в истекшем месяце и поздравляют... Трудно придумать что-либо более бессердечное и глупое, чем это представление. С воспитательной же точки зрения такой День Рождения калечит юную душу:маленький человек с детства привыкает делать значительные вещи только для проформы. День Рождения — это Праздник Родственных Сердец — нельзя забывать об этом. Юбилей уважаемого обществом человека отмечают в клубе, произносятся торжественные речи, но потом все равно собираются родные и самые близкие — без этого не мыслится Праздник Дня Рождения. Праздник Родственных Сердец лишь тогда становится тем, чем он должен быть, когда в нем участвуют люди, которые приобрели моральное право прикасаться к сокровенным уголкам твоего сердца. Школа-интернат, как и любой коллектив большой школы, не может обладать душевными силами того семейного очага, который бы по-настоящему прикоснулся к каждому сердцу. В этом большом коллективе есть коллективы маленькие — люди, живущие в одной комнате. С этой маленькой группой должна проводиться воспитательная работа, создающая атмосферу семьи, иначе невозможно представить воспитание личности, пробуждение и утверждение чувств сердечности, душевной близости, участливости. Подумаем над словами В. И. Ленина: «Нельзя жить в доме, где все окна и двери никогда не запираются, постоянно открыты на улицу и всякий проходящий считает нужным посмотреть, что вы делаете. Я бы с ума сошел, если бы пришлось жить в коммуне, вроде той, что в 1902 году Мартов, Засулич и Алексеев организовали в Лондоне. Это больше чем дом с открытыми окнами, это проходной двор. Чернышевский правильно заметил: у каждого есть уголок жизни, куда никто никогда не должен залезать и каждый должен иметь «особую комнату» только для себя одного»[1].

Нельзя превращать большой школьный коллектив в огромную

[1] Автор цитирует воспоминания С. И. Гусева о беседе с В. И. Лениным, приведенные в статье В. Логинова «Мыслитель, революционер, человек» (см.: Юность. 1969. № 9. С. 79).

комнату с открытыми окнами и дверями — в ней человеку вначале жутко и неуютно, а потом безразлично. Большой коллектив существует совсем не для того, чтобы выставлять напоказ всё, что делается в каждом сердце. Я видел школы-интернаты, где в одной комнате живут тридцать детей... Жалкая это жизнь, и печально то, что воспитателей не удручает недопустимость такого «коллективизма». Здесь детское сердце отупляется, деревенеет, маленький человек становится равнодушным и к тому, что делается рядом с ним, и к самому себе. Он может спать непробудным сном, когда у соседней кроватки воспитатель целый час громко «читает мораль» его товарищу... или целую ночь не спать — возбужденный, взбудораженный, растревоженный. Создание в большом коллективе школы-интерната атмосферы семьи — пока еще проблема, ожидающая осмысления, творчества.

Детей надо учить поздравлять, учить дарить. Но слова воспитателя доходят до детского сердца лишь тогда, когда ребенок учится чувствовать. В жизни бывают обстоятельства, события, явления, когда перед детьми открывается грань человеческих отношений, наполняющая каждое слово воспитателя, отца, матери глубоким смыслом. Обычное слово, которое ребенок часто слышит, вдруг открывается перед ним неведомым, чудесным оттенком, затрагивающим сокровенный личный мир. Умейте увидеть мир глазами своих детей. В этом умении — один из источников вашего педагогического мастерства.

23. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ЧУВСТВО ВЕРНОСТИ И ПРЕДАННОСТИ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

Посади на приусадебном участке Яблоню Матери, Яблоню Отца, Яблоню Бабушки, Яблоню Дедушки, Яблоню Брата, Яблоню Сестры. Первые плоды с этих деревьев — матери, бабушке, отцу, дедушке. Что отдал — твое, что скроешь — то потеряно навек (Шота Руставели). Даже в большом городе можно вырастить в комнате Сад Матери и Отца, Дедушки и Бабушки. Главное — уметь вкладывать свои благородные чувства в человека, в труд. Если ты живешь в селе — посади яблоню для одинокого человека, которому нелегко жить из-за своего одиночества. Созреют плоды — отнеси их одинокому человеку. Принося радость другим, ты возвышаешь себя.

Всегда оставайся дитём своей матери, потому что ты для нее даже 60-летний, даже 70-летний — всегда дитя. Спрашивай у нее совета, неси ей свои радости и печали. Ты поступил в пионеры, стал комсомольцем, получил паспорт — неси свою радость отцу и матери. Ты получил свой первый заработок — купи подарок матери, бабушке. Этот подарок — выражение твоей благодарности. Умей давать матери и отцу слово (обещание), умей выполнять свое слово. Сдержать слово, данное матери, отцу, — это выражение твоей чести и достоинства. Заставляй себя делать то, что необходимо, надо, должно. Отношение твое к матери и отцу — первая школа чести, достоинства.

Речь идет о той исключительной тонкой стороне этики, которая выражается в чувстве и сознании верности, преданности, непоколебимой приверженности идеалу, нетерпимости к измене, вероломству,

предательству, лицемерию.

Наша высокая цель — воспитать верных сынов и дочерей социалистического Отечества, до конца преданных идеям коммунизма, готовых отдать свою жизнь за свободу и независимость нашего Отечества, за святыни и ценности трудового народа, за победу коммунизма. Верность высоким идеалам — вершина морального развития личности. Это благородное чувство начинается с верности человеку, с любви и преданности тем, кому обязан свободный человек в нашем обществе своим рождением, счастьем, материальными и духовными благами. Верность — дитя убежденности и совместной деятельности маленького ребенка и других людей, прежде всего кровно связанных с ним: матери, отца, братьев, сестер. Идейность, убежденность, принципиальность личности, ее приверженность делу коммунизма — эти черты имеют своими тончайшими корнями веру ребенка в другого человека, прежде всего в родителей. Принципы начинаются с колыбели — это один из краеугольных камней нашего воспитания. Твердость юной руки, принимающей от старших поколений знамя революции, готовность нести его всю жизнь зависят от того, **как** эту руку держала в годы детства верная, сильная, мужественная и мудрая рука отца, матери, старшего верного друга. Отношения, которые должны складываться в семье между детьми и родителям, между маленькими и старшими, — это прежде всего школа веры и верности. Вера в идеи и идеалы приходит в юное сердце лишь тогда, когда оно в детстве утвердилось в своей вере в человека и научилось быть верным и преданным человеку.

Наш воспитательный идеал в том, чтобы вера и верность стали как бы частицей самого существа ребенка, смыслом его жизни, чтобы в своей верности и преданности отцу и матери, старшему брату и сестре маленький человек осмысливал великую радость своего бытия. Уже на рубеже детства и отрочества ребенок должен прийти к мысли, что он к чему-то стремится, куда-то идет; заветная цель жизни уже в этот период становится светом, озаряющим его собственную душу, помогающим увидеть и оценить свои ценности, но все это превратится в реальность лишь тогда, когда у него есть что-то дорогое: дорогой человек, дорогие чувства и переживания, дорогие надежды и ожидания. Вера в идеи, идеалы, убеждение неотделима от веры в человека. Как важно, чтобы рядом с ребенком и особенно подростком был человек, вера в которого непоколебима. От веры в человека зависит исключительно важная способность *дорожить* — истинами, убеждениями, собственным достоинством.

Способность дорожить — это искра, зажигающая порох верности и веры. Как важно, чтобы в годы детства и отрочества человек дорожил истинными ценностями, чтобы люди, окружающие ребенка, были достойны его верности и веры! Я знаю семьи, где восторженная вера ребенка в отца, в мать, в старшего брата, в дедушку как в людей, нравственное единство которых с детьми стало могучей воспитательной силой, — эта вера, живущая в душе ребенка, оказывалась сильнейшим противоядием, преодолевающим семена и ростки зла, неправды, обмана, лицемерия, нередко встречающиеся на жизненном пути ребенка. Знаю и семьи, где в детстве и отрочестве человек не встретил людей,

достойных веры, доверия, верности. Детство в таких семьях проходит без веры и верности — в этом главная причина духовной пустоты, морального невежества, закрытости сердца и разума ребенка перед великими идеалами и принципами. Человек, перед которым истина не открывается в *образце,* в идеале, не может быть ни убежденным, ни принципиальным, потому что он *неверующий,* отношение его к людям, которые должны быть дорогими для него, не определяется его верностью, да и нет у него никого дорогого.

Что такое дисциплина, повиновение, самодисциплина, самовоспитание, сознание и чувство долга? Применительно к ребенку истина — это производное от веры и верности. Тому, для кого нравственная идея не воплощена в образе живого человека, у кого нет личного отношения к *этому* человеку, недоступны угрызения совести; сколько их ни пробуждай — сердце не отзовется; устыдиться и убояться — это великое счастье, тоже доступное лишь тому, кто верит и дорожит своей верностью.

Я осмелюсь сказать, детский коллектив держится прежде всего на вере в учителя, на верности и преданности ему, на любви к нему. Нет более животворного источника, питающего чувство долга детей к чему-то святому и непоколебимому, чем вера, верность, преданность, любовь к человеку, который — это они уже знают и еще в большей мере чувствуют — отдает им свою жизнь. Учитель, о котором идет речь, никогда не наказывает, самым большим наказанием для его питомцев является огорчение учителя. У учителя, бывает, болит горло, ему трудно говорить громко, иногда несколько дней он произносит слова вполголоса или шепотом. В таких случаях в классе абсолютная тишина, дети боятся шевельнуться, сдерживают не только движения, но и дыхание. Они боятся причинить трудность, боль, огорчение. Тому, кто сомневается, должен ли ребенок бояться старших или не должен, я советовал бы подумать о труде этого учителя. Да, ребенок должен бояться. Не опасных и неприятных последствий своего поступка для самого себя, а самой возможности причинить зло, даже малейшую обиду или огорчение другому человеку. Боязнь и страх не одно и то же, как и безбоязненность и бесстрашие. Безбоязненность — это не бесстрашие, не смелость, а наглость. Благородная боязнь живет и становится все более тонкой и чувствительной только в сердце ребенка, которому есть кем дорожить. Боязнь, которую нам надо воспитывать, неотделима от веры и верности.

Но поучать детей: верьте и будьте верными и преданными — лишь одна сторона дела. Можно хорошо учить этому и внести в детскую душу смятение, возмущение, беду, если человек, которому поверил ребенок, оказался недостойным ни веры, ни доверия, ни верности. Поучая детей: верьте и будьте верными, мы в то же время озабочены другой стороной дела: чтобы матери и отцы были достойными веры, верности, преданности ребенка, детской любви. Если достигается эта гармония: ребенок верит, а родители достойны веры и любви — мир и покой не только во взаимоотношениях членов семьи, но и в душе ребенка, духовной жизни матери и отца. От этой гармонии зависит тонкость и благородство мотивов, пробуждающих ребенка к деятельности, к на-

пряжению духовных сил. Да и сила духа маленького человека — как трудно прикоснуться к этому неприкосновенному — духу, который может быть и сильным, и бессильным! — в решающей мере зависит от того, насколько достоин отец, достойна мать того благородного чувства веры, которое мы пробуждаем в детском сердце. Там, где есть гармония веры ребенка в достоинства родителей, ребенок стремится хорошо учиться потому, что ему хочется принести радость родителям, в его душе живет боязнь принести им огорчение.

Я знаю мальчика, который страдает оттого, что мама, посмотрев в его дневник, становится задумчивой, вздохнет и иногда еле покачает головой, потому что в дневнике бывает много оценок, кажущихся ей недостаточно надежными, — «троек»... Да и мальчик чувствует, что за этими оценками кроются поверхностные знания... Чтобы мама не вздыхала, чтобы глаза ее улыбнулись, он заставляет себя сидеть над уроками, хотя ему трудно добиться оценки выше, чем «тройка». Он идет в школу, находит пустой класс, садится в уголке и заставляет себя усидчиво, настойчиво работать над уроками. Мальчик стремится преодолеть свою посредственность, ему это неимоверно трудно, но он добивается победы: в дневнике появляются «четверки» и даже «пятерки», он с замиранием сердца ожидает улыбки в материнских глазах.

Если отец, мать оказываются недостойными веры, верности, преданности ребенка, в его душе может произойти надлом: маленькому человеку может показаться, что в мире вообще нет правды, истины. Если дойдет до такой трагедии в духовной жизни ребенка — а это в самом деле трагедия, — необходимо прийти ему на помощь, предотвратив беду.

24. ЧЕЛОВЕК ЛИШЬ ТОГДА СТАНОВИТСЯ ЧЕЛОВЕКОМ, КОГДА ОН ЛЮБИТ ЛЮДЕЙ

Люби людей. Любовь к людям — это твоя нравственная сердцевина. Живи так, чтобы твоя сердцевина была здоровой, чистой и сильной. Быть настоящим человеком — это значит отдавать силы своей души во имя того, чтобы люди вокруг тебя были красивее, духовно богаче; чтобы в каждом человеке, с которым ты соприкасаешься в жизни, осталось что-то хорошее от тебя, от труда твоей души. Человеческая любовь — это не бездеятельное идиллическое наслаждение и приспособление к человеку — такому, какой он есть. Любовь к человеку — это преданность творца, это борьба за нравственный идеал.

Но в любви к людям — этом нашем неисчерпаемом богатстве — есть и другие духовные начала. Мы любим людей потому, что находим в человеческой любви радости для самих себя, свое гражданское счастье. В любви к людям каждый из нас утверждает себя как сына своего народа. Самое понятие «народ» живет лишь постольку, поскольку есть любовь к людям, поскольку каждый из нас отдает частицу себя для всеобщего блага.

И еще одно духовное начало есть в нашей человеческой любви. Это наша п о т р е б н о с т ь в человеке. Я не могу жить без чувствования и осознания того, что я кому-то дорог, кто-то видит весь смысл своего

бытия лишь потому, что есть на свете я. Любовь — это преданность человека человеку. В любви человеческой вечно горит огонек, который я бы назвал духовной готовностью человека принадлежать другому человеку, быть его любимым существом. Это не порабощение, а истинное возвеличение личности. В этом духовном начале кроются корни человеческого достоинства, гордости, самобытности личности. Ребенок, переживающий и осознающий, что мать или бабушка считает его единственным, самым дорогим в мире принадлежащим ей существом, поистине счастлив как духовно свободная личность.

Если ты сумел открыть все эти духовные начала любви — ты нашел подлинное счастье жизни. Любовь — могучая воспитательница. Она делает человека чище, честнее, искреннее, требовательнее и строже в соблюдении нравственных устоев жизни. Последнее играет исключительно важную роль в твоем моральном становлении и развитии.

Начиная многолетнюю воспитательную работу с детьми, которые на моих глазах станут подростками, юношами, зрелыми людьми, отцами и матерями, я осознаю важность воспитательной миссии в том, чтобы питомцы мои видели в истинной любви человеческий подвиг, а источником подвига считали высокую человеческую любовь. Эта одухотворенность, это детское изумление любовью как подвигом — очень тонкая и нежная вещь, с которой каждый педагог должен обращаться, образно говоря, как с хрупким цветком. Я считаю очень важным так рассказать о любви как о подвиге, чтобы мое слово пробудило стремление любить и умение быть любимым — да, это тоже очень тонкое умение человеческой души.

Ребенок не может жить, не может по-настоящему развиваться нравственно, не может постепенно войти в большой мир гражданской жизни, *если он не умеет любить.* Я составил сказку «Маленькая Горбунья и Мерцающая Звездочка» только для того, чтобы, слушая ее и переживая, дети с чувством изумления открыли важную истину человеческого бытия: человек лишь тогда становится настоящим человеком, когда он любит.

Эта сказка навсегда запечатлевается в детских душах. Яркие фантастические образы здесь имеют земной, человеческий характер. Даже у самых маленьких детей зарождается мысль: подлинная красота — в преданности, в стремлении принести радость другому человеку. Моя сказка учит детей дорожить человеческой преданностью и любовью. Чувствование и понимание того, что тобой дорожат, — огромная человеческая ценность. Наша миссия заключается в том, чтобы каждый ребенок познал эту ценность и дорожил ею.

Вот какое трогательное событие произошло недавно у нас в селе, рядом со школой.

На зеленой лужайке собрались семь ребятишек со всей улочки — три мальчика и четыре девочки. Завтра радостный праздник. А сегодня, в предпраздничный день, издавна принято: взрослые дарят детям подарки. Стали хвалиться малыши, что кому мать и отец, дедушка и бабушка подарили. Самому старшему, Коле, уже три дня назад купили велосипед. Отец и мать думают, что он, Коля, не знает о подарке, спрятали велосипед в нежилой комнате, но от него ничего не спрячешь. Он уже и ездить попробовал, и винтик отвинтил и променял на лампочку к маленькому фонарику. Мише купили игрушечную пушку, Тане и Лиде — куклы, Оле — медвежонка, Зине — цветные карандаши.

«А меня бабушка взяла на руки и поцеловала», — сказал восьмилетний Сережа-пер-

воклассник, и в глазах его светилась такая радость, что все позавидовали ему. И велосипед, и пушка, и куклы с медвежонком, и цветные карандаши — все казалось бледным и незаметным по сравнению с тем, что испытал Сережа... Подарки были еще только куплены, не преподнесены, но дети уже сейчас принялись меняться. Куклу на пушку, медвежонка на куклу, карандаши на поездку на велосипеде... Только Сережа сидел гордый и независимый: его богатство нельзя приобрести ни на что другое. Это любовь. Она дороже всех других богатств.

Если бы все взрослые понимали, как дорожит ребенок любовью матери и отца, дедушки и бабушки! Не той слепой и безотчетной любовью, которая готова закрыть глаза на все предосудительное и видеть только хорошее, даже там, где хорошего нет, а мудрой, требовательной, по-человечески скупой и по-человечески щедрой. Как добиться того, чтобы ребенок дорожил вашей любовью, матери и отцы, дедушки и бабушки? Здесь исключительно важна одна трудно уловимая вещь: ребенок всегда должен чувствовать, что он еще не стал таким, каким хотят его видеть и каким любят его родные. У ребенка должно жить в душе неугасимое стремление к моральному совершенству. Это и есть чистое, благородное человеческое стремление быть любимым. Сережа дорожит бабушкиным поцелуем потому, что бабушка не целует его каждый день; она с болью душевной говорит ему о том, каким ему следует быть и каким он, к сожалению, еще не стал: еще надо приложить усилия — и вот ты станешь таким, каким надо быть настоящему человеку. У мудрого отца — матери сын всегда чувствует, что в мире есть люди лучше, морально выше, достойнее его; стать таким, как эти люди, — к этому надо стремиться, я люблю тебя не столько за то, какой ты есть, сколько за то, каким ты — верю в это — станешь. На этом в сущности и держится материнская и отцовская любовь и сыновняя преданность.

Нравственно чистая, возвышенная любовь, которую мы должны воспитать, имеет своим идеалом веру, доверие, преданность. Человеческая вера, доверие, преданность предполагают полное равенство. Но в жизни нет и быть не может людей совершенно одинаковых. Маленькая Горбунья страдает от того, что она никому не предана, а Мерцающая Звездочка дарит ей свою любовь великодушно. Мы любим того, кто любит нас. В человеческой любви всегда есть покровительство — есть более сильный или менее сильный или слабый. Слабый не чувствует себя несчастным; он слаб относительно, по сравнению с могучей духовной силой того, кто способен не только быть равным в любви, но и защитить, спасти, уберечь от несчастья. На человеческой неодинаковости, на том, что есть более сильные и менее сильные или слабые, держится вера, доверие, преданность.

Как важно, чтобы в стенах школы в процессе прикосновения человека к человеку раскрывалась, сохранялась, тонко оберегалась эта неодинаковость воли, мысли, чувства. Чтобы одна человеческая личность не ломалась о другую, а гармонически согласовывалась с ее особенностями, неповторимыми чертами. Я считаю важным, чтобы в отношениях между детьми и особенно подростками, юношами и девушками развивались преданность, вера и доверие, утверждающие благородство, великодушие, сердечность более сильных и духовные силы менее сильных или слабых. Каждому поколению воспитанников, достига-

ющих рубежа между детством и отрочеством, я рассказываю быль о верности и преданности — «Ваня Старший и Ваня Младший». Прослушав этот рассказ, дети приходят к мысли, что человек становится непобедимым, если он чувствует, что отвечает за чью-то жизнь. Человек становится таким же непобедимым, если он чувствует, что кто-то отвечает за его жизнь. Не страшитесь становиться Старшим. Не опасайтесь быть и Младшим — я произношу это слово с таким же уважением, как и слово Старший, и пишу его тоже с большой буквы. Главное, чтобы вы любили, верили и доверяли. Подлинная любовь воспитывает сильных духом людей, потому что любовь — это отдача духовных сил, беспокойство, тревога, волнение.

Искусство воспитания заключается в том, чтобы каждый питомец чувствовал себя Старшим по отношению к одному и Младшим по отношению к другому товарищу, чтобы каждый был и Сильным, и Слабым, защищал одного и находил защиту и покровительство у другого. Эта гармония человеческих отношений в коллективе — наш идеал. Для нас, педагогов, огромное счастье видеть, как этот идеал живет в поступках, отношениях.

Это было в теплый весенний день. Всё вокруг радовалось весне. Цвели сады, щебетали птички. В голубом небе летала журавлиная стая. Где-то весело журчал последний весенний ручеек.

На школьном дворе — безлюдье; сегодня выходной день. Под высоким тополем стоит маленький мальчик и плачет. Он не видит, как цветут сады. Он не слышит, как поют птички. Небо кажется ему не голубым, а черным. Журавлиная стая кажется мальчику гроздью слезин.

Далеко от тополя шла тропинкой девочка — года на три старше. Она увидела плачущего ребенка. Подошла к нему, положила руку на голову. Девочка что-то долго говорила мальчику, мальчик о чем-то сквозь слезы рассказывал девочке. Так они говорили около часа. Разговор их окончился тем, что мальчик улыбнулся. Он увидел цветущие сады. Он услышал веселое щебетание птичек. В голубом небе перед ним затрепетала журавлиная стая, и мальчик подумал: а ведь сейчас весна.

Если вам удастся подсмотреть такое замечательное событие, знайте, что вы счастливый человек.

25. КАК ФОРМИРОВАТЬ У ВОСПИТАННИКА РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Учение, овладение знаниями, сидение за книгой — большое благо и счастье. У твоих дедов и прадедов не было этого счастья. Они могли только мечтать о том, чтобы сесть за парту, взять в руки книгу, читать, писать, познавать мир. Твое детство, отрочество, ранняя юность — это дворец, озаренный светом знаний.

Без знаний он может превратиться в мрачное подземелье. Мысль, интеллектуальные интересы, творчество — эти твои блага оплачивают своим трудом рабочие и крестьяне. На каждого старшеклассника и студента трудятся рабочие и крестьяне. На каждого старшеклассника и студента трудятся рабочие и колхозники, чтобы он мог учиться не работая, не участвуя в создании хлеба насущного и других материальных благ.

Из-за того, что учение в нашем обществе стало не только общедо-

ступным, но и обязательным, в глазах многих молодых людей оно перестало быть благом. Хуже того, для некоторой части школьников учение является бременем, а иногда и наказанием и мучением. Воспитатель, помни, что, если дело доходит до этого, ни о каком успехе этического воспитания не может быть и речи. Всё другое в школе становится реальным и достижимым лишь тогда, когда человеку хочется учиться, когда в учении — в том, что он ходит в школу, читает, пишет, познает, — он чувствует радость и обретает радость и обретает человеческую гордость. Учись, потому что учение — это благо и счастье. Эти слова произносятся в школах множество раз, но их глубокий смысл далеко не всегда доходит до юных душ. Как же воспитывать, как поучать, просвещать и одухотворять, чтобы учение было желанным, привлекательным? Это одна из самых сложных и нелегких проблем школы, у нее тысячи граней.

Прежде всего, в ученике надо видеть человека, а не хранилище знаний, которые надо усваивать, усваивать и усваивать. Знания лишь тогда становятся благом, когда они рождаются из слияния внутренних духовных сил человека и мира, который познается. Важнейший источник радости познания — а это чувство и есть зерно, из которого растет мощное дерево богатой духовной жизни, — переживание и чувствование того, что знания — это плоды напряжения *моего* человеческого духа, плоды поиска, творчества — труда мысли, души. В обществе, которое, удовлетворяя материальные потребности человека, часто не различает истинных потребностей и ничем не оправданных желаний (а нередко, бывает, и капризов), моральное благородство человека зависит в огромной мере от того, какие духовные потребности порождает его деятельность. Главной потребностью нашего питомца должна быть мысль, думание, открытие истины — именно в этой сфере должна развиваться деятельность духа. Учение мыслится и переживается как счастье, благо, привлекательная деятельность тогда, когда мы воспитываем прежде всего мыслителя. Деятельность духа должна быть добыванием мыслей, жажда духовных богатств рождается лишь тогда, когда маленький человек каждодневно испытывает радость зарождения мысли, постижения истины, углубления в тайны мира.

В этическом воспитании маленьких детей большое значение мы придаем путешествиям к истокам мысли. Дети с учителем идут в сад или к старому дубу, в заросли кустарника или на пасеку, на берег пруда или в глубокий овраг. Здесь закладываются, образно говоря, тончайшие корни, питающие жажду знаний, здесь рождается желание познавать — быть умным, образованным. Миссия воспитателя заключается в том, чтобы открыть детям непонятное, пробудить стремление узнать. Самый несмелый и застенчивый становится здесь пытливым мыслителем. Чем лучше удалось учителю открыть глаза школьников на непонятное, тем глубже их чувство изумления, тем ярче детское стремление знать и познавать.

Многолетний опыт воспитательной работы твердо убедил меня, что маленький человек, пришедший к вам в школу, чтобы выйти из ее стен образованным и воспитанным, станет пытливым, любознательным, прилежным учеником лишь тогда, когда он — мыслитель, когда

жизнь его мысли в какой-то мере независима от того, что он учит и выучивает на уроках (независимость эта относительна, на самом же деле только богатство мыслительной деятельности, не связанное непосредственно с уроками, является основой успешного учения на уроках). В практической работе, занимаясь со школьниками младшего возраста, я с самого начала всегда стремлюсь к тому, чтобы свет, зажженный в саду, в степи, у цветущего или уснувшего на зиму дерева, озарял учение на уроках. Мыслительная деятельность вне уроков, независимо от уроков на первом этапе обучения должна быть несравненно значительнее, богаче, шире по объему, чем все то, что делает ребенок на уроке. Мои первоклассники — прежде всего мыслители, открывающие истину вне класса, изумленные и восторженные этой истиной и своим трудом, а потом ученики в узком смысле этого понятия. Чем в большей мере они мыслители, тем лучшие они ученики. Отношение ребенка к учению как к благу, счастью, радости вообще немыслимо, если в его духовном развитии нет бурной, бьющей ключом жизни мысли. Каждой выучиваемой букве, каждому арифметическому действию должны предшествовать *уроки мышления* у первоисточника мысли — среди природы.

Первый год обучения в школе — это огромный шаг в умственном развитии ребенка; путь, который проходит ребенок в этот год, не идет ни в какое сравнение с любимым школьным годом и с любимым десятилетием послешкольного периода. Этому году я придаю исключительное значение. Параллельно и одновременно с приобретением знаний в классе мальчики и девочки проходят школу мышления под открытым небом. Эта школа состоит из шестидесяти уроков, объединенных несколькими темами: «Как природа готовится к зиме и весеннему пробуждению», «Жизнь животных и растений в зимнем саду», «Природа просыпается от зимнего сна», «Живое и неживое в природе», «Как природа творит красоту», «Жизнь муравьев и пчел», «Жизнь луга и степи от утренней до вечерней зари», «Природа, человек и труд». Каждый урок мышления — это наблюдение, ви́дение, изумление перед загадкой природы, думание, открытие истины, переживание радости познания и гордости мыслителя. Двенадцать уроков мышления посвящаются наблюдениям за маленькой вишневой почкой. Дети наблюдают, как образуется почка, как ее закаляют жгучие морозы, как она спит и чутко прислушивается к тому, что делается в природе, как весенний теплый ветерок и солнечный луч открывают ее, и почка «распрямляет плечи и сбрасывает с себя сладкие пеленочки» (это слова детей), как появляются маленькие зеленые листочки, впервые в вишневом саду рождается жизнь листвы и закладываются новые почки, которые превратятся в листву в будущем году. Перед детьми — изумительная картина жизни, они открывают в мире десятки все новых и новых тайн. Их духовная жизнь в этот период определяется тем, что они живут в мире мысли. Чувствование ни с чем не сравнимой роскоши, прелести мысли — это и есть тонкий и крепкий корень творческого труда, который, закладываясь в детстве, дает могучую поросль на всю жизнь. Многие годы воспитания твердо убедили меня в том, что, если в первый период школьного воспитания все дети проходят школу мышле-

ния, в определенной мере независимую от того, что делается на уроках, не будет ни одного неуспевающего ребенка. У меня есть замысел: создать школу мышления в детском саду, ввести ребенка в мир интересного, увлекательного познания тайн природы с трехлетнего возраста.

Школа мышления, начавшаяся в первый период обучения, не должна прекращаться ни на один день. Чем больше потенциальные умственные возможности ребенка — а в подростковом возрасте, к 14—15 годам, по моему глубокому убеждению, если бы правильно было поставлено умственное воспитание, человек мог бы успешно окончить нынешний курс средней школы, — тем значительнее должна быть умственная жизнь, не связанная непосредственно с уроком. Но постепенно школа мышления включает в себя кроме мира природы еще и мир книги.

Это одна из самых важных педагогических проблем современной школы — дать ученику жизнь в мире книг. Я вижу воспитательную задачу исключительной важности в том, чтобы чтение стало самой сильной, неодолимой духовной страстью каждого ребенка, чтобы в книге человек на всю жизнь нашел привлекательное и роскошное общение с мыслью, красотой, величием человеческого духа, неисчерпаемым источником знаний. Это одна из элементарных закономерностей воспитания: если человек не нашел в школе мира книг, если этот мир не открыл перед ним интеллектуальных радостей бытия, школа ничего ему не дала и он ушел в жизнь с пустой душой.

Этому надо учить, учить и учить — приобщению к радостям жизни в мире книг. В начальных классах я читаю своим питомцам самые лучшие книги, которые вошли в золотой фонд человечества и по своему содержанию понятны и доступны эмоциональному миру маленьких детей. Произведения Джека Лондона и Сенкевича, Гюго и Бичер-Стоу, Марка Твена и Свифта, Жюля Верна и Гоголя, Тургенева и Короленко, Толстого и Чехова, Салтыкова-Щедрина и Горького, Шолохова и Леонова, Шевченко и Коцюбинского, Ивана Франко и Олеся Гончара — это пленительный мир красоты, мысли, человеческих страстей, который сам по себе открывает перед ребенком радости бытия. Я добиваюсь того, чтобы без чтения и перечитывания любимых книг, без уединения за любимой книгой жизнь казалась моим мальчикам и девочкам мрачной темницей. Чтобы бесценным и вечным богатством человек считал только книгу — всё остальное преходяще.

Что необходимо для этого практически? Многие часы духовного общения учителя со своими питомцами за книгой в непринужденной обстановке. Книга — это колыбель, в которой лелеется отношение к мысли, науке, учению как к величайшему благу. Чтение открывает перед ними прежде всего мир собственной души: маленький человек познает величие человеческого духа, проникается чувством уважения к самому себе, ему хочется жить интересной, богатой жизнью в мире культурных ценностей. Книга как бы порождает у человека боязнь: спеши приобщиться к духовным ценностям, созданным человечеством; утеряешь время — утеряешь богатства для собственной души. Любовь к книге, чувствование мысли, науки, знаний как великого блага учит

человека с малых лет *дорожить временем,* — для этического воспитания чувствование времени играет очень важную роль, к этому мы еще будем неоднократно возвращаться.

Я вижу важную грань этического воспитания в том, чтобы с первыми же сознательными взглядами на мир в сознание ребенка пришла мысль о том, где заключен источник того богатства, которым располагаем мы, советские дети, подростки, юношество, — *богатства духовной жизни.* Вот мы сидим с вами, дети, у могучего столетнего дуба, читаем интересную книгу, прислушиваемся, как падают на землю желуди... Или, сев на вершине степного кургана, любуемся красотой вечерней зари, вслушиваемся в песню кузнечика, всматриваемся в мерцание первой звезды. Видеть, чувствовать, думать, понимать, любоваться красотой окружающего мира, творить и познавать собственную красоту, гордиться тем, что я Человек — одаренное существо, что передо мною множество путей развития и совершенствования, что я свободный гражданин первого в мире социалистического государства, думать обо всем этом является для вас, дети, огромным благом и счастьем, таким же бесценным, как счастье сидеть шесть уроков за партой, не думая о том, где взять кусок хлеба, кто даст мне одежду и обувь... Пойдемте, дорогие дети, посмотрим, где же источник нашего счастья.

Мы идем недалеко: рядом со столетним дубом, под которым мы читали книгу, животноводческая ферма колхоза. Наступила ночь, но работа в самом разгаре. Доярки доят коров, готовится корм на завтра. По дороге едут автомашины — перевозится хлеб от комбайнов к зернохранилищам. Из степи доносится гул трактора — началась ночная смена, трактористы будут пахать до утра... В жгучий январский мороз, когда, придя в школу, мы греемся у батарей центрального отопления, трактористы едут в поле за сеном... В осеннюю слякоть колхозники убирают свеклу. Дождь идет, холодный ветер пронизывает до костей, все равно надо работать, не уберешь — пропадут плоды труда, а этого нельзя допустить. Ведите своих питомцев по Земле Труда, открывайте перед ними великие истины социалистического бытия.

В тихий вечерний час, перед тем как лечь в постель, ты зачитываешься интересной книгой или заслушиваешься музыкой; помни, что в эти часы идут на ночную смену миллионы рабочих. Только потому, что они идут в ночную смену, ты читаешь книгу и слушаешь музыку. Только благодаря тому, что миллионы рабочих и колхозников на заре идут на работу, чтобы варить сталь и делать машины, добывать руду и строить пароходы, пахать землю и кормить скот, вывозить на поле навоз и прокладывать новые железнодорожные магистрали, ты имеешь возможность, проснувшись, сделать утреннюю зарядку, позавтракать, идти в школу, сидеть за партой, овладевая знаниями. Для того чтобы ты спокойно и беззаботно учился, на тебя работают взрослые — рабочие, колхозники. Если тебе не захотелось идти в школу — бывает, к сожалению, и такое, — значит они своим трудом оплачивают твое безделье, значит, ты обманываешь свое государство, рабочий класс, народ. Ты превращаешься в дармоеда, тунеядца. Кто не знает источника своих духовных благ, тот живет пустой, бессмысленной жизнью.

26. КАК ПРОБУЖДАТЬ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Ты пришел в школу ребенком. Мать и отец считают тебя маленьким и беззащитным. Ты в самом деле нуждаешься в постоянной опеке, заботе и защите взрослых; без них ты не можешь обойтись в сложном и многостороннем мире. Ты маленький, но не забывай, что через десять лет, окончив школу, ты станешь взрослым. Десять раз опадет листва с этой виноградной ветви, и ты будешь уже не семилетним несмышленышем, а самостоятельным тружеником, воином, завтрашним отцом, а ты, девочка, будешь уже думать о своем родном несмышленыше — сыне или дочери. Для тебя, семилетнего, эти годы сейчас кажутся невообразимо огромной жизнью — так и должен отражаться мир в сознании ребенка... но для твоего учителя десять лет — не такой уж длительный период... Он знает, что старая липа, ровесница школы, через десять лет совсем не постареет, а ветка виноградной лозы в годы твоей юности будет такой же, как сегодня.

Умей думать о своей взрослости — вот что поможет тебе стать настоящим человеком. Взрослые — мать, отец, учитель — делают из тебя человека, но ты должен помнить, что от твоих усилий, от твоей самостоятельности — и с каждым годом все больше и больше — зависит, каким человеком ты станешь. Я, твой учитель, говорю тебе эти слова без преувеличения: от того, какова твоя деятельность именно в те годы, когда ты малыш-несмышленыш, зависит, кем ты станешь, как будут развиваться твои способности, что в тебе откроется. Дорожа опекой и заботой со стороны взрослых, благодаря за них, в то же время стремись поскорее избавиться от них. Не бойся взрослого труда и взрослых трудностей. Вообще не бойся ничего трудного. Гордись тем, что ты умеешь быть стойким, выносливым и по трудолюбию, настойчивости, сознательности приближаешься к взрослым.

Надо ли говорить маленькому ребенку обо всем этом? Многолетний опыт убеждает в том, что одной из бед школьного и особенно семейного воспитания является взгляд на ребенка как на вечное дитя. Именно забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком, часто приносит неприятные неожиданности. Воспитание взрослости — это целая проблема этической культуры, в которой как бы сливается интеллектуальное, нравственное, творческое становление человека. Это поучение рассчитано не только на семилетнего ребенка. Его надо повторять из года в год, но речь идет прежде всего об исключительной важности младшего возраста для воспитания творческих способностей, для того, чтобы в каждом человеке открылась искра божья. Этот вопрос нельзя считать узкопсихологическим. От того, какие способности откроются в человеке, какая грань заиграет в нем и будет сиять всю его жизнь, зависит в конечном счете личное счастье человека, а значит, и счастье общества, потому что невозможно представить гармоническое общество, если из детства будут приходить в отрочество, юность и зрелость недоучки, неудачники, ни к чему не способные люди, а они приходят именно из раннего детства, из того возраста, когда малыш еще только готовится к школе и учится первые годы. Проблема становления и развития способностей — это

проблема широкого этического плана. Способности закладываются в детстве — в этом убеждает многолетний опыт. Научить маленького человека думать о взрослости важно для того, чтобы утвердить в его сознании *взрослость мысли, зрелость духа.*

В мозге каждого психически здорового ребенка заложены возможности для широкого развития творческих способностей. Природа закладывает в каждый нормальный мозг корни, необходимые и достаточные для того, чтобы каждый стал творцом. Какие способности откроются в ребенке — это зависит от деятельности в младшем возрасте. При этом очень большое значение имеет отношение самого ребенка к этой деятельности, какие элементы взрослости мысли, зрелости духа мы, взрослые, сумеем пробудить и утвердить в детском сознании. Вот почему необходимы этические поучения, побуждающие думать о взрослости.

Период созревания детского мозга на фоне интенсивной, яркой, насыщенной духовной жизни ребенка выглядит ни с чем не сравнимым чудом, — но это уже не чудо природы, а поистине человеческое чудо: ребенок живет, развивается, радуется и огорчается, смеется и плачет, любит и ненавидит.

Мудрость материнского и отцовского воспитания (а педагог является сознательным средоточием этой мудрости) заключается в том, чтобы в период наивысшей пластичности мозга ребенок побуждался к наиболее интенсивной деятельности. Эта активность зависит от взглядов ребенка на самого себя, от того, что он думает о самом себе. Развитие умственных способностей зависит от того, умеет или не умеет ребенок, скажем, в возрасте 2 лет уверенно пользоваться вилкой, принести тарелку из кухни в столовую, повесить на веревочку простынку... Ребенок в определенном смысле беспомощен и не может жить без нашей заботы и защиты, но пусть он не думает о своей беспомощности. Наоборот, пусть его поступками движет уверенность в том, что он сильный и что мир вокруг него населен бесчисленным множеством существ, значительно слабее его, которых нужно защищать и опекать. Дети, в силу обстоятельств нянчившие в 5—6-летнем возрасте малышей, в школе отличаются большой сообразительностью и взрослостью мышления. Вот для чего необходимо этическое поучение: **ты ребенок, но не забывай, что ты будешь взрослым.**

Деятельность, которая необходима для развития творческих (именно творческих, а не исполнительских) способностей в детском возрасте, не исчерпывается простой активностью, подвижностью, напряжением физических усилий. Нужна деятельность, затрагивающая ум, требующая находчивости, сообразительности. Другими словами: работают руки, а ум решает задачи; руки становятся в связи с этим средством развития мышления; руки учат разум.

Я вспоминаю такое событие. Молодая мать — звеньевая свекловодческого звена — на рассвете вместе с мужем-трактористом ушла в поле. Дома оставила 6-летнюю Машу и полуторагодовалого Ваню. Дочери была дана работа: прополоть морковные и капустные грядки. Маша пошла полоть грядки, взяв с собой Ваню. Но мальчик почему-то капризничал. Боясь, как бы не заболел братик, Маша уложила его в кроватку, поставила кроватку под грушей — рядом с грядками. Но Ваня и здесь плакал. Маша стала думать: чем же успокоить малыша? Она взяла его на руки, подняла, малыш увидел скворечник и пти-

чек. Лицо мальчика расплылось в улыбке. Но нельзя же все время держать Ваню на руках, надо работать. И Маша нашла выход. Рядом с кроваткой, у самого изголовья Вани, она повесила большое зеркало. В зеркале отразился птичий домик вместе с его обитателями. Он был теперь перед глазами ребенка. Чувство недоумения и изумления овладело ребенком: птички, которых он видел на дереве, прилетели к нему. Ваня сел в кроватке, приблизился к зеркалу. Он понял, что это не настоящие птички, но от этой мысли интерес к загадочному явлению не угас. Перед ребенком открылось что-то непостижимое, но в то же время реально существующее. Он наблюдал за птичками, а Маша наблюдала за ним. Для 6-летнего ребенка это было настоящее творчество, но чего-то исключительного здесь не было. Это совершенно закономерное явление для ребенка, поставленного в условия необходимости действовать. Сами обстоятельства побуждали 6-летнюю девочку к деятельности, в которой главным было напряжение умственных усилий, решение задач. На следующий день Маша придумала новые забавы для брата: разбрызгивая мелкими капельками воду, она делала радугу, что приводило мальчика в восхищение. Потом она поставила на стол цветы и, опрыскав их сладкой водой, вместе в Ваней наблюдала, как к сладкому букету слетаются мохнатые шмели.

Я привел эти примеры для того, чтобы показать обстоятельства, благоприятствующие наблюдательности. Деятельность, которая в наибольшей мере способствует развитию способностей, включает наблюдения, исследование, открытие самых разнообразных сторон, черт, особенностей вещей, явлений — такие наблюдения и исследования, в ходе которых ребенок является активно заинтересованным лицом: он познает мир для обогащения своей деятельности. Активные наблюдения порождают *любознательность.* Это самая сущность воспитания способностей. Чем раньше воспитывается любознательность, тем значительнее диапазон способностей, раскрывающихся в человеке.

В самом понятии *любознательность* таится глубокий смысл: это растущая, никогда не угасающая, а, наоборот, все время усиливающаяся потребность знать и стремление узнать, объяснить. Чем активнее деятельность, представляющая собой активное прикосновение человека к окружающему миру, тем больше связей между вещами, фактами, оттенками, свойствами, особенностями вещей, фактов, явлений, событий он видит, тем больше удивляется и изумляется. Ему открывается множество непонятного, перед ним — тысячи загадок, которые ему надо во что бы то ни стало отгадать. В этом возникновении загадок и их расшифровке и заключается сущность любознательности. Наша задача заключается в том, чтобы уже в раннем детстве каждый ребенок стал маленьким мыслителем, чтобы его активная деятельность превращалась в неудержимую лавину познания. Единственный путь к этому — труд. В это понятие я вкладываю широкий смысл. Детский труд — это не значит дать ребенку лопату и пусть себе копает до изнеможения. Любознательность — очень хрупкая и нежная сердцевина человека, ее легко сломать, пробудив отвращение к труду из-за его непосильности и однообразия. Речь идет о труде мыслителя: детский труд — это активное ви́дение мира. Такое ви́дение, благодаря которому ребенок становится деятельной частицей природы и вместе с тем ее властелином.

Два года, предшествующие занятиям в школе в соответствии с обязательной программой, я занимаюсь с маленькими детьми в подготовительной группе. Я бы назвал этот период *школой любознательности.* Это прежде всего прикосновение воспитателя к детскому мозгу — та-

кому пластичному и податливому в дошкольном детстве. Главный метод этого прикосновения — удивление и изумление ребенка, главный инструмент — слово педагога, главная форма занятий — походы к источнику мысли и слова — среди неисчерпаемого богатства природы. Я стремлюсь к тому, чтобы нарастающая любознательность превратилась в самостоятельную силу, властвующую над интересами и стремлениями ребенка. Если мне удается утвердить любознательность как неугасимый огонек, ребенок не может быть не способным.

Здесь мы приближаемся к самой сущности этического поучения: **думай о том, что ты не всегда будешь ребенком.** Так думать может только человек, для которого любознательность стала самой сущностью его души. Я вижу задачу исключительной важности в том, чтобы с поступлением в школу деятельность маленького ребенка не превратилась в одностороннюю — исполнительскую. Это страшная угроза для умственного развития. С началом учения, когда в деятельности за партой особенно много однообразного, требующего пассивного запоминания (это необходимо и неизбежно), особенно возрастает роль специальной деятельности, питающей — если так можно сказать — лавину любознательности. О познавательной деятельности (уроках мышления) речь уже шла в одном из поучений. Надо сказать еще о *взрослости* детского труда в рабочей комнате, на школьном участке, в саду, на школьной животноводческой ферме. Всюду ребенка должно сопровождать чувство настоящего. У нас в школе есть маленькие, но настоящие машины для детей — трактор, автомобиль, мотоцикл, молотилка, косилка, зерноочистительные механизмы. Есть детская электростанция со всеми устройствами, исключающими возможность несчастных случаев. Глубокий смысл поучения: ты ребенок, но не забывай, что ты станешь взрослым, — доходит до сознания ребенка именно благодаря тому, что он убирает урожай хоть и небольшой, но настоящей машиной, обмолачивает пшеницу настоящей молотилкой, управляет настоящим трактором. В эти часы вырабатывается взрослый стиль мышления и взрослый взгляд на мир, хотя с точки зрения взрослых многое в этой деятельности кажется игрой, для ребенка это вовсе не игра (как и подлинная игра для него не игра).

Коллектив учителей, работающий в начальных классах, стремится к тому, чтобы труд детей был проникнут таким же чувством ответственности, как у взрослых. Уже в годы отрочества человек должен видеть трудовые корни своего детства: дерево, выращенное им из маленького сеянца, должно дать плоды; одно-единственное зернышко, за которым любовно ухаживал ребенок в детстве, пусть превратится в огромный ворох пшеницы.

Творческий, желанный, жизнерадостный труд в годы детства — ничем не заменимый животворный источник мысли, умственного развития.

27. ВОСПИТАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ШКОЛЕ КАК К ВАЖНЕЙШЕМУ ОЧАГУ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДА

Каждый человек, принадлежащий к старшему поколению, является твоим учителем и наставником, если он имеет на это моральное право.

Но общество создало специальное учреждение, в котором детей, подростков, юношей и девушек учат и воспитывают, — школу. От того, как устроена школа, насколько ярко воплощены в ней духовные ценности народа, зависит будущее нашего народа, нашей страны, нашего социалистического строя. От устройства школы, от того, как видят жизнь ее питомцы, куда устремлены их духовные порывы, что они считают своим идеалом, зависит судьба общества, которое мы строим. Школа — один из краеугольных камней здания, имя которому— коммунизм. В школе творится человек. Школа — святыня и надежда народа.

В школе учат не только читать, писать, думать, познавать окружающий мир и богатства науки и искусства. В школе учат жить. В школе учатся жить. Школа — это духовная колыбель народа. Без школы у народа нет будущего. Чем больше мудрости, тем блистательнее его будущее. Школьники не просто дети, собравшиеся в одно место. Они составляют собой детское общество, живущее по своим гармоническим законам, развивающее и умудряющее человека и в то же время украшающее общество взрослых, составляющее его гордость. Законы, по которым живет школы, — это детище нации, дух национальной жизни. В школе живет многовековая культура нации; ты не просто путник, пришедший напиться к этому вечному источнику; ты — пчела, обогащающая улей национальной культуры, твой долг — внести в этот улей свой вклад, обогатить духовное достояние народа.

По тому, как человек — от первых проблесков до последнего дыхания — относится к своей школе, судят о его внутренней культуре и благородстве, о его способности дорожить честью и славой своего народа. Твой долг — на всю жизнь сохранить отношение к школе как к святыне, передать это отношение своим детям и внукам. Какими бы богатствами знаний ни обогащалась наука, какие бы умы и таланты ни рождались твоим народом и человечеством, школа с ее элементарными знаниями, с ее азбукой и первым чтением, с ее учителем и наставником с ее первой книгой навсегда пусть останется в твоей душе как первый источник твоего ума, твоих способностей, благородства и высокой воспитанности твоей души. Школа всегда будет важнейшим очагом мудрости народа.

Это поучение во всей системе этической культуры и этической образованности имеет особый смысл и особенное значение. От того, какое *отношение к себе* сумеет воспитать школа, зависит сила ее воздействия на самое чуткое, самое восприимчивое поколение и вместе с тем на весь народ. Колыбелью народа школа является в том смысле, что она — главный ваятель души народа. Школа накладывает неизгладимый отпечаток на культурный облик тех, кто был ее питомцем. Настоящая школа гордится тем, что все взрослые с достоинством называют себя ее учениками. Ваша высокая миссия заключается в том, чтобы все взрослые, отдающие своих детей и внуков учиться в вашу школу, навсегда оставались в сфере ее духовного влияния, чтобы то, что называют *микрорайоном*, находилось под вашим культурным воздействием.

В школе формируется и оберегается колыбель человеческой души, нравственное средоточие гражданина. Взаимоотношения, которые вы

создаете в маленьком коллективе своей школы (маленьком по сравнению со всем советским обществом), как в капле воды, должны отражать коммунистические идеи нашего бытия и нашей устремленности в будущее. Колыбелью народа школа становится только тогда, когда в ней юная душа осознает себя гражданином, хранителем духа народа, его идей, его богатств и ценностей, его непреходящего величия.

Рассказывайте своим питомцам о том, что в самые трудные моменты своей истории, даже тогда, когда решался вопрос, быть или не быть нашему народу, гражданская совесть пробуждала в душе истинных патриотов героические усилия в борьбе за школу в широком смысле — именно как за колыбель народных идеалов. Я рассказываю детям и подросткам о том, как в оккупированных фашистами селах и городах народные учителя создавали подпольные, тайные школы, чтобы не угас в детских душах огонек любви к Родине. Глубокие гражданские чувства пробуждает у подростков рассказ о битве за души детей в концентрационных лагерях, даже в лагерях смерти.

Яркий рассказ о судьбах детей, воспитывавшихся в школе концентрационного лагеря, пробуждает в юных сердцах гражданские мысли о важнейших святынях Советской Родины — наших коммунистических идеях, нашей национальной советской гордости, нашей непримиримости к врагу. Хранителем этих святынь является школа. Осмысливая и переживая борьбу за эти святыни как за самую сущность социалистического строя, подростки проникаются чувством гражданского уважения к школе.

Я стремлюсь к тому, чтобы утвердить в сознании детей, подростков и юношей отношение к школе как к детищу, творению и важнейшей духовной ценности *народа*. Чтобы на всю жизнь сохранилось в каждой душе трепетное, благоговейное чувство при воспоминании о школьном звонке и школьной парте, об учебнике и строгой тишине классов. Чтобы, проходя мимо школы, каждый взрослый снял шапку, чтобы школьные годы вспоминались с щемящим чувством любви и благодарности.

Я считаю исключительно важным воспитание у юношества взгляда на школу как на важнейший очаг духовной жизни народа. Школа должна быть хранилищем духовных ценностей — и рукотворных, и нерукотворных. Как только построена школа и ее порог переступил первый воспитанник, как только началось тонкое прикосновение мысли и сердца педагога к сердцу ребенка, а с этого, собственно, и начинается школа, на полку школьной библиотеки пусть ляжет книга, которая храниться здесь *вечно*. Это не обычная библиотека, в которой книги выдаются для чтения. Это в широком смысле школьное хранилище духовной культуры народа. Триста, пятьсот, тысячу лет будет жить школа, столько же лет пусть живет в ней книга. Камень, положенный в основание фундамента, кирпич, вмурованный в стену, могут выветриться и превратиться в прах через тысячелетие, книга же никогда не должна превратиться в прах. Школа как колыбель народа, колыбель духа и культуры народной живет прежде всего в книге. Как важно, чтобы это поняли не только учителя, но и питомцы школы. У каждой школы должно быть свое неповторимое лицо: свои обычаи, традиции,

свой праздник. Праздник нашей школы — это Народный Праздник Книги. Он проводится перед началом учебного года. Каждый отец, каждая мать приобретают в этот день своему сыну, дочери памятный подарок — книгу. Этой книгой пополняется семейная библиотека. Но наиболее значительным, символичным актом этого праздника является торжественный вклад в Вечную Библиотеку одной или нескольких книг, вышедших в течение года (или нескольких последних лет). На полку ставятся книги, которые будут стоять вечно. Эта мысль тем глубже осознается и переживается, чем больше старых книг видят дети, подростки, юноши и девушки на полках Вечной Библиотеки. Вот буквари, по которым учились их деды и прадеды. Вот первые книги по истории нашего Отечества. Вот первые издания произведений выдающихся писателей. Вот книга, которая вошла в золотой фонд отечественной литературы, а в год выхода в свет она была мало кому известной. Отобрать для Вечной Библиотеки самое лучшее, почувствовать и осмыслить то, что никогда не может быть предано забвению, — в этом как раз и проявляется лицо школы, ее неповторимость. Отбирая книги для Вечной Библиотеки, мы чувствуем ответственность перед будущими поколениями. Невозможно допустить, чтобы в эту библиотеку попала хоть одна «однодневка», в то же время нельзя пропустить ни одной ценной вещи.

В этих книгах, стоящих на полках Вечной Библиотеки, — живые и бессмертные корни народа. Если нам удастся в каждой юной душе утвердить именно такое отношение к книге, каждый наш ученик будет нашим воспитанником уже потому, что он учится у нас в школе. Когда юный гражданин чувствует, что школа — это колыбель народа, его культуры, славы и величия, тогда и *стены воспитывают*, тогда у него тянется рука, чтобы снять шапку у порога школы. Став отцом, матерью, наш питомец сумеет внушить своему ребенку не только почтительное, уважительное отношение к школе, но и убеждение, являющееся сердцевиной коммунистической нравственности: и колыбель, и большой мир общественной жизни, в который человек выходит из колыбели, — все это и есть Родина; я готов отдать за нее все, что у меня есть, она дороже моей личной жизни, я готов положить за нее голову.

Школу немыслимо представить без Вечной Библиотеки, как народ без имени, без памяти, без истории. Время от времени дверь Вечной Библиотеки открывается. Сюда приходят ученики — посмотреть книги (для чтения такие же книги, более поздних изданий, есть в общей ученической библиотеке). Они убеждаются, что в духовной жизни народа есть вещи, существующие только для того, чтобы посмотреть на них, и чем дольше они существуют, тем дороже они для народа и для каждой личности.

Только книга создает школу. Только отношение к книге как к важнейшей и вечной, непреходящей духовной ценности создает отношение к школе как к колыбели народа.

Школа славна своими питомцами. Лицо школы создает тот, кто из нее вышел. Чем крепче крылья у птенца, чем шире их размах, чем выше взлет, тем больше гнездо манит к себе птенца. Каждый, кто вылетел из гнезда, должен оставить след в своей школе. Без этого школы

как очага воспитания и воспитанности нет. В школьном кабинете — первая тетрадь каждого ученика, первый его рисунок, первое сочинение об окружающей природе, первое рассуждение и размышление. Вы, сорокалетний, пятидесятилетний гражданин, вспомнив свое детство, можете прийти в школу и увидеть самого себя, каким вы видели мир много лет назад.

Школа — средоточие добрых чувств, тонких переживаний, радужных воспоминаний о золотом детстве. Мы стремимся к тому, чтобы в школе человек к человеку прикасался тонко и нежно, чтобы каждый творил и оберегал красоту. Среди школьного двора, там, где больше всего бегают и суетятся дети, стоит маленький стеклянный домик. В нем — царство цветов. Зимой, в суровые морозы, здесь цветут тюльпаны и гвоздики, ландыши и хризантемы. Сюда влечет детей красота, здесь рождаются мысли о прекрасном, великое чувство восхищения красивым, мудрая способность видеть себя, радость творения красоты.

Школа — вечный очаг красоты. В воспоминаниях каждого юноши она сохраняется как красота детства, красота мира, красота мудрости, красота познания, красота благородного поступка. Школа не могла бы стать народным очагом воспитания, если бы каждый человек не чувствовал себя здесь красивым и не переживал в связи с этим возвышенных чувств.

Мы придаем очень большое значение тому, чтобы школа осталась в памяти каждого питомца как его забота, труд, созидание. Каждый по велению своей совести должен совершить поступок, в котором овеществляется стремление умножить красоту школы, — это один из законов нашего воспитания.

28. КАК ДОНОСИТЬ ДО СОЗНАНИЯ ВОСПИТАННИКОВ СМЫСЛ ТРУДА УЧИТЕЛЯ

Уважай, почитай учителя. Учитель отдает свою энергию, свой ум и талант, свою жизнь во имя того, чтобы ты стал настоящим гражданином нашей Родины, патриотом социалистического Отечества, человеком с благородной душой, беспокойным сердцем, ясным умом, чистой совестью, золотыми руками. У настоящего учителя — а мы говорим с тобой о настоящем учителе (есть плохие, никудышные учителя; но это — досадное исключение, не будем принимать их в расчет) — самая трудная и самая радостная жизнь, трепетно волнующее и мучительно сложное творчество, непостижимо тонкие и вечно совершенствующиеся инструменты, которыми он воздействует на человеческую душу.

Учитель творит Человека; эти же мудрые и трудные слова можно сказать только о матери и отце. Знай, что великое счастье учителя — это то, что ты стал таким, каким создал тебя в своем представлении учитель как свой идеал. И если ты хочешь принести каплю радости учителю — своему старшему другу и товарищу, а он всю свою жизнь стремится к тому, чтобы быть твоим другом и товарищем, и не может быть и речи о воспитании, если нет у вас дружбы и товарищества, — будь его единомышленником и вместе с ним стремись к идеалу.

Труд учителя ни с чем не сравним и не сопоставим. Ткач уже через

час видит плоды своих трудов, сталевар через несколько часов радуется огненному потоку металла — это вершина его мечты; пахарь, сеятель, хлебороб через несколько месяцев любуется колосьями и горстью зерна, выращенного в поле... учителю же надо трудиться годы и годы, чтобы увидеть предмет своего творения; бывает, проходят десятилетия, и еле-еле начинает обозначаться то, что ты замыслил; никого так часто не посещает чувство недовольства, как учителя; ни в каком труде ошибки и неудачи не ведут к таким тяжелым последствиям, как в учительском. Учитель обязан перед обществом, перед твоими родителями трудиться только правильно, только хорошо; каждая крупинка твоей человеческой красоты — это его бессонные ночи, седины, безвозвратно ушедшие мгновения его личного счастья, — да, учителю часто бывает некогда подумать о себе, так как он вынужден думать о других, и это для него не самопожертвование, не безропотное подчинение судьбе, а подлинное счастье личной жизни.

Родина и твоя мать вручили учителю твою судьбу, твою жизнь. Каждую минуту, каждое мгновенье учитель должен видеть каждого из тридцати или сорока своих питомцев, знать, что он в это время думает, чем заполнена и наполнена его душа, какие горечи и обиды волнуют его. Учитель — творец твоего счастья, твоих радостей. Помни, что, если ты равнодушен к учителю, если ты не понимаешь и не чувствуешь сложностей его труда, ты проявляешь безрассудное расточительство к великим человеческим ценностям.

Ты должен знать, что учитель многие годы учится, прежде чем овладеть мудростью воспитания. Но никакая наука не может одухотворить его сердце великой человеческой мудростью любви. Работа педагога — это прежде всего напряженный труд сердца, и лишь потому, что это труд сердца, это и творчество разума. Помни, что нет в мире ни одной более тяжелой, более изнурительной для сердца работы, чем работа педагога. Учитель — такой же живой человек, как твоя мама, твой отец. У него — своя семья, свои дети, свои радости и огорчения. Бывают такие мгновения, когда самое нужное и самое полезное для учителя — остаться одному, отдохнуть среди природы, бывает, что раны терзают ему собственную грудь и жить не хочется, а тебе хочется видеть учителя веселым и внимательным, и ни отдохнуть, ни уединиться ему невозможно, потому что надо идти на работу. Идя в класс, твой учитель часто — запомни это — заставляет себя оторвать глаза от бед и ран собственного сердца, сжать свою душу, направить свои мысли в то русло, по которому им нужно идти, чтобы его энтузиазм одухотворил твою душу, чтобы тебе думалось легко и свободно, а это возможно только тогда, когда трудно ему, учителю. Не забывай, что чем легче, радостнее познавать мир тебе, чем глубже воодушевляет тебя мысль, думание, осознание собственного величия познающего, мыслящего одаренного существа, тем ярче сгорает сердце учителя в пламени любви и вдохновения.

Не забывай еще одной очень важной, прозаической истины: учителю надо обладать огромным талантом человеколюбия и безграничной любовью к своему труду и прежде всего к детям, чтобы на долгие годы сохранить бодрость духа, ясность ума, свежесть впечатлений, восприим-

чивость чувств — без этих качеств труд педагога превращается в муку.

Для того чтобы правильно воспитывать, чтобы ученики наши были воспитуемыми и стали в полном смысле этого понятия воспитанниками, нам надо доносить до их сознания и сердца смысл труда учителя. Не сострадание к нашему труду, а глубокое понимание, необходимое для того, чтобы питомец ваш стал вашим единомышленником.

Осуществление этого поучения возможно при одном важном условии: в школе не должно быть ни одного педагога, которого тяготил бы учительский труд. Любое этическое поучение в устах педагога, переживающего свой труд как бремя, звучит для питомцев насмешкой над истиной, калечит юную душу. Самые правильные, хорошие слова могут стать средством морального развращения, если тот, кто их произносит, не имеет на это морального права.

Сколько бы мы ни говорили о благородстве, сложности и величии труда учителя, наши слова останутся звуком пустым, если вся школьная этика не будет опираться на единство «я» учителя. Школьная этика — это гармония того нравственного идеала, в привлекательность, правдивость, истинность, мудрость которого мы призываем ребенка верить, и личности педагога. Без личности учителя — авторитетной, несгибаемой, непоколебимой в глазах питомца — идеал превращается в знамя, оставленное знаменосцем, лежащее мертвым куском материи. Корень многих бед воспитания как раз и кроется в том, что зачастую питомца призывают следовать за знаменем, в то время как это знамя никто не несет. Быть знаменосцем идеала, нести на своем знамени огонь идеального — вот в чем секреты и тайны педагогического авторитета. Как тонко чувствуют дети в своем воспитателе знаменосца, как умеют они распознать, где истинный огонь, а где фальшь! Их вера в вас — это их восторг, их изумление вами как проводником, ведущим их к высокой вершине, как пловцом, не боящимся бурь и бед, как сильным, мужественным человеком, готовым взять их под свою защиту, уберечь их своенравную и непокорную слабость и ни с чем не сравнимую детскую беззащитность под крыльями своей силы, смелости, жизненной мудрости. Дети любят того, в чью силу духа они безоговорочно верят. Детское подчинение авторитету учителя (то же самое — отца, матери) — это признание вашей ясности, цельности, неделимости, я бы сказал нерасторжимости в вашем облике наставника и друга, товарища; мудрого отца — матери и ровесника, посвященного во все тайны, секреты, проделки; строго спрашивающего с них и долженствующего, отвечающего за них; мудрого знатока многих неведомых для них вещей и вечно познающего, вечно удивляющегося миру, бесконечно открывающему перед вами, как и перед ними, вашими питомцами, миллионы своих граней; стойкого хранителя своих личных душевных тайн, зорко оберегающего свой мир от постороннего вторжения, и человека с ясной, открытой душой, не умеющего ничего держать за душой; мыслителя и затейника, умеющего повеселиться и порадоваться; непримиримого к подлости, двуличию, хамству и терпимого к обычным человеческим слабостям. Единство нашего «я» как основа всей школьной этики не создается по какой-то схеме, не при-

обретается как результат многолетней выучки, а существует в нашем живом облике, в поведении, в поступках. Дети не переносят фальши, искусственности, обмана. Они ненавидят того, кто пытается выдать темное за светлое или прикрыть мрачное высокими словами. Фальшь, раздвоение этического «я» воспитателя не только развенчивает его авторитет, но и делает маленького человека невоспитуемым — вот в чем беда.

Если вы видите ребенка, о котором говорят, что ему хоть кол на голове теши, — перед вами человек, сердце которого потрясено, уязвлено мерзким зрелищем двуличия, и этот человек стал неверующим, для него нет ничего святого и истинного, а человек без веры в человека — это и есть невоспитуемый.

Я бы сказал, что познание ребенком мира начинается с познания человека, а человек открывается перед ребенком в облике матери, отца и учителя. Выражая в самом себе гармоническое единство нашего «я», мы тем самым нравственно воспитываем маленького человека, учим его по-человечески относиться к тем, кто отдает силы своей души для блага других людей. Учить этому надо тонко и чутко. Учить так, чтобы идеал нравственности, открываемый перед ребенком, был созвучен с тончайшими сердечными движениями ребенка, с его представлениями о добре, справедливости, красоте. Каждое наше слово должно нести в себе добро, справедливость, красоту — в этом сущность наших этических поучений. В этом деле нет мелочей. Одно ваше слово может разрушить в ребенке веру в вас как в воспитателя, внести смятение в детскую душу. Очень поучительным в этическом плане является событие, буквально списанное с будничной школьной жизни, которое описано в рассказе «Интересная наука — математика!».

Отношения между учителем и детьми — это не только проблема школьной дисциплины и порядка. Взаимоотношения детей и взрослых вообще должны быть проникнуты духом уважения к труду. Нет уважения к труду и людям труда — порождается лень, нерадивость, безразличие к материальным, духовным и нравственным ценностям, потребительское отношение к благам. Как же утвердить дух уважения к труду?

Самое главное здесь — взаимность, строжайшая непримиримость, я бы сказал, самонепримиримость к безделью, нерадивости, расточительству времени и других богатств и ценностей, тонкое *взаимное чувствование труда.* Дети уважают учителя, влюбленного в труд. Одухотворенность трудом, способность педагога зажигаться интересами дела — это огонек, который как бы завораживает детей, изумляет их, пробуждает у них восторженное отношение к личности труженика. Талант педагога заключается прежде всего в способности одухотворяться трудом, но труд наш особенный: это духовный порыв, непреодолимое стремление видеть в своем питомце то, чем вы дорожите в самом себе. Наш труд — это стремление перенести себя в другого человека, умение критически относиться к другому, как бы примеряя его к себе. Это, на мой взгляд, самое тонкое и нежное, что вообще есть в человеческих взаимоотношениях; подлинное воспитание строится именно на том, что воспитуемый чувствует: старший, умудренный огромным

жизненным опытом человек стремится видеть меня похожим на самого себя; и если он гневается на меня, возмущается, то это не отрицание, а утверждение меня, это стремление воспитателя к идеалу. Воспитанность и воспитуемость ребенка как раз и заключаются в умении чувствовать, понимать эту духовную устремленность педагога. Искусство влияния на юную душу выражается в том, как умеете вы пробуждать эту воспитуемость и воспитанность. Здесь снова и снова надо говорить о тонком взаимном чувствовании труда. Умейте предстать перед своими воспитанниками так, чтобы они чувствовали в вас тончайшие оттенки вашей умственной жизни, напряжения ваших интеллектуальных усилий.

Дети по природе своей любят и стремятся подражать всему, что волнует их воображение, восторгает, восхищает их. Так пусть же их восторгает и восхищает труд вашего ума. В этом один из могучих истоков и секретов воспитания. Если вы сумели пробудить в своих детях способность изумляться, гордиться своим педагогом как светочем ума, яркого умственного труда, они тонко чувствуют ваше сердце, ваши затруднения, они щадят и жалеют вас, как щадит сын отца, уставшего и отдыхающего после утомительной работы, добывающей ему, сыну, хлеб насущный. Десятилетия работы в школе глубоко убедили меня в том, что долженствование, понимание и переживание ребенком своего долга перед учителем зависит в первую очередь от того, удалось ли пробудить чувство уважения к вашему умственному труду. Тонкое чувствование вашего труда ребенком — это, образно говоря, родник ребячьей совести и совестливости. Там, где есть это чувствование, дети сами приходят на помощь учителю в трудную для него минуту.

В центре этического «я» учителя стоит его отношение к знаниям, умственному труду, науке, образованности, чтению, книге. В облике своего воспитателя дети должны видеть безграничную преданность умственной жизни, науке. Детей покоряет влюбленность учителя в знания. Если вы хотите быть уважаемым, будьте проводником детей на тропинке удивления, изумления перед истиной, которую вы открываете совместно с детьми. А детям кажется, что открыватели — они, вы только их помощник, без которого они не могут обойтись. Тоньше всего дети познают ваш труд тогда, когда с вашей помощью они мыслят, открывают истину, изумляются и удивляются. Чувство огорчения, а потом и внутреннего негодования вызывает у детей педагог, который только и делает, что дает знания в готовом виде и требует заучить, заучить, заучить. Опасайтесь того, чтобы ум ваш раскрывался перед питомцами только в те моменты, когда вы проверяете знания. Нет ничего гибельнее для учителя, как использовать свой ум для того, чтобы лишний раз подчеркнуть незнание детей или показать свое превосходство над ними. Ум учителя должен не подавлять, а вести, освещать дорогу, *высвечивать* знания. Сумейте построить умственный труд детей так, чтобы они чувствовали, что вы становитесь умнее вместе с ними, что вас радует каждая крупинка новых знаний.

Чем больше пробуждаете вы чуткость детей к труду собственного ума, тем тоньше вы должны чувствовать детский труд. Нетерпимость и непримиримость к безделью должна сочетаться у учителя с бережли-

вым, заботливым отношением к малейшему напряжению умственных сил ребенка. Исключительно важно, чтобы ребенок понимал и чувствовал, что сегодня он стал умственно богаче, чем был вчера, — с помощью учителя. Мастерство истинного наставника умственного труда заключается в умении найти гармонию между, с одной стороны, накоплением фактических знаний в голове ребенка, с другой — воспитанием его ума, выработкой способности самостоятельно овладевать знаниями. С чувством большой благодарности вспоминают воспитанники того учителя, который научил их быть хозяином, властелином знаний. Детям и особенно подросткам и юношам доставляет огромное удовольствие вместе с учителем думать: удивляться и сомневаться, радоваться и огорчаться, путешествовать за трудноуловимой истиной, открывать тайну, порой прикасаться к неприкосновенному.

Изумительные, пленительные часы общего умственного труда остаются в памяти на всю жизнь как незабываемое счастье детства, отрочества и ранней юности. Школа и входит в юную душу как бесценное богатство прежде всего благодаря ни с чем не сравнимой роскоши умственного труда ученика и труда учителя. В этом труде человек, умственное воспитание которого составляет важнейший предмет заботы наставника, познает себя как мыслящая личность. Чем глубже у вашего питомца чувство уважения к самому себе как к мыслителю и открывателю истины, как к властелину знаний, тем ярче раскрывается перед ним труд учителя — нелегкий, дьявольски сложный, но благодарный. Научите своего питомца думать, и он будет всю жизнь вспоминать и почитать вас как наставника разума и нравственности. Там, где царит зубрежка, нет уважения к уму; там, где нет уважения к уму, не почитается умственный труд как самое нелегкое дело; там, где не почитается умственный труд, учитель не входит в духовный мир ученика и не запечатлевается в нем как яркая, ведущая и зовущая личность.

Тысячи раз произносится в школьных стенах слово *убеждения*. Человек, по существу, начинается с того, что знания становятся его убеждениями. Где же искра, от которой порох знаний, загораясь, превращается в огонь убеждений? Этой искрой является умственный труд учителя, к чему-то ведущий и зовущий своего питомца, что-то отстаивающий и защищающий, против чего-то восстающий, к чему-то несгибаемо непримиримый. Если вы хотите, чтобы питомец любил и уважал вас, как темной пучины бойтесь превратиться в бесстрастного комментатора, холодного истолкователя, равнодушного путеводителя в мире фактов и истин. Мы ведь учим своих питомцев уважать наше горение, вместе с ними постигая истину, мы сжигаем собственное сердце. Это горение возможно лишь тогда, когда знания борются, сражаются, и ученик чувствует себя не бездонным сосудом для наполнения знаний, не равнодушным существом, переваривающим истины, а маленьким борцом. С этого, по существу, начинается гражданственность воспитания. Перед вашими детьми, казалось бы, совершенно нейтральное, безобидное явление — процесс построения органического вещества в зеленом листке под влиянием солнечных лучей. Но и это и множество других нейтральных явлений можно *осмыслить*, открыть, постигнуть так, что у ученика вашего ускоренно забьется сердце от осознания то-

го, что путь человечества к этой нейтральной истине был тяжелым, кровавым. Познавая истину, ваш питомец должен узнавать своих единомышленников и идейных противников; в этом разграничении и рождается убеждение, и самым главным единомышленником для него становитесь вы, учитель, — вот в чем выражаете вы себя как идейного ваятеля, как самого близкого друга вашего питомца; вот при каком условии вы навсегда запечатлеваетесь в его духовном мире. Если истины, которые вы постигаете вместе с питомцами, становятся их убеждениями, если ваш питомец верит вам — он верит и в истину.

Учителя не случайно называют высоким именем *народный.* Его мудрость творит то сложное явление, которое принято называть преемственностью поколений. На заре своего педагогического труда мне пришлось быть свидетелем волнующего события. О нем я написал рассказ «Через шестьдесят лет».

В памяти своих питомцев учитель на всю жизнь остается сильным и деятельным. Самое большое несчастье для учителя — одряхлеть физически и духовно, потерять силы, необходимые для того, чтобы властвовать над юными душами. Когда твой учитель станет дряхлым и немощным, умей уважать в нем человека, вложившего в тебя свои силы. Впрочем, настоящий учитель никогда не допустит, чтобы бывшие его питомцы видели его дряхлость и немощность.

29. КАК УЧИТЬ ДЕТЕЙ ПРАВИЛЬНО ОТНОСИТЬСЯ К УМСТВЕННОМУ ТРУДУ

У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование: «Здесь надо, чтоб душа была тверда: здесь страх не должен подавать совета» (**Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 9). **Будь мыслителем. Умей думать читая и читать думая. Будь искателем и пытливым добывателем знаний. Мышление — это самый сложный труд. Знания тебе даются в школе для того, чтобы ты умел добывать новые знания. Живи в мире мыслей, постигай идеи. Кто остерегается идей, теряет в конце концов и понятия** (** см.: Гёте И.* Избр. философские произв. М., 1964. С. 349).

Cogito, ergo sum (думаю, значит существую). Жить без мысли — влачить жалкое существование. День без мысли, без чтения — напрасно прожитый день. Расточительство времени — расточительство бесценных богатств человеческой жизни. Опасайся в юные годы пустоты души, легкости в мыслях, дешевых развлечений. Презирай всё, в чем минимум напряжения и максимум удовольствия. Легкие удовольствия в конце концов несут убогость мысли и души.

Незаменимым источником знаний и неисчерпаемым источником твоего духовного богатства является книга. Создавай свою библиотечку. Умей не только читать, но и перечитывать. Чтение — это труд, творчество, самовоспитание твоих духовных сил, воли.

Никогда не откладывай работу на завтра. Заставь себя сделать сегодня часть того, что надо сделать завтра. «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай» (**Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. М., 1949. С. 260).

Вызывает удивление примитивный взгляд некоторых педагогов на труд и трудовое воспитание. Кое-кому кажется, что труд начинается там, где человек взял в руки лопату или веник. Неправильный взгляд на сущность труда, проникающий в практику, приносит большие беды: к лопате и венику, к плугу и рулю трактора у подростков возникает пренебрежительное отношение, потому что они не познали (с самых первых дней своего пребывания в школе) всей многогранности труда. Труд — это не только лопата и плуг, но и мысль. Как важно, чтобы питомцы наши постигли на собственном опыте, что мысль — это нелегкий труд и как раз его сложность, трудность и приносит человеку большую радость. Гармония умственного и физического труда — вот благодаря чему можно воспитать у детей, подростков, юношей и девушек искреннее стремление быть умным, образованным, культурным. Воспитывать гражданина уже за школьной партой — это значит учить детей, подростков, юношество по-ленински добывать знания, по-ленински сосредоточиваться. Я считаю исключительно важной воспитательной задачей пробудить в юных сердцах восхищение ленинским трудолюбием, верностью подлинной науке, любовью к книге. В условиях осуществления общего среднего образования особенно важно, чтобы наши воспитанники на собственном опыте убеждались, что *трудно* — это не только *нужно,* но и прекрасно, восхитительно.

В каждой школе на видном месте я бы написал слова К. Маркса, сравнивающие вход в науку с входом в ад. Не для запугивания, а для воспитания мужества мыслителя. Воспитание действительно просвещенных людей — это дух истинного труда в школе, дух пытливой и настойчивой, ищущей и беспокойной мысли. Мы всегда культивируем, всячески поддерживаем, углубляем мысль и претворяем ее в убеждение: чем труднее учиться, тем почетнее быть победителем в преодолении трудностей. Прочные знания по математике, физике, химии — это в наше время острое оружие в руках патриота: только этим оружием можно в наши дни утверждать честь и достоинство нашего социалистического Отечества; идти в битву идей без знаний или с плохими знаниями — это значит быть не только плохим солдатом, но и плохим патриотом. Уместно вспомнить слова А. М. Горького: «Патриотом быть не худо, вовсе не худо, но — быть тупым и глупым патриотом — это беда! И всегда необходимо помнить, что «чужой дурак — нам веселье, а свой — бесчестье» (**Горький М.* Письма к сыну // Комс. правда. 1968. 21 марта). Разговоры об идейном воспитании превратятся в болтовню, если не будет влюбленных в математику и физику, химию и биологию.

В юной душе не должна даже зародиться мысль о том, что учение — легкое дело. Подросткам, юношам и девушкам — зачастую так бывает — очень трудно учиться потому, что в их жизни был очень длительный период, когда им учиться было очень легко. Для того чтобы учиться было легко (в том смысле, что трудности учения преодолеваются настойчивым трудом), надо, чтобы учиться было трудно, чтобы человек не стремился идти легким путем, обходя трудности.

Ежедневно, на каждом уроке ученик должен что-то добывать своими усилиями — это не только правило дидактики, но и важная закономерность воспитания. У лучших учителей желание питомцев уз-

нать и знать никогда не угасает потому, что они всегда чувствуют себя добывателями знаний, переживают чувство гордости от того, что они, думая, работают. Если вы хотите, чтобы ученик никогда не потерял интереса к знаниям — а только при этом условии он не просто ваш ученик, но ваш воспитанник, — умейте утвердить отношение к думанию, к мысли как к труду. Если вам удастся этого достигнуть, знания станут самим существом вашего питомца, а вы, преподаватель своего предмета, станете талантливым воспитателем. Кое-кому думается, что правильное воспитание на уроках арифметики уже достигается решением задач, в которых речь идет о перевыполнении планов (о чем решать задачи — это очень важно, но это далеко не всё). А в одной школе решили даже проводить «ленинские диктанты» и «ленинские пятиминутки» на уроках литературы. Припомним, как Владимир Ильич ненавидел политическую трескотню, голую фразу. Нельзя допускать, чтобы великое, святое опошлялось игрой, трескотней. Единство обучения и воспитания в том, что человеку хочется овладевать знаниями, хочется отдать свои знания людям, обществу, народу. Это самые тонкие, нежные и чуткие корни единства обучения и воспитания. Если их нет, не может быть ни идейности, ни политической заостренности знаний.

Мышление становится трудом только тогда, когда в школе создаются взаимоотношения, при которых знания не мертвый, неподвижный багаж, все время накопляемый и сохраняемый. Знания должны быть в движении, входить в духовную жизнь коллектива, затрагивать отношения долга и дисциплины, дружбы и ответственности. За партой сидят люди с паспортами и свидетельствами призывника — они должны чувствовать себя завтрашними тружениками и воинами, отцами и матерями. Многие беды школьной жизни, в частности нежелание отдельных подростков и юношей овладевать знаниями, лень, безделье, имеют своим источником осознание того, что знания существуют независимо от гражданской жизни ученического коллектива, от взаимоотношений школы и трудовых коллективов взрослых, школы и общества. Мы стремимся, чтобы юноши и девушки не только овладевали знаниями, но и делились ими в своем коллективе: читали доклады, рефераты своим товарищам, шли с докладами и лекциями в коллективы взрослых тружеников, тракторную бригаду и на животноводческую ферму, в поле. Мы считаем успехом воспитательной работы, когда отношения дружбы, товарищества строятся на общности умственных интересов. Интеллектуальная жизнь ученического коллектива — это еще очень малоисследованный вопрос школьного воспитания. Лишь при том условии, если в школе богатая умственная жизнь коллектива, если знания живут во взаимоотношениях, можно говорить о *выработке* настоящих убеждений. Убеждения не передаются механически вместе с знаниями, не задаются домой одновременно с соответствующими параграфами учебника, не заучиваются и не запоминаются — они вырабатываются и только вырабатываются. Богатая, многогранная, идейно насыщенная интеллектуальная жизнь коллектива является тем воздухом, на котором держатся крылья убеждений.

Но и интеллектуальная жизнь становится воспитательной силой лишь там, где в школе царит дух труда. *Трудовая жизнь* в годы дет-

ства, отрочества и ранней юности — одно из важнейших условий того, чтобы в стенах школы формировался гармонический человек.

Речь идет не просто о выполнении определенной нормы труда, а о трудовой жизни. Подлинное воспитание немыслимо без жизни в мире труда. Труд лежит в основе и нравственного, и эстетического, и эмоционального воспитания. Те взаимоотношения в коллективе, которые мы называем интеллектуальной жизнью, это тоже прежде всего труд. Первую заповедь коммунистического воспитания мы видим в том, чтобы человек уже в годы детства постиг истину: без труда немыслима жизнь. Вывести маленького человека на дорогу гражданской жизни можно только тропинкой труда. Первое понятие о коллективе формируется и утверждается благодаря тому, что дети объединяют свои усилия для того, чтобы вырастить сад или виноградник, дубовую рощу или плодопитомник, *создать* несколько десятков квадратных метров плодородной почвы или защитить гектар чернозема от эрозии. Благодаря духу труда в школе живут трудовой коллектив, трудовые отношения. И умственная жизнь коллектива становится богатой благодаря тому, что идея труда для людей, общества, народа одухотворяет коллективную мысль, коллективные стремления. Нет трудового коллектива — ученики ваши никогда не станут вашими воспитанниками. Жизнь убеждает, что человек становится в полном смысле этого слова воспитанником лишь тогда, когда он имеет трудовые интересы, а трудовые интересы личности немыслимы без коллективного одухотворения трудом для общества.

Только тогда, когда коллектив воспитанников держится на трудовой жизни, каждый осознает себя как частицу общества. Понятия о долге и ответственности не могут утвердиться иначе, как через труд, в котором есть идея — материальный результат, дающий людям жизнь, добро, радость, есть напряжение усилий, есть усталость и пот. Здесь мы подходим к важнейшей закономерности воспитания действительно просвещенных людей: только тогда, когда человек на собственном опыте постиг, что такое долг и ответственность, он может выработать свои убеждения, взгляды, свою трудовую позицию. Трудовая жизнь коллектива — это тысячи нитей долга и ответственности, идущих от человека к человеку. Труд делает эти нити прочными и неразделимыми. От того, насколько прочно связывают эти нити людей, зависит и характер интеллектуальной жизни коллектива.

Отрочество и юность — возраст мечты о будущем. Подросток, юноша, мысленно строя свое счастье (а умение благородно строить счастье в мыслях — это тоже очень большое духовное богатство молодого человека), видит свой идеал в труде на благо Отечества. Учить мечтать так, чтобы идеал личный гармонически сливался с идеалом общественным, — это в наши дни одна из самых сложных проблем воспитания юношества. Вершина мастерства воспитателя в том, чтобы знания, мысль, способность, талант, труд, творчество каждого сидящего ныне за партой юного гражданина, как ручеек, питали полноводную реку — наше любимое Отечество; чтобы, отдавая свой ум, мудрость, трудолюбие во имя великих идеалов коммунизма, каждая человеческая личность находила в этом свое счастье.

Как практически решать эти сложные воспитательные задачи. Как достигнуть того, чтобы питомец наш уже в годы раннего отрочества стремился к трудному и презирал путь наименьшего сопротивления? Настоящий умственный труд требует большой духовной твердости, настойчивости, несгибаемости. Чтобы мысль стала привлекательным трудом, чтобы человек чувствовал *роскошь и великолепие* мышления, он должен *властвовать над собой.* А властвовать над собой ваш питомец сможет лишь тогда, когда вы, воспитатель, — его единомышленник, когда ваша умственная жизнь, ваши интеллектуальные интересы для него — путеводная звезда. Многолетний опыт убедил, что властвовать над умами и волей, поднять человека на такую вершину нравственного развития, чтобы он сам властвовал над собственной волей, воспитатель сможет, только убедив в *привлекательности трудного.* Я властвую над думами и волей своих питомцев своими убеждениями, мыслью и книгой. Других способов и средств воспитать веру в авторитет воспитателя, уважение, почитание учительского труда, послушание (это тоже очень нужная вещь) нет. Мыслителем ваш воспитанник станет лишь тогда, когда вы приходите к нему с мыслью, зажигаете его своей пытливостью, жаждой и ненасытностью познания, передаете ему чувство гордости мыслителя.

Урок — первый очаг, согревшись у которого человек стремится стать мыслителем. Я вижу важнейшую воспитательную цель урока в том, чтобы зажечь у маленького человека огонек жажды познания. Если после моего урока подросток не испытывает желания узнать больше, чем я ему рассказал, если это желание не превращается в стремление, в стимул, побуждающий многие часы сидеть над книгой, — значит, воспитательная цель урока не достигнута. Прийти в класс с мыслью — это значит, образно говоря, принести изумление. Питомец мой должен пережить чувство изумления при виде безграничного океана знаний, почувствовать себя не бессильной пылинкой, а смелым мореплавателем. Мой урок должен одухотворить его смелостью, необходимой для того, чтобы плыть в океане знаний. Лишь книга может претворить изумление в пытливость, любознательность. Только чтение открывает перед человеком роскошь интеллектуальной жизни. От того, как и что читает человек в годы отрочества и ранней юности, зависит становление в нем мыслителя-труженика. Какой бы предмет вы ни преподавали подросткам или юношам, вы должны пробуждать тяготение к книгам, проникнутым идеями, возвышающими, облагораживающими человека, стоящего на пороге самостоятельной жизни. В основе книг, которые читают подростки и юноши, должны быть идеи:

смысл человеческой жизни — в служении народу, Отечеству, возвышенным идеалам;

верность Родине, несгибаемость и мужество в борьбе за ее могущество — высшая доблесть, во имя которой настоящий человек преодолевает любые трудности;

«воля и труд человека дивные дивы творят» *(Н. А. Некрасов);* с малых лет человеку надо быть властелином своего разума и воли;

знания, которыми обладает сейчас человечество, достались ему в

нелегкой борьбе, путь к знаниям обильно полит кровью борцов против невежества, мракобесия, религии;

разум человеческий могуч и непобедим; разум — это большая сила и большое богатство; готовься служить своему Отечеству разумом, мыслью, творчеством.

Если школьник только учит уроки по учебнику, если этим ограничивается его учение, умственная жизнь его убога и ограниченна. Как большого несчастья, опасайтесь того, чтобы умственные силы подростка, юноши шли лишь на *запоминание,* заучивание. Это опасный враг гармонического развития. Подлинная интеллектуальная жизнь возможна лишь тогда, когда человек читает без установки на запоминание. Наш педагогический коллектив заботится, чтобы у каждого ученика было чтение, не связанное непосредственно с уроками (но, конечно, вызванное интересом и вопросами, которые пробудились на уроке). *Читать из потребности думать* подросток, юноша должен в два, в три раза больше, чем задано ему по учебнику выучить, — к такому выводу приводит многолетний опыт. Чтение из потребности думать, без установки на запоминание — главное условие развития умственных способностей, становления творческого ума. В чтении из потребности мыслить, узнавать, изумляться величием и силой разума и заключается смысл интеллектуальной жизни личности. Без такого чтения сидение над учебником неизбежно превращается в зубрежку, отупляет ум, превращает учение в тягостную повинность. Там, где нет чтения из потребности мыслить и узнавать, овладение учебником становится непосильным трудом. Нежелание учиться появляется из-за отсутствия богатой, насыщенной интеллектуальной жизни. Это тревожное явление, если только правильно поняты его истоки, заставляет нас, воспитателей, искать единственно правильный путь предотвращения серьезных пороков школьной жизни: лени, безделья, пустого времяпрепровождения. Этот путь — в пробуждении интереса к мысли, книге, чтению. Обязательный материал учебника с интересом овладевается тогда, когда у ученика есть чтение из потребности думать и узнавать.

В наши дни подростков и юношей окружает богатый мир удовольствий. Приятно поиграть в футбол или баскетбол, послушать радио, посмотреть телевизионную передачу, особенно спортивное соревнование — поглазеть и поболеть. Приятно просто побездельничать. Если эти удовольствия поглотят все духовные силы человека, он вырастет убогим и опустошенным. Богатство удовольствий — очень важная и сложная проблема воспитания. Решить ее можно только общими усилиями семьи, школы и общественности. Самое главное здесь вот что: в годы детства, отрочества, ранней юности в духовном мире человека должно утвердиться стойкое чувствование, переживание привлекательности самого сильного удовольствия — чтения, уединения над хорошей, интересной и нужной книгой. Никакие другие удовольствия не должны идти в сравнение с роскошью мысли, с радостью жизни в мире книг. Это опять-таки зависит от того, с чем приходит к детям учитель. Наиболее яркими часами духовного общения детей с учителем должны быть часы, посвященные книге и мысли.

Есть дети слабомыслящие, малоспособные к учению. Овладение знаниями связано для них с неимоверными трудностями. Они страдают, понимая ограниченность своих способностей. Их нельзя отправить в специальные школы, и в то же время они не могут учиться так, как учится подавляющее большинство детей. Как быть с такими воспитанниками? Как добиться, чтобы эти люди не чувствовали себя неполноценными, как это часто бывает, не уходили из школ недоучками и нравственными невеждами?

Самое главное, к чему я стремился, — это воспитание у слабомыслящих, малоспособных детей чувства человеческого достоинства и постепенное развитие их умственных способностей. Для духовной жизни этих воспитанников особенную важность имеет чтение из интереса, из желания узнавать, знать, мыслить. Самое пагубное для таких подростков — ограничивать мир их интеллектуальных интересов учебником, а умственный труд сводить к заучиванию, запоминанию. Слабомыслящие, малоспособные должны как можно больше думать читая и читать думая. От прочитанного из интереса, из желания думать в их памяти все-таки остаются какие-то крупицы, и чем ярче мысль, сопровождающая чтение, тем прочнее сохранение в памяти, — но без установки на заучивание! Чем больше запомнил такой ученик, не стремясь запомнить, тем крепче становится нить его мышления. Исключительно важно, чтобы с малоспособными детьми учитель проводил специальные беседы, посвященные прочитанной книге. Цель этих бесед — заботливо лелеять детскую мысль, развивать интерес к познанию. Опыт убеждает, что, если для слабомыслящего, малоспособного ребенка чтение стало духовной потребностью, развиваются его способности к овладению обязательными знаниями, он воспитывает в себе силу воли, настойчивость.

30. ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ — ЭТО ЕСТЬ АКТИВНАЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Знания — духовная сила и оружие борца за коммунизм. Без глубоких знаний всего народа, без пытливости и любознательности, без богатой интеллектуальной жизни в наше время невозможно быть сильным, независимым государством. Нам нужны действительно просвещенные люди, писал В. И. Ленин (*см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391). **Овладевая математикой, физикой, химией, биологией, ты готовишься служить Отчизне своим разумом, своими знаниями. Овладевая гуманитарными знаниями, ты воспитываешь в себе гражданина, культурную личность с высокоразвитыми, благородными интересами, потребностями, притязаниями.**

Знания — это бесценное богатство, которое ты должен приобрести в годы детства, отрочества, ранней юности. То, что ты не приобрел в юные годы, никогда не приобретешь в такой же мере потом. Будь мужчиной в овладении этим ни с чем не сравнимым богатством — знаниями. Твой долг — учиться в полную меру своих сил. Достоинство мужчины не быть паразитом, дармоедом. Презирай лень мысли. Овладевая знаниями, живи гражданскими интересами. Мужчина, не воодушевлен-

ный общественными интересами, — только существо мужского пола, бреющее усы и бороду (*см.: *Чернышевский Н. Г.* Избр. философские произв. Т. 2. М., 1950. С. 231). **Лень, нерадивость, слабоволие, разболтанность в учении — это значит, что ты закладываешь корень своего паразитического существования.**

Это поучение имеет своей целью воспитать у детей и юношей гражданское отношение к школе, учителю, науке, книге и, самое главное, к своей мысли, умственному труду. Мы, учителя, становимся воспитателями лишь при условии, если каждый день пребывания ребенка в школе прибавляет маленькую крупицу к его гражданскому сознанию. Наша задача заключается не только в том, чтобы дети наши думали о правилах, явлениях, закономерностях, формулах, которые изучаются на уроках. Они должны думать о долге труженика, познающего мир, для того чтобы стать наиболее активной, деятельной частицей народа.

Реализация этого поучения заключается в том, чтобы ребенок испытывал тяготение к труду и непримиримость, нетерпимость к лени. Сидя за партой, напрягая умственные усилия, для того, чтобы понять, запомнить, постигнуть, знать, маленький человек должен чувствовать себя частичкой трудящегося народа. Мысль об этом — никогда не дремлющий страж ума, только при условии, если вам удалось навсегда утвердить эту мысль в юном сознании, вы воспитываете действительно просвещенного человека. Моя система воспитания детей на том и построена, что ребенок чувствует: день без труда — это несчастливый день моей жизни, огромная утрата, которую ничем не возместишь. Каждому поколению своих питомцев я рассказываю быль «Утраченный день» с ярко выраженным нравоучением.

Я стремлюсь к тому, чтобы ребенку было стыдно бездельничать, когда все работают. Учение воспитывает лишь тогда, когда оно не механическое запоминание, а умственный труд, имеющий яркую нравственную окраску: человек становится настоящим гражданином, когда он трудится. Сформировать это убеждение не так легко, ведь мы имеем дело с ребенком. Я постепенно раскрываю перед детьми величественную картину мысли, ставшей решающей силой труда. Это рассказы о строительстве шахт и гидроэлектростанций, о сооружении фабрик и заводов, о поиске полезных ископаемых, об исследовании морских глубин, об увеличении плодородия почвы, о сохранении природы. Единство мысли, труда, гражданственности входит в сознание ребенка как закономерность бытия. Детей одухотворяет то, что в наши дни самый обычный, будничный труд пахаря, пастуха, механизатора, не говоря о труде агронома, требует больших знаний.

Но это одухотворение останется холостым выстрелом, если ум воспитанника будет пассивной, «потребляющей» силой. Разум должен быть силой активной, творческой, лишь при этом условии то, что можно назвать подлинным умственным трудом, формирует достоинство труженика — думающего, ищущего, познающего человека.

С малых лет и на протяжении всего длительного пути по тропинке отрочества и юности я стремлюсь к тому, чтобы среди жизненных ценностей, которые входят в бытие воспитанников, на первом месте сто-

яли не материальные блага, не забота об одежде, квартире, вкусной пище, а радости интеллектуальной жизни. В молодости человек должен быть идеалистом в лучшем смысле этого понятия. Знания станут в полной мере духовной силой и оружием в борьбе за коммунизм лишь тогда, когда дух, идеалы как бы присматривают за всем, что роднит человека с животным и от чего, как бы мы ни хотели этого, нам не уйти. Человек должен есть, иначе он не будет жить, но, если он превратится в обжору, он потеряет свое лицо, утратит духовную красоту. Человеку надо жить в красивом и удобном жилище, красиво и удобно одеваться, но, если это станет выше его духа и идеалов, он превратится в мещанина. Пусть культ знаний, озаряя своим светом мир вещей, убеждает человека в том, что есть ценности второсортные, призванные служить человеку, и есть ценности, в которых выражается самая сущность человека.

От того, какие взгляды на ценности удалось вам утвердить в юной душе, зависит становление чувства гражданского достоинства мыслящей, познающей, ищущей личности. Коммунистический идеал, во имя которого мы призываем своих питомцев жить, учиться, бороться, — это не мертвая икона. Это прежде всего всеобщее благо и счастье каждого человека. Я вижу особую воспитательную задачу в том, чтобы в сознании подростков, юношей развенчивать идеал призрачного мещанского счастья. Я рассказываю им быль «В чем настоящее богатство», она заставляет юношей и девушек задуматься над истинным смыслом ценностей.

В статье «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин подчеркивал необходимость того, чтобы наука действительно входила в плоть и в кровь, превращалась в элемент быта. Нам нужны люди, писал В. И. Ленин, «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391—392). Через многие труды В. И. Ленина красной нитью проходит мысль о том, что учить молодежь коммунизму — это значит вырабатывать у нее собственные убеждения. Ленинские идеи о коммунистических убеждениях являются той путеводной звездой, которая освещает нелегкий путь воспитания в наше сложное время, когда идет непримиримый поединок между коммунистической идеологией и идеологией буржуазии. За партой сидят миллионы юношей и девушек, которые по своим силам и способностям создавали бы материальные и духовные блага, трудились бы у станка и в поле, если бы годы их самого интенсивного развития не шли на овладение знаниями. **Школьное обучение не должно сводиться к накоплению знаний для будущего. Обучая, мы должны создавать в человеке важнейшие ценности нашего общества. Школьное обучение, если только мы хотим, чтобы оно формировало действительно просвещенных людей, должно быть активной идейной, гражданской жизнью молодого человека с е г о д н я, должно стать выражением, выявлением творческих сил личности именно в тот период ее умственного, нравственного, эстетического развития, когда она не только познает, узнает, усваивает знания о мире, о человеке, о социальной**

борьбе, но и вырабатывает свое отношение к миру, к человеку, к самому себе. Выработать у наших питомцев их личное отношение к тому, о чем они узнают и что познают, — это значит научить их дорожить и ненавидеть. Это и есть важнейшие ценности нашего общества.

Что значит жить гражданской жизнью, сидя за школьной партой? Это значит в процессе овладения знаниями формировать в себе такое отношение к знаниям, науке, которое бы утверждало человека в общественной жизни как борца за коммунистические идеалы, непримиримого к враждебной нам идеологии, как патриота, труженика, воина. Единство идейной жизни и обучения — это и есть **воспитание в процессе обучения.** Ленинское отношение к знаниям, науке, труду, гражданская жизнь за школьной партой — это сложнейшее и тончайшее дело во всей нашей воспитательной работе с подростками и юношами. По самой сущности своей это идейно-политическая работа. Гражданская жизнь за школьной партой начинается с личного отношения человека к собственным мыслям, ведь знания не мертвые истины, вкладываемые в голову. Знания — это многогранная, идейно и эмоционально богатая жизнь личности. Познавая и зная, человек хочет, чтобы, осмысливая знания, мой питомец был борцом — моим единомышленником. Чтобы, зная и переживая знания, он утверждался в собственной идеологической позиции. Миссию учителя я вижу в том, чтобы для становления гражданской жизни за школьной партой обучение от начала до конца стало воспитанием взглядов, убеждений, стремлений, оценки и самооценки, все это и вкладывается в многогранное понятие *отношение.*

Для того чтобы истина воспитывала, она должна вдохновлять, одухотворять *стремления.* Ученик становится гражданином лишь тогда, когда он *стремится.* Воспитание в себе идейных устремлений — это то же самое, что тщательное, любовное хранение оружия, которым завтра придется воевать. Гражданская, идейная устремленность в процессе обучения начинается там, где мысль одухотворяет, пробуждает, утверждает стремление к идеалу. Знания добывались человечеством в нелегкой, часто кровавой борьбе. Знания — это красота человеческого подвига, самоотверженность. Страницы истории борьбы человечества горячи, как раскаленное железо. Каждая строчка каждой из этих страниц горит неугасимым огнем человеческих страстей. Воспитывать действительно просвещенных людей, формировать ленинское отношение к знаниям — это значит раскрывать перед детьми, подростками и юношами яркие образы людей, отдавших свою жизнь за торжество правды и истины, за счастье грядущих поколений. Воспитывать борцов за коммунизм — это значит добиваться, чтобы юные наши граждане прикасались своими сердцами к горячему биению сердец Ивана Сусанина и Сергея Лазо, Феликса Дзержинского и Николая Гастелло, Дмитрия Карбышева и Александра Матросова, Юлиуса Фучика и Зои Космодемьянской. Я добиваюсь того, чтобы горячие, как раскаленное железо, страницы истории зажигали юные души, пробуждали *стремление* к верному служению Родине. Без *стремления* нет гражданственности. Настоящее формирование действительно просвещенных людей — это прежде всего познание человека: его героического духа,

преданности Отчизне, верности убеждениям, готовности и умения овладеть богатствами мысли во имя счастья человека, его таланта развивать науку, технику — во имя блага и славы нашей Родины.

Могучей воспитательной силой является образ великого Ленина. Его яркая жизнь, революционная мысль, марксистская убежденность и целеустремленность, умение дорожить знаниями — всё это является для наших питомцев меркой в самовоспитании. Рассказывать о В. И. Ленине — для этого каждому из нас, воспитателей, нужно достигнуть высокого уровня идейной, духовной, педагогической культуры. Сущность этой культуры в том, чтобы самому воспитателю гореть высокими идеалами, *выражать* глубокую веру в коммунизм, одухотворять своих питомцев благородными *стремлениями* бороться за коммунизм делом, поступками. Когда я рассказываю о Ленине, я стремлюсь к тому, чтобы детей, подростков, юношей захватывала красота идейности, красота преданности идеалам, красота труда во имя победы коммунизма.

Познание, постижение этой красоты — самый сильный стимул, пробуждающий желание учиться, стремление быть умным, образованным, культурным, духовно богатым, идейно несгибаемым. Только тогда, когда эта красота становится личным достоянием воспитанника, знания становятся силой, ум — силой духа.

Воспитывать действительно просвещенных людей, добиваться того, чтобы за школьной партой сидел гражданин, — это значит учить быть мыслителями и тружениками. Не потребителями готового должен быть мой ученик, а добывателем знаний. Если он не добывает знаний, не переживает при этом напряжения духовных волевых сил, он не может стать и моим воспитанником. К нему не дойдет и мое слово о человеке — борце за коммунизм. Есть в старших классах многих школ такие ученики: в глазах — равнодушие, слово воспитателя не зажигает огонька интереса к знаниям.

Почему это так бывает? Потому, что знания даются в готовом виде и миссия ученика завершается тем, чтобы запомнить, заучить, сохранить в памяти, по требованию учителя ответить — «выложить» знания. При таком учении ослабляется, а то и сводится на нет воспитательная сила знаний. С болью слушал я в одной школе ответы юношей на уроках истории. Речь шла о героических защитниках Севастополя в Крымской войне. А *думали* юноши о том, что говорили так, как будто предметом мысли было нечто далекое от их личной жизни.

Быть гражданином в учении — значит становиться тружеником мысли, овладевать знаниями по-ленински и дорожить ими по-ленински. Гражданственность знаний и мысли начинается с того, что ученики принимают близко к сердцу научную истину, родившуюся в борьбе науки против тьмы и невежества, прогресса против реакции. Вы рассказываете, например, пятиклассникам о давно минувших событиях — о греко-персидских и Пунических войнах, о положении рабов в Древнем Риме и их восстании под руководством Спартака. Если вы настоящий воспитатель, ваше слово не бесстрастное «изложение материала», а обращение к сознанию и совести детей. Что бы ни случилось на уроке, но, когда речь идет об обществе, народе, государстве, классо-

вой борьбе, человеке, идеологии, художественном воплощении человеческих мыслей и страстей, ваше слово должно быть обращено к мысли и совести. И ученики становятся вашими воспитанниками лишь тогда, когда в ваших отношениях с ними рождается единомыслие. Переживая обращение учителя — старшего товарища, умудренного жизненным опытом, они чувствуют себя как бы участниками похода по тернистой тропинке знаний; вместе с учителем идут они по этой тропинке к истине, вместе с ним их удивляет, изумляет и одухотворяет мысль о том, что путь к истине и к торжеству социальной справедливости обильно полит кровью; вместе с учителем их сердца сжимает боль от сочувствия правде, справедливости, от искреннего сердечного стремления к тому, чтобы правда, справедливость торжествовали. Если вы хотите поднять своего питомца к коммунистическим убеждениям, рассказывайте о давно прошедших событиях так, чтобы он почувствовал себя и рабом, прикованным к триере, и гордым, свободным воином армии Спартака. Если вы сумеете пробудить у питомцев такие чувства, они будут не тринадцатилетними младенцами, а в мыслях и чувствах своих будут стремиться к борьбе за правду против враждебной идеологии и человеконенавистничества, и критерием добра, огоньком, к которому стремятся учитель и его питомец, всегда будет коммунистический идеал.

Быть гражданином уже за школьной партой — это значит лично заинтересованно знать Советскую Родину, ее славное прошлое, героическое современное и величественное будущее. Видеть современность глазами патриота-ленинца может лишь тот, кто всеми силами своей души любит Родину, кто перестрадал ее страданиями и переболел ее болями, кто чувствует себя чувствительной частицей народа. Быть действительно просвещенным гражданином нашего Отечества — это значит любить его таким, каким его создали старшие поколения, каким оно вышло из жестокой борьбы в годы вражеских нашествий. Но это лишь половина действительной гражданственности. Действительно гражданская просвещенность немыслима без стремления создавать, трудиться, для того чтобы Отечество наше стало более могучим и счастливым. Юноша уже за школьной партой станет гражданином лишь тогда, когда он видит, понимает, принимает близко к сердцу беды и горести нашей Родины; они есть и в развитии нашей экономики, и в отношениях между людьми. Давая знания о Родине, умейте передать своим питомцам не только гордость ее достижениями, но и сердечную боль, тревогу, беспокойство о том, что не всё у нас еще такое, каким должно быть. Юноша, сидящий за партой, становится гражданином лишь тогда, когда он видит перед собой тернистый путь, по которому ему идти в жизни, чтобы еще больше возвеличить свое Отечество. Без ви́дения этого пути, без горячего желания и духовной готовности идти по нему немыслимо гражданское воспитание. Вопрос это исключительно важный, сложный и тонкий. Гражданственность не воспитаешь, если человеку всё будет представляться в розовом свете. Гражданственность слагается из чувства хозяина, наследника созданного старшими поколениями и из чувства ответственности за то, что с каждым годом в нашей стране уменьшается площадь пахотной земли

на душу населения из-за благодушия, расточительного, нерадивого и неумелого отношения к этому бесценному богатству. Здесь очень важно, чтобы знание плохого не превратилось в демагогические рассуждения. Мусор из родного дома надо выносить, но не рассыпать перед людьми. О плохом, горьком настоящий гражданин меньше всего говорит, а больше думает: как изжить плохое?

Любить можно по-настоящему только то, что глубоко и заинтересованно знаешь — знаешь для того, прежде всего, чтобы возвышать честь и достоинство Родины и свое гражданское достоинство. Знания о Родине — краеугольный камень гражданского достоинства. Утвердить в юной душе ленинское отношение к знаниям об Отечестве — я сравнил бы это душевное состояние молодого человека с плодородной почвой, ждущей капли дождя. Так и молодой человек должен жадно впитывать в себя каждую каплю знаний о Родине. Не просто знать, но переживать историю своего Советского Отечества — вот какой воспитательный идеал должен быть у каждого из нас, педагогов. Для человека, который до 17, а то и до 18 лет сидит за партой, для которого создание материальных и духовных благ станет основной деятельностью в будущем, знания о Родине должны быть не просто кругом фактов и выводов, которые ему надо усвоить. Наш питомец должен *жить* судьбами Отечества: с болью и гордостью, с волнением и восхищением, с раздумьями о личной причастности к судьбе народа читать и перечитывать каждую строчку героической истории народа. История — это могучая, вечно живая сила, создающая гражданина. Мой воспитательный идеал в том, чтобы разум и душа каждого моего питомца тянулись к каждой строчке, к каждой книге об Отечестве. Кем бы ни стал в будущем мой воспитанник — ученым, хлеборобом или каменщиком, в годы отрочества и ранней юности он с открытым сердцем, чуткой душой, пытливым умом проходит всеми дорогами и тропинками истории Советской Родины, лишь благодаря этому и при этом условии он приходит в наше сегодня мужественным и мудрым, с большими внутренними духовными силами и непреодолимым стремлением оставить после себя истинно человеческий след на земле. У каждого подростка есть своя историческая библиотечка — книги о славном прошлом нашего Отечества, о его верных сыновьях. Среди этих книг на первом месте — произведения о жизни и борьбе В. И. Ленина, о семье Ульяновых. Воспитание гражданственности за школьной партой — это умение вдохновить молодого человека на раздумья о судьбах Советской Родины, умение пробудить чувство гордости от мысли о том, что я сын первого в мире социалистического государства.

Настоящее воспитание в процессе изучения истории, обществоведения, литературы и других предметов — основ наук об обществе и человеке — начинается там, где человек переживает, страдает страданиями и болями трудящихся, осмысливает, что он плоть от плоти трудового народа, что угнетенные в странах капитала — его братья по классу, а каждый человек труда в нашем обществе — его единомышленник и соратник в борьбе за построение коммунизма.

Высокая миссия воспитателя заключается в том, чтобы учить молодежь видеть в нашей современности, в нашем обществе героическое,

восхищаться и изумляться обычным и повседневным, переживать удивление и благоговение перед величайшим творением социалистического строя — новым человеком, постигнуть счастье борьбы, а если жизнь требует, то и самопожертвования во имя Отчизны, ее славы и независимости. Видение дел великого исторического смысла в обычном, будничном, привычном — это идейный стержень гражданина, патриотическая душа комсомольца и пионера, могучий стимул стремления быть настоящим человеком. Только тот, кому мы, воспитатели, сумели дать дар этого видения, только тот находит в себе волевые силы *заставить себя, управлять собой,* властвовать над собой. Подлинная сознательность, настоящая дисциплина и самодисциплина, нетерпимость к равнодушию и безделью, разгильдяйству и бездумному расточительству сил и времени — все эти духовные качества можно утвердить в человеке только на основе гражданского ви́дения мира, на основе понимания того, что на моих глазах совершаются исторические события и я их участник. Лодыри и бездельники — это прежде всего нравственно слепые и глухие люди. Предотвращение равнодушия к тому, что человек познает и знает, предотвращение окостенения сердца и ума — это главные задачи воспитания подростков и юношей.

Понимание и чувствование того, что на моих глазах творится история, — могучий источник преданности коммунистическим идеям, источник духовной готовности бороться за честь и славу Отечества, источник жизнеутверждающего оптимизма. Я считал бы воспитание лишенным идейной сердцевины, если бы питомец мой в годы отрочества и ранней юности не пережил волнующих минут счастья от изумления подвигом шахтера Владислава Титова, подвигом двух юношей — огненных трактористов, отдавших свою жизнь, чтобы спасти хлеб для людей. Идейность юного гражданина зависит от того, чем он живет, о чем мечтает, чем восхищается, что видит он в жизни привлекательного. Открыть привлекательность, красоту наших дней — в этом верный путь к тому, чтобы нам, воспитателям, быть властителями юных душ.

Убеждения надо выстрадать *(С. Лазо)* — лишь при этом условии они становятся собственным богатством души. Мое сокровенное стремление — открыть глаза питомца на мир так, чтобы он собственным горем считал страдания голодных детей безработного в капиталистическом «рае», чтобы не мог спокойно уснуть от мысли о том, как тысячи патриотов томятся в застенках фашистских режимов, чтобы сердце его сжалось от боли при мысли о том, что в капиталистическом мире каждую секунду умирают от голода дети, — это и есть выстраданные собственные убеждения. Гражданское воспитание за школьной партой заключается в том, чтобы в юном сердце кипели гнев, ненависть к поработителям и тиранам. Только тогда, когда юный разум не просто осмысливает и понимает, но имеет свою точку зрения, свою позицию, только при этом условии зерно знаний пускает глубокие корни в почву труда, в почву творчества и эти корни становятся гражданскими узами, связывающими личность с трудящимися, с коммунистическими идеями. Чем дальше видит юный гражданин, чем глубже в его сердце гнев и ненависть к социальной несправедливости, к угнетателям, эксплуататорам, поджигателям войны, тем красивее нравственно

его душа, тем более способен он быть верным другом и братом своего соотечественника, преданным в любви и верности своим детям, своей семье.

По-ленински учить, воспитывать действительно просвещенных людей — это значит утверждать в сознании наших воспитанников не вообще истину, а истину горячей революционной борьбы, истину любви к трудящимся, непримиримость к нашим идейным противникам, ненависть к врагам Отечества. Наш воспитанник должен думать о знаниях, думать об истине так, чтобы в его груди от этих мыслей учащенно билось сердце юного гражданина. Следовать заветам В. И. Ленина — это значит не просто перекладывать знания из своей головы в головы учеников, но призывать, вести за собой юных граждан.

31. СОВЕСТЬ — ЧУТКИЙ СТРАЖ ПОСТУПКОВ

С того времени, как ты делаешь свой первый шаг по земле и начинаешь видеть мир, к тебе устанавливается определенное отношение со стороны старших. Чаще всего оно меняется, но иногда бывает и неизменным. Родные и посторонние люди видят в тебе хорошее и плохое, определенным образом оценивают твои черты и относятся к ним. Даже грудные дети уже не одинаковые: один — крикливый, другой — спокойный; один — капризный, другой — благодушный и покладистый. Сначала оценка твоих достоинств и пороков выражается в улыбке или нахмуренном лице мамы, в недоумении или покачивании головы отца, в радостном одобрении или окрике, а то и в шлепке. Беспокойная жизнь твоя, твое вхождение в мир человеческий начинается с того, что тебя одобряют, хвалят или порицают, осуждают. Ты сам становишься как бы вместилищем добра и зла. Когда ты вступаешь в общественную, гражданскую, трудовую, творческую, интеллектуальную жизнь, оценка твоих достоинств и пороков, отношение к тебе становятся все более значительными, серьезными, требовательными, они исходят уже не от отдельных лиц, а от общества, коллектива. Умей понимать и осмысливать общественную оценку, общественное отношение к тебе. Ты не просто кому-то нравишься или не нравишься. Отношение к тебе выражает сущность того, что надо для общего блага. Одобрение, похвала, порицание, осуждение, наказание существуют в нашем обществе для того, чтобы ты умел подчиняться, сознательно выполнять волю других людей — во имя твоего же блага, умел властвовать над собой — управлять своими поступками, ограничивать свои желания.

Ты очень рано, 6- или 7-летним ребенком, вступаешь в трудовую и интеллектуальную жизнь; умение правильно реагировать на одобрение и порицание уже в детстве приобретает для тебя очень важный смысл. Не должно быть диссонанса между твоим положением ребенка, с одной стороны, и большой общественной значимостью положения школьника — с другой. Многие ненормальности школьной жизни как раз и происходят от этого диссонанса: с одной стороны, ты дитя несмышленое, а с другой — ты уже не маленький, у тебя есть обязанности, т ы о т в е т с т в е н, учись, как требует Родина. Нередко бывает, что дома тебя только хвалят, отец и мать тобой не налюбуются, а в школе вдруг тобой

недовольны: не только порицают, но и упрекают, осуждают, наказывают. Сумей разобраться в этом диссонансе и ты сам; знай, что бесконечное захваливание не только ослабляет духовные силы человека, но и порождает очень опасную черту — жалость к самому себе. Тот, у кого болезненно развивается эта черта, никогда не станет мужественным. Умей быть духовно сильным и мужественным прежде всего в отношении к самому себе. Тот, кто по-настоящему дорожит человеческими ценностями в тебе, скуп на похвалу. Пробуждай в себе угрызения совести. Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой — помни эти хорошие слова А. П. Чехова (***Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. С. 218). **Если ты слышишь порицание, осуждение от старших, от своих товарищей, помни, что, порицая и осуждая, они хотят тебе добра. Чрезвычайно широк диапазон человеческого отношения к злу — от нахмуренных материнских бровей и тяжелого молчаливого вздоха до многолетнего заключения в тюрьму — всё это направлено на то, чтобы спасти человека. Пусть же пробудят в твоей душе угрызения совести тревожные глаза матери и непролившиеся, засохшие от обиды слезы, тогда не нужны будут строгие приговоры судей и тюрьмы. Развивай чуткость своей совести.**

Смысл этого поучения в конечном счете заключается в том, чтобы маленький человек научился критически относиться к себе, чтобы совесть стала чутким стражем его поступков. Я считаю очень важной одну, казалось бы, простую, но вместе с тем нелегкую вещь: воспоминание о предосудительном поступке, совершенном в детстве, должно всю жизнь обжигать душу человека, вызывать у него сожаление, горестное чувство. Привести человека к этому душевному состоянию нелегко. Здесь самое главное — оставить его наедине со своей совестью, осветить его душу светом идеи добра. Эта мысль станет яснее, если я расскажу о специальном уроке *воспитания совестливости.*

Мы идем с детьми в поле копать и выбирать картофель.

— Вам восемь лет, — говорю я детям, — работать надо по-настоящему. В земле не должно остаться ни одной картофелины.

Рядом с собой ставлю Федю... Занимаю себе четыре рядка, а он — один рядок. Подкапываю кусты. Выбираем картофель, бросаем в корзинку.

Не хочется Феде работать. Выберет из куста те картофелины, что сверху лежат, а к тем, что внизу, землей покрыты, добираться не хочет. Оставил Федя картофель в одном кусте, в другом. Я вижу его работу, она не дает мне покоя. Выбираю картофелины, оставленные Федей, и говорю:

— Разве тебе не стыдно? Человек же смотрит и видит всё.

Оглядывается вокруг себя Федя с удивлением и говорит:

— Где же тот человек? Что он видит?

— В тебе, Федя, человек. Всё он видит, всё замечает, но только не всегда ты прислушиваешься к тому, что он говорит тебе. Вот попробуй, прислушайся, услышишь голос человека в себе, он тебе и скажет, как ты работаешь.

— Где же он во мне — человек? — спрашивает Федя, еще больше удивляясь.

— В голове твоей, в мыслях, в чувствах.

Федя перешел к новому кусту, выбрал картофелины, лежавшие сверху. Хотел было оставить этот куст и перейти к другому... вдруг как будто бы в самом деле кто-то упрекает: что же ты делаешь, Федя? Ведь еще есть картофель там, под землей. Удивился Федя, оглядывается. Вот работают товарищи, но они не рядом, никто из них не слышал нашего разговора. Никого нет, а как будто бы кто-то смотрит на его работу и стыдит.

— И в самом деле, наверное, человек видит мою работу, — подумал Федя и, разгребая землю, нашел еще несколько крупных картофелин. Легче стало Феде, вздохнул он

облегченно. Даже весело песенку запел.

Работает Федя час, работает второй — и всё больше удивляется. Думает: зачем так глубоко разгребать землю, нет ведь там, наверное, картофеля... Но не успеет засесть в голове эта мысль, как кажется ему, что кто-то увидел эту его мысль. Стыдно становится Феде. Но и радостно. Почему радостно, он не может дать себе отчета, а вот почему стыдно, он понимает: не хочется быть плохим.

О своих чувствах и переживаниях рассказал мне Федя двадцать два года спустя, тридцатилетним отцом двух детей...

— Вспомню, как не хотелось разгребать землю и выбирать все картофелины, и сейчас стыдно... — говорит он.

Почувствовать в себе Человека — вот к чему надо привести каждого питомца. Здесь особенно важно то, чтобы осуждение, которого заслуживает маленький человек за свой предосудительный поступок, шло не столько от старших, сколько от самого ребенка. Чтобы старший только зажег огонек идеи добра.

Каждый твой шаг в конце концов отражается на твоем ближнем, потому что идешь ты куда-то и с какой-то целью; каждое твое слово в душе другого отзовется, но, к а к оно отзовется, это зависит от тебя. Уже то, что ты смотришь на окружающий мир и видишь его, таит в себе и добро, и зло: всё зависит от того, что ты увидишь и как увидишь, — так поучаем мы своих питомцев.

Даже взгляд человеческий несет и добро, и зло, как в рассказе «Улыбка». Добрый к людям строг к себе, потому что доброта — это богатство, которого тем больше остается у тебя, чем больше ты отдаешь его другим людям. Умение *хорошо видеть мир* воспитывает строгость к самому себе, способность спрашивать с себя. Идея добра по-настоящему утверждается в сердце тогда, когда человек порицает себя. Сила такого порицания огромна. Оно часто сохраняется на всю жизнь. Я знаю случай с глухой девочкой, когда зло было предотвращено благодаря незаметной, кропотливой работе воспитателей.

Воспитатель только тогда является сеятелем разумного, доброго, вечного, когда он *правильно видит* добро и зло, правильно оценивает тончайшие порывы души, мысли, намерения, устремления. Правильное видение добра и зла — основа справедливости, а воспитание перестает быть воспитанием, когда ребенок чувствует, что с ним поступили несправедливо. Несправедливость порождает оскорбление и негодование, подлость и лицемерие.

Это произошло во втором классе. Во время перемены кто-то из школьников замазал чернилами стенку у двери. На стенке остался след от пальца. Зазвенел звонок. В класс пришел учитель. Увидев след пальца на стене, он спросил:

— Кто замарал стенку?

Все молчали.

На первой парте сидел Мишко. У него палец был в чернилах. Учитель внимательно посмотрел: как будто бы и следы мела на пальце остались. Шаловливый мальчик Мишко, это он...

— Это ты? — спросил учитель.

— Нет, не я, — ответил Мишко.

— Как тебе не стыдно! — разгневался учитель. — Нашкодил, а сознаться не хочешь.

Мишко стоял, наклонив голову. Он ожидал, что Петя, его одноклассник, сидящий за соседней партой, встанет и скажет: «Это я...» Но Петя молчал, спрятав руку под парту.

Этот классический пример того, как неумение видеть зло порождает более серьезное зло. Замаранную стенку легко побелить, не-

справедливо запятнанная душа болит всю жизнь, если только она не огрубела и не привыкла к подлости и лицемерию. Учитель не заметил, что своим неумением видеть добро и зло он посеял семена лицемерия и предательства. Тот, кто с детства научился прятать грязные пальцы, в зрелом возрасте способен будет толкнуть товарища в пропасть, лишь бы спасти свою шкуру. Виновник маленького зла, спрятавшийся от порицания, не почувствовавший малейшего угрызения совести, не переживший ни разу желания освободить, облегчить, излить душу, проявив строгость к самому себе и испытав сладость облегчения от этой строгости, — такой человек становится потенциальным *злодеем.* Вникнем в первоначальный смысл этого точного и горького русского слова: оно означает действовать по злому умыслу, заранее рассчитывая на то, что вина твоя останется не известной людям, а может быть, и другого обвинят, а ты будешь спокойно посмеиваться. Будущие носители злодеяния рождаются с малого (как будто бы!), а именно с того, что человек, совершивший зло — сначала небольшое, — познает первый опыт безнаказанности, становится внутренне распущенным, недисциплинированным, чувствует, что доброта других может превращаться во всепрощение; во всем клубке этих явлений особенно большое значение имеет то, что мы не ставим на первое место исключительно важную задачу — научить человека быть строгим к себе, воспитать умение спрашивать с себя, образно говоря, поселить в юную душу идеального человека, который бы смотрел на меня как бы со стороны, видел все и не давал бы мне никакого спуска.

Строгость к себе рождается тогда, когда человек устыдился. Устыдился своего предосудительного поступка, подумал о том, что о нем в это мгновение думают другие, — опять же почувствовал в своей душе идеального человека. Стыд сильнее самого строгого наказания со стороны, потому что это наказание собственной совести и собственной совестью. Заставить устыдиться — это и есть та волшебная палочка, которой нужно обладать каждому учителю. Я убежден, что эта волшебная палочка как раз и является в руках отца и матери могучим средством. Для того чтобы заставить устыдиться, нет никаких общих рецептов. В жизни — миллионы соприкосновений вещей и обстоятельств, в каждом случае надо искать то соприкосновение, которое неизбежно породит чувство стыда. На месте учителя, несправедливо обвинившего Мишко и не увидевшего подлинного виновника — Петю, я бы сделал так. Упрекнул бы Мишко: что же это ты выставил палец и держишь его? Ты спрятал бы его под парту, как делают некоторые твои друзья. Спрятал под парту руку с пальцем-виновником и думает, что душу спрятал от людей.

Мишко вначале бы не почувствовал оттенка иронии в моих словах и спрятал бы руку. Через мгновение до него дошел бы смысл и оттенки моих слов, он смутился бы... А Петя сгорел бы от стыда. Он или заплакал бы, или, мигая своими глазенками, смотрел бы на меня, шевеля под партой пальцами. Ведь он не какой-то закоренелый преступник, он просто боязливый мальчишка, и он молчал не потому, что сознательно хотел предать друга, а потому, что испугался крика учителя, угрозы в этом крике. Я бы не нагнетал здесь напряженности, а свел бы дело к

шутке. Петя горячо раскаялся бы в своей вине, он почувствовал бы и свою вину перед товарищем. А получилось не то: добрые чувства учитель завинтил гайкой страха. Ни в коем случае нельзя этого делать! Страх повергает в оцепенение. Самое главное, чтобы маленький человек устыдился, — вот тогда он и убоится. Стыд — это, образно говоря, воздух, на котором держатся крылья человеческой ответственности. Чувствуя ответственность, человек боится — боится оказаться плохим. Этот страх не сковывает силы, а стимулирует их, порождая мужество, бесстрашие, моральную стойкость и несгибаемость.

32. КАК ФОРМИРОВАТЬ ЧУВСТВО СОВЕСТИ

Живя в обществе, умей повелевать своими действиями, поступками, поведением, намерениями. Нравственной личностью ты станешь лишь тогда, когда в душе твоей навсегда поселится совесть, стыд, ответственность и долг. Это четыре важнейших источника, питающих твою моральную доблесть и культуру. Они взаимосвязаны, тесно переплетаются между собой. В совести гармонически сочетаются з н а н и е и ч у в с т в о в а н и е нашего долга перед обществом, перед людьми, а отсюда — перед самим собой. С малых лет учись жить так, чтобы тебе было хорошо, п р и я т н о, когда ты сделал х о р о ш о для людей, и н е п р и я т н о, когда ты сделал что-то плохое, предосудительное. Совесть живет в человеческой душе лишь на питательной почве совестливости стыда; совесть — это знание, многократно умноженное на ***переживание, чувствование,*** **производным же от этого действия являются стыд, ответственность и долг, долженствование.**

О совести можно знать, но быть бессовестным. Совесть лишь тогда является стражем твоего поведения, когда она живет в твоей душе, а это значит, что ты постоянно упражняешься в умножении знания на переживание, чувствование. Это очень тонкая внутренняя работа ума и сердца, она происходит в деятельности, в поступках, в размышлении о своем поведении. Эта работа тем напряженнее и значительнее, чем больше ты умеешь мысленно оставаться наедине с самим собой, рассуждая так: что бы сказали о моих поступках люди, если бы видели меня «насквозь», если бы от их взгляда не укрылась ни одна черточка моего внутреннего «я»? Благородное человеческое «я» для тебя станет непостижимым, если ты будешь замыкаться в самом себе, укрываясь от людей. Оставаясь наедине с самим собой, ты должен подвергать свою деятельность мысленному обзору со стороны самых честных, самых требовательных людей — они же и самые доброжелательные. Чем тоньше и активнее ты будешь совершать эту внутреннюю работу духа, тем выше будет развито твое чувство стыда, совестливости.

Стыдись пустоты своей души. Пуще всего стыдись того, что у тебя нет своих святынь, своих непреложных, непререкаемых истин, правил, принципов.

Стыдись своего слабоволия, беспринципности, «бесхребетности». Сгорай от стыда, если почувствуешь, что в тебе зашевелился гнусный червячок: «моя хата с краю».

Стыдись равнодушия, безразличия в своем отношении к граждан-

ской жизни, долгу, обязанностям. Это равнодушие недостойно мужчины, недостойно женщины — будущей матери гражданина.

Стыдись не только явной подлости, но и малейшей угрозы того, что о тебе могут подумать как о подлом человеке. Помни, что подлость в детстве и отрочестве начинается как будто бы с очень маленького — с твоего животного — да, оно противно духу человеческому — желания уйти от ответственности, от опасности, спастись от беды, угрожающей другим; переложить на других ответственность за что-то происшедшее по незнанию, оплошности, опрометчивости, недоразумению. Подлость заключается в молчаливом выглядывании из своей норки и любопытном ожидании: что будет товарищу, оказавшемуся в опасности? Норка, скорлупа, гнездышко — вот безобидная с первого взгляда колыбель эгоизма. Пуще огня стыдись оказаться в норке. Пусть лучше шалость, неугомонность, но не молчаливое, безропотное «это не мое дело».

Стыдись безответственности, легкомыслия, ветрености своих чувств, привязанностей. В чувствах своих надо уметь быть верным и долженствующим.

Стыдись невежества. Гордиться незнанием — верх глупости. Невежество ума и чувств обедняет человека, делает его *примитивным.* **Пусть на страже твоей порядочности всегда стоит чувство стыдливости за что-то примитивное, несовершенное в самом себе.**

Воспитание совести, стыда, совестливости, ответственности, долга — одна из самых утонченных сфер духовного, нравственного совершенствования и самосовершенствования. Сложность этой работы заключается в том, что она должна быть совершенно сознательной: уже маленький первоклассник должен отдавать себе отчет в том, что «поганому виду немаэ стиду», как говорится в украинской пословице. И в то же время к осознанию человек должен идти путем самостоятельных размышлений, раздумий. Это сфера воспитания, в которой человек больше должен думать о **самом себе.** Да, чтобы не стать бессовестным эгоистом, человеку надо уметь требовательно и строго думать о себе.

Совесть в действии заключается в том, что человек судит свои поступки и качества **как бы** от собственного имени. Если же пристально разобраться в истоках, началах совести, то мы придем к выводу: голос внутреннего «я» говорит в человеке только тогда, когда с малых лет он привык чувствовать, что он на виду у людей. Воспитание совести и стыда как раз и заключается в том, что ребенок испытывает проникновение — проникновение мыслями, чувствами — других людей в его внутренний мир. У ребенка надо создать чувствование того, что его видят и тогда, когда, казалось бы, никого вблизи нет и никто не смотрит на него. Не надо стоять у него постоянно над душой и зорко следить за каждым его движением. Чрезмерный надзор усыпляет совесть, делает ее хилой и беспомощной. Искусство воспитания состоит в том, чтобы уметь предоставить маленького человека самому себе. Только так развивается ви́дение самого себя.

Обо всех истинах, составляющих смысл совести, стыда, долга, ответственности, с детьми надо говорить тонко, умно, задушевно и — что особенно важно — к чему-то призывая и побуждая их, обращаясь

к их же совести. А обращаться к совести — это значит верить, доверять. Если я хочу проверить самого себя, какой я воспитатель, я делаю так. Записываю всё, что делает мой питомец и в школе, и дома (на уроках, в кружках и т. д.). Против каждого вида деятельности или выполненного дела пишу, по каким побуждениям трудился человек — по велению совести, т. е. в силу осознания того, что ему верят и он хочет оправдать доверие, или же только в силу требования, контроля. Нередко бывает так, что деятельность, стимулируемая верой и доверием, значительно уступает место деятельности, мотивом которой является только контроль. В этом я вижу угрозу всему воспитанию. Стараюсь найти возможности для того, чтобы главным стимулом были вера и доверие. Заставить ребенка выполнить ту или иную работу, требующую даже значительного напряжения физических сил, нетрудно. Неизмеримо труднее заставить его самого себя заставить. В воспитании совести исключительно важно, чтобы физические усилия побуждались напряжением сил духовных, чтобы первоисточником взгляда на самого себя была сила духа и чтобы это напряжение духовных сил было на виду у людей. Ребенку доставляет большую радость осознавать себя духовно стойким, мужественным. Переживание этой радости — крайне необходимый нравственный опыт в тонком деле субъективных чувств, переживаний, размышлений, большое значение имеет индивидуальный подход к каждому ребенку. Бывает, для того чтобы маленький человек взглянул на себя глазами других людей, надо не только использовать, но и создавать необходимые обстоятельства. Как неповторим человек, так неповторимы бывают и условия, которые в наибольшей мере благоприятствуют воспитанию совести.

Третьеклассник Станислав не отличался ни прилежанием в учении, ни старательностью в общественных делах. И учителю, и родителям с большим трудом приходилось заставлять его выполнять свои обязанности. Дальше обязательного мальчик не шел. Угрызения совести никогда не тревожили его. Причина этого равнодушия в том, что в семье ребенок жил только для себя и единственным источником радостей для него было потребление благ (там, где радость эгоистична, угрызения совести не бывает). Учитель и отец заставили мальчика сделать кормушку для птиц... Но до тех пор пока труд ежедневно контролировался, Станислав что-то делал; ослабевал контроль — и работа прекращалась.

Приближались летние каникулы. В живом уголке школы стояла маленькая клетка, в которой жили две синички. Они были искалечены и не могли летать. Летом за ними нужен был особенный уход: птички тосковали. Это поручили Станиславу. Каждый день ему надо было не только приходить в школу, давать корм, чистить клетку. Надо было готовить корм впрок, на зиму. Птички привыкли к свежему корму: надо было несколько раз в день приходить в школу.

Поручение дали от имени классного коллектива. Зная, что Станислав не отличается усердием, дети с большим интересом стали следить: справится ли с трудным делом их товарищ? Мальчик был на виду у людей, он чувствовал, что на него глядят десятки глаз, но в то же время он был предоставлен самому себе. Его оставили наедине со своей совестью, и в то же время он понимал: умение заставить себя — это значит умение выполнить волю товарищей.

В таких обстоятельствах особенно глубоко осмысливается — на собственном опыте — та истина, что подлинная свобода добросовестного человека есть осознанная необходимость: хочешь быть по-настоящему свободным — умей подчиняться сам себе, а если ты властвуешь над собой, то, значит, делаешь, *как должно.* Вот в такие обстоятельства и надо ставить своих питомцев, если вы хотите, чтобы они видели самих себя. В данном случае выбор того, что должно, и того, что нельзя, обострялся эмоционально: мальчик чувствовал, что от него зависит жизнь маленьких существ, которые доставляют радость.

Два месяца летних каникул были для Станислава трудными, напряженными и радост-

ными. Он вышел из этого испытания победителем над собственной инертностью и равнодушием.

Хочется посоветовать воспитателям: находя в жизни или создавая обстоятельства, в которых происходит эта сложная внутренняя работа по воспитанию совести, умейте подметить этот эмоциональный момент. Свобода выбора должна проявляться и выражаться в таких сферах, где речь идет о жизни, красоте, творчестве, о смелости, самоотверженности, преданности, риске, непоколебимости, романтике преодоления трудностей.

Бывает, надо специально создать обстоятельства, необходимые для того, чтобы пристыдить человека, заставить его взглянуть на себя как бы со стороны, собственными глазами увидеть неприглядность своего поведения.

Пионерской дружине дали в декабре 1965 г. путевку в республиканский пионерский лагерь. Совет дружины передал путевку лучшему отряду — пятиклассникам. На сборе отряда пионеры решили послать в лагерь Юрка — активного, усидчивого, трудолюбивого мальчика. Провожая товарища в дорогу, дети просили купить цветочных семян. Дали деньги, вручили даже конверт, в который надо уложить семена и выслать. Юрко пообещал выполнить поручение: ему тоже хотелось, чтобы Уголок Красоты, который создается в каждом отряде, у них был самый лучший.

Поехал и забыл о своем обещании. Можно было написать грозное письмо, напомнить о пионерской чести... Можно было сделать все это достоянием коллектива... Но учитель сделал по-другому. Он написал Юрку: «Семена, которые ты выслал нам сразу же по приезде в лагерь, мы получили. Вот видишь, какой хороший конверт мы склеили, ни одно семечко не потерялось. Мы посадили их в холодную почву, весной появятся всходы. Большое спасибо тебе, Юрко, за то, что ты сдержал свое обещание». Эти слова оказались сильнее упреков и предупреждений. Юрко устыдился собственного легкомыслия и пустозвонства. Он сразу же прислал семена. Дети думали: молодец Юрко, не забыл обещания. Но дело не только в этом поступке. Острое переживание стыда накладывает тонкий отпечаток на поведение человека. После того как Юрко возвратился из пионерского лагеря, мы заметили в нем перемену: мальчик стал скромнее, сдержаннее, проявлял больше чуткости к интересам и желаниям других людей.

Умение устыдить и пристыдить — большое искусство. Это, по существу, умение обратиться к сознанию через тончайшие, чувствительнейшие уголки сердца. В конечном счете человек способен устыдиться тогда, когда он осознает. Образно говоря, стыд — это способность *совестливо удивляться.* Переживая чувство стыда, человек делает шаг на пути развития своего нравственного сознания. Пробуждение чувства стыда требует от педагога большого такта. Душевные волнения, сопутствующие стыду, равносильны переживанию наказания. Искусство прикосновения к сердцу маленького человека в данном случае в том и состоит, чтобы наказание заменить — где это только можно — тем, что я бы назвал муками совести, стыдом. В связи с этим надо иметь в виду, что стыд не должен иметь ничего общего с унижением, оскорблением, осмеянием. Из переживания стыда человек должен выходить духовно сильным, а не ослабленным и приниженным. Могучая воспитательная сила стыда заключается в том, что он не обезличивает человека, а как бы заостряет лучшие черты личности: я множество раз убеждался, что человек, переживший чувство стыда, выглядит чище, красивее, его видишь как бы вновь рожденным, в нем нет ничего наносного, напускного. Устыдившийся тянется к вам всеми силами своей души, он переживает острую потребность в человеке.

Выставление человека на осмеяние вообще безнравственно; выставить же на всеобщее обозрение стыд человеческий — это значит уязвить в самое сердце. Если вы собираетесь стыдить, вы должны уметь щадить и жалеть, потому что тот, кто устыдится, непременно потянется к вам, если только вы его не оскорбили. Умение стыдить — один из наиболее ароматных цветков того чудесного цветника, который называется педагогическим тактом. Устыдить человека — значит дать возможность ему самому что-то взвесить, продумать, разобраться в собственном поведении. Стыд всегда требует тайны. Поэтому воспитатель должен очень осторожно выносить на обсуждение коллектива те поступки, разбирательство которых может пробудить чувство стыда.

33. КАК ДОБИВАТЬСЯ, ЧТОБЫ САМЫМ СИЛЬНЫМ ПОВЕЛИТЕЛЕМ ПОСТУПКОВ СТАЛА СОВЕСТЬ

Поступай так, как должно, не для видимости, не потому что кто-то увидит твои хорошие поступки и похвалит тебя, а по велению собственной совести. Быть настоящим человеком наедине со своей совестью значительно труднее, чем на глазах людей, оценивающих твои поступки, одобряющих добро и порицающих зло. Отчитываться перед своей совестью несравненно труднее, чем перед другим человеком. Если ты наедине с самим собой делаешь что-то плохое и полагаешь, что об этом никто не узнает, ты ошибаешься. Прятаться от людей — низость, прятаться самому от себя — низость, помноженная на подлость и лицемерие. Будь предельно честен наедине с самим собой.

В этом поучении речь идет о прикосновении к одному из самых тонких, нежных, чувствительных уголков сердца — самоуважению, здоровому самолюбию. Как добиться, чтобы самым сильным и неумолимым повелителем и судьей человеческих поступков стала совесть? Главное здесь вот что: надо оберегать детскую совесть от лицемерия и подлости, воспитывать *чистую совесть*. С раннего детства я стремлюсь построить взаимоотношения в коллективе таким образом, чтобы, оставаясь наедине с самим собой, человек чувствовал власть благородных идей, идеалов над своей совестью, чтобы, одухотворенный этими идеями и идеалами, в творении добра находил истинное удовольствие и радость. Истинное же удовольствие и истинная радость всегда стыдливы, интимны. Настоящий человек как бы стесняется своей деятельности, творящей добро, потому что это его глубоко личное дело. Как важно беречь, хранить от грубых прикосновений эту интимность и совестливость подлинно человеческого деяния! Как важно не допустить, чтобы удовольствие от похвалы оказалось сильнее удовольствия от доброго деяния. Если вы только допустили это, на чистом теле совести появляется пятнышко. Желание сделать добро только для того, чтобы тебя похвалили, — это уже выставление напоказ самого сокровенного. Подлинная честность не переносит «выворачивания души» с целью проверки, в самом ли деле в душе честность, или с целью назойливого напоминания: смотрите, я честен, я поступаю хорошо и уже поэтому я лучше других... У детей не должна зарождаться даже мысль об исключительности обычного, будничного, повседневного.

Начинать надо с крупиц нравственности. Я считаю очень важным, чтобы маленький ребенок, оставаясь наедине с самим собой, видел материальное воплощение своих духовных сил, переживал чувство гордости, чтобы желание увидеть в труде самого себя было само по себе удовольствием, личной радостью.

Как бесценное моральное богатство надо беречь эти душевные порывы, не осквернять их равнодушием. Присмотритесь внимательно к детскому труду, и вы увидите множество «засохших деревьев». Мальчик взял в школе желудь, пообещав посадить его на приусадебном участке родителей и вырастить дуб, но забыл о желуде, он пролежал несколько недель на окне, пока мать не выбросила, — это тоже засохшее дерево и засохшая мечта. Девочка взяла маленького котенка, но матери не понравилось, что в первую же ночь котенок нагадил, — котенка выбросили... Это еще хуже: не только засохшее дерево, но и раненое сердце, искалеченная совесть.

Совесть — существо чрезвычайно тонкое, нежное и — капризное. Если потакать ее капризам и своенравию, она становится жестокой. Надо учить детей и особенно подростков повелевать своей совестью, держать ее в узде, тогда она становится мудрым и благородным стражем поступков, поведения, всей жизни. Есть у Н. А. Заболоцкого прекрасные стихи:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!..
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!
Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от забот,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

Строгость и требовательность к самому себе, непримиримость к лени и расслабленности, нетерпимость к «авось» и «как-нибудь» — к этим азбучным истинам самовоспитания у детей должна выработаться особенно острая чувствительность. Я рассказываю детям быль, хорошо известную в наших местах.

Когда строилась Кременчугская гидроэлектростанция, одно приднепровское село попало в зону затопления. Люди переезжали на новые места, оставляя родные гнезда. Один старый колхозник перевез весь домашний скарб, даже хату разобрал и по кирпичику увез в место нового поселения. На усадьбе не осталось ничего. Но вот он, глава старого рода, сказал всем своим домашним:

— Собирайтесь все, поедем делать главную работу.

В кузов автомашины сели все — жена, два сына, невестки, дочь, внуки. Приехали на старое подворье. Все недоумевали: что же здесь делать? Старик принес двенадцать метл и дал каждому в руки: подметайте. Все стали подметать двор, не оставляя ни одной сухой веточки, ни клочка бумаги. Старший сын спросил у отца:

— Зачем мы это делаем? Все равно здесь будет глубокое дно моря... А мы мусор в автомашину грузим...

Старик рассердился, дал знак всем прекратить работу и сказал:

— Совесть у человека должна быть чистой — вот для чего мы двор подметаем и му-

сор вывозим. Не для рыб стараемся, а для себя; чтобы не стыдно самому себе в душу заглянуть. Умирая, мы уходим в землю, а рубашку-то белую на этот случай приберегаем — помните это, внуки мои.

Не забывайте: мы люди! — учу я детей повелевать своей совестью, воспитывать самих себя в строгости. Мы отдыхаем на лесной лужайке под тенистой липой. У нас пир: едим сладкие арбузы. На траве — аккуратно сложенная гора корок. Кто-то из детей уже посматривает в куст: вон туда можно бросить эти корки. Опомнитесь, подумайте, что вы собираетесь делать. Никто нас не увидит, да если бы и увидел — ничего как будто бы в этом предосудительного нет, но... совесть! Разве самим нам не будет стыдно перед собой? Разве приятно будет вспомнить, что кучку отбросов мы оставили гнить под цветущим кустом? Мы собираем корки, несем их в поле, закапываем в землю: гнилье для земли полезно, а в душе у нас не будет смрада от этого гнилья.

Возвращаясь из лесу, мы видим на свежей пахоте вороненка с подбитым крылом. Он поворачивает к нам голову, смотрит жалостливыми глазами — как маленький ребенок. Милые мои дети, эти глаза будут помниться вам всю жизнь, если вы оставите здесь это беззащитное существо. Мы берем вороненка, выхаживаем его: рукам нелегко, но на душе светло — вот закономерность самовоспитания совести.

У столика рядом со своей постелью положи стопку книг, которые тебе надо прочитать, — советую я подростку. Ты поднимаешься в семь часов, пока умоешься, сделаешь утреннюю гимнастику, позавтракаешь — и в школу пора. А вот заставь себя подниматься в пять часов. Два утренних часа ежедневно читай. Читай книги из этой стопки. Пройдет неделя, месяц, год — ты увидишь, что дадут тебе два утренних часа. Да, тем, кто умеет заставить душу свою бодрствовать при свете утренней звезды, открывается удивительный мир. Два утренних часа дарят душе бесценные богатства. Юноши постигают разумом и сердцем, чтó потеряли бы они, если бы в течение нескольких лет душа спала в постели при свете утренней звезды...

На каждом шагу перед ребенком, подростком, юношей — камень, который можно обойти, но можно и убрать с дороги, освободив ее для других людей и расчистив тропинку к собственной совести. Искусство и мастерство воспитания заключается в том, чтобы ни один камушек не остался обойденным, чтобы совесть не давала человеку покоя, если в душе зашевелится мягкое, с первого взгляда безобидное существо, имя которому — лень.

34. КАК УЧИТЬ РЕБЕНКА ПОНИМАНИЮ ЧУВСТВА НРАВСТВЕННОЙ СВОБОДЫ

Когда ты маленький, тебя радует, что отец или мать ведут тебя за руку. Под их защитой и покровительством ты чувствуешь себя превосходно. Но по мере того как ты становишься старше, тебя стесняет покровительство отца, матери, воспитателя. Тебе хочется быть *самостоятельным*, независимым, самодеятельной творческой личностью; хочется выражать в своей моральной деятельности свою собственную, подлинно человеческую сущность. Нравственная свобода — это большое человеческое богатство, оно дается не природой, а справедливым строем, подлинно свободным социалистическим обществом. Но это богатство становится благом только тогда, когда человек осознает себя как частицу коллектива, общества, народа, понимает общие для всех людей интересы и потребности, повинуется собственному чувству долга и на основе личного усмотрения, личного желания, личной воли делает так, как

считает д о л ж н ы м коллектив, общество, народ.

Твоя нравственная культура определяется тем, насколько глубоко ты осознаешь общие для всех людей потребности, насколько сознательно ориентируешься на них в своей личной деятельности. То, что хорошо людям, должно стать твоей личной нравственной склонностью, твоей потребностью, стремлением, желанием. Только при этом условии ты станешь подлинно свободным, а значит, и счастливым человеком.

Это одно из самых сложных и всеобъемлющих поучений. Эти истины, кажущиеся с первого взгляда абстрактными, должны стать понятными, доступными каждому ребенку, надо только умело, на ярких жизненных фактах раскрыть их конкретный смысл, вытекающий из повседневной жизненной практики. Научить формирующегося человека самостоятельно выражать подлинно человеческую сущность своей личности — это нелегкая задача; ее сложность объясняется прежде всего тем, что мы имеем дело с детскими *желаниями*, которые надо уважать, заботливо и чутко к ним относиться и даже развивать. Воспитание нравственной свободы неразрывно связано с культурой желаний, на основе которых формируются высоконравственные *потребности.* Не всё то, что ребенку хочется, является его истинной потребностью — это хорошо известно. Мудрость, мастерство и искусство властвования воспитателя над волей воспитанника заключается в том, чтобы нравственно обоснованные, одобряемые обществом потребности стали желаниями, внутренним побуждением человека.

Воспитателю надо глубоко знать логику детских желаний, стремлений и их взаимосвязь с истинными потребностями, с интересами всестороннего развития человека. Нельзя не учитывать, что ребенку хочется делать то, что не разрешается, запрещается. Рассказ «Просьба внука» многое может объяснить. В чем дело? Почему ребенка, особенно подростка, тянет к запретному?

Была у меня на заре педагогической деятельности настоящая беда: мальчики и девочки, жившие в летнем пионерском лагере, осаждали колхозный сад. Яблоки, сорванные украдкой, казались до того вкусными и ароматными, что малыши, не доев половину яблока, клали его под подушку («для запаха»). Казалось, никакого спасения не придумаешь. Но спасение нашли: два шалаша для детей построили в яблоневом саду, разрешив рвать и есть яблок сколько хочешь. И сразу же яблоки показались кислыми, интерес к ним пропал, зато дети открыли новый «запретный плод» — в двух километрах от сада созревали помидоры... Начались путешествия к зеленоватым, но очень вкусным помидорам.

Дело, по-видимому, в том, что ребенку в чем-то хочется выразить свою человеческую сущность, испытать, проверить, утвердить свою личность. То, что разрешается, кажется для этого не интересным; гораздо привлекательнее запретное. (Я никогда не запрещал старшеклассникам пользоваться учебником при ответе на уроке литературы: пожалуйста, неси учебник, читай и вычитывай, что понадобится. Но вопросы ставил так, чтобы чтения для ответа было совершенно недостаточно: надо было глубоко осмыслить прочитанное, извлечь из него то, о чем в книге прямо не написано.)

Как же решать эту очень тонкую проблему? Как воспитывать у человека способность выражать в своей моральной деятельности свою подлинно человеческую сущность, проявляя при этом самостоятель-

ность, раскрывая и утверждая силы личности? Секрет мастерства кроется в том, чтобы человек властвовал над своей волей. Чтобы дух властвования над волей царствовал в школе. Чтобы волевая активность творила не только вещи и обстоятельства, но и самого человека. Для этого надо вместо запретного подставить ребенку трудное; даже запретное сделать дозволенным, но открыть в нем трудность. Побольше преодолевать трудности, меньше будет запретов. Когда перед воином река и ее предстоит переплыть под огнем противника, здесь нечего запрещать. Запретительной здесь является только трусость, всё остальное разрешается и поощряется.

Каждому поколению мальчиков и девочек, когда они заканчивают первый класс и переходят во второй, я рассказываю легенду о Золотой Крупинке Истины. Идея, заложенная в этой легенде, должна взволновать маленького ребенка. Не тогда надо начинать говорить о воспитании нравственной свободы, когда у человека усы пробиваются, а тогда, когда подлинный смысл понятия *свободный* вызывает изумление и восхищение, заставляет взглянуть на самого себя. Дух нравственной свободы царит в школе при том условии, когда силы каждой личности направляются на достижение трудного. Мы стремимся к тому, чтобы свобода понималась и переживалась как выбор не между ничегонеделанием и какой-нибудь деятельностью, а между доблестью и простым повиновением, выполнением воли старших. Да, путь к нравственной свободе — через доблесть, самоотверженность в работе, достойную считаться образцом.

Нельзя согласиться с тем, что хорошее русское слово *доблесть* исчезло из практики школьного воспитания. Только этим понятием можно выразить смысл достоинства, заключающегося в большой целеустремленности, сосредоточенности, напряженности всех творческих сил личности, необходимых для достижения выдающегося, значительного успеха. Настоящий воспитатель призывает и ведет маленького человека к доблести — только в этом путь к предотвращению безволия и равнодушия, минимальных притязаний («мне и этого достаточно»). Царство духа нравственной свободы в школе заключается в том, что у каждого питомца постепенно повышается уровень притязания — он сегодня мечтает о большем, чем мечтал вчера, «замахивается» на более значительные цели, чем считал возможным раньше. Подлинная человеческая сущность каждого питомца должна выразиться в какой-то его — личной, неповторимой грани. В человеке должна загореться, блеснуть грань, открытая и отшлифованная воспитателем. Другими словами, если вы хотите, чтобы в школе царила одухотворенность трудом, чтобы каждый стремился к утверждению своей доблести, помогите каждому, буквально каждому питомцу стать господином в каком-то деле. Формирование индивидуальной человеческой неповторимости — целая сфера воспитания, которую можно считать пока еще педагогической целиной. Нравственно свободным, а поэтому и духовно сильным, целеустремленным, мужественным, самостоятельным я считаю того воспитанника, который чем-то гордится, в чем-то нет ему равных. Это идеал нашего воспитания, мы стремимся к нему. Без человеческой гордости своими достоинствами, своей доблестью

нет той ярко выраженной личности, о которой мечтал А. В. Луначарский как о самой сущности коммунистического строя (* см.: *Луначарский А. В.* О народном образовании. М., 1958. С. 61). Ни одного серенького, ни одного безликого, ни одного ничем не выделяющегося — вот что значит на деле привести своих питомцев на берег широкой реки и одухотворить их идеей: только вперед! Полная гармония общественного и личного достигается только тогда, когда нравственное благородство общества сочетается с личной нравственной склонностью, а эта склонность становится реальностью благодаря тому, что человек счастлив своим личным счастьем, гордится своей личной доблестью, личными успехами. Подлинное счастье каждого человека и вместе с тем всех людей в моем коллективе наступает тогда, когда нет ни одной посредственности, ни одной заурядности. Человек может с трудом успевать на «тройки» по основам наук... Но в чем-то должна блеснуть и навсегда загореться его неповторимая грань. Я знаю четырнадцатилетнего мальчика, который еле усваивает элементарные школьные знания по всем предметам. В садоводстве же он — господин, властелин труда и мысли, настоящий мастер и творец; он так искусно умеет сформировать крону маленького саженца, что его работой любуются пожилые мастера; о ней говорят: красота! а о мастере — талант! Святая миссия наша — добраться в каждом человеке до той жилки, с которой начинается его неповторимый талант. Она, эта жилка, есть буквально в каждом человеке; если же, несмотря на все старания, никак не удается ее отыскать, — значит, к большому сожалению, упущен момент, когда эта жилка в человеке была, теперь ее нет и никогда не будет, человек на всю жизнь обречен быть сереньким, посредственным, заурядным.

Наша ответственность за человека заключается в том, чтобы не упустить того счастливого периода, момента, когда жилка таланта, творческой самобытности и самостоятельности — перед вами, ее можно открыть. Это тоже педагогическая целина, к которой мы еще возвратимся.

Сфера нравственной свободы, свободы воли, сфера выражения подлинно человеческой сущности в личных поступках, отношениях между членами коллектива — всё это требует большой культуры и такта воспитателя. Совершенно недопустимо, просто мерзко, когда подросток чувствует: на него махнули рукой и считают его не способным. В стенах школы — святого места, где должна царить гуманность и чуткость, — такое отношение надо считать просто чудовищным. В школе человек должен только гордиться и радоваться, а не страдать, чувствовать унижение, а потом, бывает, жить с одеревеневшим сердцем. Психически нормального человека нельзя считать то ли способным, то ли не способным вообще. К одному делу человек может быть способным, к другому — не способным. Гениальные люди тоже могут быть не способными к отдельным видам деятельности. Миссия школы состоит в том, чтобы найти в каждом человеке родник его творческих способностей, открыть уже в детстве его единственно счастливый источник бытия, труда, творчества.

В сфере становления и развития нравственной свободы личности

особое место занимает выражение моральной доблести. Это большой внутренний труд души, смысл которого состоит в том, что маленький человек вкладывает свои силы, частицу самого себя в другого человека. В этом труде наиболее ярко выражается подлинная человеческая сущность личности — забота о благе, радости, счастье того, кто был чужим, но стал моим, близким, необходимым для меня. Только через моральную доблесть человек возвышается до той ступеньки своего развития, когда ему нужен, необходим другой человек, и жизнь без отдачи ему своих духовных сил, без заботы о нем становится пустой и мрачной. Потребность творить добро для людей, служить обществу становится моральной наклонностью личности благодаря тому, что человеку доставляет удовольствие жить для другого человека. Удовлетворение потребности в человеке — единственный путь к тому, чтобы интересы общества стали для личности неотделимы от собственных интересов. Коммунистические общественные отношения рождаются не из книг, а из живых движений и порывов души.

Эти движения и порывы — сфера глубоко личного, неприкосновенного. Если сравнить эти движения и порывы с цветами, то наша задача заключается в том, чтобы заботиться о почве, поливать цветы, но не ощупывать лепестки. Надо давать простор для нравственной доблести, но не считать доблесть особой заслугой или подвигом.

35. ЧТО ОЗНАЧАЮТ ЧУВСТВА ВЕРНОСТИ И ПРЕДАННОСТИ ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Человек оставляет себя в человеке. В этом не только бессмертие рода человеческого, но и счастье каждой личности. Смысл твоей жизни в конечном счете заключается в том, чтобы п о в т о р и т ь себя в человеке. В этом высшее счастье и смысл жизни. Если ты хочешь после смерти остаться в сердце живущего, в о с п и т а й Ч е л о в е к а. Оставить себя в Человеке — это значит не только в буквальном смысле родить сына. Человеческий дух тем и отличается от существования животного, что, продолжая род свой, мы оставляем в человеке свою красоту, идеалы, преданность высокому и возвышенному. Чем глубже вы, юноша и девушка, сумели отразить, запечатлеть себя в человеке, тем богаче вы как граждане и тем счастливее ваша личная жизнь. Единство гражданского и личного сливается и запечатлевается в вашем ребенке, потому что он — ваше личное счастье и в то же время надежда народа; слово Отечество — самое прекрасное в нашем языке слово не только потому, что оно отражает величественную гражданскую, всенародную сущность, но и потому, что оно уходит своими корнями в глубоко личное.

Каждому поколению юношей и девушек я рассказываю быль «Две матери», которая глубоко потрясла меня как воспитателя. Она учит, что патриотизм начинается с колыбели. Не может быть настоящим сыном своего Отечества тот, кто не стал истинным сыном матери и отца. Любовь — тончайшие корни *верности*. Одна из тончайших вещей во всей системе воспитания — это *утверждение* в юной душе чувства *верности* великому и непоколебимому — Отечеству, чувства непримиримости к измене, вероломству, лицемерию. *Верность* высоким иде-

алам и принципам коммунистической нравственности — это, образно говоря, острие той бритвы, имя которой — совесть. Только тогда, когда мы сумели утвердить верность великому, возвышенному, непоколебимому, мы можем говорить о чистой и чуткой совести, о способности человека к самовоспитанию. Верность в великом и непреходящем — отношении к Отечеству, к моральным ценностям народа — имеет своими тончайшими и вечно неиссякающими источниками любовь к людям, с которыми человек с первых шагов своей жизни связан кровно и духовно. Важно воспитать человека, верного другому человеку, заслуживающему любви, самоотверженной заботы, самопожертвования. Быть готовым отдать свою жизнь во имя счастья дорогого для меня человека — с этого начинается гражданская приверженность и самоотверженность. Через духовную жизнь отроческого и юношеского коллективов красной нитью должна проходить мысль и забота: у каждого из нас будут дети; не так трудно любить, ласкать их, пробудить у них мысль о том, что он, сын мой, дорог мне... но неизмеримо труднее утвердить в его душе чувство ответственности передо мной за каждый свой шаг, чувство верности и приверженности мне как живому воплощению того, что уже прожито, пройдено, запечатлено в памяти. Каждому поколению юношей и девушек, идущих в самостоятельную жизнь, я напоминаю о том, что они отвечают перед обществом, перед народом за то, *какие* у них будут дети.

Отец и мать, вырастившие верного сына Отечества, создают себе живой и нетленный памятник. Если же сын ваш станет изменником Родины, народа — и такое бывает, и такие суровые слова надо говорить будущим матерям и отцам, — вы достойны презрения и великого забвения. Измена, предательство — самое страшное, самое гнусное преступление. Помните, будущие матери и отцы, что презренное семя измены и предательства — эгоизм, себялюбие. Верность великому и священному начинается с того, что почувствовал ваш сын, прикасаясь к отцовскому хлебу, какие мысли взволновали его душу, когда он увидел мать, отца, пришедших с работы уставшими и нуждающимися в заботе и покое, как забилось в груди вашего сына сердце в те мгновенья, когда он понял, что его нерадивость или беззаботность — отцовское горе.

Перед выпускным вечером мы вместе с юношами и девушками, которые через несколько дней получат аттестат, едем в лес. Там среди цветущей природы происходит одна из самых задушевных наших бесед. Я мысленно называют эту беседу одним из последних наставлений будущим отцам и матерям. Для нее я подбираю слова, которые прикоснулись бы к сокровенным уголкам гражданской совести.

«Помните, — говорю я юношам и девушкам, — что высшая честь человека — дать обществу настоящего гражданина; если вы сумеете *дать,* вы *получите* большое отцовское и материнское счастье. А в этом счастье, в сущности, и заключается смысл вашей жизни. Вдумывайтесь, юноши и девушки, в эти мои слова: как страшной беды, опасайтесь того, чтобы сознание ваше отгоняло неприятные мысли. Все нежелательное, неприятное, трудное надо впитывать, жадно впитывать своим сознанием. Изгнав из своей души нежелательное, неприятное один раз, вы привыкнете делать это всегда; вы станете никудыш-

ными отцами и матерями и поэтому никчемными гражданами, и счастье ваше будет призрачным. Запомните, юные граждане, что сердце, которое только потребляет счастье, впитывая его, как сухая земля ненасытно впитывает капли влаги, и не излучает ни одной искры радости для других людей, — такое сердце становится себялюбивым, эгоистичным, ему чужды высокие порывы и стремления. Как орел в своем стремительном полете опасается врезаться в острую скалу, так и вы, будущие отцы и матери, опасайтесь скупости своих сыновей на отдачу счастья другим людям. Тот, кто не знает счастья творения счастья для других людей, не может постигнуть, что такое Родина, не испытывает чувства личной причастности, приверженности к святыням народа.

Каждый человек *ответствен.* Каждый человек *должен.* Есть ответственность за труд, за поведение, за любовь и ненависть, за слово, которое ты произносишь... Но самая высокая и благородная, самая трудная и неумолимая ответственность — это ответственность отца за сына. Высшим судьей в этом долге и в этой ответственности является народ, Отечество и собственная наша совесть. Каждый из вас, юноши и девушки, будет хлеборобом или врачом, слесарем или инженером, каменщиком или учителем... Но каждому из вас быть также отцом и матерью. Отцовство и материнство, труд наших забот и нашей любви, наш мысленный взор в прошлое и в будущее — всё это создает народ. Народ прекрасен и могуч до тех пор, пока строго и требовательно, непримиримо к злу материнство и отцовство.

Юное сердце бьется учащенно и дыхание замирает в груди, когда юноша встречается глазами с взглядом девушки, каждое ваше прикосновение друг к другу порождает трудно постижимую волну чувств, надежд, мечтаний. Вы живете мечтой о счастье; старшие поколения передают вам бесценное богатство, имя которому — Родина, социалистический строй, свободный труд. Но это богатство становится счастьем лишь тогда, когда оно наполняется трепетным биением человеческих сердец. Всё дается и передается вам старшими поколениями, но творить человека никто за вас не будет. Это ваш труд. Мир как бы вновь рождается с рождением каждого человека. За то, каким станет ваш мир, отвечаете вы.

Вы не раз вслушивались и вдумывались в наши отцовские и материнские поучения о любви. Сколько бы ни поучали сына и дочь мать и отец, как любить и как творить человека, этих поучений будет недостаточно, какими бы правильными они ни были. Ни в одной сфере нравственности нет столько недоучек, как в любви, в строительстве того очага, где сливается личное и гражданское, — семьи. Мы хотим, чтобы из нашего гнезда не вылетел ни один недоучка. Как страшной болезни, опасайтесь видеть в любви только смутное «влечение сердца», что-то стихийное и непостижимое, властвующее над вами. Мудрость человека заключается в том, что он властелин своего сердца. Любовь — это огромный, поистине человеческий труд. Ваша нравственная чистота измеряется, кроме всего прочего, также и тем, как вы умеете любить. Любовь — это, образно говоря, тончайший инструмент творения человека, и только так и надо относиться к любви.

36. КАК ВОСПИТАТЬ В СВОЕМ ПИТОМЦЕ СПОСОБНОСТЬ К СОУЧАСТИЮ, СОПЕРЕЖИВАНИЮ

Ты живешь среди людей. Присмотрись внимательно к тому, что происходит вокруг тебя: люди трудятся, идут с работы и на работу, отдыхают, болеют и лечатся, выздоравливают и умирают, ходят в гости и принимают гостей, расстаются и встречаются после разлуки, годы терпеливо ожидают единственного мгновения и ради этого мгновения трудятся, переносят горести и лишения; достигают поставленной цели и снова ставят перед собой цель; иные живут, не зная, во имя чего они живут, иные умеют сделать свою жизнь горением во имя благородной цели. Человек добывает хлеб, но живет не для того, чтобы добывать хлеб, он трудится для того, чтобы жить, но живет не для того, чтобы трудиться. Вокруг тебя и в тебе происходит сложная, бесконечная, неисчерпаемая жизнь духа человеческого. Люди выражают себя, каждый выражает себя по-своему, и — вот что изумительно сложно — каждому хочется определенным образом выразить себя и, кроме того, хочется создать у других людей взгляд на то, как я выразил себя и что думают люди о моем «я». Люди выражают себя в своих убеждениях, взглядах, сомнениях, мыслях, чувствах, переживаниях, настроениях, состояниях, отношениях друг к другу и к миру живущего и чувствующего, в поступках, радостях и бедах, в чувствовании добра и зла и в отношении к этим вечным человеческим состояниям, в успехах и неудачах, в надеждах и безнадежности, удовлетворении и недовольстве, в радости и грусти, в сострадании и равнодушии, в разочарованиях и сожалениях, в обидах и огорчениях, в доброжелательности и нетерпимости. Вокруг тебя совершается великое и мелочное, поправимое и непоправимое, рождаются и угасают надежды. Каждый человек — это сложнейший мир, ты соприкасаешься с десятками миров, и твой мир предстает повседневно перед десятками людей.

Все это жизнь человеческого духа. Овладевай главным в духовной культуре — культурой человеческих отношений: умей различить в человеке светлое и мрачное. Каким бы безнадежно павшим ни казался тебе человек, сумей увидеть в нем зерно добра, чести. То, что мы называем у в а ж е н и е м ч е л о в е к а, — это вера в доброе начало в нем. Только ненависти и непримиримости заслуживает враг, посягнувший или посягающий на независимость нашей Родины, обливающий грязью наши святыни и наши идеалы; только ненависти и непримиримости достоин изменник. Уважая человека, будь требовательным к нему; в нравственных отношениях не может быть апостольского всепрощения и сладкого елея всеобщей абстрактной любви. Добро лишь до тех пор добро, пока оно сильно и умеет защищаться. Умеющий уважать окажется беспомощным и беззащитным, если он не умеет презирать, ненавидеть и быть беспощадно непримиримым. Жизнь человеческого духа не только выражение человеческого существа, но и борьба за утверждение правды и справедливости. Умей быть борцом. Где надо, умей быть ласковым и нежным, а где надо — суровым, беспощадным и неумолимым: зло взывает к милосердию, если чувствует, что у него вырвали зубы, — не забывай об этом! Всё это необходимо тебе не только на тот редкий

случай, когда вдруг ты соприкоснешься со злом. Уроды бывают и в хорошей семье — помни это всегда!

Жизнь в мире человеческого духа требует не только больших волевых сил, но и идейной твердости, убежденности, умения видеть в каждом человеке ценность, способность опасаться потери этой ценности. Беда с человеком чаще всего происходит оттого, что никто от беды его своевременно не предостерег и не остановил, когда он явно двигался к ней. Осуществление того, о чем здесь идет речь, требует сильной и изумительно тонкой способности, которую нам надо воспитать в каждом своем питомце, — идейно сильного *соучастия*. Сочувствие, умение прочитать человеческую душу, видение чужой беды, понимание того, что рядом с тобой совершается зло, творится преступление, — всё это превращается в **слезы умиления, в голубиное воркование,** если нет соучастия — соучастия мысли и сердца, поступка, огромного напряжения духовных и физических сил. Соучастие пробуждает активные силы борца, является прекрасным средством, предотвращающим равнодушие, а нередко и излечивающим, буквально спасающим человека.

У семиклассника Павла неожиданно заболела мать. А товарищи собрались отправиться в интересный поход, сулящий множество удовольствий. Учитель собрал участников намечавшегося похода и сказал:

— Разве хорошо оставить человека у постели больной матери, а самим думать о своем удовольствии?

Большинство мальчиков и девочек молчали; видно было, что в поход им и хотелось бы пойти, но в то же время неловко перед товарищами. Решительным противником «всякой слезливости», как он сказал, был Коля — на год старше своих товарищей, он ни с кем не был связан чувством долженствования, и это отразилось на его отношении к товарищам.

— Он один, а нас тридцать человек, — сказал Коля, — разве можно делать так, чтобы одному было хорошо, а остальным плохо?

Учителя потрясли эти слова. Если не раскрыть их мерзость перед сознанием товарищей, мерзость может привести человека к более опасному моральному падению. Учитель сказал:

— Это все равно что оставить в пути больного, беспомощного. Все равно что не поделиться водой в пустыне с товарищем, умирающим от жажды. Кто согласен на эту мерзость, прошу отойти на эту зеленую лужайку, сесть и отдыхать, укрывшись от зноя. А кто не согласен, чтобы равнодушный поступок посеял в душе семя предательства, призываю идти со мной. Пойдем к матери Павла, что надо — сделаем коллективно, поможем человеку.

Слова учителя дошли до глубины сердца подростков. Каждый из них явственно почувствовал опасность стать мерзким негодяем. Боязнь оказаться безнравственным — вот какое чувство, ведущее к благородному соучастию, надо уметь пробуждать у детей и особенно у подростков. Недаром существует пословица: где страх, там и совесть. Человек все-таки должен бояться: не какого-то мифического возмездия или воздаяния, а перспективы оказаться перед другими людьми подлым существом.

Когда учитель произнес свой призыв, за ним пошли все. Пошел, опустив голову, и Коля. Куда девалась его независимость и готовность поступать так, «как душе угодно»! Если бы в эти мгновения учитель попытался прогнать его, как, бывает, изгоняют из общества злодея (надо, чтобы воспитанники понимали истинный смысл этого понятия!), он со слезами на глазах просил бы, умолял бы не прогонять его, он пошел бы за коллективом, считая счастьем своим сделать то, что заставят, он просил бы дать самую нелегкую работу. Наглец до тех пор наглец, пока он видит, что на него смотрят по крайней мере с любопытством, а иногда бывает и с изумлением, с восхищением.

Мудрость и мастерство воспитания заключаются в том, чтобы жизнь коллектива выражалась в борьбе, в столкновениях добра и зла,

в переживании детьми победы добра над злом. Никаким другим способом так остро не утвердишь в мысли и чувствах коллектива нетерпимость, непримиримость к злу, как созданием такой ситуации, при которой наглость и подлость чувствуют себя в одиночестве. Осуждение наглости — в этом выражается коллективное стремление к добру.

Учитель с детьми пришел к матери Павла. Это был много переживший, удрученный горем человек. Причиной резкого ухудшения ее здоровья было чувство беспомощности и одиночества. Соучастие детей и учителя в ее горестях, чувствование того, что к ней пришли сердечные, доброжелательные люди, бескорыстная готовность оказать помощь в самых разнообразных заботах и неурядицах — всё это наполнило душу женщины силами.

Одним из самых сердечных оказался Коля. Учитель еще раз убедился, как важно не дать торжествовать наглости и мерзости в человеческой душе. Нет более могучей силы, облагораживающей человека, чем такое столкновение мерзости и благородства, где победителем выходит искреннее, чистое, возвышенное человеческое соучастие. Коля чувствовал себя пристыженным, хотя никто не произносил слов, имеющих целью устыдить его.

Особенность педагогического мастерства в том, чтобы весь процесс воспитания был вмешательством педагога в жизнь человеческого духа — во все то сложное и подчас трудно уловимое, что выражает собой человек. Я твердо убежден, что все поступки, все дела, к которым мы побуждаем своих воспитанников, должны включаться в жизнь человеческого духа; лишь при этом условии повседневная жизнь, будничные отношения и являются воспитанием — не надо никаких специально придуманных мер воздействия. Если я даю ребенку лопату и говорю ему: посади дерево, то это значит, что и будущий труд, составляющий сущность моего замысла, и деревцо, и земля, и вода, которая будет питать жизнь, — всё это будет выражать духовные движения и отношения. Одно из самых недопустимых зол воспитания в том, что труд детей — порой очень значительный — проходит как бы в стороне от жизни духа, ни к чему не призывает и ни в чем не убеждает, не пробуждает ни мыслей, ни чувств, ни волевых сил. Своим питомцам я рассказываю историю, происшедшую на заре моего педагогического труда.

Эта история учит, что педагог всегда должен быть мыслителем и исследователем, тонко чувствующим и понимающим светлое и мрачное, умеющим направить маленького человека на такой путь активной деятельности, что светлое озаряет мрачное и мрачное исчезает; исчезает не потому, что учитель вырывает его с корнями, а потому, что происходит сложная внутренняя работа духа, смысл которой выражается в соучастии, в стремлении маленького человека к добру, в его нетерпимости и непримиримости к мрачному, злому. Я считаю идеальную цель воспитания в том, чтобы каждый человек видел сам себя глазами других людей — людей, достойных уважения общества, коллектива, даже тогда, когда человек остается наедине с собой. Прикасаясь к сердцу, настоящий воспитатель побуждает к самовоспитанию, к сознательному стремлению человека выразить себя. При этом человек сам замечает в себе темное, нередко мрачное пятнышко, задумывается над тем, почему оно появилось, стремится избавиться от него творением добра. Задача воспитателя и заключается в том, чтобы это пят-

нышко человек заметил тогда, когда оно маленькое. Зло, когда оно превратилось уже в тяжелый камень, выбросить из человеческого нутра значительно труднее, чем тогда, когда оно еще только маленький росточек.

Учитель, переступивший порог класса, одухотворенный благородным желанием посвятить всю свою жизнь творению человека, не забывайте, что успех вашей миссии в огромной мере зависит от того, насколько вы сумеете хранить в чистоте и неприкосновенности родники детства. Не замутите их своей взрослостью и официальностью, педантизмом и придирчивостью, непониманием ребячьего мира и строгостью, наивными попытками подделаться под детский лепет и всепрощением, боязнью предоставить маленькому человеку свободу в той мудрой форме, где надзор и контроль старшего тем незаметнее, чем он сильнее. Но если изгнание ребенка из человека вообще недопустимо, если маленькие мужички и тем более старички — это окаменевший мрамор, из которого ничего не вырежешь, тем более опасно закрыть родники детства в человеке, которого окружает чуждый нам нравственный мир. Детей, искалеченных, изуродованных безнравственной средой, надо прежде всего возвратить в мир детства — не для детского лепета, из которого человек вырос, а для того, чтобы пройти правильный путь морального развития, которого человеку не дали пройти.

Я твердо верю в могучую силу *соучастия*. Оно преображает, буквально возрождает человека. Миссия воспитателя заключается не только в том, чтобы, образно говоря, вести человека вперед, когда он и сам умеет хорошо идти и правильно видит мир. Значительно труднее поднять, спасти, возродить человека. Это возрождение надо совершать в детстве, когда зло еще не может овладеть всем существом человека, когда призыв к добру и соучастию пробуждает в несчастном человеке счастливого ребенка.

37. КАК ВОСПИТЫВАТЬ У ДЕТЕЙ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ

Мы часто говорим друг другу: желаю тебе всего доброго, желаю вам добра и счастья. Это не просто выражение вежливости. В этих словах мы выражаем свою человеческую сущность. Надо иметь большую силу духа, чтобы уметь желать добра другим. Умение чувствовать, умение видеть по-доброму окружающих тебя людей не только показатель этической культуры, но и результат огромной внутренней работы духа. Искреннее, чистосердечное желание добра неотделимо от самовоспитания. Поистине добрый человек сегодня становится лучше, чем был вчера; чувствование добрых побуждений приносит ему самому счастье. Хорошие, добрые желания живут в душе того, кто умеет отдавать силы своей души другим людям. Истинная доброта выражается в желании видеть лучшим человека, с которым ты соприкасаешься. Если в твоей душе зашевелилось чувство радости в связи с тем, что твой товарищ хуже тебя, — значит, тебе надо еще много, очень много учиться, воспитывать самого себя, изгонять из себя эгоизм, тщеславие и малодушие — да, потому что зависть — это дитя слабости, страха, безволия, а эти черты

при их сложении дают малодушие.

Мы говорим друг другу: здравствуйте, доброго вам здоровья. В этих словах заключается глубокий моральный смысл; в них — самая сущность прикосновения души к душе. Этими словами мы выражаем свое отношение к величайшей ценности — человеку. Не сказать человеку з д р а в с т в у й т е — значит показать дремучее моральное невежество.

Мы говорим друг другу: благодарю, спасибо. Благодарить — значит давать добро, творить благо. В слове спасибо, ставшем формулой человеческих взаимоотношений с незапамятных времен, выражается наше отношение к сделанному для нас добру, наше пожелание, чтобы доброму для людей человеку всегда сопутствовало добро. Дело не столько в том, чтобы уметь произносить эти слова в нужный момент, сколько в сердечной чуткости, в умении отвечать на добро движениями своей души.

Обращаясь друг к другу с просьбой, мы говорим: пожалуйста, по-украински — будь ласка. В этих простых и чудесных словах, способных производить волшебное воздействие, заключается наше уважение к достоинству человека, почитание в нем его самостоятельности, независимости, доброй воли. Развивай в себе человеческое достоинство, чтобы обращаться к человеку с уважением, и в то же время умей отвечать на п о ж а л у й с т а: просьба — это порыв души. Бывают такие отношения, когда человек умоляет человека. Умей услышать человеческую мольбу и ответить на нее. Невоспитанность и невежество в этой тонкой сфере духовной жизни ведет к черствости, бессердечности, равнодушию. Опасайся равнодушия — это один из самых опасных пороков. Быть равнодушным — значит, по существу, потерять способность к чувствованию рядом с собой человека. Чтобы уберечь себя от равнодушия, надо овладеть соучастием, сочувствием, состраданием и в то же время высокой принципиальностью и требовательностью, нетерпимостью и непримиримостью к злу, умением отличить безобидные человеческие слабости от пороков, уродующих душу.

Для того чтобы, образно говоря, в сердце маленького человека прочно обосновалось добро, надо с детства воспитывать в нем доброжелательность. Здоровое стремление стать лучше не должно выливаться в нездоровое желание принизить других. Мастерство и искусство воспитания в этой тонкой сфере заключаются в том, чтобы осознание и переживание человеком своих достоинств гармонически сочетались с беспокойством, с тревогой: почему мой товарищ отстает от меня? Умение правильно, по-доброму видеть своих товарищей, умение желать добра воспитывается лишь в том коллективе, где происходит постоянное интеллектуальное и моральное развитие, совершенствование каждого человека. Способен желать добра другому тот, кто сам чувствует, что он сегодня стал лучше, чем вчера. *Добрые желания,* доброжелательность — главное противоядие от зазнайства, себялюбия. Коллектив не любит недоброжелательных людей. Учитель должен зорко следить за тем, чтобы в детскую душу не падали зерна недобрых желаний. Если это происходит — неминуема беда.

Доброжелательность — это чувство, воспитывающееся при усло-

вии гармонического развития способностей всех, без исключения, воспитанников. Не может и не должно быть в коллективе человека, «ни к чему не способного». Успеваемость не должна быть, образно говоря, единственной почвой, на которой произрастает человеческое зерно. Там, где никакой другой почвы нет, отдельные воспитанники всегда будут чувствовать себя слабыми, отстающими. Если в коллективе есть люди, которые постоянно служат — в лучшем случае — объектом сочувствия, не может быть и речи о всеобщем гармоническом развитии способностей, а значит, и в нравственном развитии не будет гармонии.

Для воспитания нравственной культуры я считаю очень важным то, чтобы человек и в личных, и в коллективных духовных отношениях был связан с другими людьми узами добрых желаний. Пусть одновременно с первыми шагами познания окружающего мира он испытывает радостное волнение и тревогу в связи с благополучием или горестями другого человека. Пусть на собственном опыте убедится, что от того, *как* он видит другого человека, *как* к нему относится, зависит мир и покой в его душе. В годы детства невозможно представить полноценного, даже минимально удовлетворительного воспитания без того, чтобы при встрече с человеком, связанным со мною узами добрых желаний, у меня не возникло желания узнать у него, как здоровье, как он себя чувствует. Это одна из самых тонких сфер воспитания взглядов, убеждений, жизненного идеала.

Маленькая сельская школа. В ней учатся тридцать два ученика. В школьном дворе — колодец. Часто приходят за водой колхозники. Ежедневно, почти всегда в одно и то же время, идет в школьный двор с ведром дед Александр. Дети хорошо его знают. Он — инвалид Отечественной войны; вместо левой ноги у него протез, но дедушка работает — ухаживает за пчелами в колхозе, выращивает саженцы. Каждый раз, когда дед приходит за водой, к колодцу бегут дети. Они помогают вытянуть ведро из колодца: у дедушки нет трех пальцев на правой руке.

— Как ваше здоровье, дедушка? — спрашивают дети, когда дед заходит во двор.

— Спасибо, дети, — отвечает дед. — Здоровье крепкое. Пчелы жужжат, приходите — медом угощу... Саженцы зеленеют... А у вас как с учением? Все уже хорошо читаете?

— Нет, дедушка... не все... Учимся, но еще спотыкаемся на отдельных словах.

Дед сокрушенно качает головой и обещает почитать интересную книгу, когда они придут на пасеку. У детей разгорается интерес: «А какая у вас интересная книга, дедушка?» И дедушке, и детям доставляет удовольствие уже то, что они встретились, беседуют, чувствуют потребность друг в друге. Они связаны друг с другом узами добрых желаний. Это огромное духовное достояние. По существу, во имя того, чтобы дать это достояние каждому своему питомцу, мы, учителя, горим и сгораем.

Дедушка Александр живет в пятидесяти метрах от школы. До самой хаты дети приносят ведро с водой. Звенит звонок на урок. «Добра вам и счастья, дедушка! Доброго здоровья!..» — щебечут дети и бегут в школу. «Я живу, может быть, только потому, что у меня есть эти маленькие друзья, — рассказывает дед Александр. — В бессонную ночь я жду дня лишь для того, чтобы в ту минуту, когда прозвенит звонок на перерыв, взять ведро и пойти в школу. Жду этого мгновения, зная, что оно несет мне долгожданную встречу с детьми, которые спросят: как ваше здоровье, дедушка? Жду той минуты расставания, когда услышу слова: добра вам и счастья, дедушка... доброго здоровья... Если бы не это, жизнь потеряла бы для меня всякий смысл».

Вдумаемся в эти слова, Учитель. Мы горим и сгораем во имя того, чтобы соединять людей узами добрых желаний. Чтобы человеку хотелось жить оттого, что рядом с ним живут люди.

Тонкая грань человеческих отношений заключена в словах *здравствуйте, добрый день.* Я специально провожу с маленькими детьми и

подростками беседы, посвященные этим словам и чувствам, которые по крупинке вкладывал в них род человеческий в течение многих столетий. Мне представляется очень важным, чтобы это слово в устах ребенка, образно говоря, несло тонкую музыку человеческих чувств, порывов, желаний, стремлений.

В тихое весеннее утро, когда школа утопает в белом цветении яблонь, груш, абрикосов, персиков, мы приходим в самый красивый уголок сада — я, учитель, и мои питомцы. Одна из самых моих сокровенных надежд — это мысль о том, что, изумленные, восторженные красотой, дети почувствуют тончайшие оттенки этого мудрого и красивого слова — *здравствуйте*.

В первую встречу под цветущими деревьями я рассказываю им чудесную быль об этом слове: «Скажи человеку: здравствуйте». Ведь слово *здравствуйте* обладает тем чудесным свойством, что оно пробуждает чувство взаимного доверия, сближает людей, открывает друг перед другом их души. Здравствовать — это не просто жить, видеть мир вокруг себя и относиться к нему определенным образом — учим мы детей. Здравствовать — обладать радостями жизни, важнейшей из которых является общение с человеком. Накануне народных праздников малыши наши посещают старых, одиноких людей. Они несут им добрые чувства и пожелания. Весь смысл этих посещений заключается в том, что дети *здороваются* со старым человеком, спрашивают его о здоровье и желают доброго здоровья.

Ничего как будто бы сложного и необычного здесь нет, но, если глубоко вдуматься в это единственное в своем роде прикосновение одной души к другой, становится ясно, насколько все это сложно и значительно. Узы добрых желаний — невидимые, но самые прочные из всех других душевных движений. Чтобы связать малыша этими узами с другим человеком, надо воспитывать у него определенную устремленность всей его духовной жизни — *устремленность к человеку*. Все другие ценности должны рассматриваться ребенком в свете человеческого блага. Мы с детства приучаем будущего гражданина к тому, что принести человеку обиду, боль, огорчение — это равносильно тому, что мы закрываем глаза на его беду, закрываем уши, чтобы не слышать его крика о помощи. Устремленность к человеку — одна из самых главных предпосылок требовательности и взыскательности. Чем тоньше чувствую я с малых лет узы добрых желаний, тем строже сужу о поведении, поступках других. Мне не безразлично, как выражает себя тот, кому я несу свою щедрость и искренность. Многолетний опыт убеждает, что доброжелательные люди становятся требовательными и непримиримыми к злу; ненависть к нетерпимому — такой же красивый и благоухающий цветок, как и любовь к добру.

Ни с чем не сравнимой, неповторимой и единственной в своем роде гранью человеческих отношений является *благодарение*. Важно не только научить детей, в каких случаях произносить слова *благодарю, спасибо*; надо одухотворить их высокими побуждениями, порывами, устремлениями.

В прекрасном русском слове *благодарю* заключен мудрый смысл: дарю добро, дарю благо, по *велению* совести и из благородных побуждений творю *благополучие*, щедро отдаю вам частицу своей души. Благодарение — дитя долженствования; только там человек чувствует себя обязанным перед другим человеком, где взаимоотношения построены на душевно тонком стремлении дать человеку больше, чем

он, казалось бы с первого взгляда, дает вам. Это отдавание в долг — благородное человеческое качество.

Благодарение и долженствование — признаки высокой этической культуры и в то же время то *элементарно человеческое*, без чего нам угрожает невежество. Уже в сознании маленького ребенка я стремлюсь утвердить убеждение в том, что неблагодарность — один из самых черных пороков. Человек должен быть благодарным уже потому, что он человек. В первое же путешествие в лес, когда дети впервые в жизни напьются воды из журчащего источника, я рассказываю быль о слове *спасибо*.

Благодарность — одно из чувств, которые мы стремимся развивать всей практикой взаимоотношений и в коллективе школьников, и в совместном труде со взрослыми людьми. Открывая детям глаза на мир, мы помогаем им понять и почувствовать, что благополучие каждого ребенка творится трудом многих людей. Заботы и тревоги этих людей надо понимать и чувствовать. Чем глубже понимает маленький человек трудовые источники своих благ, тем сильнее его чувство долга, тем ярче выражается в благодарности его отношение к людям. В тот праздничный осенний день, когда завершается работа на учебно-опытном участке, дети несут хлеб, выпеченный из *нового* урожая, самым уважаемым хлеборобам, ветеранам труда. Они благодарят их за жизнь: ведь человек живет только потому, что в мире есть труд и хлеб. В радостный день окончания занятий, когда особенно ярко переживается мысль о всех прелестях предстоящего отдыха, дети благодарят родителей. Не родители дарят в этот день подарки детям, а наоборот. Много дней, иногда всю зиму, ребенок трудится над рисунком, который будет преподнесен матери или отцу в этот торжественный день, выращивает цветок или что-нибудь вырезает из дерева. Выражение благодарности старшим поколениям именно в те дни, когда завершается или начинается учебный год, — очень важное условие правильного понимания права на материальные и духовные блага и радости. Мы стремимся к тому, чтобы ребенок понимал: его отношение к учению не какая-то особенная заслуга, а долг. За свои успехи в учении он благодарит мать, отца, учителя, а не его благодарят, не его награждают. В этическом воспитании большую роль играет осознание и переживание благодарности других людей. Мы стремимся к тому, чтобы своим трудом, заботами, сознательным ограничением в удовлетворении своих потребностей (это тоже нужно) дети заслуживали благодарность взрослых. Чем ярче у маленького человека мысль о том, что он заслужил благодарность, тем острее чувствует он, что берет свои блага в долг у старших поколений.

Презрение к неблагодарности — благородное чувство, которое надо воспитывать с малых лет. Неблагодарность не только дремучее невежество души, но и само по себе зло. Я твердо убежден, что прежде всего неблагодарностью объясняется, образно говоря, «труднодоступная» совесть, до которой невозможно достучаться. В сущности, от неблагодарности идут не только наглость, развязность, самоуверенность и хамство, но и нерадивость, лень, безделье и безмыслие. Презрение к неблагодарности можно воспитать только тогда, когда вам все-

таки удастся достучаться до самой непробудимой совести. Я считаю очень важным создать у детей представление о неблагодарности как о хамстве, тысячекратно умноженном на невежество. Я повторяю каждому поколению воспитанников рассказ о неблагодарности, придавая ему очень большое значение для того, чтобы совесть маленького человека отвечала на добро чистосердечными, благородными порывами.

Среди граней этической культуры, которые надо открыть перед формирующейся душой, ярким светом выделяются отношения, связанные с понятием *пожалуйста* (будь ласка). Предмет нашей большой заботы — наполнить эти отношения узами добрых желаний, чистосердечных порывов, взаимного доверия. Для того чтобы обращение *пожалуйста* наполнялось чувством уважения к доброй воле, к внутренним побуждениям совести, к желаниям, душевным состояниям, надо с малых лет учить *жалеть* и *щадить* человека как высшую ценность.

Прикасаясь к человеку, ты берешь частицу его жизни — годы и годы идут на то, чтобы раскрыть перед воспитанниками простой и вместе с тем неисчерпаемо мудрый смысл этой истины. Ты берешь зернышко из вороха золотой пшеницы, искру из костра, срываешь яблоко в огромном саду. Не бери целой горсти там, где достаточно зернышка, не бери жар лопатой, где необходима одна искра, не руби яблоню со всем ее урожаем там, где достаточно одного яблока. Умей жалеть и щадить, беречь и оберегать; умей увидеть ту бесконечную дорогую человеческую ценность, где от золотого вороха осталось несколько зернышек, от яркого и жаркого костра — несколько искр, от богатого плодосбора — несколько яблок. Будь соучастником доброго дела, а не мучителем. Бессердечность не всегда злой умысел. Безжалостна не только злая воля. Глупость и невежество так же безжалостны, как и коварство. Чуткость требует здравой мысли.

38. КАК УЧИТЬ РЕБЕНКА ПОНИМАНИЮ И ОСОЗНАНИЮ СВОЕЙ ВИНЫ

Большим человеческим богатством является умение чувствовать свою вину. Допустив ошибку, оплошность, проявив нечуткость, оскорбив или уязвив человека, причинив ему беспокойство, тревогу, мы чувствуем угрызения совести и обращаемся с просьбой: п р о с т и т е, и з в и н и т е. Этими словами мы обращаемся к достоинству и великодушию того, к кому мы то ли специально обратились с просьбой, то ли прикоснулись по неосмотрительности. Произнося эти слова, мы рассчитываем на уважение к самому себе, на добрую волю, снисходительность.

Развивай в себе умение чувствовать свой долг перед другим человеком — и совесть всегда подскажет тебе, когда надо обращаться к ближнему со словами п р о с т и т е, и з в и н и т е. Просьба извинить далеко не всегда говорит о нашей вине. Но неумение уважать человека и обращаться к его достоинству уже становится виной. Умей быть скромным, оберегай себя от наглости, назойливости, надоедливости. Не лезь в чужую душу, умей беречь в человеке неприкосновенное и глубоко

личное. Храни в душе свои переживания, не делай их предметом всеобщего обозрения. Умей сопереживать и сочувствовать. Подлинная чуткость не может быть болтливой. Она так же молчалива, как и скромность.

В познании мира человеческих ценностей я считаю исключительно важным, чтобы в годы детства и особенно отрочества человек переживал острое чувство вины за свой неосмотрительный, непродуманный поступок, раскаивался, всеми силами своей совести осуждал свою ошибку, упущение, неосмотрительность, поспешность, оплошность. Нравственное невежество начинается с неумения оглянуться. Если это неумение превращается в привычку и становится натурой, характером, в человеке может развиться грубость, хамство. Одна из задач воспитателя заключается в том, чтобы учить маленького человека видеть последствия каждого своего поступка. А для того чтобы видеть, надо думать. Глаза совести — это мысль. Воспитывая, мы учим человека размышлять о том, что вокруг меня и во мне, мысленно ставить себя на место другого. Вводя своих питомцев в сложнейший мир человеческого, подлинный воспитатель заботится о развитии зоркости того, что я назвал глазами совести. Это забота о нравственной тонкости мысли. Возможности для воспитания у детей мудрой моральной способности видеть и думать неисчерпаемы.

Дети вышли из класса группой, идут с вами, учителем. Вы находитесь в мире человеческих радостей и горестей, надежд и ожиданий, веры и разочарования. Вы направляетесь с детьми в лес. Проходите мимо дома, окна которого плотно прикрыты. Дети громко разговаривают, смеются. Вы заставляете их замолчать и, отойдя на значительное расстояние от дома с прикрытыми окнами, спрашиваете: «Знаете, что сейчас в этом доме происходит?» Да, многие из детей знают: здесь тяжелобольной человек. Может быть, он в эти мгновения впервые за много часов спокойно уснул, а мы болтаем, кричим… Притихшие дети задумываются. Это хорошо; пусть каждый ребенок поразмыслит, к чему может привести забывчивость, неосмотрительность. Дайте детям подумать; мысль о собственной ошибке и оплошности — это стук в окошко, имя которому — совесть. Где нет мысли, нет и угрызений совести.

Вы возвращаетесь из лесу. Жаркий июльский день. Вы приближаетесь к колодцу под высоким дубом. Всем хочется пить. Чем ближе колодец, тем острее жажда. А с другой стороны к колодцу приближается старик. Он идет издали, очень устал. Ему тоже хочется пить. Дети видят старика, но в их сознании нет мысли о нем. Видят глаза, но не видят ум и сердце. И дети, и старик подходят к колодцу почти одновременно. На срубе стоит ведро с холодной водой. Через мгновение дети приблизятся к колодцу, окружат ведро и, поглощенные единственным желанием — утолить жажду, оттеснят старика, никто и не вспомнит о нем. Страшен и уродлив человек, когда инстинкт преобладает в нем над чувством достоинства, заботливо взлелеянной на почве разума, мысли. Умейте предотвратить это мгновение! Не давайте волю инстинкту, пробудите в ваших питомцах благородную человеческую мысль, не упустите прекрасной возможности устыдиться собственных намерений. Тихим, но властным и решительным словом: *остановитесь!* — вы заставляете детей оглянуться вокруг себя. Они увидели дедушку — седого, изнуренного зноем, с воспаленными глазами. На его лице — виноватая улыбка. Мысль об утолении жажды уже не пылает в детском сознании пожаром. Она еле тлеет где-то в уголке. А мозг поглощен новой мыслью: этот дедушка ведь приближался к колодцу одновременно с нами — с противоположной стороны… Мы видели его. Почему же не подумали о нем? Как это получилось?

— Садитесь, дети, отдохнем… — тихо говорите вы. Дети садятся рядом с вами под дубом.

— Простите нас, дедушка, — обращаетесь вы к старику. — Мы чуть было не овладели ведром. Пейте, пожалуйста, потом мы напьемся.

— Простите, дедушка, — один за другим повторяют дети. При виде старика, у которого руки и ноги дрожат от усталости, им становится стыдно, и слово *простите* в их устах

не формальность, а чистосердечное выражение чувств. В эти мгновения дети мысленно рисуют картину: они выпили бы полное ведро, в нем ничего бы не осталось, и дедушке — этого еще не хватало! — пришлось бы тянуть воду из глубокого колодца.

— Не беспокойтесь обо мне, дети, — отвечает старик на детское *простите*. — Мне и пить-то нельзя... Зной, пóтом изойду, сердце слабое. Вот только глаза промыть бы и во рту прополоскать...

Изумленные дети видят: дедушка, прополоскав во рту, не выпил ни капли воды, промыл глаза и снова отправился в дорогу, сокрушаясь о том, что нельзя ему садиться отдыхать: сяду, посижу, потом трудно встать... Когда дедушка отправлялся в путь, дети встали, пожелали ему доброго здоровья.

Перед детьми прошла удивительная для них картина человеческой жизни. Ваш долг, воспитатель, — чтобы она запечатлелась в их душах на всю жизнь. Дедушка ушел, но никто не спешит к ведру с водой. Вы помогаете своим питомцам ярко осмыслить то, что смутно вырисовывается в их сознании. Вы создаете мысль — это одна из самых сложных вещей в воспитании. В свете мысли становится глубже чувство — сочувствие старику, переживание вины перед ним.

Еще большую радость приносит воспитателю то, что маленький человек, допустив ошибку или оплошность, чувствует свою вину наедине с самим собой, глубоко переживает угрызения совести. Такие моменты я считаю торжеством самосознания, гордым взлетом человеческого духа, мужественным умением смотреть правде в глаза. Каждый такой духовный взлет я, воспитатель, считаю собственным моральным богатством, потому что нравственно насыщенная мысль питомца — это самое дорогое наше детище. Для воспитателя каждое проявление духовных сил его питомца — то же, что самородок для золотоискателя, богатый урожай для хлебороба. Об одном из таких проявлений говорится в рассказе «Собери ее слезы».

39. КАК УЧИТЬ ПРАВИЛЬНО ОТНОСИТЬСЯ К НЕОДОБРЕНИЮ, ОСУЖДЕНИЮ, НАКАЗАНИЮ

Люди, окружающие тебя, — и родные, близкие, и совершенно незнакомые — оценивают твои поступки, твое поведение, твой нравственный облик в целом как добро или как зло, видят в тебе хорошее или плохое. Хорошее все больше становится нормой нашей жизни и очень часто не замечается. Плохое обращает на себя внимание окружающих значительно больше. Всегда рассчитывай на то, что люди, окружающие тебя, воспитаны лучше тебя, — так легче ориентироваться в мире человеческих отношений. Такая ориентация воспитывает требовательность к самому себе, самоконтроль, непримиримость к плохому в самом себе.

Одна из граней гармонических отношений заключается в том, что люди выражают неодобрение, осуждение по отношению к плохому. Тебе не безразлично даже то, какой человек оказался твоим соседом в трамвае. Тем более мы не можем быть равнодушны к тому, как ведет себя, выражает себя человек, с которым судьба свела нас на длительное время. Умей видеть и чувствовать, каким ты входишь в духовный мир других людей. Неодобрение, осуждение выражаются в человеческом обществе двояко: в нравственной оценке и в нормах права — закона. Будь с малых лет чутким, чувствительным к тому и другому. Если ты не научишься добровольно следовать за зовущим тебя к добру огоньком нравственной нормы, тебя возьмет за руку закон. В нашем обществе есть и

мудрое, поучительное слово — доброе, строгое, требовательное, но есть и тюрьма, в которой временно изолируются люди, представляющие опасность для общества. Не сумеешь держать себя в узде нравственности, тебя будут держать под замком закона — во имя добра, только во имя добра и блага, а следовательно, и во имя твоего добра и блага.

Нравственное неодобрение и осуждение, которое должно стать с малых лет твоей уздой, очень многообразно. Оно начинается с направленного на тебя пристального, внимательного взгляда старших, в котором тебе надо уметь прочитать удивление, иногда изумление, но не радостное, а бесконечное. Оно выражается в смущении, смятении, огорчении, возмущении, негодовании, презрении — это твое счастье, если чувства, которыми люди выражают свое неодобрение по отношению к тебе, стойки и непримиримы, непоколебимы и непреходящи, потому что осуждение твоего зла — большое благо для тебя; от твоего умения воспользоваться этим благом зависит твое дальнейшее нравственное развитие.

Непримиримость и нетерпимость твоих воспитателей к злу выражается и в наказаниях. Наказание может быть и нравственной нормой, и орудием закона. Как и любое осуждение, наказание является благом и для общества, и для того, кого наказывают. Наказывая, тебе желают добра. Но поскольку наказание представляет собой резкое осуждение, оно не может быть приятным. Уже самые безобидные школьные наказания ограничивают твои желания, твою свободу, иначе быть не может. Ограничение желаний и свободы — средство, с помощью которого старшие, отвечающие за твою жизнь и твое будущее, заставляют тебя подумать: что я сделал плохое для людей? Как жить, чтобы мое поведение было только добрым? Все идут в кино, а тебе сказали: сиди дома. Значит, для блага других и для твоего блага необходимо, чтобы ты думал о себе и смотрел на себя. В сущности, наказания и существуют для того, чтобы человек видел себя и думал о себе.

В том, как человек относится к неодобрению, осуждению, выражается его нравственная воспитанность, культура. Умей понимать и чувствовать, что в осуждении твоих предосудительных поступков проявляется справедливость, без которой невозможно вообще счастье. Осуждение не приносит тебе радости, но за него надо благодарить, потому что оно спасает тебя, удерживает от падения; если бы люди понимали это уже в школьные годы, было бы несравненно меньше бед в зрелом возрасте.

Умей благодарить. Услышал похвалу — благодари и радуйся, что ты движешься в направлении к человеческому совершенству. Услышал упрек, порицание — благодари за то, что тебя учат жить по-человечески. Самые горькие, самые суровые слова, если они справедливы, — это забота о тебе. В горьких и суровых словах отца, матери, учителя — огромный труд, духовные силы, энергия души. Обращаться к тебе с горькими словами очень нелегко. Если тебе неприятно слышать их, то еще меньше приятного доставляют они тому, кто вынужден их произносить.

Это одно из самых сложных и тонких этических поучений. Доходит оно до юного сердца лишь при том условии, если в воспитании царствует взаимное доверие и открытость сердец. Здесь мы имеем дело с

гармонией чувств долга, благодарности и глубокого понимания справедливости. Человек с малых лет должен почувствовать и понять, в чем истинный смысл добра в нравственных отношениях. Очень важно, чтобы человек осмыслил на собственном опыте: добро не всегда приятное, нередко оно строгое и колючее, как жгучий январский ветер. Я убедился, что правильно, с достоинством воспринимать горькие, но справедливые слова старшего не такое простое дело, этому надо долго и настойчиво учить. Самое главное здесь — дать опыт, из которого бы каждый человек сделал для себя вывод: не всё, что приятно и желанно для меня, приятно и желанно для других.

Так же нелегко произносить горькие, но справедливые слова. В умении делать это сливаются педагогическое мастерство и искусство. К сожалению, многие воспитатели не умеют говорить горькие, неприятные слова так, чтобы они правильно воспринимались. Большая, просто нетерпимая беда заключается в том, что зачастую в разговоре учителя с подростком на первое место выступает эмоциональный элемент — раздражение. У того, к кому обращается учитель, создается впечатление, что он неприятен как личность и есть какие-то другие причины кроме самой сущности поступка, побудившие педагога к разговору, из которого воспитанник выносит обиду, а воспитатель — недоверие. Там же, где сталкиваются обида и недоверие, порождается вражда. Попытка педагога преодолеть зло порождает новое зло. Нам, педагогам, приходится на каждом шагу выражать неодобрение, осуждение — в десятках, сотнях самых разнообразных оттенков, и делать это надо так, чтобы человек предстал перед вами с открытым сердцем, не замкнулся, не ощетинился, не увидел в ваших горьких словах предубеждения, раздражительности, озлобления. Если бы меня спросили, какая в нашей сложной профессии самая сокровенная тайна, от овладения которой зависит способность властвовать над умами и сердцами, я бы ответил: умение воспитывать у своих питомцев определенное отношение к моему неодобрению, осуждению. Воспитать такое отношение, чтобы, выслушав мои горькие, колючие слова, воспитанник расстался со мною с трепетной благодарностью, с горячим чувством угрызения совести от сознания того, что он делал не так, как надо было делать, что он не видел того, что надо было видеть. Осуждение, неодобрение — самый тонкий и острый инструмент, с которым вы приближаетесь к своему питомцу, и, чем с меньшим спокойствием, с меньшей силой духа берете вы в руки этот инструмент, тем опаснее последствия: нежное тело закрывается панцирем неверия и недоверия, об этот панцирь ваш тонкий инструмент ломается, как хрупкое стекло, и вы в отчаянии хватаете молот, глушите им по закрывшемуся панцирю, из могучего и нежного властелина сердца превращаясь в молотобойца.

Своим осуждением, неодобрением вам нужно пробудить в своем питомце нетерпимость к злу в самом себе (если в первый раз не удастся достигнуть этого, то по крайней мере хотя бы сомнения в правильности того, что он делал, как вел себя, как относился к людям). Нетерпимость — это чувство, но оно приобретает высоконравственный смысл лишь тогда, когда идет от мысли. Если я готовлюсь к горькой и трудной беседе с питомцем — а такую беседу лучше всего проводить наеди-

не, — я думаю прежде всего о том, как я буду мыслить. Я должен пойти к нему не с бурным негодованием, не с благородным возмущением, от которого руки дрожат и голос прерывается, а с ясной, твердой, мудрой мыслью. Он должен увидеть во мне не взвинченного пострадавшего, собравшего для этого случая боли и горести, накопившиеся в течение продолжительного времени, даже не бесстрастного судью, заранее обдумавшего приговор, а мудрого мыслителя — вот что пленяет и озадачивает, восхищает и предостерегает от *закрытости сердца.* Своим разговором я должен вовлечь его в совместные раздумья. Я не надеюсь на то, что он сразу же станет моим единомышленником, — до этого, может быть, далеко, но я во что бы то ни стало должен пленить его своими мыслями и покорить убеждениями. Моя непримиримость к злу должна быть страстной и бескомпромиссной, но я должен видеть своего противника не в том строптивом мальчишке, с которым я говорю, а в идее, во взглядах, в поступке.

Что осуждать? К чему быть непримиримым? — Правильный ответ на эти вопросы определяет в значительной мере успех нравственного воспитания. Тонкие и небезопасные инструменты педагогического мастерства нельзя использовать на каждом шагу. Для учителя очень важно умение видеть достойное осуждения и непримиримости. Большой недостаток воспитательного процесса в том, что многие учителя тратят силы на борьбу с детскими шалостями, проказами, т. е. с тем, что является закономерным спутником детства и отрочества и что заслуживает мудрого снисхождения и умного превращения в шутку. Осуждения заслуживают поступки, в которых заложены семена эгоизма, себялюбия, безразличного отношения к духовному миру другого человека.

Десятилетний Саша, ученик IV класса, после уроков остается в группе продленного дня. Вместе с товарищами после уроков он идет в столовую. Дежурные уже приготовили обед: на столе — суп, котлетка, чай для каждого ученика. На отдельной тарелочке — хлеб к обеду. Каждый знает, где его обед, где хлеб. Саша садится обедать. Его товарищ, Миша, сегодня дежурит, он пообедает после всех. Саше не хватило своего хлеба, и он берет порцию дежурного. Половину съедает, а половину отодвигает на противоположную сторону. Быстро пообедав, просится уйти куда-то по своим делам... Как будто бы безобидный детский поступок: кусок хлеба, кусочек котлетки... Дежурный — очень скромный мальчик, он не скажет ни слова. Но в том-то и беда, что ничего не скажет, и маленький поступок этот может остаться неизвестным. Вы, воспитатель, должны заметить его, потому что перед вами как раз то, что надо строго осудить. В Сашином поступке — маленькое семя большого зла. Осуждению, неодобрению в годы детства как раз и должны подвергаться вот такие маленькие, с первого взгляда незаметные проявления зла. Чем незначительнее, незаметнее с первого взгляда поступок, таящий в себе будущее зло, тем острее воспринимает ребенок ваше осуждение, тем глубже след в его душе оставляют ваши слова.

Окончился продленный день, вы оставляете Сашу и начинаете разговор с ним. Вам с трудом удается растолковать мальчику, в чем предосудительность, антиобщественная сущность его поступка. «Если ты поднял руку на хлеб, принадлежащий товарищу, — ты опозорил свою совесть, ты поднял руку на высокое достоинство человека, — говорите вы. — Нас окружает мир вещей, эти вещи принадлежат человеку, и не мы подчиняемся им, а они нам; человек повелевает вещами. Но нельзя забывать, что вещи сделаны человеком и удовлетворяют наши потребности. Относясь к вещам, мы выражаем свое отношение к людям.

Подумаем, Саша, как жить и каким быть.

Подумаем, в чем достоинство человеческое».

В годы детства и отрочества должны быть такие дни, когда человек думает столько, сколько он не думал за всю предыдущую жизнь. Память человеческая должна навсегда сохранять эти дни как немеркнущие, неугасимые огоньки, освещающие собственную жизнь, собственную душу. Я не представляю воспитание без того, чтобы жизнь маленького человека вдруг не озарила мысль — изумляющая, одухотворяющая, поражающая своей яркостью, глубиной и неумолимостью. Чтобы эта мысль перевернула бытие, заставила по-новому взглянуть на мир, на людей, на самого себя. Мое осуждение дойдет до юной души лишь тогда, когда я смогу пробудить эту мысль-откровение, мысль-самопознание. Я уверен, что мой разговор с Сашей остался в его сознании на всю жизнь. Уходя от меня, он думал, придя домой — думал. Ему не давало покоя раскаяние. Только при этом условии моральное осуждение и достигает цели, когда за ним идет острое чувство раскаяния — чувство, заставляющее терзаться сомнениями. Источником этого чувства является мысль, убеждение.

Осуждайте в детстве и раннем отрочестве, когда пороки еще не укоренились и сорняки не пустили еще глубоких корней. Осуждение лишь тогда эффективно, когда за ним следует самоосуждение — муки совести. Верьте в могучую силу слова — чистосердечного, умного, доверительного, правдивого, выношенного в душе и, если хотите, выстраданного. Слово осуждающее — это самая большая, ни с чем не сравнимая ответственность педагога. Обращаясь с этим словом к человеку, в душе которого — вы уверены в этом — уже есть корни зла, вы, образно говоря, берете его сердце в свои руки. Сила осуждения зависит от того, насколько оно индивидуально: нет человеческого сердца «вообще», есть лишь конкретный человеческий мир. Слово осуждения обретает свою могучую силу лишь тогда, когда оно рассчитано на конкретного Сашу или Гришу, Олю или Таню. Педагогическое невежество проявляется, на мой взгляд, тогда, когда — часто так бывает — возмущенный педагог обращается с осуждением к группе своих питомцев, клеймит зло «вообще», надеясь при этом, что авось его осуждение дойдет и до сердца того, кто еще ни в чем не повинен, но может стать виновником. Это все равно что прописать лекарство всем в надежде на то, что тому, кто не нуждается в лечении, вреда оно не причинит, а для того, кому надо лечиться, оно окажется в самый раз.

Чем меньше семя зла, которое вам удалось рассмотреть в поведении ребенка, в его взаимоотношениях с людьми, тем тоньше должно быть осуждение. Задача ваша заключается в том, чтобы нравственная узда, которую должен знать ваш питомец, была не цепями, а активной деятельностью. Переживая угрызения совести, человек должен быть увлечен вихрем мыслей и порывов. Раскаяние пусть будет не мрачным углублением в мысли о своей вине, а светлой, жизнерадостной деятельностью, направленной на искупление вины. К большому сожалению, в педагогической этике почему-то избегают этого термина, а о самой сущности явления многие педагоги имеют смутное представление. Между тем осуждение порока учителем развивается в самовоспитание лишь тогда, когда есть искупление. Без стремления к искуплению не может быть и речи о сознательном отношении к собственной вине.

Воспитуемым, способным поддаваться воспитательному воздействию человек становится лишь при том условии, если он прошел школу искупления, — в этом, по существу, заключается самовоспитание.

Если углубиться в сущность того, что делается в школах с целью преодоления нравственных пороков, устранения предосудительных поступков, можно прийти к выводу, что отсутствие искупления нравственно развращает маленького человека, порождает у него уверенность в том, что от вины можно мгновенно избавиться, дав «слово», «обещание». Недопустимым невежеством, ужасным педагогическим бескультурьем является подталкивание ребенка, подростка: давай слово, обещай, что исправишься. **Побуждая к этому, мы порождаем негодяя.**

Грош цена также и всяческим выговорам, предупреждениям, замечаниям, которые объявляются на собраниях, даже записываются. Перенесение всего этого из жизни взрослых в детскую жизнь могло бы вызывать только смех, если бы не таило в себе серьезных опасностей. Давая «слово» или получив выговор, маленький человек считает, что с виной всё покончено. Но воспитание заключается в том, чтобы снять с себя вину активным и длительным искуплением, т. е. деятельностью, трудом. Чем глубже раскаяние, тем искреннее стремление воспитанника именно к такому искуплению. Следить за тем, как происходит искупление, тонко прикасаться в этот период к человеку и *наставлять* его на правильный путь — в этом заключается чуткость к человеку, сознательно стремящемуся стать достойным прощения. Никакое «слово», никакое обещание не могут заменить той внутренней деятельности духа, от которой зависит отношение к человеку.

Нужно, чтобы человек осудил себя сам, а это невозможно без мысли об идеале. Мне сравнительно нетрудно добиться поставленной воспитательной цели потому, что я имею дело с человеком в том возрасте, когда способность возмущаться, негодовать гармонически сливается в юной душе со способностью восхищаться. Противоречивые мысли и чувства порождают в юной душе смятение, на это я и рассчитываю. Изумленный человеческой красотой, мой питомец говорит сам себе: я мерзкий, достоин презрения благородного человека. Отвращение, неудовлетворенность собой — начало той внутренней деятельности духа, которая по своему существу и является искуплением.

Муки совести наедине с собой — с этого начинается активная деятельность, которой провинившийся стремится доказать, что он достоин прощения. Если ему раньше казалось безразличным, что о нем думают люди (точнее: чувство безразличия — результат убогости мыслей), то теперь он чувствует себя перед людьми как бы обнаженным. Он стыдится своей наготы и стремится прикрыть ее — это и есть искупление.

Труден путь искупления и самовоспитания. Беседа с человеком, направляющая ребенка на путь искупления, — мучительно сложный, изнуряющий труд. Вряд ли что другое может сравниться по отдаче духовных сил с той трудной миссией, когда ты, идя к человеку обвинителем, идя строго осуждать его, стремишься в то же время стать его другом и

становишься им. То, чего удается добиться в беседах, я бы назвал нашим трудным счастьем. Это радость нашей работы, рожденная в муках. Осуждая зло, мы завоевываем человека.

40. КАК ВОСПИТЫВАТЬ У ДЕТЕЙ ЩЕДРОСТЬ И БЕСКОРЫСТИЕ

Будь щедрым и бескорыстным. Скупость обедняет человека, превращает его в эгоиста и приобретателя. Вещи существуют для того, чтобы служить человеку, а не порабощать его. Вещи и блага — воплощение труда, поэтому по отношению к вещам судят о твоем отношении к человеку. Скупость — эгоистическая боязнь отдать частицу своей души другому человеку во имя того, чтобы ему было лучше. Скупость постепенно вырождается в жадность, уродующую личность, ее духовный мир, потребности, интересы. Жадность порождает бесчеловечность, человеконенавистничество. Противоядие, профилактика от скупости и жадности — щедрость души в годы детства, отрочества, ранней юности. Трудись так, чтобы созданное тобой для людей становилось частицей твоей души, но, отдавая творение своей души людям, ты не должен чувствовать, что отрываешь что-то от сердца с болью. Щедрость души — дитя того соучастия, без которого немыслимо человеческое благородство. По-настоящему щедрым может быть лишь тот, кто умеет любить людей и жалеть их. Но и любовь к людям немыслима без первичной искры щедрости.

Умей видеть вокруг себя щедрость и скупость, подлинное богатство души и безобразную убогость и наготу. Скупость и жадность — пусть эти пороки всегда вызывают у тебя гнев, осуждение, презрение. Учитель рассказывает тебе о скупости и жадности не для того, чтобы ты посмеялся и удивился, а для того, чтобы ты задумался о самых мрачных человеческих пороках, взглянул сам на себя, выбросил из своей души даже самый мелкий мусор. Скупость и жадность пришли к нам из того мира, где человек угнетал человека, где ценность человеческая определялась тем, сколько у него денег, где покупались любовь и красота. Мир этот канул в прошлое, но он причудливым образом отразился на многих гранях человеческой души, эти грани переходят из поколения в поколение, держась на многих привычках, слабостях, традициях, поддерживаясь также тлетворным влиянием окружающего нас мира капитализма, где счастье равнозначно обладанию деньгами и вещами. Правильно видеть вокруг себя щедрость и скупость, бескорыстие и корыстолюбие — это значит с детства и отрочества понять ту истину, что самое главное, ни с чем не сравнимое богатство в нашей стране — это богатство духа: разум, знания, умственные способности, талант, творчество, верная человеческая дружба и любовь, счастье продолжать и повторять себя в человеке. Научиться обладать этим богатством — вот в чем секрет подлинной щедрости.

Щедрость непримирима к расточительности и мещанскому стремлению блеснуть чрезмерной роскошью, как бережливость непримирима к жадности. Учись жить так, чтобы душа твоя осуждала скупость и жадность точно так же, как и расточительность и чрезмерную роскошь.

Высшая роскошь человеческого бытия — это, по словам А. де Сент-Экзюпери, роскошь человеческого общения. В поте лица своего создать, найти, обрести человека — это самый благородный труд, добывающий роскошь. Человек достоин того, чтобы жить роскошно, нам чужда аскетическая ограниченность. Жизнь потеряла бы для нас всякий смысл, если бы мы не были в определенном смысле и корыстолюбивыми. Но наше корыстолюбие лишь тогда нравственно оправдывается, когда оно является добыванием духовных богатств для того, чтобы стать в конечном счете щедрее.

Я озабочен тем, чтобы мои питомцы выросли духовно красивыми, мужественными, честными, справедливыми людьми — борцами, непримиримыми к злу, какое бы обличье оно ни приобретало. Щедрость и бескорыстие — один из самых тонких инструментов воспитания. Я стремлюсь к тому, чтобы щедрость давала в годы детства и отрочества волнующие радости, оставляла в душе неизгладимые воспоминания.

Нравственный облик человека в огромной мере зависит от того, что приносит ему в детстве радость, счастье. Если выразить в афоризме сущность воспитания, то не будет извращением истины сказать: доблести и пороки, утверждающиеся в душе *питомца, питаются* радостями и печалями, счастьем и бедой, огорчениями и восторгами, угнетенностью и одухотворением. Здесь я нарочно поставил рядом два слова и выделил их. Мудрое русское слово *питомец* многими нитями связано со словом *питать*. Питается ребенок не только молоком матери и хлебом насущным, но и пищей духовной. Учитесь питать его радостями и горестями — в этом искусство воспитания. Духовное благородство человека зависит в конечном счете от того, что вызвало в детские годы его восторг и его слезы. А щедрость и бескорыстие целиком зависят от благородного источника восторгов и огорчений, радостей и бед. Я нисколько не преувеличиваю, уверяя моего самого дорогого читателя — молодого педагога, что радость щедрости — самая благородная духовная сила, пробуждающая в юном сердце изумление перед человеческим благородством, гордость от сознания своей причастности к творению этого благородства. Говоря о бескорыстии щедрости, нельзя забывать, что мы имеем дело с бескорыстием материальным. Щедрость как активная деятельность, как отдача физических и духовных сил требует вознаграждения. Дети просто не могут жить без этого вознаграждения. Им надо чувствовать, что людям не безразличны их благородные порывы. Пусть человек, нуждающийся в бескорыстной щедрости, в творении добра, не знает, кто принес ему радость и развеял грусть и одиночество. Пусть никто им публично не объявляет благодарности; главное — в чувствовании и понимании того, что я принес человеку счастье.

Многолетний опыт воспитания твердо убедил меня в том, что за щедрость и бескорыстие, в каких бы формах они ни выражались, не надо награждать. Щедрость не должна осмысливаться и переживаться как что-то исключительное. Пусть будет побольше неизвестно кем проявленной щедрости. Пусть люди переживают восторг от человеческого бескорыстия — не обязательно им даже знать, кто виновник их радости.

Воспитание презрения к скупости — задача очень тонкая и сложная. Дело здесь не только в том, чтобы дети высмеивали порок. Мировоззрение питается животворными соками мысли: размышлениями о причинах пороков, об истинном человеческом счастье, о собственном будущем. Мировоззрение неотделимо от взгляда в собственную душу. Я считаю очень важным, чтобы ребенок как можно дольше находился под впечатлением моего рассказа о человеке, унес с собой мысли из школы домой, переживал их, оставаясь наедине с самим собой.

Мысль — огромной силы источник, питающий благородные чувства. От мысли, от идеи — к личным убеждениям, к личному взгляду на жизнь, к мировоззрению и только благодаря этому к сильному чувству: к непримиримости, нетерпимости к злу. Я стремлюсь к тому, чтобы мои рассказы о нравственности пробуждали не поверхностные впечатления, а именно глубокие мысли. Это становится возможным благодаря тому, что в основе каждого рассказа лежат реальные человеческие поступки, поведение, отношения, судьбы, жизнь. Рассказ «Самый скупой в мире дед» — о гнусном пороке — жадности; он передает реальную судьбу одного человека, которого хорошо знали деды и прадеды нынешних первоклассников.

Этот рассказ запоминается детям. Они думают о красоте, цели и смысле жизни. Под влиянием этого рассказа мысль о скупости сливается с мыслью об одиночестве. Для меня большая радость, если в детском сознании пробуждается мысль о счастье: подлинное счастье не в том, чтобы обладать богатством, скрывая его от людей, а в том, чтобы духовно обогащать людей. Для воспитания очень важно постепенно утверждать детскую мысль: чем больше человек отдаляется от людей, тем несчастнее он становится. Высокий забор, образ которого навсегда входит в детское сознание как символ скупости, жадности, пробуждает чувство непримиримости, нетерпимости к всему, что уродует человеческую красоту.

Я стремлюсь к тому, чтобы детям хотелось быть щедрыми и бескорыстными. Достигнуть того, чтобы, отдавая, ребенок был счастливым, — для этого необходимо сделать щедрость привлекательной. Для самых маленьких школьников у меня в запасе есть были и сказки, в которых щедрость не только окружена романтическим ореолом, но и предстает перед детьми в простой, доступной форме; воспитатель подсказывает, как стать щедрым, детям становится ясно, что возможность проявить щедрость — на каждом шагу. Эти рассказы производят на малышей большое впечатление. Они одухотворены стремлением проявить свою щедрость — но как? Здесь надо действовать по пословице: куй железо, пока горячо. Нельзя допускать, чтобы детское одухотворение угасло, не разгоревшись, или превратилось в холостой выстрел. Я подчеркиваю исключительную важность того, чтобы маленькие дети, стремящиеся быть щедрыми, нашли место приложения своих сил. В раннем возрасте очень большую опасность представляет эгоизм. Это чувство начинается с того, что ребенок сосредоточивает все свои помыслы вокруг себя, все его духовные силы направлены на удовлетворение собственных желаний. При такой направленности духовной жизни ребенок испытывает жалость к самому себе, у него развивается

слезливость. Там, где жалость к себе становится натурой, сердце закрывается для щедрости и бескорыстия, человек становится глухим к нуждам и заботам других, до его окаменевшей души трудно достучаться. Знайте, что, если ваши призывы к соучастию никак не доходят до ребенка, ваши яркие рассказы о духовном благородстве ни к чему не призывают и не увлекают, перед вами человек, живущий жалостью к самому себе. Если уж вы пробудили восхищение, одухотворили щедростью — ведите детей по этой тропинке: она полна не только радости, но и счастливого труда, радостных трудностей.

Когда мои питомцы переживали сочувствие к судьбам персонажей из сказок и рассказов, я незаметно перевел разговор на судьбу одного мальчика, которому через год идти в школу. Он живет на окраине села. По заключению врачей у мальчика врожденный порок сердца, ему придется нелегко и учиться, и жить. У ребенка мало радостей — эта мысль дошла до души первоклассников, и им захотелось сразу же что-то сделать, чтобы принести маленькому человеку благо. Мы сделали мальчику лошадку и жаворонка. Понесли ему, познакомились с больным ребенком. Он обрадовался нашему подарку. Оказалось, что Вася очень любит рисовать. Цветные карандаши и краски — это его любимые инструменты творчества. Его беспокоило, что в коробке не всегда бывают карандаши для передачи тех оттенков, которые он видит в природе. Мы принесли ему несколько наборов цветных карандашей. Потом в большом альбоме нарисовали много картинок и подарили этот альбом Васе.

Я был счастлив, что благодаря этой дружбе дети научились *жалеть человека.* Это высшая форма душевной щедрости.

41. ЧТО ТАКОЕ БЫТЬ СКРОМНЫМ И КАК ВОСПИТЫВАТЬ СКРОМНОСТЬ

Будь скромным. Скромность — это дисциплина человеческих отношений, поступков, желаний, мыслей и чувства, воли и характера. Быть скромным значит ни на мгновение не забывать — это прежде всего, — что у каждого человека, с которым ты соприкасаешься, есть свое достоинство и твоя подлинно свободная и счастливая жизнь заключается в том, чтобы утверждать достоинство каждой личности, а утверждать можно, только уважая. Быть скромным — значит не допускать даже мысли о том, что у меня какие-то исключительные достоинства, качества, а отсюда — особые права на льготы, поблажки и др. Перед общественной дисциплиной все равны. То, что требуется от каждого, требуется и от меня.

Умей правильно смотреть на свои положительные и отрицательные качества. Сколько бы тебя ни хвалили, знай, что ты далек от совершенства. Пойми, что похвала в детстве и отрочестве чаще всего бывает призывом к самовоспитанию: если тебя похвалили, думай, как стать лучше. Остановка в саморазвитии и самовоспитании — одно из проявлений зазнайства, а зазнайство — обратная сторона нескромности.

Важнейшей сферой выражения, проявления, раскрытия твоих до-

стоинств в школьные годы является учение, познание, овладение знаниями. Скромность ученика начинается с того, насколько соответствует его представление о своих интеллектуальных богатствах приложенным усилиям. Скромность умственных достоинств — очень важная вещь в становлении твоих жизненных идеалов. В годы отрочества и юности ты должен правильно смотреть сам на себя, трезво оценивая и рассчитывая, на что ты способен. Чем больше скромность в твоих притязаниях и планах на будущее, тем большую энергию рождает твое существо для того, чтобы преодолеть трудности и достигнуть того, что казалось невозможным.

Наибольших успехов в овладении знаниями достигают те, кто скромно оценивает свои способности.

Скромность — родная сестра трудолюбия, усердия, настойчивости. Хвастуны никогда не бывают усердными тружениками. Умственный труд — вещь, требующая особенной реальности, трезвости, точности, а все это и составляет скромность — в выборе мерки, с помощью которой человек как бы измеряет сам себя. Большую опасность для подростков и юношества представляет умственное высокомерие — очень распространенный в настоящее время порок. Он выражается в том, что туманное, поверхностное представление о чем-нибудь очень сложном человек считает знанием. Умственное высокомерие — обратная сторона невежества.

Быть скромным — значит быть терпимым к мелким недостаткам людей, если эти недостатки не представляют собой общественной опасности, а затрагивают лишь твои собственные интересы. Если бы мера требовательности каждой личности к другим людям определялась этим мудрым правилом, если бы каждый умел не только требовать, но и не замечать, снисходить, извинять, прощать, жить было бы легче — и каждому из нас, и обществу в целом. Большая беда в том, что мера требовательности к другим у многих людей совершенно не та, что мера требовательности к себе, — отсюда столкновения, конфликты, семейные трагедии, «несходство характеров»; отсюда обездоленные дети.

Скромность называют венцом всех добродетелей; в ней гармонически сливаются сознательная дисциплина, долг, обязанность и свобода воли. Рассматривая всё достойное похвалы в самом себе как обязательное и само собой разумеющееся, скромный человек видит в дисциплине подлинную свободу, стремится к ней.

Хорошее считать обязательным — вот одно из самых мудрых правил воспитания нравственности. Похвала, ласка — очень нужные вещи, но ими надо очень тонко пользоваться.

В беседе с детьми я использую сказку о Розовом Цветке Репейника. В ней рассказывается о том, как случайно у школьного крыльца вырос куст репейника. Это заурядный сорняк, но как он посмел, умудрился вырасти в таком месте? Это было настолько необычно, странно, удивительно, что никто его не срывал. Он рос себе, рос и зацвел. Розовый Цветок Репейника — некрасивый, неприятно пахнущий. Все, кто проходил мимо него, с улыбкой говорили: какой «красавец»! Репей вообразил, что он и в самом деле красавец. Когда на школьный праздник дети принесли много ваз с цветами и поставили их рядышком перед окнами, Репей стал насмехаться: какие вы все уродливые, вот я красавец…

Я добиваюсь того, чтобы ребенок понял: незаслуженная похвала — оскорбление, как и незаслуженная обида. Большое впечатление производит на детей сказка о Подвиге комара.

Над глубокой пропастью стояла Бочка. Много лет она стояла недвижно, и все удивлялись: прочно стоит Бочка, никто не может ее с места сдвинуть. Однажды над пропастью пролетал Комар. Видит, что-то стоит над самым обрывом.

— Что это такое? — подумал Комар, опустился и сел на бочку отдохнуть. И в то мгновение, когда он сел на нее, Бочка свалилась в пропасть. Люди ахнули от изумления: какой сильный Комар, бочку сдвинул, свалил в пропасть!

Услышал Комар, как его люди хвалят, и возгордился: значит, я в самом деле очень сильный.

Никто и не подумал, что Бочке как раз и не хватало Комара, чтобы свалиться в пропасть.

В воспитании скромности большую роль играет мысль: там, где выполняется долг, недопустимы честолюбие, упоение похвалой. Неуместная похвала создает извращенное представление о мерке, которой следует измерять доблести. Большого мастерства требует создание в коллективе таких отношений, чтобы добродетель была стыдливой, лишь при этом условии она скромна. Скромность выражается в такой внутренней гармонии чувств и потребностей, при которой человек испытывает полноту счастья уже от того, что он делает добро. Ему доставляет неприятные переживания то, что об этом добре трубят и трезвонят как о чем-то необыкновенном и чрезвычайном. Серьезную опасность для воспитания представляет извращенное представление о трудовой доблести. В школьной практике нередко бывает так: дети посеяли что-нибудь на учебно-опытном участке, никаких усилий не прилагали, а просто выдался благоприятный год и урожай собран прекрасный. Собираются дары природы, а разговор идет о плодах доблести. Похвала за труд, которого в сущности не было, развращает маленьких тружеников; по существу, они перестают быть тружениками. Как важно для правильного морального воспитания, чтобы напряжение духовных сил приносило человеку внутреннюю радость.

Совершенно недопустимо хвалить маленького человека за моральную доблесть, если этой доблести нет.

Первоклассник Степанко нашел на школьном дворе двадцать копеек. «Кто-то потерял, — подумал мальчик. — Отнесу учительнице».

Отнес деньги учительнице. Мария Григорьевна похвалила: ты честный, так надо делать всегда.

Была большая перемена. Степанко услышал, как школьная радиогазета рассказывала о его поступке. В рассказе говорилось: учится у нас в I классе мальчик. Честный, справедливый, добросовестный. Нашел во дворе двадцать копеек и — чтобы вы подумали! — не присвоил, не купил ни конфет, ни мороженого, а отнес и отдал учительнице. Вот кто будет настоящим пионером. На следующий день Степанко увидел в стенгазете свое фото и прочитал по слогам: «Берите пример с этого школьника».

Еще через день приходит к учительнице Семенко, такой же первоклассник, как и Степанко, и говорит:

— Мария Григорьевна, я нашел во дворе тридцать копеек. Кто-то потерял...

— Неужели? — спросила учительница. — Сразу тридцать копеек?

— Да... Две монеты по десять копеек и две по пять...

— Хорошо... Наверное, найдется тот, кто потерял.

Прошел день, второй, третий. Каждый день Семенко спрашивает: «Не нашелся тот, кто потерял деньги?»

— Нет, не нашелся. А ты подумай, Семенко, может быть, ты сам потерял деньги и забыл о потере?

Семенко наклонил голову и покраснел. Ему стало стыдно. А учительница с болью думала о том, как извращает нравственные понятия неуместная похвала.

Школьное обучение по самому характеру своему создает условия, при которых повседневно сравниваются и оцениваются результаты труда: у меня — плохо, а у товарища — отлично. На каждом шагу слышатся похвала и порицание. При этом далеко не всегда учитывается, сколько духовных сил приложил ученик, чтобы заслужить похвалу. Нередко бывает так, что предметом похвалы является не труд, а богатства, данные природой, а предметом порицания — ограниченные возможности отдельных учеников, нерадивость не отличаются от несообразительности, неумения работать и быть сосредоточенным. Это очень большая проблема всей учебно-воспитательной работы. Достигнуть того, чтобы каждый школьник был тружеником, чтобы в его труде полностью раскрывались его духовные силы и возможности, — непременное условие воспитания скромности и трудовой настойчивости.

42. КАК ПОБУЖДАТЬ ДЕТЕЙ К БЛАГОРОДНЫМ ПОСТУПКАМ

Твоя жизнь состоит из поступков. В поступках выражается моральная сущность человека. В твоем отношении к другим людям нет ничего случайного. Поступок всегда определяется деятельностью морального сознания. Ты пришел в хлебный магазин, подошла твоя очередь, вдруг ты видишь: где-то в сторонке стоит старая женщина, ты приглашаешь ее стать впереди себя, уступаешь ей свое место, помогаешь сделать покупку — всё это моральное сознание в действии. Мы всегда поступаем (уступаем, иногда переступаем — тогда получается проступок) так, как велит наш внутренний голос совести. И тогда, когда ты ничего не сделал, даже тогда, когда ты спишь, — ты поступаешь, и чаще всего бывает так: когда твой поступок выражается в бездеятельности, он становится проступком, всегда строго осуждается нормами коммунистической морали и во многих случаях нормами права.

Если бы каждый из нас жил на необитаемом острове, не было бы никаких поступков. Поступки выражают уровень твоей нравственной культуры. Бывает, что человек, уходя из дому, не знает, что он сделает: то ли поможет инвалиду и услышит слова благодарности, то ли будет задержан милицией за хулиганство. Так может быть с людьми, не имеющими нравственной сердцевины, твердых убеждений. От твоего поступка — деятельности или бездеятельности — зависит душевное состояние, мир и покой на душе, благополучие, счастье, здоровье, даже жизнь тех, с кем ты общаешься и соприкасаешься.

Человеческие поступки в с л о в е, даже во взгляде. Слово — тончайшее прикосновение к сердцу; оно может стать и нежным поцелуем, и благоухающим цветком, и живой водой, возвращающей веру в добро, и острым ножом, ковырнувшим нежную ткань души, и раскаленным же-

лезом, и ушатом холодной воды, и комьями вонючей грязи — все это может нести в себе человеческое слово; оно оборачивается самыми неожиданными поступками даже тогда, когда его нет, а есть молчание. Там, где необходимо острое, прямое, честное слово, иногда мы видим позорное молчание, это самый гнусный поступок — предательство. Бывает и наоборот. Предательством становится слово, которое должно молчать, храня тайну. Мудрое и доброе слово доставляет радость, глупое и злое, необдуманное и бестактное слово приносит беду. Словом можно убить и оживить, ранить и излечить, посеять смятение, безнадежность и одухотворить, рассеять сомнения и повергнуть в уныние, сотворить улыбку и вызвать слезы, породить веру в человека и заронить неверие, вдохновить на труд и привести в оцепенение силы души. Твое злое, неудачное, бестактное, попросту глупое слово может оскорбить, огорчить, ошеломить, потрясти человека. Умей сообразить и почувствовать,когда человеку, с которым ты соприкасаешься, нужно, чтобы ты говорил, а когда ему крайне необходимо, чтобы ты молчал. Одно-единственное твое слово может создать у людей мнение о тебе как о хаме или невежде, пустопорожнем болтуне или хвастуне.

Береги и щади неприкосновенность, впечатлительность, ранимость человека. Не причиняй своими поступками оскорбления, боли, тревоги, беспокойства. Своей глупостью и бестактностью не сей семена неверия в доброе начало в человеке. Чем больше в жизни плохих поступков (а плохим поступком может быть и слово, и молчание), тем больше у морально нестойких и малоопытных людей оснований усомниться в торжестве добра и справедливости. Когда люди перестают обращать внимание на плохие поступки, выражающиеся в активной деятельности, возрастает число поступков, сущность которых сводится к бездеятельности. Переплетение тех и других создает неблагоприятную обстановку для воспитания человека: в такой обстановке невозможно воспитывать нравственное сознание как питательную среду и, образно говоря, столбовой корень благородных поступков. Отсюда вытекает очень важное для тебя жизненное правило: если ты закрываешь глаза на зло, утешая себя мещанской истиной моя хата с краю, ты сам делаешь себя беззащитным перед злом; чем чаще ты стремишься уклониться от сражения со злом, тем чаще ты подвергаешься нападению и защищаешься. Для того чтобы жить в безопасности, надо всегда быть нравственно наступающим, непримиримым и несгибаемым.

Сила этого поучения зависит от одной очень важной закономерности, точнее, от того, как эта закономерность проявляется в *школьном бытии*. Речь идет о деятельности морального сознания. Нравственные истины, осознающиеся воспитанниками как выражение добра, живут в поступках. Мораль является деятельной силой только в действии, выражается во взаимоотношениях, лишь при этом условии приведенное выше поучение не рассыплется в прах. Если много разговоров и словесных поучений о хороших поступках, а хороших поступков нет, силы духа педагогического коллектива будут уходить на борьбу с проступками... ваш разум и воля будут поглощены разбирательством, кто что сделал, кто виновник. Там, где мораль не живет в благородных поступках, появляется обилие пострадавших и с трудом находятся виновники.

Нельзя забывать, что в школе мы имеем дело с детьми, их нравственное сознание только формируется и именно в поступках происходит его становление. В школе должна царствовать атмосфера ярких, нравственно сильных поступков, убеждающих в том, что справедливые, благородные моральные истины и нормы торжествуют. Именно в осознании их торжества и заключается процесс становления моральных убеждений, непримиримость к злу и стремление к добру. Там, где много ярких нравственных поступков, добро выступает как сила, уничтожающая зло. Нетерпимость к проступкам живет там, где юные души одухотворяются благородными поступками.

Кончаются уроки. Приближаются ранние сумерки, идет снег, начинается метель. В селе это тревожная пора: многим детям идти домой далеко — через степь и овраги, можно сбиться с дороги. За детьми приходят родители. Но тринадцать малышей нельзя отпускать домой: за ними никто не пришел. Судьбу детей учителя вручают юношам-старшеклассникам. Мы обращаемся с призывом к их совести и мужеству. Юноши понимают, какая ответственность на них возлагается: они отвечают за жизнь детей. По два, три сильных, отважных юношей сопровождают каждого малыша: надо полностью предотвратить всякую случайность. Когда соприкасаются сила и беззащитность, рождается благородство и мужество. Каждому, кто возложил на себя ответственность за ребенка, приходилось нелегко. Иногда трудности казались невыносимыми: ребенка приходилось нести на руках, преодолевая снежные заносы.

Но чем больше трудностей, тем благороднее становится сердце, тем глубже чувство достоинства, которое носит в себе молодой человек. Это чувство должно быть собственным богатством души, о нем не надо говорить, доблесть не надо расхваливать.

Чем глубже утверждается мысль о выполненном долге, о том, что в этом нет ничего необыкновенного, тем зорче взгляд и тоньше чувство на зло, непорядочность. Моральное сознание в действии означает, что благородные поступки борются с проступками.

Через неделю после того трудного и радостного дня, когда многие юноши впервые почувствовали себя мужественными, школу взволновало неприятное событие. Пятнадцатилетний Александр возвращался из школы. На засыпанной снегом улочке он обогнал маленькую Лину. Уступив ему дорогу, девочка увязла в сугробе, там остался один ботинок. Юноша видел это, но не помог, а рассмеялся. Лина заплакала и села в сугроб. Ей пришла на помощь женщина, увидевшая, как нехорошо поступил с маленьким ребенком юноша. Александр не ожидал, что его поступок вызовет горячее возмущение товарищей. Особенно близко приняли к сердцу это «глумление над человеком» (слова 15-летнего Виктора) те, кто проявил силу духа, настойчивость и несгибаемость, оберегая жизнь малышей во время метели. В разговоре с Александром его ровесники и старшие товарищи сказали:

«Для подлости не надо ни ума, ни храбрости. Подлец — это мерзкое существо, и всё».

«Ты вот что сделал: толкнул ребенка на край пропасти и злорадствовал: упадешь — для меня это будет развлечение».

«Смеяться над детскими слезами — это предательство».

«Ты должен был взять ее на руки, вынести туда, где нет сугробов, и никому не говорить об этом».

Проступок Александра стал духовным потрясением для коллектива, и это принесло нам большую радость. В отношении юношей, нравственность которых находится в процессе становления, в их возмущении, негодовании, в кипении страстей, в том, что все это приобрело стихийный характер, мы увидели моральное сознание в действии.

Мы не сомневаемся, что мораль лишь тогда становится деятельной силой, когда происходит столкновение проступка и поступка; на подлость молодые люди отвечают возмущением, негодованием, неприми-

римостью. Сложные и тонкие движения души, осуждающие проступок, сами по себе являются возвышенным поступком. Их роль в воспитании коллектива, в становлении нравственных убеждений неоценима. Возмущенные проступком Александра, юноши сказали, что не считают его своим товарищем и ему надо подумать, «показать себя»(это слова 16-летнего Михаила), чтобы заслужить уважение.

Столкновение благородства и подлости, когда нравственно яркий, возвышенный поступок побеждает убогость духа, моральное невежество, идейную пустоту, — в этом столкновении, в победе добра над злом я вижу ту самодеятельность коллектива, о которой так много говорится и которая во многих случаях пока является только мечтой. Претворить эту мечту в жизнь — истинное счастье для педагога. Это одна из вершин нравственного идеала. Достигнуть этой вершины мучительно трудно. Как к этому стремиться? Как добиться того, чтобы деятельность морального сознания стала подлинной самодеятельностью коллектива, чтобы нравственные убеждения жили, выражались, крепли, мужали в действии? Самое главное — жизнь коллектива всегда должна быть жизнью идей. Миссия воспитателя заключается в том, чтобы коллектив всегда был одухотворен стремлением к благородству, к нравственной красоте. Надо сеять в сознании детей, подростков и юношей зерна поступков, способных сражаться с равнодушием, бессердечностью, моральным невежеством, эгоизмом, чтобы сознание коллектива всегда было в состоянии готовности противоборствовать аморальному поступку, чтобы добро, заложенное в каждом юном сердце, сразу же выступило против зла, чтобы зло воспринято было как вещь нетерпимая, невыносимая. Учитель должен выступать в роли творца нравственных богатств, а не в роли человека, вынужденного постоянно сражаться с виновниками предосудительных поступков, заниматься разбирательством... Духовное состояние коллектива всегда должно находиться в столь стремительном движении вперед, чтобы проступок, порочащий идею, вызывал всеобщее возмущение, негодование. Представим себе, что все мы, коллектив, — хор, мы поем чудесную песню, наши души очарованы красотой того, что мы делаем, и вдруг перед нами появляется хулиган, своим кривляньем, ужимками, гримасами он хочет разрушить красоту, которую мы создаем. В наших сердцах кипит возмущение, кто-нибудь один из коллектива отбрасывает хулигана прочь, мы продолжаем свое дело, а возмутительный случай этот остается в памяти как досадное недоразумение.

Вот что такое жизнь идей. Это всеобщее творение благородного, прекрасного, возвышенного, всеобщая увлеченность, одухотворенность этим творением, осознание и переживание каждым в отдельности привлекательности, красоты этого творения. Жизнь коллектива — жизнь идей, я понимаю это так: хулиган, вздумавший разрушить творимую нами красоту, нетерпим и невыносим лично для меня, он мне не дает жить, я не могу оставаться спокойным, пока не будет преодолено зло. Моя нетерпимость и непримиримость к злу сливаются с таким же чувством моих товарищей, мы вместе составляем силу, под давлением которой виновник проступка чувствует себя очень неуютно. Это и есть активность морального сознания, его готовность к действию. Там, где

нет этой активности и готовности, коллектив оказывается безоружным перед злом, он не представляет собой силы, строго осуждающей зло, наоборот, он вынужден защищаться против неожиданных проступков. Как огня, бойтесь этого состояния защиты; не допускайте до того, чтобы вы вместе с коллективом оказались в осажденной крепости, против которой воюют злоумышленники. Добро превращается в слабого птенца, в мурлыкающего котенка, если оно защищается толстыми стенами от зла. Оно должно быть всегда в открытом поле, всегда наступать, зло должно трепетать перед добром и само искать неприступных стен для защиты.

Почему ученики плохо ведут себя, один за другим следуют предосудительные поступки, лучшие, дисциплинированные члены коллектива боятся поднять голос против зла, виновников которого они хорошо знают; в школе царит безнаказанность, у учителей опускаются руки, становится невыносимо трудно? Да потому, что обнаглевшее зло вышло в чистое поле, а добро укрылось и обороняется. По существу, при таком положении нет коллектива, потому что нет подлинной самодеятельности — *деятельности морального сознания*. Нет морали в действии. Понятие *нельзя*, представляющее собой очень важный элемент самодеятельности, из сферы идейной жизни коллектива перешло в заурядный инструмент, которым пользуется учитель, *нельзя* в его руках стало палкой, с помощью которой он вынужден преследовать злоумышленников. Вот почему нам бывает невыносимо трудно, уважаемые товарищи. *Нельзя* должно всегда находиться в сфере идейной жизни коллектива, быть твердым голосом совести каждого питомца. Чем глубже одухотворение идеей, которую вам удалось вселить в юные души, тем более строгим носителем *нельзя* становится каждый. Только переживая стремление к благородному и возвышенному, чувствуя личное счастье в связи с приобщением к благородному и возвышенному, человек понимает, что без нравственной узды, именуемой *нельзя*, невозможно жить ни мне, ни другим. Чем глубже одухотворение идеей, которую вам удалось вселить в юные души, тем более строгим носителем *нельзя* становится каждый. Только переживая стремление к благородному и возвышенному, чувствуя личное счастье в связи с приобщением к благородному и возвышенному, человек понимает, что без нравственной узды, именуемой *нельзя*, невозможно жить ни мне, ни другим. Чем глубже понимание этой истины, чем сознательнее относится человек к необходимости *нельзя*, тем больше непримиримости в его осуждении зла.

Постоянная одухотворенность идеей, постоянное стремление к возвышенному и красивому — вот с чего начинается деятельность морального сознания. Это же и начало активной роли воспитателя. Не надо организовывать никаких мероприятий с целью осуждения, если коллектив живет возвышенной идеей. Самое сильное осуждение — это *отношение* товарищей к человеку, *переступившему* ту черту, за которой начинается *нельзя*.

Если коллектив одухотворен идеей созидания, творения того, что дорого всем, каждый человек, оставаясь наедине с самим собой, осуждает себя даже за мысль посягнуть на дорогое. Все лето и осень, до

снега и начала настоящей зимы, у нас во дворе цветут хризантемы. Дети с любовью называют их *детьми осени*. Хризантемы наполняют осень радостными переживаниями, окрашивают взаимоотношения старших и младших, облагораживают чувство любви, рождающееся в юных душах. Хризантемы — предмет заботы всего школьного коллектива — и учеников, и учителей. Сколько сил вкладываем мы в то, чтобы вырастить цветы самых неожиданных раскрасок! Наши школьники говорят: хризантемы не только дети осени, но и наши дети. Мы не помним случая, чтобы кто-то сорвал цветок без надобности, просто так. Каждый знает, что на него посмотрели бы не только как на невежду. К тому, кто решился бы украдкой сорвать цветок хризантемы, каждый отнесся бы как к хулигану, бросившему комок грязи на чистую, белоснежную, вышитую цветами рубашку, в которую вложила много забот родная мать. В том-то и дело, что никто не сделает этого украдкой, втайне. Если на что-то понадобится цветок, сорвут вдвоем, втроем, посоветовавшись, нужно ли это сделать. Это достигается тем же: моральное сознание коллектива, образно говоря, постоянно питается животворными соками поступков, возвышающих благородство, красоту, готовность отдать свои силы для блага людей.

Если хотите, чтобы вам легко работалось, чтобы силой, воспитывающей детей, была духовная жизнь детей, объединяйте их деятельностью морального сознания, объединяйте поступками, в основе которых лежит благородство. Чем больше сил вложит каждый в эти поступки, тем в большей мере понимается и переживается мерзость проступка — даже самой мысли о том, чтобы переступить черту, за которой начинается *нельзя*.

Наш педагогический коллектив заботится о том, чтобы питомцы тонко чувствовали нравственные и эмоциональные оттенки слова. Чтобы в слове понимали и чувствовали поступок и, если поступок несет в себе что-то аморальное, осуждали его. Единственным словом можно опозорить и себя, и свою семью — учим мы детей, подростков, юношей и девушек. Словом своим ты заявляешь о своей нравственной чистоте или мерзости.

Однажды на стадионе подростки гоняли мяч. Весело было и беззаботно. Мимо стадиона шла бабушка с палочкой. Она слабо видела, шла медленно. Случайно кто-то ударил мяч так, что он выбил палочку из рук бабушки. Она остановилась, растерялась. Наклонившись, стала искать палочку. К ней уже бежали несколько человек, чтобы помочь и извиниться, игра приостановилась, и в это мгновение послышалось ироническое замечание, высмеивающее старость и слабости человеческие. Бабушка заплакала. Взяв палочку и не слушая извинений, она ушла, покачав головой. Подростки прекратили игру. Многие были удручены происшедшим, и только кое-кому казалось непонятным, почему оставили мяч. У подростков, устыдившихся проступка своего товарища, не хватило сил подойти к нему и сказать: что ты наделал? Чувствуя стыд, они пошли домой. А тот, кто сказал оскорбительные слова, отошел в сторону, сел на траву и сидел, недоумевая. Мяч перешел в руки маленьких детей, не слышавших оскорбительных слов старших и не видевших, как плакала бабушка. Учитель, узнавший об этом событии, долго думал, что же делать. У подростков еще явно не хватало сил на осуждение. Они доросли лишь до того, чтобы устыдиться. В таких случаях надо помочь увидеть зло и посмотреть на самих себя.

После уроков учитель пригласил подростков на окраину села. Сели на зеленой лужайке. У одной из беленьких хат на лавочке сидел седой, совершенно белый старик.

«Посмотрите на этого старика, — сказал учитель. — Такими будете и вы в старости. Человек этот семьдесят лет пахал землю и сеял хлеб; если бы не труд таких вот людей,

то не было бы на свете ни вас, ни отцов ваших. Вас тоже ожидает труд. Вы будете жить и трудиться для того, чтобы рождались и росли другие люди: народ бессмертен лишь потому, что есть труд и вечный круговорот поколений. В таких вот старых людях мы и видим бессмертие народа. Старых людей надо уважать как бесценное богатство народа. Тот, кто по глупости сказал оскорбительное слово о старике, должен в ноги поклониться оскорбленному; если же оскорбительное слово сказано со злым умыслом — это предательство».

Учитель ни слова не сказал о подростке, оскорбившем старую женщину. Но все думают о нем, и он думает о своем проступке. Такую цель и ставил перед собой учитель: чтобы каждый строго, требовательно взглянул на себя. Те, кто лишь устыдился и молчаливо ушел, тоже чувствовали, что они совершили проступок. Сделать вид, что я ничего не заметил, — тоже предательство. Кто из нас, воспитателей, не знает, что среди пороков, гневно осуждаемых юным сердцем, одухотворенным стремлением к моральному благородству, на первом месте стоит предательство! Убедите юного гражданина, что он стоит над пропастью, имя которой — предательство, и он не станет стыдливо опускать глаза перед подлостью. Пробудите это убеждение как можно раньше.

Учитель видит, что его питомцы, отвернувшись от мерзости вчера, теперь подняли глаза и посмотрели в глаза совершившему подлость. Учителю теперь можно уйти, и он уходит. Подростки сами осуждают подлость.

Много лет назад наш педагогический коллектив задумался над тем, что отдельные воспитанники проходят через детство, отрочество и раннюю юность, не сделав ни одного самостоятельного шага, требующего силы духа. Они никогда не нарушают дисциплину, не причиняют воспитателям беспокойства. Но пройдет год-два после того, как такой старательный ученик закончил школу, и его уже невозможно вспомнить: он безлик. И в жизни ему трудно: он теряется перед трудностями, оказывается бессильным там, где надо проявить самостоятельность. Присматриваясь к таким инертным, пассивным воспитанникам, мы пришли к выводу: они стоят в стороне от воспитательного влияния. Если человек ничем не выразил себя, не совершил ни одного поступка, требующего силы духа, он может оказаться в жизни духовно немощным, легко поддается толчкам, побуждающим пойти по неправильному пути. Мы увидели очень важную воспитательную задачу в том, чтобы в школе не было ни одного человека без мужественного поступка, чтобы каждый в чем-то конкретном, ощутимом проявлял силу духа, противостоял равнодушию, безразличию, безмятежности, невозмутимости, терпимости к злу. Нас страшила опасность воспитания оранжерейных людей, бережно укрытых от бурь и непогоды. Такое воспитание, по существу, сводится к тому, что наша сила духа — ум и воля воспитателей — уходит на то, чтобы уберечь человека от столкновений со злом: чем меньше выражает себя человек в противоборстве злу, тем беспомощнее он там, где надо проявить силу воли, настойчивость.

Мы стали думать над тем, чтобы каждый *незаметный,* «безвредный», безликий наш питомец в школьные годы совершил поступки, пробуждающие силу духа. Бывает так, что одного поступка достаточно для того, чтобы по-настоящему родился человек, но как раз без

этого поступка человек уходит из стен школы *неродившимся*.

Побуждение к мужественному поступку — это работа ума и воли воспитателя, требующая умения видеть безграничное поле, где можно пробудить в себе силу духа.

Пятиклассник Гриша — слабый, безвольный мальчик. В младших классах учитель был встревожен тем, что слишком уж часто приходилось защищать мальчика от обидчиков. Когда Гриша перешел в пятый класс, он уже не обращался за помощью, но тут открылось странное и тревожное обстоятельство: оказалось, что мальчик частично притерпелся к обидам, частично научился избегать столкновений с товарищами. Гришу перестали замечать; внимание и силы воспитателей отвлекали яркие, выразительные личности, проявляющие себя бурно и противоречиво. Но вот коллектив был взволнован неожиданным событием: Гриша ежедневно дает переписывать решенную задачу нерадивому в учении, но своенравному, сообразительному и находчивому в житейских обстоятельствах однокласснику Володе.

Безликость, инертность зашла слишком далеко, мальчика надо было спасать. Это была длительная и нелегкая работа.

Гриша живет в полутора километрах от школы. Из своего окна ему хорошо видны школьные окна. На одном окне стоит аквариум с рыбками. Зимой ночью и днем воду в аквариуме подогревает электрическая лампочка. Однажды Гриша сказал воспитателю: «Вечером я вижу свет в аквариуме. Однажды мне показалось, что я увидел, как плавают рыбки». Учитель задумался над этими словами, и ему пришел в голову интересный замысел. Завтра начинаются зимние каникулы. На дворе стоит лютая стужа.

— Гриша, — сказал учитель, — во время каникул ночью ты будешь оберегать рыбок от гибели.

— Как? — удивился мальчик.

— В школе ночью никого нет. Перегорит лампочка — и до утра рыбки погибнут. Тебе виден огонек в аквариуме. Погаснет огонек, — значит, надо сразу же идти в школу. Вот здесь лежит десяток запасных лампочек. Как их менять, ты знаешь.

Гришу и обрадовала, и смутила просьба учителя. Мальчик побаивался, сможет ли он отважиться на ночное путешествие. Но ему стыдно было показать свою боязнь, и он согласился. Учитель дал ему ключ от школы.

Начались каникулы. Сидит Гриша дома, смотрит в окно и любуется далекой звездочкой в школьном окне. Скоро полночь. Вдруг огонек погас. Гриша оделся и пошел в школу. Страшно идти, всё кругом спит, но не пойти — значит опозориться. Гриша замерз, пока пришел в школу. Открыл дом, в котором стоял аквариум. Вода уже была холодная. Гриша ввинтил новую лампочку, сказал тихо: «Грейтесь, рыбки». И ушел домой.

Еще через день снова перегорела лампочка. Снова пришлось идти ночью, во втором часу. Очень страшно было проходить мимо кладбища и старой церкви. Но зато как радостно было после возвращения из ночного похода! В течение каникул Грише пришлось пять раз ходить в школу, и всё ночью.

Мальчик стал бесстрашным. Он не боялся не только стужи и метели, но и Володи. Когда Володя сказал: «Давай тетрадь, перепишу задачу», Гриша ответил: «Сам решай». Володя показал из-под парты кулак. Гриша покачал головой и тоже показал кулак. После перерыва Володя пришел в класс взъерошенный, красный, как петух. Гриша пришел тоже раскрасневшийся, но спокойный. Что между ними было — никто не знает. Володя, «последний нахлебник в классе», как называл его учитель, стал сам решать задачи.

Для каждого, кто нуждается в пробуждении силы духа, мы находим *его* поле, где можно выразить, показать себя в противоборстве с трудностями. Мы не допускаем, чтобы хоть один человек остался в стороне от дорожки, имя которой — мужественный поступок.

43. КАК СОЕДИНИТЬ В ПОСТУПКАХ РЕБЕНКА «НАДО», «ТРУДНО» И «ХОРОШО»

Самая большая победа — это победа над самим собой. С детства учись повелевать собой. Приказывать самому себе, владеть собой учись с малого. Заставляй себя делать то, что надо, и должное станет для тебя желанным. Эта гармония — основа твоей дисциплинированности. Долг в действии — главный источник воли.

Если ты только умеешь подчиняться воле других — ты вырастешь бледной тенью человека. Настоящий человек умеет приказывать себе и умеет видеть те обстоятельства, где надо приказывать себе. Это и есть умение жить.

Ты станешь настоящим человеком лишь тогда, когда поймешь, что такое трудно. Если в детстве, отрочестве, ранней юности тебе все легко — ты можешь вырасти тряпкой. Легко только тому, кто не заставляет себя делать то, что надо. Слияние надо и трудно — это мудрость самовоспитания и путь настоящего человека. Определи сам себе, что надо и что ты будешь заставлять себя делать.

Не иди по легкому пути. Иди по самому трудному! Преодоление трудностей возвышает человека. Тот, кому нестерпимо трудно и кто преодолел трудности, совсем по-другому — по-взрослому — видит мир и понимает людей. Знание людей — это особая и особенная человеческая мудрость, для ее постижения нет уроков в расписании. Мудрость эта постигается только тем, что в душе твоей сливается надо и трудно. Овладевай даром знания людей! Это предостережет тебя от многих опасностей и неожиданностей. В знании людей самое главное — строгая требовательность, уважение и учет возможностей человеческой личности. Нетребовательный не может ни ценить, ни уважать, ни дорожить человеком.

Поставь над тобой и сто учителей, они будут бессильны, если ты сам не можешь заставить себя и требовать от себя. Если человека заставляют учиться другие, заставляют трудиться другие, заставляют быть хорошим сыном своих родителей и хорошим отцом своих детей другие, такой человек становится чужеродным телом для общества, дух и сущность которого — в творчестве.

Это поучение касается самовоспитания — одной из трудных и сложных сфер духовной жизни коллектива и личности. Серьезным недостатком воспитательной работы является то, что многие учителя только заставляют, но не побуждают человека к тому, чтобы он сам себя заставлял. Поистине парадоксально то, что быть хорошим заставляют другие, а тот, для кого быть хорошим должно представляться благом, страшится, избегает, уклоняется, опасается хорошего, как тяжести и неприятности. Это затрудняет воспитание, а по отношению к отдельным личностям делает его просто невозможным. Непонимание воспитанниками сущности того хорошего, к чему учитель, по существу, принуждает, разобщает волевые силы воспитателя и воспитуемых. Воспитанникам кажется, что у них одни интересы, а у воспитателя — совершенно другие. Отсюда неверие и недоверие какой-то части школьников и педагога. Отсюда — трудности в организации хоро-

ших и нужных дел, без успешного выполнения которых учитель не может быть полноценным воспитателем. Там, где нет самовоспитания, педагогам работать очень трудно, и с каждым годом все больше дел оказываются невыполненными и кажутся вообще невыполнимыми. Если в школе преобладает форма «з а с т а в и т ь», учителя — бывает так, к сожалению, — вообще теряют веру во многие идеи и теоретические положения, на которых построена педагогика. Это уже принадлежит к области самого печального, что можно себе представить в школе; опасность печального здесь усугубляется тем, что никто не видит в этом ни опасного, ни печального; в коллективе возникает мысль: т а к только в теории мыслится, практически же это неосуществимо.

Миссия воспитателя заключается в том, чтобы научить детей, подростков и юношей стремиться к хорошему, заставлять себя *думать хорошо,* делать хорошее, быть недовольным собственной инертностью и ленью души. Силы духа своих питомцев нам надо побуждать к тому, чтобы им хотелось быть хорошими и чтобы это хотение стало их желанным трудом. Там, где это удается делать, первым помощником воспитателя в мучительно трудном деле воспитания становится сам воспитанник, он делит с вами тяготы и трудности воспитания, сочувствует вам и жалеет вас, приходит к вам на помощь.

Как же практически *подступиться* к этому, с чего начинать, как подготовить почву к этому поучению?

Главное, по-моему, в том, чтобы в детском сознании хорошее не отождествлялось с приятным и тем более легким. Пусть с малых лет человек поймет, что хорошее — плоды труда, творение рук и ума. Хорошее — это трудное. Даже наслаждение красотой природы не дается без труда.

У нашего колхозного агронома — пятилетний сын. В летнюю пору, как только начинает рассветать, отец будит сына: «Вставай, Сережа, пойдем *искать* красоту».

Сын быстро встает, одевается, и они идут в поле. Небо на востоке бледнеет, становится голубым, потом розовым, звезды угасают. Откуда-то с далекой нивы поднимается серый комочек и несется в вышину. Вдруг серый комочек вспыхивает, как огонек, среди лазури, и в это мгновение отец с сыном слышат изумительную музыку. Как будто над полем кто натянул серебряную струну, и огненная птичка, прикасаясь к ней крылышками, рассыпает над полем волшебные звуки. Сын затаил дыхание. Ему пришло в голову: а если бы мы спали, жаворонок все равно пел бы?

— Тату, — тихо прошептал мальчик, — а те, кто сейчас спит, не знают этой музыки?

— Не знают, — шепотом ответил отец.

— Какие они бедные...

Все летние каникулы до осени мальчик работает в поле. Поднимается на полчаса раньше отца и выходит на окраину села: специально для того, чтобы услышать песню жаворонка, увидеть восход солнца. Потом сын с отцом идут в степь, целый день работают каждый на своем месте, а вечером находят друг друга, чтобы, возвращаясь вместе домой, наблюдать, как мерцают звезды, и слушать тишину.

Я твердо убежден, что сила духа человека начинается с постижения красоты: думающая, созидающая, умеющая повелевать своими поступками и властвовать над собой личность рождается одновременно с осознанием и переживанием того, что трудное прекрасно. Слияние *надо* и *трудно,* без которого немыслим сильный духом человек, способный побеждать свои слабости, переживать торжество победы над

самим собой, — это слияние начинается в духовной жизни маленького человека с того, что он, преодолевая большие трудности, создает красоту. Творение красоты — источник тех сил, благодаря которым человек заставляет себя быть хорошим.

Творение, созидание прекрасного — понятие очень широкое, у него тысячи граней. Творить красоту не всегда означает, засучив рукава, копать землю лопатой. Маленький сын агронома, просыпаясь в три часа утра, спешит в поле, чтобы увидеть, как серый комочек, вспорхнувший с нивы, превращается в *огненную птицу,* — это тоже труд, созидающий красоту, да еще какой нелегкий труд.

Трудное становится желанным, потому что, только испытав трудное, маленький человек понимает, как великолепно быть хорошим. В воспитании перед нами открываются самые неожиданные зависимости. Тысячами нитей связаны такие вещи, как сила духа, труд, красота, самовоспитание. Только при том условии, когда каждая из этих граней воспитания и воспитанности сияет собственным светом, становится видимой и красивой другая грань. Без труда нет силы духа, без творения красоты нет труда, без силы духа, основанной на труде и творении красоты, нет самовоспитания и самодисциплины. Взаимное влияние этих вещей творит *идеал* — умение человека видеть цель своей жизни и борьбы, умение представить свое созидание и самого себя в будущем.

Во всем процессе воспитания исключительно важной вещью является формирование такой направленности духовных сил человека, чтобы он представлял себе будущее: во имя чего *надо* трудиться. Превращая мертвый пустырь в плодородную почву, наш воспитанник одухотворяется мыслью о том, что на месте пустыря будет цветущий уголок, и в этой сотворенной красоте он видит себя в будущем. Заставить себя делать то, что *надо*, способен лишь человек, одухотворенный идеалом; идеал же — дитя труда, красоты, силы духа, самовоспитания и самодисциплины. Я твердо убежден, что инертность, безразличие к труду (и к учению — это очень сложный и напряженный труд) имеет своим источником неумение воспитателя открыть перед своим питомцем *великолепие будущего.*

Каждому поколению своих воспитанников, вступающих в пору отрочества, когда — в условиях правильного воспитания интеллекта, мировоззрения, идеалов — человек начинает серьезно задумываться над смыслом своего бытия, я рассказываю сказку «Вол и Садовник». Аллегорические образы понятны даже маленьким детям, потому что смысл аллегории передает близкий им мир труда и духовной жизни человека. Я испытываю глубокую радость, когда 11—12-летние дети размышляют о труде и красоте, о цели жизни и человеческих ценностях. Но одной сказкой нравственных убеждений и устремлений не утвердишь. Для того чтобы одухотвориться мыслью о будущем, человек должен иметь *прошлое.* Уже у маленького ребенка, переступающего порог школы, должно быть прошлое — имеются в виду моральные ценности. Воля, сила духа, способность заставить себя — все это измеряется богатствами той кладовой, имя которой — личный труд в прошлом, созданная собственным трудом красота. Заставить себя задуматься над будущим, одухотвориться представлениями о собственной

красоте в будущем может лишь тот, кто гордится своим прошлым, видит материальные результаты собственного труда, воплощающие его дух, волю, настойчивость. Передо мною питомцы — 11-летние дети, которым я рассказываю сказку о Воле и Садовнике. Я всматриваюсь в глаза детей, стоящих на пороге отрочества, вижу их горячие, восторженные глаза. Зная, каким *прошлым* дорожит и восторгается каждый ребенок, я еще раз убеждаюсь, какую огромную роль в становлении человека играет единство *надо* и *трудно*.

Один мальчик в четырехлетнем возрасте посадил маленькое деревцо того чудесного сорта, который в народе называется райской яблонькой. Плоды созревают поздней осенью. Несколько дней в классе праздник: Юрко приносит товарищам изумительно красивые яблоки. Долго лежат они и на окнах в классе, и дома, напоминая о красоте труда. Как ярко загораются глаза у Юрко, когда я рассказываю сказку о Воле и Садовнике! И в то же время меня тревожат тусклые, равнодушные глаза мальчика, у которого за душой нет никаких моральных ценностей. Ему нечем дорожить и восторгаться, не к чему прикладывать мерку ценностей, которой, в сущности, всегда является то идеальное, о чем мы рассказываем для того, чтобы воспитать человека.

Чем старше воспитанник, тем больше у него должно быть воспоминаний: преодолев трудность, сделав то, что казалось недостижимым, я пережил радость. Из этой радости и складывается сила духа. Эти радости являются крупинками, из которых создается камень мужества. Нравственное богатство, сложившееся в подростке, юноше, девушке благодаря тому, что трудное пережито как радостное и стало желанным, формирует ту духовную сердцевину личности, которую следует назвать мужеством многолетнего труда. Нельзя представить себе полноценную, счастливую жизнь, если человек, в течение десятилетий выполняя один и тот же труд, остается на одном и том же уровне нравственного развития. Счастье многолетнего труда — это постоянное обогащение нравственного достояния личности — только при этом условии можно говорить о мужестве трудовой жизни. Наш педагогический коллектив стремится к тому, чтобы недостижимое становилось для подростка полем испытания духовных сил. Делая недосягаемое достижимым, человек учится повелевать самим собой. Мы особенно озабочены тем, чтобы каждый подросток, напрягая силы духа, изумлялся собой, восторгался, видел себя как бы со стороны: это сделал я, значит, во мне таятся силы, о которых я и сам не знал. Поехать на тракторе в поле при двадцатиградусном морозе, поработать несколько часов, нагружая сено на сани, привезти корм на ферму — все это кажется совершенно непосильным, если не решиться испытать свои силы. В нелегком труде они не только испытываются, но и рождаются. Воспитание было бы неполноценным, если бы каждый не прошел через такой труд — обязательно в годы отрочества, потому что юность становится духовно богатой лишь тогда, когда у нее уже есть моральный капитал.

Я считаю необходимым, чтобы *уровень притязания* в ранней юности — на самой ее заре — становился неизмеримо выше, чем в годы отрочества. Мужественную юность надо ковать в детстве и особенно в отрочестве. Педагогическая техника требует, чтобы отрочество было насыщено упражнениями по повышению уровня притязания: пусть

каждый подросток замахивается на то, что кажется недостижимым, пусть проявляются при этом сумасбродная храбрость и отчаяние — это во сто крат лучше молчаливого повиновения и той опасной дисциплинированности, когда человек ничем не заявляет о себе. Отрочество таит в себе неисчерпаемые силы, они буквально рвутся наружу — не дайте им вырваться поступками, поражающими старших убогостью и ограниченностью желаний! Пусть эти силы выражаются в стремлении достигнуть вершины, кажущейся недостижимой. Нельзя ожидать ранней юности, когда, по мнению многих воспитателей, человек может по-настоящему проявить себя! В юности человек уверенно сидит в седле лишь при условии, когда в годы отрочества ему не запрещали прикоснуться к горячей шее лошади. Пусть подросток смело садится на лошадь, упадет — не беда: поднимется — сядет с большей уверенностью. Пусть в весеннюю ночь просыпается 10-летний мальчик и идет в плодовый сад — посмотреть, не угрожает ли заморозок цветущим деревьям. Пусть 13—14-летний подросток садится за руль трактора и вспахивает поле — надо только нам, воспитателям, подумать, как организовать этот труд и предотвратить несчастные случаи. Пусть 10-летние дети берут специально построенную для них машину и косят ею хлеб на учебно-опытном участке, на настоящих машинах, тоже сконструированных для детей, пусть обмолачивают убранный урожай, очищают зерно. Пусть берут на себя ответственность вырастить зимой в школьной теплице несколько тонн зелени на корм телятам и ягнятам для животноводческой фермы колхоза. Пусть знают, что никто, кроме них, эту работу не сделает и, если они не возьмутся за дело по-настоящему, телятам и ягнятам нечего будет есть.

Провести человека через детство и отрочество по пути изумления собственными силами — в этом кроется наша педагогическая мудрость. Там, где есть изумление и восторг, есть и неудовлетворенность. Человек безграничен в своих стремлениях, и, чем выше становится уровень его притязаний, тем глубже испытывает он недовольство достигнутым. В этом чувстве заложен тот кажущийся крошечным стимул, который открывает перед человеком понимание того, что *надо, трудно* и *хорошо* — из одного корня.

44. КАК УЧИТЬ ЧУТКОМУ И ТАКТИЧНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Будь терпим к отдельным человеческим слабостям и непримирим к злу. Терпимость и непримиримость — очень важные элементы духовной культуры, которыми тебе надо овладеть для того, чтобы ориентироваться в бесконечно сложном мире человеческих страстей и характеров. Терпимость, душевная мягкость должны сочетаться в тебе с твердой непримиримостью, несгибаемостью и бескомпромиссностью. Со слабостью можно мириться, снисходя к ней и умея подняться выше ее, со злом надо быть беспощадным.

Иногда надо уметь делать вид, что не замечаешь человеческих слабостей у своих ближних, особенно у стариков, — в этом выражается твоя нравственная воспитанность. Человек — сложнейший мир: в нем может быть не только доброе или злое, полезное или вредное для окружающих, привлекающее или отталкивающее, но и странное, удивительное, труднопостижимое. Слабости нередко превращаются в зло — это превращение зависит от того, куда идет моральное развитие людей, проявляющих слабость. Воспитывая сам себя, не допускай превращения слабостей в зло. Умей предостеречь против этого превращения и товарища. Соприкасаясь с людьми, умей заметить тот момент, когда слабость вырождается в зло. Если найдешь в себе духовные силы и способы правильно и тактично вмешаться в жизнь другого человека, попробуй предотвратить это вырождение. Не удастся — для тебя это будет жизненный урок, ты станешь более мудрым в воспитании самого себя. Помни, что доброта и безоговорочная терпимость могут выродиться во всепрощение; безоговорочная нетерпимость — в капризность и произвол; безудержное самолюбие (т. е. самолюбие, не умеющее видеть своих слабостей) — в себялюбие и самообольщение; привычка к праздному времяпрепровождению — в лень и нерадивость, кажущаяся невинной чрезмерная ласка к ребенку — в попустительство и потакание злу; осторожность — в боязливость и трусость; нерешительность — в слабоволие, духовную пустоту, перестраховку, отсутствие собственных убеждений; бережливость — в скупость и жадность; щедрость — в расточительство; постоянное недовольство чем-то и кем-то — в неуважение к святыням; чрезмерное внимание к своей личности — в эгоизм; недоверчивость — в болезненную подозрительность; чрезмерная зоркость на плохое и слепота по отношению к хорошему — в демагогическую болтовню и нытье; невозмутимость — в равнодушие; разговорчивость — в болтливость, хвастовство, нескромность; излишнее любопытство — в бестактность и склонность «рыться в чужом белье»; склонность легко влюбиться и так же легко разлюбить — в распущенность; легкомыслие, допустимое в отдельных случаях, — в вероломство; стремление к первенству во всем — в гнусную привычку считать себя лучше других, к зазнайству и неуважению к духовному миру другого человека; чуткость и чувствительность — в слезливость и склонность искать виновника там, где произошло несчастье без чьей бы то ни было вины.

Проявляй терпимость, чуткость, такт по отношению к слабостям, которые имеются у стариков. Будь терпим к слабостям больных людей. Не всё, что ты говоришь своему ровеснику, можно говорить в присутствии старого или больного человека. У отдельных людей есть физические пороки и недостатки — к этому надо быть особенно терпимым и снисходительным.

Есть люди, которые, работая честно и самоотверженно, достигают весьма посредственных, заурядных успехов. Считать такого человека неполноценным и тем более выпячивать перед ним свои значительные успехи и достижения — бестактно, нескромно и непорядочно.

У отдельных людей личная жизнь почему-либо складывается неудачно. Умей чувствовать и понимать особую ранимость такого челове-

ка; знай, что, если ты выставляешь напоказ свое счастье и благополучие, не всегда это доставляет радость твоему ближнему. Скромность и мера в радостях и благополучии — очень ценная черта, свидетельствующая о твоей порядочности.

Особенно большое внимание мы уделяем тому, чтобы дети, подростки, юноши и девушки были терпимы, снисходительны и, если можно так сказать, мудро чувствительны к слабостям, появляющимся у людей в старости. Беседы с детьми о старости и стариках — это, на мой взгляд, исключительно важные уроки мудрости и человеческого достоинства. По тому, как ты умеешь держать себя по отношению к старому, слабому, нередко бессильному человеку, как ты относишься к старости как к беде человеческой, я, воспитатель, делаю вывод о том, какой ты человек вообще и чего удалось мне достигнуть в твоем воспитании. Неумение молодости прикасаться к старости, постоянно соседствовать, чутко и мудро уживаться с ней — огромная беда, на которую общество наше должно вообще обратить больше внимания, чем обращается до сих пор. Только старость с ее мудростью и огромным жизненным опытом, с ее особенным и только ей доступным ви́дением человеческого может утвердить в молодом человеке отдельные черты порядочности и человеческого достоинства. Но старость — еще раз подчеркиваю — это не только мудрость, но и беда, а к беде необходимо особенное человеческое участие.

Человек, духовная жизнь которого с детских лет соседствует с этой ни с чем не сравнимой бедой — старостью, приобретает исключительно важную нравственную черточку — я бы назвал ее тонким человеческим ви́дением неизбежных слабостей и чувством нетерпимости, непримиримости к вырождению слабости в зло. Мы учим детей и советуем им: делите свои радости с бабушкой и дедушкой, в праздники будьте с ними, пусть не смущает вас то, что в жизни старых людей коечто вам кажется странным и непривычным, — такие же странности будут и у вас, когда вы станете стариками. Многолетний опыт убеждает, что умение ребенка уживаться со старостью рождает и развивает благородные качества души. Доброта ребенка, уважающего старость с ее мудростью и слабостями, становится огромной силой души. Это исключительно важно: чтобы доброта была сильной, волевой, несгибаемой, настойчивой.

Нет сомнения, что самое надежное лекарство от многих слабостей, рождающихся от неизбежной беды — старости, — это преданность, искренность, доверие. Старые люди очень чутки к тому, что им дает сердце другого человека. Доброту они оплачивают огромными внутренними усилиями, направленными на то, чтобы сгладить свои собственные слабости. Как большого зла, надо опасаться детской нетерпимости к слабостям старых, слабых, одиноких, больных людей. Эта нетерпимость — ядовитые ягодки, вырастающие из цветочков эгоизма, себялюбия. Неуживчивость с человеком только из-за того, что у него есть маленькие слабости, рождается чаще всего там, где взрослые стремятся создать для детей некую стерильную, «улучшенную» среду, ограждая детей от того, что заботливому и любвеобильному взрослому нередко кажется непосильным для детской души. Возмутитель-

ными являются попытки отдельных родителей отделить детей от стариков, а стариков от детей. Стремление оградить маленького человека от слабостей человеческих калечит, извращает душу.

Человек может стать счастливым лишь тогда, когда он с малых лет живет в мире забот, тревог, беспокойства, огорчений. Уважать в человеке его сложный, зачастую противоречивый и кажущийся нам странным мир — это значит учить будущего гражданина видеть самого себя и относиться требовательно к самому себе. Я тысячу раз убежден, что не может стать надежным и верным мужем и отцом (так же, как и женой и матерью) тот, у кого в детстве и отрочестве человеческие слабости ничего, кроме брезгливости, не вызывали. И настоящая любовь недоступна человеку, не понимающему истинной природы человеческих слабостей, потому что любовь — это в определенной мере идеализация. Идеализация же требует большой мудрости, огромного умения отдавать силы своей души для того, чтобы совершенствовать любимого человека и, делая совершеннее его, самому стремиться к идеалу, — всё это связано с искусством постоянного преодоления слабостей и недостатков. Мне тысячу раз ясно, что подавляющее большинство разводов по причине «несходства характеров» — результат элементарной невоспитанности с детства, эгоистического отношения к слабостям человеческим, своим и чужим: в чужом глазу и соринка заметна, в своем не видно и бревна... Большую мудрость проявляют родители и учителя, умеющие тактично наказывать, ограничивать за брезгливое, нетерпимое отношение к человеческим слабостям.

Огромных духовных сил требует от воспитателя труд, необходимый для того, чтобы ребенок не только жалел людей, имеющих физические недостатки, сочувствовал им, но и сознательно оберегал в себе, лелеял нежное, хрупкое чувство — деликатность. Это чувство я бы назвал дитём совестливости и уважения: маленькому человеку должно быть совестно проявлять любопытство по отношению к тому, кого обидела природа или изуродовал несчастный случай. Несколько лет мои воспитанники дружили со стариком, лицо которого было обезображено во время аварии в шахте. Сочувствие горю заставляло детей быть деликатными и сдержанными, пробуждало мысль о том, что в жизни может быть непоправимое горе, необратимое несчастье. Мне не давала покоя мысль: насколько сильными окажутся эти мысли и чувства, если жизнь неожиданно столкнет моих питомцев с совершенно новой личностью, нуждающейся в участии, жалости, сострадании? Когда такой случай с горбатой девочкой произошел, то класс выдержал испытание.

45. ЧТО ТАКОЕ ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И КАК ЕГО ВОСПИТЫВАТЬ

Есть такое тонкое и нежное, сильное и мужественное, неприкасаемое и несгибаемое понятие — достоинство человеческой личности. В жизни человек соприкасается с красотой и подлостью, радостью и горем; в его духовной жизни бывают часы торжества и часы страдания; душу его по-

трясает всепоглощающая любовь и чувствование мерзости; бывают такие повороты и стечения обстоятельств, когда необходимо отказаться от удовольствия и пойти на жертву; во имя блага родного, близкого человека, особенно блага жены и детей, надо возвыситься силой своих мыслей, убеждений над чувствами и эмоциональными порывами.

Всё это требует достоинства. Надо с достоинством жить, трудиться, пользоваться материальными и духовными благами, на которые ты имеешь право, с достоинством переживать радости и огорчения, с достоинством болеть и встречать свой последний час. В самых трудных обстоятельствах, даже когда жизнь кажется невозможной, нельзя переступать ту черту, за которой кончается властвование разума над нашими поступками и начинается темная стихия инстинктов и эгоистических побуждений. Береги, утверждай, развивай, возвышай свое человеческое достоинство. Корень твоего достоинства — в благородных убеждениях и мыслях. Человек потому и называется homo sapiens, что мыслью своей он властвует над любыми возможными в его жизни порывами, стремлениями, желаниями.

Достоинство — это мудрая власть д е р ж а т ь с е б я в р у к а х. Благородство твоей человеческой личности выражается в том, насколько мудро и тонко ты сумел определить, что д о с т о й н о и что н е д о с т о й н о. Достойное должно стать самой сущностью твоей духовной культуры, недостойное пусть вызывает у тебя презрение и омерзение.

Понимание низости, мерзости, уродливости, пошлости н е д о с т о й н о г о должно стать чертой твоего характера.

Я считаю исключительно важной воспитательной задачей выработать у каждой личности (подчеркиваю, достоинство является сферой глубоко личной) своеобразное мировоззрение, выражающее взгляд на достойное и недостойное. Поскольку человеческое достоинство является умением держать себя в руках, с малых лет в сознании маленького гражданина надо утверждать убеждение о мерзости недостойного. Это убеждение — самый драгоценный нравственный иммунитет, не позволяющий человеку унижаться, терять благородство, совесть, честь, моральное мужество.

В практике воспитательной работы нашей школы за многие годы выработались нравственные правила о *Девяти недостойных вещах*, унижающих человека. Мы утверждаем в сознании детей мысль о мерзости, недопустимости ряда поступков. Только на основании мысли, убеждения крепнет чувство презрения к недостойному. Слияние мысли и чувства утверждает ценную моральную черту личности — брезгливость к недостойному в своем собственном поведении, активное стремление к достойным поступкам, возвышающим человека; готовность, несмотря ни на что, действовать так, как подсказывают собственные убеждения о достойном и недостойном.

Вот *Девять недостойных вещей,* на презрении к которым строится убежденность и эмоциональный мир нравственно порядочного, духовно красивого человека.

Недостойно добывать свое благополучие, радости, удовольствия, спокойствие за счет притеснения, неустроенности, огорчения, беспо-

койства другого человека. Не давай себя в обиду, но и других не обижай — для воспитания этого убеждения у нас есть ряд поучительных рассказов и сказок, которые заставляют детей задумываются над гармонией человеческих отношений. Каждому поколению маленьких школьников я рассказываю быль о Любви с закрытыми глазами.

Мы стремимся к тому, чтобы в детском коллективе царствовала гармония благополучия, радости, счастья. Благополучие одного ребенка не должно ущемлять благополучия другого. Маленький человек не должен замыкаться в скорлупе своего счастья. Идеал мы видим вот в чем: счастливый переживает угрызения совести от того, что его сверстник лишен счастья. Это переживание — очень чувствительный уголок детской души, в котором таится тонкое чувство достоинства. Подлинное достоинство не может быть самодовольным, спокойным, безразличным к тому, что делается в сердце другого человека.

Недостойно оставлять товарища в беде, опасности, проходить равнодушно мимо чужого горя, огорчения, страдания. Нравственная глухота и слепота, одеревенение сердца — один из самых мерзких пороков. Чувствование чужой беды и понимание того, что остаться в стороне от этой беды мерзко и гадко, — одна из основных линий всей воспитательной работы. У меня есть несколько ярких рассказов, доступных сознанию и эмоциональному миру детей, в которых раскрывается гнусность и непорядочность безразличного отношения к чужой беде. Коллектив проходит школу благородных поступков, которые воспитывают мировоззрение, взгляды на взаимоотношения, возвышают мысли, делают изящными и красивыми чувства. Достойное приносит радость, а недостойное вызывает резкое осуждение, негодование коллектива.

Многолетний опыт убеждает: вряд ли что-либо другое с такой силой духовно объединяет коллектив, как общее презрение к эгоисту, решившему остаться в стороне, когда коллектив выручает товарища из беды.

Воспитание достоинства на отношении к беде играет очень большую роль в школьной жизни, в связи с тем что большой бедой в учении являются неудачи в овладении знаниями. Очень важно, чтобы в отставании товарища, в его плохих отметках дети видели беду, сочувствовали ей, не оставались равнодушными к тому, что в классе есть неудачники. Ни о каком полноценном моральном воспитании не может быть и речи, если в коллективе есть школьник, которого привыкли считать безнадежным, ни к чему не способным и который сам не чувствует беды своего положения. Если дошло до этого (а в школах, к сожалению, такие ситуации не являются редкостью), сердца многих учеников могут стать как медные котелки. В учении, в овладении знаниями должен господствовать дух сочувствия, сопереживания, взаимопомощи. Чем тоньше, нежнее, духовно богаче отношение к незнанию как к беде, тем искреннее желание отстающего стать успевающим, тем острее осуждается нерадивость. Каждый слабенький, трудно успевающий ученик должен находиться в богатых, многогранных духовных отношениях со своими товарищами — это одна из очень важных закономерностей воспитания человеческого достоинства. Мы стремимся к тому,

чтобы эти отношения были проникнуты чистосердечным желанием помочь товарищу и ответным чувством благодарности за помощь. Сочувствие беде неуспевающего облагораживает отношения в коллективе и — что имеет очень большое значение — направляет духовную энергию умственно развитых, способных учеников в благородное русло. Духовные отношения сильных и слабых в умственном развитии учеников — это еще совершенно нетронутая педагогическая целина.

Недостойно пользоваться результатами труда других, прятаться за чужую спину. Это сфера очень тонких духовных отношений, связанных и с учением, и со всем строем жизни коллектива и личности. Быть тружеником — честь, быть нахлебником — бесчестье. Воспитание такого взгляда мы считаем средоточием убеждений, на основе которых формируется гражданин. Очень важно, чтобы первым изумлением, первым откровением, пережитым человеком, была мысль: это сделал я своими собственными усилиями, этого достиг я своим разумом. Большого воспитательного мастерства требует оказание помощи слабому, несообразительному, несмышленому. Какой бы необходимой ни была помощь, она должна задевать самолюбие того, кому помогают. У маленького человека надо развивать стремление в конечном счете избавиться от помощи. Быть слабым зазорно — такое убеждение стремится утвердить мастер-воспитатель у слабого. Напряжение мысли, поиск, самостоятельное решение задачи — плодородное поле, на котором можно вырастить людей, сильных духом. Если сравнить умственный труд на уроке с полноводной рекой, то ее стержнем, наиболее сильным и неудержимым ее течением является волевая активность каждого ученика. Учитель становится подлинным мастером-воспитателем только тогда, когда он, видя в этом стержне достоинство личности, постоянно оберегает и питает в каждой юной душе горячее желание постигнуть всё собственными усилиями, пережить гордое чувство пловца, одолевшего стремнину познания. То, что мы часто называем царством мысли, и есть дух этой гордости. Только там, где этот дух незримо витает над головами подростков, юношей и девушек, списывание и шпаргалки считаются недостойными настоящего человека. С малых лет воспитывайте в человеке повелителя собственных мыслей.

Презрение к лени, безделью, нерадивости, отвращение к нахлебникам и великовозрастным иждивенцам — эти ценные черты морального облика воспитываются там, где физический труд одухотворяется высокими идейными побуждениями, насыщается мыслью. По самой сущности своей достоинство формирующегося человека — это закладка его трудового корня. Достоинство немыслимо вне труда, преодолевшего трудности и поднявшего маленького человека хотя бы на маленькую вершину гордости: в этом труде — мои силы, мой ум, мое творчество.

Недостойно быть боязливым, расслабленным; позорно проявлять нерешительность, отступать перед опасностью, хныкать. Боязливость и нерешительность рождают трусость, подлость, предательство. Храбрость и отвага — источники мужества. Там, где опасно, я должен быть первым — такое нравственное правило наш педагогический коллектив стремится сделать нормой поведения. Осуществление этого

правила требует определенных условий, в которых надо совершать мужественные поступки. Найти эти условия в жизни или создать их — очень тонкая вещь: воспитатель отвечает за жизнь и здоровье питомца. Я считал бы воспитание тепличным, если бы уже в детстве каждый мой питомец не отважился влезть на верхушку самого высокого дерева, переплыть реку, пойти среди ночи в лес и найти там палку необходимой толщины или оставленный кем-нибудь из товарищей во время похода компас, снять с крыши птенца, вылезшего преждевременно из гнезда и застрявшего среди черепичной кровли, в снежную метель проводить домой маленького, беззащитного ребенка — только так его можно научить храбрости и отваге. В мужественных поступках всегда есть риск, но без мудрого отцовского риска вообще невозможно воспитание. Искусство прикосновения к юному сердцу в том и заключается, чтобы найти, казалось бы, единственное в жизни мгновение, предназначенное для того, чтобы, одухотворенный перспективой мужественного поступка, Ваня или Коля проявил силу духа. Жизнь настолько богата и сложна, что мгновений таких — бесчисленное множество, их надо только заметить и не уклониться от испытания воли.

Проявление храбрости, отваги, решительности, бесстрашия перед опасностью, стойкости — ни с чем не сравнимое состояние духа, накладывающее отпечаток на весь облик человека, рождающее в нем истинное благородство. Я убежден, что только в храбрости и отваге человек по-настоящему выражает и познает сам себя. Только мужественный, бесстрашный поступок сохраняет на всю жизнь тонкую чувствительность сердца и мысли к чужой беде, горю, несчастью, нуждающимся в защите и участии. Храбрость и отвага, решительность и мужество — самое сильное противоядие, закладывающее в юную душу неодолимый иммунитет против подлости. Храбрость — это искра, зажигающая огонек честности и рыцарского отношения к долгу. Благородные мотивы, побудившие к мужественному поступку, как бы озаряют сознание человека мыслью о том, что проявить слабоволие, пойти по самому легкому пути — значит заслужить презрение со стороны товарищей. Благородная храбрость — это, образно говоря, тончайший резец, творящий подлинную человеческую красоту. Я знаю десятки человеческих судеб, становление которых приводит к выводу, что храбрость, отвага, решительность, мужество оттачивают особое отношение к труду: человек считает унизительным легкомыслие и слабоволие в выполнении того, что трудно. Настойчивость и сила воли в труде — плоды, вырастающие из цветов мужественных поступков детства.

Я всегда заботился о том, чтобы в коллективе царила атмосфера презрения к боязни, расслабленности, нерешительности, хныканью. Это исключительно важная черта духовной жизни, определяющая благородство взаимоотношений и являющаяся источником сил, необходимых каждому для самовоспитания. Только там, где царит атмосфера презрения к малодушию, маленький человек способен переживать стыд перед самим собой. Дух презрения к боязливости и расслабленности является также уздой, удерживающей человека от эгоистических поступков. Там, где презирается страх и малодушие, где подленькое «моя хата с краю» осуждается со всей строгостью, эгоизм всегда нахо-

дится под яркими лучами солнца, ему некуда прятаться.

Как же добиться, чтобы этот дух царствовал во взаимоотношениях членов коллектива? Самое главное — чтобы не было упущено ни одно мгновение, когда кому-то надо проявить храбрость, отвагу, решительность. Воспитатель должен быть чутким к обстоятельствам, требующим храбрости.

Недостойно давать волю потребностям и страстям, как бы освободившимся из-под контроля человеческого духа. Тебе хочется есть или пить, отдохнуть или согреться у костра — в этом нуждается твое тело, но не забывай, что ты человек! Удовлетворяя свои потребности, ты должен проявлять благородство, сдержанность, выдержку. Это не только скромность. Это нечто более высокое и значительное: властвуя над своими потребностями и страстями, ты возвышаешь свою духовную сущность.

Каждому поколению детей, вступающих в пору отрочества, я рассказываю быль о Благородном Путнике. Три дня шел человек безлюдной степью. У него не было пищи, только фляга воды, из которой он пил по капельке, утоляя жажду. Его мучил голод. Наконец Путник добрался до человеческого жилья. Люди приветливо, радушно встретили его. Под тенистой яблоней накрыли стол, поставили вкусную пищу. Но Путник не сразу сел за стол, потому что он человек. Вместе с хозяином жилища он пошел за водой к колодцу, расположенному среди зеленого луга. Хозяин пожаловался: родники в колодце засорились илом, а у него нет сил почистить колодец. Путник почистил колодец, а потом сел за стол. Он съел тарелку супа и маленький кусочек рыбы. Сколько ни упрашивал хозяин Путника, чтобы тот ел и набирался сил для дальнейшего путешествия, Путник больше не ел.

Детей надо учить властвовать над желаниями, потребностями, страстями.

После утомительного похода по горячей, раскаленной степи мы вошли в лес. Вот журчит родник. Всем хочется пить. Но Учитель учит детей быть сдержанными. Дети садятся, отдыхают. К воде пока никто не идет. Дело не только в том, что все разгоряченные и холодную воду пить не очень полезно. Учитель учит: «Представьте себе, все мы набросились на воду… Может дойти до того, что лбы друг другу разобьем. Это унизительно для человека. Вода от нас никуда не уйдет. Пусть напьются сперва девочки». Девочки одна за другой пьют воду. Потом утоляют жажду мальчики. Рослый сероглазый Толя почему-то не идет пить. «Тебе не хочется воды?» — спрашивает учитель. Толя отвечает: «Хочется, но не очень. А еще больше хочется быть настоящим человеком». Учитель улыбается. Он рад: Толя принялся за самый нелегкий труд — воспитывает себя.

Воспитывая сдержанность, великодушие, выдержку, учитель утверждает в юных душах ценное нравственное качество — интеллигентность, дисциплину воли, высокую культуру взаимоотношений. Дети учатся уступать друг другу. Приготовив в лесу обед, расставив на белой скатерти тарелки, они не спешат занять места. Каждый стесняется быть здесь первым.

Особенно важно, чтобы воспитанник с малых лет считал недостойным показать свою слабость, усталость, бессилие в труде. У тебя может не остаться ни капли физических сил, тебе уже трудно передвигать ногами или держать лопату в руках — но ты человек! Пока у тебя есть сила духа, до тех пор никто не должен даже подумать, что ты изнемогаешь от усталости. Эту черточку духовной жизни мы считаем очень важным условием полноценного нравственного воспитания. Годы и

годы детям внушается мысль: позорно оставить работу, ссылаясь на усталость, почетно оставить работу последним. У настоящего человека сила духа властвует над физическими силами.

Недостойно молчать, когда твое слово — это честность, благородство и мужество, а молчание — малодушие и подлость. Недостойно говорить, когда твое молчание — честность, благородство и мужество, а слово — малодушие, подлость и даже предательство. Как много говорит о достоинстве человека его умение быть мудрым властелином слова, мастером, владеющим этим тонким человеческим инструментом! Вся система воспитательной работы рассыпалась бы в прах, если бы маленький человек не считал достоинством открыто, перед лицом коллектива, или наедине учителю — если для этого есть основания — сказать о том, что он совершил предосудительный поступок. Я считаю исключительно важным воспитание у ребенка презрения к собственному малодушию, слабоволию, страху перед ответственностью. Предосудительный поступок может быть ошибкой, малодушие же нечто более опасное, чем ошибка. Эту мысль я стремлюсь утвердить в сознании ребенка так, чтобы она окрашивалась чувством непримиримости к собственной подлости. Среди тончайших проблем воспитания нравственности одной из наиболее тонких и хрупких является проблема воспитания ответственности перед собственной совестью. Я стремлюсь к тому, чтобы человек, совершивший предосудительный поступок, сам наказывал себя муками совести, чтобы собственное малодушие лежало на его душе камнем, освобождение от которого переживается как большое облегчение. Маленькому человеку должно быть легко не оттого, что ему удалось утаить предосудительный поступок, а оттого, что он нашел в себе мужество освободиться от этой позорящей тайны. Очень важно, чтобы уже в детстве человек на собственном опыте пережил это очистительное облегчение.

Но здесь есть одно очень важное условие; если оно не соблюдается, не может быть и речи о честности, благородстве, мужестве, о презрении к малодушию. «Нет большего преступления, как подшивать действиям ребят плохие мотивы», — писала Н. К. Крупская (*Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 11 т. Т. 3. М., 1959. С. 343). Чтобы побудить ребенка к мужественному слову, не надо наказывать за ошибки, оплошность, опрометчивость, неосмотрительность. Щедро разбрасываясь наказаниями, воспитатель сеет малодушие, из которого в конце концов пробиваются ростки подлости.

Если ты совершил предосудительный поступок, учу я детей, мужественно *сознайся* и сам придумай себе наказание. Наказывают виновника для его же пользы. Вот и подумай над тем, как принести себе самую ощутимую пользу — улучшить самого себя.

Я учу детей: **храни тайну, которую доверили тебе друг или подруга. Есть множество вещей, о которых нельзя говорить во всеуслышание. Благородное молчание — тоже своеобразное мужество. Выставить напоказ то, что должно быть достоянием внутреннего мира дружбы, — значит опуститься ниже человеческого достоинства.** Болтовня ведет к предательству.

Недостойно настоящего человека не только лгать, лицемерить,

пресмыкаться, подстраиваться под чью-то воля, но и не иметь собственного взгляда, потерять свое лицо. Омерзительно и гадко наушничанье: оно хуже предательства. Наушничать, доносить на товарища равносильно выстрелу в спину. Здесь мы вступаем в сферу очень тонких человеческих отношений, благородство и чистота которых во многом определяют моральный облик человека на всю жизнь. Чтобы воспитывать мужество слова и мужество молчания, воспитателю самому надо быть благородным и мужественным. Надо уметь уважать собственный взгляд, убеждение маленького человека, особенно подростка, даже тогда, когда не всё в его поведении кажется нам понятным и оправданным. Подавить, сломить взгляд, убеждение — в принципе этого достигнуть можно, однако результатом будет подлость. Я помню шестиклассника, отказавшегося посещать уроки физкультуры. Можно было придумать наказание, которое сломило бы волю подростка, но заодно были бы сломаны и его убеждения. Оказалось, что учитель физкультуры оскорбил подростка, а чувство оскорбления в этом возрасте настолько сильно, что становится собственным взглядом, убеждением подростка; нельзя сломить это убеждение, не сломив души, достоинства, чести.

Человек со сломленными взглядами и убеждениями становится жалким. Он духовно опустошается. Он готов согласиться со всем, что ему говорят, лишь бы его не трогали, не нарушали его спокойствия и не посягали на его благополучие. Он искусно подстраивается под мнение того, кто повелевает его трудом, поведением. Он старается угодить сильному и уязвить слабого. Он не способен на благородные движения человеческой души — участливость, сочувствие, сострадание. Ломать личные взгляды и убеждения — это значит ожесточать человека.

Недостойно легкомысленно бросаться словами, давать невыполнимые обещания. Одну из очень тонких граней подлинно человеческого характера, которую оттачивает воспитатель, я вижу в том, чтобы питомец был личностью кристально чистого и твердого слова. Для этого необходимо воспитание в юной душе того, что я назвал бы *благородством воли*. С малых лет человека надо учить ставить перед собой цели, направленные на самовоспитание, самосовершенствование. Пусть эта цель вначале будет, казалось бы, незначительной; но человек не должен жить *впустую*; им должно двигать *стремление*; достижение цели пусть приносит ему радость и гордость. Одна из наиболее хрупких и трудно уловимых вещей в нашем трудном деле — одухотворять стремлениями. Стремление — совсем не то, что желание. Желания рождаются и в ленивой душе; чем больше желаний ребенка удовлетворяют старшие без напряжения его духовных сил, тем меньше волевого благородства в его жизни. Стремления же связаны с тем, что человек заставляет сам себя, дает себе обещание, ставит перед собой требование. Осознавая стремление как собственную волю, человек постигает очень важную истину: настоящее человеческое слово всегда *трудное* — в том смысле, что оно немыслимо без труда души.

Считайте своей благородной миссией то, чтобы маленький человек постиг эту истину. Лишь в этом случае он дорожит своим словом и по-

нимает, что бросать его на ветер — это значит нарушать данное самому себе обещание. В практике своей воспитательной работы я добиваюсь того, чтобы каждый мой питомец стремился жить богатой, полнокровной духовной жизнью: читал, овладевал знаниями, которые ему не надо «выкладывать» учителю, был любопытным, испытывал постоянно чувство неудовлетворения в связи с тем, что есть множество интересных вещей, которых я еще не знаю. Одухотворение стремлениями становится реальностью, когда сегодня достигнуто то, что считалось недостижимым вчера. В душе человека царствует полновесная мысль — самое сильное противоядие от легкомыслия. Если вам удалось поднять человека на эту вершину духовного развития, он никогда не произнесет легковесного слова, не отважится на невыполнимое обещание.

Воспитывайте коллектив так, чтобы в духовной жизни, в той игре неисчислимого множества граней интересов, стремлений, истинных потребностей, которая характеризует богатство прикосновений человеческих миров, богатство взаимоотношений, чтобы в этой игре не было *пустословия*. Душа болит, когда, знакомясь с работой школы, видишь, как в шелухе пустословия теряются крохи мудрости, целеустремленности. Как страшного бедствия, бойтесь слов, ничего, по существу, не выражающих, ни к чему тонкому и сокровенному в человеческой душе не прикасающихся, никуда не зовущих и никаких глубоких мыслей не пробуждающих. Каждое слово, звучащее в стенах школы, должно быть продуманным, мудрым, целеустремленным, полновесным и — это особенно важно — обращенным к совести живого, конкретного человека, с которым мы имеем дело. Пусть всё в школе задумывается и осуществляется так, чтобы не было обесценивания, инфляции слов, а, наоборот, чтобы цена слова постоянно возрастала. Детским, игрушечным вещам не надо давать громких наименований, которые нередко даются, порождая легкомысленное отношение к слову и пустословие (например, работает обычный детский кружок, а именуется он почему-то Малой академией наук... с горем пополам создается родительский ликбез, которому присваивается громкое наименование университета). Не надо принуждать детей давать трескучие и, по существу, невыполнимые обещания («Будем учиться только на «отлично» и «хорошо»!»), не надо расхваливать за труд, к которому не приложено серьезных усилий.

Школьное пустословие просто развращает человека, рождая у него лень мысли, нерадивость души. В атмосфере пустословия ребенок становится невоспитуемым. Неимоверно трудно учителю работать там, где крохи мудрости теряются в шелухе пустословия. Школа должна быть святым местом, где царствует честное, правдивое, твердое, мужественное слово. Это один из краеугольных камней воспитания человеческого достоинства. Я считаю очень важной гранью духовной жизни коллектива: у детей с малых лет должно утверждаться презрение к пустому слову. Если кто-нибудь пытается «отвертеться» пустым обещанием, я предостерегаю коллектив и того, у кого уже открылся рот для «честного слова»: «Лучше помолчим. Подумаем. Самое главное — *научимся стремиться*». С тем, кого поразил червь пустословия,

приходится терпеливо, настойчиво работать, обучая искусству стремления.

Недостойна чрезмерная жалость к самому себе, как и безжалостное отношение, равнодушие к другому человеку. Недостойно чрезмерное преувеличение личных огорчений, обид, бед, страданий. Недостойна слезливость. Человека украшает выдержка.

Воспитателю надо уметь видеть определенную опасность в том, что у отдельных воспитанников слезливость переходит из детства в отрочество и раннюю юность. Такому человеку нелегко жить, он теряется при соприкосновении с настоящими трудностями. Ребенка надо уметь утешать; наша святая миссия — осушить слезы маленького человека и вызвать его улыбку, но здесь идет речь не о слезах, вызванных настоящим горем, настоящим страданием.

В детских слезах — рассказ без слов, как бы воспоминание о пережитом страдании. Ребенок ожидает от вас ласкового, нежного прикосновения к его душе. К этому ожиданию, к этой надежде нельзя быть безучастным — бойтесь этого как большой своей неудачи. Если я говорю о том, что недостойна чрезмерная жалость к самому себе, я имею в виду длительный процесс становления выдержки и стойкости. Если ребенок идет к вам в надежде на то, что вы разделите его душевную боль, надо боль разделить, мудро приласкать, но вместе с тем извлечь урок для того, чтобы жалость к себе не поглощала всех духовных сил ребенка, не превращала его в плаксу и неженку. Чрезвычайной склонности жалеть себя надо мудро противопоставлять участливость к судьбе других людей.

«Плакать от боли недостойно настоящего человека. Тебе больно, а ты держись, не ослабляй души, будь выдержанным и стойким». Это слова, сказанные учителем в трудную для ребенка минуту: во время прогулки в лес девятилетний мальчик неудачно прыгнул с дерева и сломал ногу. Бинтуя сломанную ногу, учитель говорил: «Мужчина, плачущий от боли, вызывает неприятное чувство. Надо быть мужественными, выдержанными, стойкими, несгибаемыми. В жизни вашей еще всё будет. Готовьте себя духовно и к ране на поле боя, и к пятидесятиградусному морозу, и к стокилометровому маршу без передышки».

Атмосфера стойкости, выносливости, несгибаемости — это, образно говоря, свет, при котором маленький человек видит истинные ценности в своем поведении. С малых лет я воспитываю у детей убеждение: слезы от собственной боли — позор, выдержка — доблесть.

Пусть ребенок, подросток плачет от другого, пусть знает благородные, возвышающие слезы. Пусть из мальчишеских глаз упадет на родную землю скупая, горячая мужская слеза, когда вы рассказываете ему о страданиях мучеников Бабьего Яра и Освенцима — эта слеза не расслабляет, а воспитывает настоящего мужчину. Нас не удивляют слезы седого, мужественного человека, слушающего прекрасную музыку. Пусть знает наш питомец и эти благородные слезы.

Когда человек плачет, мы имеем дело с не постигнутыми еще наукой тайнами духовного мира личности. Я считал бы, что не дошел до глубин, до самых сокровенных уголков сердца моего питомца, если за десять лет его пребывания в школе никогда не увидел его слез. Слезы

— это душевные страдания личности, тонкость мироощущения. Тот, кто не знает душевных страданий и потрясений, — просто чурбан, пустопорожнее, бездушное существо, не достойное высокого имени человека. Душевные страдания — это показатель высокой культуры духа, явственное выражение того, что человек умеет строить образ самого себя на фоне той среды, которая его окружает.

Недостойно быть спокойным и невозмутимым, когда рядом с тобой трудно женщине.

О том, какую роль играет культура подлинно человеческого отношения к женщине в мире этических ценностей, мы еще будем говорить не раз. Это настолько важный вопрос, что можно сказать без преувеличения: добрая половина всех усилий, которые мы прилагаем к тому, чтобы воспитать настоящего человека, — это забота о благородном, возвышенном отношении мужчины к женщине. Многие вещи маленькому ребенку еще не могут быть растолкованы. Начинать надо с самого элементарного: чувствования мерзости бездушного, бессердечного отношения к женщине. Я стремлюсь донести до сознания детей, мальчиков в первую очередь, ту мысль, что в женщине воплощено величие рода человеческого. Ее высокое предназначение сопряжено с огромным трудом. Ей несравненно труднее, чем мужчине. Она не «слабый пол», но существо, нуждающееся в заботе и защите не потому, что она слабая и беззащитная. На особую заботу и защиту она имеет право потому, что она сильная, мужественная, но ей очень трудно. Эту трудность должен делить с ней мужчина. «Если ты слышишь слово *женщина,* сознание твое, вся душа твоя пусть будут проникнуты тревожной заботой: чем я должен помочь? — учу я своих питомцев уже в ту пору, когда они в состоянии понять истину: я рожден женщиной. — Женщина имеет особое право на то, чтобы мы, мужчины, на каждом шагу облегчали ее жизнь, уже потому, что она женщина. Быть спокойным и невозмутимым, когда женщине трудно, — позорно. Долженствование в нашей жизни, по существу, начинается с того, что каждый из нас, мужчин, обязан матери своим бытием, счастьем. Равноправие мужчины и женщины в нашем обществе предполагает, что мужчина не имеет права брать себе труд полегче, а женщина имеет особое право на более легкий труд — опять же не потому, что она слаба, а потому, что ей по сравнению с мужчиной неизмеримо труднее. Без понимания того, что женщине труднее, немыслимо рыцарское отношение к женщине».

В духовной жизни детей должна утвердиться и постоянно переживаться мысль о том, что их коллектив состоит из мужчин и женщин. Семилетний мальчик станет настоящим мужчиной в будущем лишь тогда, когда он понимает и чувствует, что он и сейчас мужчина. Это станет реальностью только тогда, когда в школе вся жизнь проникнута духом благородного отношения к женщине. Примером детям стараемся быть мы, учителя и родители. Мы всегда берем на себя нелегкий труд, давая возможность своим коллегам-женщинам заниматься более тонкими, хрупкими, сложными делами, которые, по существу, всегда труднее, чем любое наше напряжение. Если когда-нибудь в воскресенье или после уроков школьному коллективу приходится уча-

ствовать в воскреснике (например, по уборке урожая в колхозе), работают только мужчины-учителя. Если мужчин-педагогов не хватает, на помощь приходят мужчины-родители. Мы были бы по меньшей мере бессовестными, если бы женщине, занимавшейся несколько часов с детьми, позволили идти вместе с нами, мужчинами, работать в поле. У семейного очага, у детской колыбели, рядом с сыном или дочерью, нуждающимися в матери больше, чем в чем бы то ни было, женщина выполняет общественную миссию неизмеримо выше, чем на колхозной плантации, куда она, бывает, вынуждена идти со школьниками ломать кукурузу. Мы считаем воспитательным идеалом то, чтобы с малых лет во взаимоотношениях мальчиков и девочек звучала поэма, между строк которой читается мысль: девочка — моя будущая жена и мать моих детей (вслух высказывать эту мысль не надо). Это поэма о верности и порядочности. С первых шагов сознательной жизни ребенок привыкает к мысли: причинить огорчение, боль, обиду маленькой женщине — мерзко, непорядочно. Тот, в чью душу с детства вошло это нравственное богатство, будет обладать бесценным даром — даром человеческой любви и верности.

Недостойно пьянство и чревоугодие. Алкоголь и человек так же несовместимы, как разврат и верность. Алкоголь затуманивает сознание и освобождает инстинкт, низводя человека до скотского состояния. Я считаю исключительно важной миссией школы утвердить в юной душе презрение к этой мерзости. Самое главное в этой воспитательной работе — богатство духовных интересов, человеческая гордость мыслителя. Самым большим счастьем, роскошью, наслаждением для ребенка, особенно для подростка, юноши должно быть общение с хорошей книгой, чтение, мышление. Презрение к затуманиванию сознания воспитывается также тонким пониманием и чувствованием прекрасного — в природе, в искусстве, в человеческих отношениях. Наш идеал — красота должна стать мерилом собственного достоинства, чтобы наслаждение и красота слились воедино. Чем тоньше понимание и чувствование прекрасного, тем глубже отвращение ко всему грубому, животному, инстинктивному.

Нетерпимость к пьянству зависит также от характера духовного общения, в которое ребенок входит, познавая товарищество и дружбу. Это большая воспитательная проблема, о которой тоже можно написать целую книгу, — проблема красоты, нравственной чистоты, духовной полноты и насыщенности общения между личностями в годы детства, отрочества и особенно ранней юности. Нас очень заботит и волнует: что ищет человек в человеке? Что несет человек человеку? Какими радостями насыщено духовное общение? Насколько насыщено это общение мыслью и красотой? Что является красной нитью требовательности человека к человеку в этом общении? Мы видим огромную опасность в том, что, идя к другому человеку, человек надеется найти спасение от скуки, что и само общение вызвано стремлением рассеять скуку. Там, где в общении — пустота, появляется тяготение к рюмке, сознание отравляется мерзкой мыслью о том, что якобы в отравлении мозга и выражается настоящий мужчина. Пустота и скука рождают нетребовательность и всепрощение, в испарениях алкоголя

мрачным призраком появляется мысль: мне всё позволено.

Душа человеческая не должна быть пустой; в свободном времени юная душа должна видеть прежде всего вместилище для деятельной красоты. Тяготение к прекрасному и отвращение к уродливому — самое сильное противоядие от алкоголя.

46. КАК ВОСПИТАТЬ СОЗНАТЕЛЬНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К ДОБРУ

Ты живешь в мире, где есть благо, добро и зло. Величайшее благо твоих отцов, твоего народа, твоего Отечества, а поэтому и твое личное благо — это победивший в твоей стране социализм и строительство коммунизма. Ты рожден в обществе, не знающем угнетения человека человеком, в свободном обществе, покончившем с человеконенавистническим принципом: человек человеку — волк. Благо социалистической жизни, а именно то, что все богатства Отечества принадлежат всем трудящимся; то, что, работая на благо своего соотечественника, ты творишь общее и свое личное благо; то, что в нашем обществе человек человеку — друг, — воспринимается тобой как само собой разумеющаяся истина, как вещь, которая достается тебе по наследству от старших поколений. Да, быть наследником блага социалистических отношений не только великое счастье: для этого требуется и твоя огромная нравственная цельность, твоя дальновидная мудрость — мудрость, способная видеть прошлое, настоящее и будущее. Твоя гражданская мудрость должна постигнуть то, что благо социализма, завоеванное кровью и неисчислимыми страданиями наших дедов и прадедов, — это прочная основа добра. Благо социализма дано нам для того, чтобы торжествовало добро. С первыми проблесками твоего сознания, с первыми понятиями и мыслями об окружающем мире в твою голову и в сердце входит идея добра. Маленький, еле сумев сделать свой первый самостоятельный шаг, увидев, как кто-то обижает старика, и старик предстает перед тобой удрученный горем, — ты уже знаешь и ты лепечешь на своем детском языке: так не должно быть! Так не будет! Это несправедливо! Добро восторжествует! Ты идешь к маме, идешь к старшему брату искать защиты добра и попранной справедливости, ты уже знаешь, что там, где есть зло и несправедливость, есть виновник, который ответствен за свой поступок. Увидев расточительство ценностей, созданных людьми для людей же, ты возмущаешься: так не должно быть и не будет! Ты еще сам не в состоянии бороться с попранием добра, но ты уже чувствуешь, что в обществе нашем есть могучая сила, способная запретить зло. У тебя уже есть смутное представление о том, что на защите добра в нашем справедливом обществе стоит благо — социалистический строй. Со временем это представление превращается в твой сознательный взгляд, в твое убеждение.

Идея добра становится как бы частицей твоего существа, она неотделима от твоих мыслей, взглядов, убежденности. Идея добра — это мерка, с которой ты подходишь к объяснению и оценке человеческих отношений вокруг себя. Твое нравственное воспитание и самовоспитание в конечном счете зависят от того, насколько прочно утвердилась в твоем

сознании, в твоем бытии, в практике твоей жизни идея добра. Ты должен стремиться к тому, чтобы она была недремлющим стражем твоей совести, побудителем твоей моральной несгибаемости, духовной стойкости, идейного мужества. Твое сознание и — это исключительно важно — твоя воля должны четко разграничивать в жизни то, что должно быть, что заслуживает одобрения, и то, что заслуживает возмущения, непримиримости, запрещения. Идея добра — это не отвлеченная истина, вкладываемая в твою душу старшими поколениями. Под добром разумеется практика человека, писал В. И. Ленин. Добро заключается в том, что мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195). Добро не красивый, но слабый и беззащитный цветок. Добро — это оружие в борьбе за торжество идеи справедливости, это наша деятельность, наша воля, наш труд, наша непримиримость к злу. Само утверждение идеи добра в твоем сознании как мерки твоего подхода к человеческим отношениям немыслимо без твоей волевой активности. Добро — это мысль, помноженная на волю, только при этом условии в результате мы получили непримиримость к злу, а это и есть самая сущность добра. Если ты т о л ь к о видишь расточительство общественных ценностей и ничего не делаешь, чтобы эти ценности были в сохранности и преумножались, идея добра в твоей душе превратится в добренького мурлыкающего котенка, а с такой сердцевиной ты сам будешь беззащитным против зла. То, что должно стать нравственным средоточием твоей личности, — моральная чистота, благородство, непримиримость к злу — зависит от того, как идея добра становится твоим убеждением, сущность твоей души — твоей органической потребностью применять на каждом шагу мерку оценки того, что происходит в мире.

А в мире есть не только добро, но и зло. Есть зло социальное — угнетение человека человеком в капиталистическом мире, тайная подготовка великих злодеяний — уничтожительных войн, которые могут уничтожить человечество — задумайся над этим! — или отбросить его на тысячелетия к дикости и варварству. Пока существует в мире это зло, наша мерка добра, с которой мы подходим к любому явлению нашей повседневной жизни, должна быть особенной. Каждой частицей своей души ты должен ненавидеть социальное зло и быть готовым к схватке с ним. Ты не безвестная, бессильная пылинка, а могучая сила. Уже то, что наш народ един в своих убеждениях, является непреодолимым могуществом социалистического государства. Идеологи империализма стремятся растлить души советских людей, особенно молодежи. Они делают ставку на тебя, сидящего сегодня за партой. Как об огромной победе своей они не перестают мечтать о том, чтобы ты был безразличен, равнодушен к политике, чтобы твою душу не трогало, что делается в твоем государстве и за его рубежами. Потому что человек с пустой душой, добру и злу внимающий равнодушно, — это уже не борец за добро и не защитник великого блага нашей жизни — социалистических завоеваний. Идея добра должна жить в твоей душе, быть готовой ежеминутно измерить всё, что делается в любом, самом отдаленном уголке нашей планеты. Мир гражданского бытия так называемого маленького человека неизмеримо расширился.

Есть и наше внутреннее зло — м о р а л ь н о е з л о. В социалистическом обществе нет социальных корней морального зла, но порок этот живет и нередко процветает. Он многолик. Это убийство, человеконенавистничество, предательство, насилие над личностью, воровство, лицемерие, обман, вероломство, малодушие, низость. Ученые много думают над тем, где корни морального зла, питающего преступность, правонарушения, распад семьи, горе детей. Выяснение этих причин не является непосредственным предметом нашего исследования, однако надо указать на очень сложную, непрямую зависимость морального зла от зла социального. Зло, как обобщенное представление о безнравственных, заслуживающих осуждения явлениях, поступках, чертах людей, будет существовать всегда, цель воспитания заключается в том, чтобы, нравственно совершенствуясь, человек в своих отношениях с другими людьми преодолевал моральные корни и начала зла. Будучи активным, деятельным членом советского общества, участвуя в деятельности его политической организации — пионерской, комсомольской, ты должен знать, что конкретные выражения зла — трусость, равнодушие, проступок, преступление, злодеяние — порождаются не только злой волей, злонамеренностью, но и безволием, казалось бы, полной безучастностью, пассивностью. Зло потому и живуче, что оно произрастает там, где спит добро. Чтобы человек стал плохим, не надо прилагать особенных к тому усилий, но сделать хорошего человека — о, это требует дьявольски напряженного труда! Зло начинается с элементарного нравственного невежества, с этической неграмотности, с того, что человек на определенном этапе своего развития не выучил азбуки человеческой культуры и поэтому стал опускаться в болото дремучего морального невежества. Вот почему этическое воспитание приобретает в нашем обществе социальный, политический смысл; от того, как ты относишься к другому человеку, какие чувства к матери, отцу несешь в своем сердце, зависит, каким гражданином ты станешь, как подготовлен ты духовно к служению Отечеству.

Эти поучения с первого взгляда кажутся абстрактными, и у читателя может возникнуть сомнение: можно ли в такой форме доносить истины этической образованности и культуры до сознания детей, подростков, юношей и девушек? Многолетняя практика глубоко убедила меня в том, что именно так и надо говорить с маленьким человеком, если вы, воспитывая, хотите видеть в сегодняшнем несмышленыше завтрашнего гражданина, труженика, защитника Родины, отца, мать. Уже в сознании 7—8-летнего ребенка должны быть первые очертания абстрактной моральной идеи о том, „что такое хорошо“ и что заслуживает одобрения; сознательное стремление к добру и достижение сознательно поставленных целей — заметьте, поставленных собственным умом, собственной волей — должно уже в этом возрасте приносить человеку наивысшее, ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения, полноты жизни. Я убежден, что именно в этом возрасте особенно необходимы и слово учителя о добре, призыв к добру, и добро как жизненная практика, и благородное беспокойство, тревога, взволнованность маленького ребенка по поводу того, что рядом с ним что-то не так, как должно быть, и искренняя радость по поводу того, что благо-

даря его заботам мир изменился к лучшему.

Но есть одно условие, строго необходимое для того, чтобы можно было даже с детьми говорить об этих отвлеченных, абстрактных вещах и эти вещи доходили до их сознания и волновали их сердца. Не будет соблюдено это условие, всё этическое воспитание окажется построенным на песке (большая беда в том, что многие хорошие вещи строятся на песке: впустую тратятся силы педагога, приходит неверие в педагогику, в силу воспитания, душой овладевает разочарование, теряется перспектива). Это условие заключается вот в чем. В сознании человека, которого мы воспитываем, должна быть видимой нить, связывающая его личные материальные и духовные блага с всеобщим благом нашего народа — социалистическим строем, справедливыми отношениями между людьми. Связь эта не должна представляться односторонне: в нашей стране — социализм, уже одно это дает мне право на счастье. Речь идет о понимании более сложной связи: социализм лишь для того благо, кто трудится. Социализм понятен и дорог как величайшее благо лишь тому, кто знает, что такое трудно, что такое напряжение, усталость, пот, мозоли. Благо свободного труда как творчества открывается лишь перед тем, кто добровольно, с радостью отдает свои духовные силы труду как делу трудному. Этические поучения доходят до ума и сердца того, кто воспитывается в труде. Тысячи раз в школах повторяются слова «трудовое воспитание». В этих словах кроется большая неточность. Говорить так — все равно что толковать о горячем огне или холодном льде. Воспитание только тогда и воспитание, когда оно трудовое. Без труда оно превращается в нелепость. Человек с малых лет должен познавать трудовую цену материальных благ; если с этого начинается познание окружающего мира, то сознание маленького человека с первых же шагов своего становления включает в себя активное отношение — отношение к людям, к труду, к тем же материальным и духовным ценностям, и лишь постольку, поскольку оно есть активное отношение, оно и есть сознание; только с сознательным человеком можно говорить о добре и зле, он кровно, лично заинтересован в том, чтобы торжествовало добро и порицалось зло.

Очень большой зрелости ума, большого терпения воспитателя требует введение маленького человека в мир материального изобилия. Сколько соблазнов для того, чтобы делать не то, что надо, должно, требуется, а лишь то, что хочется. Если маленького человека пустить по этой соблазнительной дорожке, материальное изобилие приведет к духовной нищете. Истинная сущность удовлетворения желаний как радости бытия постигается только трудом — только тогда, когда приходится преодолевать трудность.

Мы нисколько не опасаемся перегрузок, если 11—12-летний мальчик, поднявшись в постели рано утром, сразу же идет на работу и трудится несколько часов; он и наработается, и отдохнет, почувствует усталость, поймет, что жизнь без труда омерзительна. Глух и нем к самым мудрым словам о добре, к самым горячим призывам творить добро тот, кто видит и пользуется огоньком счастья, не зная, как он зажигается. Счастье вовсе не в том, чтобы получить его в готовом виде,

а в мучительно трудной дорожке, которую надо пройти, чтобы создать счастье. Утверждая в юных сердцах идею добра, зорко следите за тем, знают ли ваши питомцы эту дорожку. Тот, кто не знает, — несчастный человек! Тот, кто сам прошел ее, добр потому, что поистине счастлив.

Постижение идеи добра, умение измерять мир единственно точной меркой морального идеала и быть непримиримым к злу — всё это неразрывными узами связано с трудом, счастьем и долгом.

Органическое слияние в юной душе труда, счастья и долга — вот что является непременным условием тяготения к добру, искреннего восхищения творением добра и отвращения, нетерпимости, непримиримости к злу. Труд вступающего в жизнь человека не должен быть только повинностью, обязанностью; если это так — в прах рассыпаются все наши построения насчет идеи добра. Труд должен быть счастьем — только так можно утвердить в юном сердце идею добра как активную жизненную практику. Далеко не достаточно то, что питомцы ваши выполняют определенную норму трудовой нагрузки. Вдумайтесь, постигните, что они думают и чувствуют при этом, как относятся к той единственной дорожке, которая ведет к счастью, — к дорожке труда. В юные годы труд должен сопровождаться только чувствами одухотворения, вдохновения, иначе не будет никакого воспитания. Нет этих светлых чувств, нет переживания счастья труда, и происходит очень опасное явление: выполнение долга человек рассматривает как принесение в жертву собственного счастья. Добро только тогда становится необходимой для меня меркой собственного бытия, когда в моей душе живет гармония личного счастья и долга. Малейшая мысль о жертвенности пагубна для нравственной чистоты и порядочности молодого человека. Очень осторожно используйте в воспитательной работе факты истинного жертвования жизнью во имя высоких идеалов.

Коллективу девятиклассников предстояло выполнить несложную и, в сущности, нетрудную работу — копать картофель на колхозном поле. Для того чтобы вдохновить юношей и девушек, воспитатель стал рассказывать о подвиге огненного тракториста — комсомольца Николая Грибова, сгоревшего во время пожара при спасении первого целинного урожая. Это прием — гибельный для утверждения идеи добра в юных душах. Нельзя стрелять из пушек по комару. Надо дорожить святынями.

Героизм — священное понятие, высокое состояние души; нельзя приравнивать к героическому подвигу обычное дело. О святынях надо говорить и мечтать, к героизму надо духовно готовить, но пусть огонь героического зажигает юное сердце только в тех обстоятельствах, когда от человека действительно требуется самопожертвование. Героизм труда как высшая ступень творения добра — это совершенно особое состояние и порыв всех сил и устремлений человека; героизм труда требует всей человеческой жизни, а не выработки какой-то нормы за сезон.

Идея добра не любит громко кричать о себе, добро как нравственная мерка и нравственное состояние души — очень скромная и стыдливая вещь. Подлинная мудрость воспитания заключается в том, чтобы, утверждая идею добра, уметь поменьше говорить о добре, давать клятвенных обещаний и т. п. В годы детства, отрочества и ранней юности

происходит постоянное нравственное становление, непрерывная перестройка понятий, представлений, мыслей, убеждений, отношений. Ни об одной нравственной черте, состоянии, особенности нельзя сказать в эту пору: вот уже всё завершилось. В школьные годы всё устремлено в будущее, всё находится в состоянии самопроверки, конечно, при условии правильно поставленного воспитания. Нельзя создавать в юной душе иллюзию побед и завершений.

Чем больше неудовлетворенности в своих взаимоотношениях с окружающим миром чувствует молодой человек, тем лучше; важно только, чтобы эта неудовлетворенность была стремлением к идеалу и не превращалась в демагогическое хныканье.

Для того чтобы в юной душе царствовала гармония труда, счастья, долга, чтобы активное стремление к добру пронизывало духовную жизнь коллектива и личности, необходима еще одна очень важная вещь: *человек должен быть хозяином своей воли.* Воля, напряжение духовных сил — вот источник, из которого человек черпает способность дорожить благом, творить добро, бороться против зла. Я считаю исключительно важной закономерностью воспитания то, чтобы воля отдельных членов коллектива сливалась в яркий труд, создающий добро и красоту. Причем об этом труде не надо ничего особенного говорить — пусть он сам по себе доставляет радость, это — главное. Чем сильнее выражается воля, дух каждого человека в этом труде, тем глубже чувство омерзения при виде зла.

Человеческие убеждения — это средоточие волевой активности. Сущность воспитания я вижу в том, чтобы каждый питомец, вырабатывая свои убеждения, закалял свою волю и силу духа, выражал себя в активном стремлении к добру, в решимости достигнуть идеала добра во что бы то ни стало. Убеждения невозможно выработать без столкновения со злом. Зло — это, по существу, овеществленные убеждения, противостоящие идеалу добра и идее добра, которую несет практика и только практика — отношения между людьми, основанные на принципе *человек человеку — друг, товарищ и брат.* Зло выражается не только в том, что преднамеренно совершается безнравственный, предосудительный поступок, но и в том, что человек равнодушно взирает на обстоятельства, взаимоотношения, в которых назревает, кроется, совершается зло, или же совершенно не видит, не замечает этих обстоятельств, взаимоотношений. Бездеятельность, пассивность, невмешательство в то, что «меня лично не касается», — самое опасное начало морального зла, рождающегося, казалось бы, из очень маленьких, незаметных вещей. Душевная невозмутимость, сердечная спячка — грозная предпосылка того, что дети становятся проводниками зла. Как огня бойтесь, чтобы маленький ребенок прошел спокойно мимо маленького ростка зла — не устрашился, не убоялся, не ужаснулся того, что этот росток может превратиться в мощную поросль; опасайтесь, чтобы питомец ваш, увидев слезы, горе человеческое, уснул спокойно: знайте, что в таком человеке зреет эгоист, отступник, трус и предатель, способный во имя сохранения своего личного спокойствия поменять веру так же легко, как меняется одежда, изменить принципам, потому что у него, по существу, не было и нет никакой веры и никаких

принципов. Влечение к добру, вера в торжество добра имеют своей обратной стороной тонкую чуткость к злу, к возможности зла, несправедливости. В воспитании этой чуткости и заключается творение идеи добра в юной душе, утверждение человека в его вере.

Вряд ли есть что-либо более тонкое, нежное, хрупкое в прикосновении воспитателя к самым сокровенным уголкам души ребенка, подростка, юноши, чем вмешательство в ту сферу духовной жизни коллектива и личности, где происходит столкновение человека, не опытного еще, не утвердившегося в своих принципах, в своей вере, со злом, с его еле заметными ростками. Учите видеть и чувствовать зло. Если к вам прибежал малыш с широко открытыми от тревоги и беспокойства глазами, если он дрожащим голосом сообщает вам о том, что творится зло или может произойти зло, если его не предотвратить, — не успокаивайте его. Успокоите раз, два, три раза, а на четвертый раз уже и успокаивать не надо будет: он к вам не придет, глаза его останутся равнодушными, и сердце не забьется учащенно. Погасив благородное возмущение и негодование, вы надели узду на человеческую волю. Если воспитателю во многих вещах, дорогих и близких детям, подросткам, юношам, важно на всю жизнь в какой-то мере остаться ребенком, подростком, неискушенным юношей, то среди этих вещей на первом месте стоят: в познании мира вообще — способность удивляться, в нравственном воспитании — способность возмущаться, в труде — способность увлекаться, гореть неугасимым огнем увлеченности. Помните, что, если у вас нет второй способности, вы в конце концов можете приобрести другую способность — давать своим примером уроки равнодушия.

Вместе с детьми умейте возмущаться злом и доводите свое возмущение до конца; еще раз напомним слова В. И. Ленина о том, что «под добром разумеется практика человека».

Учитель собрался в театр: в село редко приезжают хорошие коллективы... Вышел из дому, закрывает дверь, а на лужайке его ожидают два ученика: Федя и Митя, беспокойные, неугомонные пятиклассники; по глазам детским видит учитель: произошло что-то необычное. Так и есть: недалеко от школы, на окраине села, из проезжавшей недавно колхозной машины на дорогу упал улей — да, улей с пчелами (перевозят на новое место пасеку), упал и чудом сохранился, не разбился, но пчелы очень встревожены, кажется, из улья вылетает рой: что делать, учитель?

Внимание, Учитель! Эти мгновения, когда Федя и Митя, с надеждой устремив на вас глаза, ожидают вашего ответа — не столько ответа, сколько быстрого вмешательства, — эти мгновения равнозначны тому, что к врачу пришли сообщить о тяжелом недуге человека. Я нисколько не преувеличиваю. Дело не столько в улье, сколько в судьбе двух человеческих душ. Потерять улей не особенная беда, но потерять душу — беда огромная. Воспитывать же надо так, чтобы не было потерь. Но дело опять же не только в этом. Если в коллективе, в котором вы наставник и воспитатель, будут жить и повседневно духовно общаться с вами два подростка, в сердце которых вы погасили огонек возмущения, вы и для тридцати других питомцев своих уже не будете авторитетным воспитателем. Я убежден в том, что авторитет воспитателя как раз и зависит от его способности удивляться — смотреть на

мир вместе с детьми широко открытыми от изумления глазами, возмущаться и увлекаться. Идите вместе с Федей и Митей спасать улей! Отложите сегодня радость общения с искусством. Это как раз тот случай, когда душа вашего питомца нуждается в наставнике, как тяжелобольной нуждается во враче. Оставить лежать на дороге этот улей — значит предать принципы, а дети — как они презирают предательство! И как это прекрасно, что в честном детском сердце живет чувство презрения к предательству! Оберегайте, развивайте, углубляйте это святое чувство; стоит его раз, второй, третий раз погасить своим равнодушием, и сердце покроется корой безразличия: раз это меня лично не касается, хоть и все ульи пусть пропадут... Но, почувствовав в вашей душе огонек возмущения, дети сами загораются еще больше. Вы идете с детьми на колхозный двор, улей погружают на машину, отвозят на пасеку; возвращаясь с детьми домой, вы чувствуете себя настоящим наставником детства, а дети видят в вас Человека, которому можно верить и доверять.

Вера и верность — понятия одного и того же корня; один и тот же и нравственный корень у этих порывов и состояний духа. Утверждая веру в истину, добро, справедливость, вы тем самым оберегаете верность принципам, моральным правилам, идейным устоям. Дети, подростки, юноши стремятся к этой верности как к красоте и благородству духа; сталкиваясь со злом, несправедливостью, они стремятся быть несгибаемыми, духовно стойкими, крепкими. Как важно развивать, углублять маленький огонек верности принципам, превращая его в неугасимый факел идейного благородства, мужества. Развивайте у своих питомцев стремление быть верными, помогайте им, оберегайте их от малейшего предательства. Почему дети, подростки, юноши нетерпимы к «выдаче» друга, совершившего предосудительный поступок? Потому что в этом они видят свое малодушие, потому что им необходимо какое-то поле для выражения себя в верности, а другого поля, кроме своего товарищества и того, что мы, взрослые, называем круговой порукой, они пока еще не знают. Не толкайте человека в детстве на маленькое предательство, открывайте перед ним поле для большой гражданской верности. Не допускайте, чтобы в детстве, отрочестве, ранней юности человек жил маленькими, мелочными страстями, чтобы, образно говоря, огонь юной души использовался на сжигание паутины. Помогайте юной душе находить и найти в жизни что-то достойное ее благородного, святого огня, иначе он превратится в угольки, покроется пеплом равнодушия. Ищите для детства, отрочества, ранней юности что-то большое, гражданское — это одно из золотых правил коммунистического воспитания. Делайте первые шаги жизни испытанием духа, силы воли, стойкости, мужества. В чувствовании, переживании, осознании этого испытания как первого гражданского экзамена — неисчерпаемый источник нетерпимости и непримиримости к злу. Чем больше находит ребенок, подросток, юноша на своем жизненном пути гражданских дел, тем более чуткой становится его душа к злу, тем зорче его глаза, тем требовательнее его видение мира. А гражданских дел вокруг наших питомцев очень много, надо только *правильно* и *требовательно* видеть мир.

47. КАК ФОРМИРОВАТЬ ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ, НЕПРИМИРИМОСТЬ К ЗЛУ

Любое моральное зло, которое еще есть в нашей жизни, унижает справедливость, величие и благородство человеческих взаимоотношений в социалистическом обществе. Большим злом нашего прекрасного мира является стремление и привычка отдельных наших людей «жить в собственное брюхо» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч. Т.4. М., 1959. С.5). **Эгоизм — страшное искривление души, характера, всего строя личности. Эгоист не видит ничего дальше своего порога, не болеет болями общества.**

Многолико зло, уродующее жизнь, лишающее счастья, — лицемерие, двуличие, угодничество, приспособленчество, пресмыкательство. Злом, унижающим человеческое достоинство, является лень, нерадивость, стремление жить легкой и безбедной жизнью.

Язва на теле нашего общества — пьянство. Это мерзкое унижение человека. Человек, пристрастившийся к наркотику, стоит на грани гибели как личность. Пьяница уподобляется скотине.

Твое активное отношение к злу — это прежде всего твоя ненависть к нему. Уже то, что ты ненавидишь зло, нетерпим и непримирим к нему, является твоей борьбой против зла. Для подростка, юноши, девушки, вступающих в жизнь, быть борцом за подлинную красоту нашего мира — это значит мужественно утверждать свое собственное нравственное достоинство. Мужественное отношение к злу означает, что ты не можешь жить, не можешь быть спокойным, если зло творится на твоих глазах. Мужественное отношение к злу — это убежденность в действии. Если ты видишь зло, если убежден, что рядом с тобой творится несправедливость, — говори об этом мужественно и откровенно. Своим отношением к нравственным принципам и устоям нашего общества ты не только выражаешь уже сложившиеся убеждения, но и вырабатываешь их. Убеждения только и вырабатываются тогда, когда человек «обтирает их о чуждые убеждения» (*Лазо С.* Дневники и письма. Владивосток, 1959. С.94). **Мужественный человек скорее пойдет на смерть, чем изменит своим убеждениям.**

Вдумайся в эти слова: самое трудное мужество — это мужество повседневной жизни, мужество будней, мужество того бытия, когда маленькое событие, происходящее на твоих глазах (например, на задворках общественного хозяйства стоит ржавеющая машина или на окраине села живет человек, который весь смысл своей жизни видит в торговле виноградом), казалось бы, никому не угрожает, не затрагивает непосредственно интересов и устоев нашего общества. Опасность зла повседневного бытия в том и заключается, что мы к нему привыкаем, переставая его замечать, как бы сживаемся с ним. Делая первые самостоятельные шаги на пути нравственных отношений, умей видеть и чувствовать зло рядом с собой, настрой себя так, чтобы разум твой, душа твоя восставали против зла.

Первое движение честной души — самое благородное. Не размышляй и не взвешивай, увидев зло, — бороться против него или пройти мимо. Делай так, как велят сердце, совесть. Благородные чувства — вер-

ный страж совести. Но сердце никогда не заговорит без мысли, сознания, убежденности. Мужественное отношение к злу, убежденность в действии вырастают только на почве той жизненной мудрости, в основе которой лежит сознание справедливости, красоты взаимоотношений людей в обществе, на знамени которого написано: всё — для человека, всё — во имя блага человека. Мысль входит в нашу душу вратами чувств, говорили древние. Эта истина является закономерностью, играющей очень большую роль в воспитании; однако, как широко ни распахнуты врата нашей души, в них ничто не войдет, если человек не живет богатой мыслительной жизнью. Для чувств необходима, образно говоря, обильная, питательная пища, и этой пищей являются только мысли, идеи. Без мыслей, раздумий, размышлений чувство становится мелочным. В воспитании отношения к злу эта взаимосвязь мыслей и чувств играет особенно большую роль. Первое движение честной души, о котором мы говорим, становится своеобразным волевым зарядом лишь тогда, когда мысль не дает человеку покоя, когда маленькое событие, увиденное в жизни, порождает у тебя большие мысли.

Это поучение касается одной из самых сложных сфер нравственных отношений — личной оценки зла, личной нетерпимости и непримиримости к перспективе стать равнодушным свидетелем, наблюдателем и истолкователем. Мудрость воспитания настоящего гражданина заключается в том, чтобы научить человека видеть, чувствовать рядом с собой зло и восставать против него мужественно и безоговорочно. Это не такое простое дело, как кажется с первого взгляда. Причиной этого является кажущаяся безобидность зла. Я вижу исключительной важности воспитательную задачу в том, чтобы в сознании юного гражданина рассеялась эта иллюзия. Точнее сказать, питомец мой лишь тогда становится гражданином, когда, казалось бы, маленькое зло пробуждает у него большие мысли.

Когда мои питомцы приближаются к рубежу отрочества, мы вместе с ними вдумываемся в глубокий смысл слов М. Горького: «Я не должен прощать ничего вредного, хотя бы мне и не вредило оно. Я — не один на земле! Сегодня я позволю себя обидеть и, может, только посмеюсь над обидой, не уколет она меня, а завтра, испытав на мне свою силу, обидчик пойдет с другого кожу снимать» (*Горький М.* Собр. соч. Т. 7. С. 279). Очень важно, чтобы маленький человек почувствовал в себе гражданина, увидев зло и восстав против него, когда оно еще не способно кожу снимать.

В те мгновения, когда, сидя на опушке леса, мы в словах М. Горького открывали глубокие, поучительные для себя истины, перед нами вдруг предстало то, на что раньше никто из нас не обращал внимания. На большом поле площадью сто гектаров мы увидели еле заметную канавку. Она недавно образовалась: поле имеет незначительный склон, и дождевая вода, стекая вниз, уже «начертила» первый штрих будущего овражка. Внимание, дети! Вам сейчас одиннадцать лет. Вы только приближаетесь к первой ступеньке отрочества. Присмотритесь внимательно к этому полю. Вдумаемся, чем оно является для нас. Это самое большое народное богатство — плодородная земля. Из множества вот таких стогектарных клеточек слагается тот колодец, который является источником нашей жизни. Источник этот имеет свои пределы. Оскудеет плодородное поле нашей Родины — нечего будет есть. Это не ничье богатство, а богатство народа. Ты, я, каждый из нас ответственны за него. На месте этого еле заметного штриха, прочерченного весенним

ручьем, через десять лет будет канава глубиной метр, а через тридцать лет — трехметровый овраг; эрозия съест гектаров двадцать плодородной почвы. Штрих—на этом поле, штрих—на другом, на третьем. Смотрите, вон на соседнем участке уже не еле заметный штрих, а извилистая полоса глины: разрушительные силы природы действуют.

Это огромное зло. Вдумаемся, мои юные друзья: что бы чувствовал каждый из нас, если бы под постель нам подложили мину замедленного действия, поставив взрывной механизм на десять, ну, даже на тридцать лет вперед? Смогли бы мы спать спокойно? А ведь здесь то же самое: мина лежит под нашей постелью — как же мы можем спать спокойно?

Нелегкое это дело — открыть глаза маленького человека на зло, кажущееся безобидным. Увидеть это зло так, чтобы маленький, казалось бы, факт пробудил большие мысли. Еще раз подчеркиваю, что с самого начала у вас, воспитателя, должен быть замысел: против зла надо восстать! Зло не должно давать спать спокойно. Видение и чувствование зла должно пробудить гражданские устремления и гражданскую ответственность.

Я вижу в глазах своих питомцев тревогу. Это прекрасно, к этому я и стремился. Их взгляд обращен ко мне. В детских глазах я вижу вопрос: что же нам делать? Это первая искра той большой мысли, о которой я говорил. Она, эта искра, превращает ребенка в подростка, наполняя его жизнь гражданскими волнениями. Да, отрочество должно рождаться в тревожных думах о вещах, не имеющих прямого отношения к личным интересам. Точнее сказать, гражданином уже в годы отрочества человек становится тогда, когда общественная забота становится его личным интересом.

«Что же теперь делать?» — слышу я слова одного из моих питомцев, и этот вопрос заставляет мое сердце биться учащенно. Да, восставать против зла надо не словами, а делом, особенно важно это в тех случаях, где, казалось бы, нет прямых виновников зла. Но весь секрет нравственного отношения к злу заключается в том, что, видя рядом с собой зло и зная, что никто против него не борется, мои питомцы сами чувствуют себя как бы виновниками зла. Скорее за дело — чтобы жить спокойно и освободить свою душу от чувства вины за зло.

Мы обходим поле, приглядываемся к будущему овражку и с той, и с этой стороны, исследуем, откуда течет вода, как поток вбирает в себя множество других ручейков. Нам становится ясно, что потока воды здесь не должно быть. Надо преградить путь разрушительной силе, направить воду в лес, там она частично впитается почвой, а частично пойдет в ручьи, наполняющие соседний пруд. Присматриваясь к нивам, лесу и полезащитным лесополосам, мы убеждаемся, что такое распределение дождевых потоков и было когда-то, но потом оно нарушилось. Я с радостью вижу, что питомцев моих одухотворяет мысль: мы не бессильны, мы можем что-то сделать.

Обращаемся за помощью к лесоводу и агроному. Они идут с нами в поле. Снова наблюдаем, изучаем, исследуем. На наше счастье, выпадает ливень, и мы видим, как образуется поток и как можно уберечь от него поле. Пока еще опасность сравнительно небольшая и труда не так много: надо насыпать земляной вал и посадить вдоль него деревья, у которых мощная и разветвленная корневая система.

Мы принимаемся за дело. Оно не такое легкое, как казалось с первого взгляда. Но нас воодушевляет мысль: мы — борцы против зла, мы творим добро. Жизнь множество раз убеждала меня: если вы хотите поднять питомцев своих от мысли к убеждению, сделайте так, чтобы мысль жила и выражалась, крепла и, можно сказать, торже-

ствовала в труде. Чтобы единомыслие рождалось в напряжении сил, чтобы средством, утверждающим единомыслие, были лопата и плуг, сапка и ведро с водой. Чтобы убежденности сопутствовали усталость, пот и мозоли — без этого непостижима радость труда, немыслимо чувство гражданской гордости от сознания мысли, что я за что-то и против чего-то. Вообще борьба против зла невозможна без созидания, без утверждения — без активного созидательного труда. Если человек только против чего-то, он превращается в демагога, болтуна. Гражданская сознательность и убежденность рождаются только, когда чувство непримиримости к злу и мысль о благородстве борьбы против зла основаны на труде для людей.

Три года мы трудимся, создавая защитную стену против разрушительных сил. В нашем труде — и успехи, и огорчения. Труд наполняет жизнь подростков гражданскими заботами — мыслями, переживаниями, волнениями. Советую вам, воспитатель: если как раз в этот период, от 10 — 11 до 13 — 14 лет, смыслом жизни подростка станет созидание, творение, целью которого является борьба против зла, если мысль об этой борьбе, об этом созидании станет основой *единомыслия коллектива,* подростку не страшны никакая улица, никакие *дурные влияния;* он не допустит проникновения в свое сердце зла, потому что вся устремленность его духовного мира к творению добра.

Забота о сохранении и умножении важнейшего народного богатства — плодородной почвы — является благодатным полем формирования гражданского отношения к добру и злу. Жизнь убеждает, что, если отрочество озарено этой заботой, человек уже в 14-летнем возрасте чувствует себя гражданином, хозяином земли, его важнейшим жизненным принципом является долг. Мы добиваемся того, чтобы к 14-летнему возрасту человек, оглядываясь назад, уже видел плоды своих рук, гордился ими. Без этого невозможно представить полноценное воспитание. Богатая идейная жизнь юных коммунистов — единомышленников-комсомольцев — становится реальностью лишь тогда, когда у каждого есть на что оглядываться и есть чем гордиться.

Мы стремимся к тому, чтобы созидание, творение, утверждение, которое по самому существу своему является непримиримой борьбой против зла, начиналось в духовной жизни человека как можно раньше. Человек никогда не станет эгоистом, равнодушным мещанином, живущим по принципу «моя хата с краю», если уже в детстве и особенно в отрочестве, сделав что-нибудь конкретное для преодоления, предотвращения зла, он почувствовал, что ему стало легче дышать. Истинное воспитание начинается там, где человек, пребывая в состоянии безделья, чувствует, что он творит зло. Мы пробуждаем внутренние силы души — стремление к такой активности, которая бы настраивала человека на нетерпимость, непримиримость к лени, нерадивости. Труд, труд и еще раз труд в детском возрасте, закладка человеком своего собственного трудового, гражданского корня как можно раньше — вот единственный путь к тому, чтобы безделье осмысливалось и переживалось как зло, чтобы мысль жила и торжествовала в труде.

Все воспитание я бы считал обреченным на неудачу, всю систему — построенной на песке, если бы к 10—11-летнему возрасту маленький

человек не пережил гордости от того, что благодаря его труду зло повержено, а добро торжествует.

Мы приходим с 8-летними детьми на пустырь: под нашими ногами — мертвая глина, кое-где пробиваются жалкие сорняки. Я говорю детям: этот пустырь мы превратим в Цветущий Уголок. Начинается нелегкий труд, рассчитанный на несколько лет. Если бы я каждый день не напоминал детям о нашей цели, они не испытывали бы желания трудиться. Это чувство появляется позже, связывая их с напряжением сил, с преодолением трудностей. Нелегкое становится желанным лишь тогда, когда человек видит в труде собственную красоту.

Три месяца подряд, изо дня в день, маленькими ведерками мы носим на наш участок ил и песок, постепенно почва преображается, преображаются и дети. У них развивается зоркость на добро и зло. Всё, что происходит вокруг них, дети принимают близко к сердцу, они не могут проходить равнодушно, видя расточительность, гибель общественных ценностей, хищения.

Возвращаясь от пруда с ведерками ила, дети увидели возле одной хаты на окраине села маленькую печку, искусно спрятанную среди деревьев. У печки стоял какой-то необычный бак. «Да это же самогонный аппарат», — догадались дети. Они сообщили о своей находке взрослым, и изготовление «ядовитого зелья» было прекращено.

Труд для блага людей делает человека непримиримым к злу. Смело и мужественно отстаивает правду тот, кто утверждает правду трудом.

48. КАК ФОРМИРОВАТЬ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК КУЛЬТУРУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕЛАНИЙ

В жизни есть великое счастье и великий труд — любовь. Любовь юноши и девушки, мужа и жены — это сфера исключительной нравственной суверенности. Умение не вмешиваться в эту тончайшую сферу человеческих взаимоотношений — показатель и критерий педагогической и вообще человеческой мудрости и культуры. Нигде так явно не выражается дремучее невежество, как в стремлении войти без разрешения в комнату чужого счастья, глазеть и любопытствовать, грубо прикасаться и вмешиваться в неприкасаемое и сугубо личное. Любовь, брак, деторождение — самая тонкая и самая открытая и уязвимая сфера человеческой свободы. Тот, кто умеет умно, красиво, с достоинством любить, поистине красив и поистине свободен. Невежество, бескультурье, нравственная нечистоплотность в сфере любви возвращают человека в логово зверя.

Будучи сферой неприкосновенной суверенности, любовь в то же время глубоко отражается на устоях нашего общества, потому что любовь творит семью и рождает детей. Будь благородным, нравственно чистым и красивым в своих чувствах. Помни, что эта самая красивая человеческая свобода является в то же время самым строгим и неумолимым долгом. Любовь благородна лишь тогда, когда в человеческом поведении гармонически сливаются «хочу» и «надо». В любви наиболее ярко выражается культура человеческих желаний. Духовно готовить себя к благородной любви — это значит учиться желать. По-

мни, что твое человеческое благородство проявляется в культуре желаний. Настоящим человеком движет сознательное управление своими желаниями — этим, в сущности, и отличается человеческая жизнь от существования животного, которым движут слепые инстинктивные побуждения, грубые давления телесных потребностей. Животное привязано цепью к своим телесным потребностям, дух же человеческий в определенной мере независим от них — только при этом условии он и является духом человеческим. Подлинная человеческая свобода и красота выражаются в том, что человек сам решает, пожелать чего-то или не пожелать, заявить о своих желаниях другому человеку или строго подавить их в себе. Желания есть достойные человеческого звания и недостойные, предосудительные. Нравственная чистоплотность и красота выражаются в том, что человек нетерпим, непримирим к недостойным желаниям, брезгливо отвергает и подавляет их в себе и ненавидит в других. Нетерпимость и ненависть необходимы нам прежде всего для того, чтобы в максимальной мере отдаляться — в сфере желаний — от животного и приближаться к вершине человеческой культуры — стойкости в своих благородных желаниях, верности своим желаниям.

Как огня бойся распущенности, стихийности, невоспитанности своих собственных желаний. Это большой моральный порок, который принесет несчастье людям и опустошит твою собственную жизнь, если ты не сумеешь предупредить его. Легкомыслие, ветреность в духовно-психологических и нравственно-эстетических отношениях между юношей и девушкой, мужем и женой — это результат дремучего невежества в сфере желаний.

Душа человеческая цельна и неисчерпаема. Любовь — огромный труд, требующий огромного напряжения сил. Эти силы можно расходовать на мелочи — опасайся этого. Любить — это значит отдавать силы своей души, вкладывать их в любимого человека. «У хорошего мужа и жена хорошая, у хорошей жены и муж хороший» — говорится в украинской пословице. Если в любви гармонически сливается «надо» и «хочу», любящие делают друг друга совершеннее, творят человеческую красоту в себе для себя и для других. Эта красота становится силой, воспитывающей других. Благородство и красота желаний, творимых, создаваемых, формируемых на глазах у детей, — это самая большая духовная сила, воспитывающая детей. Там, где нет этой красивейшей духовной силы, человек становится вооруженным знаниями зверем — вот что опасно!

Перед тем как полюбить в девушке женщину, в юноше — мужчину, полюби в ней, в нем человека. Желание духовно многогранно и богато общаться с человеком — с этого собственно и начинается окультуривание желаний, претворение их в потребности. Учить любить Человека — самая тонкая грань педагогической мудрости, здесь мастерство соприкасается с искусством.

Каждому человеку дана определенная мера любви, силы для любви не безграничны, их надо расходовать осмотрительно. Береги честь смолоду. Не разбрасывай силы своей души по мелочам. Если будешь разбрасываться в ранней юности, без конца ув-

лекаясь, постоянно находя все новые и новые предметы любви, в зрелую жизнь вступишь с пустой душой.

Если ты равнодушный, бессердечный к своей матери, отцу, такими же будут и твои дети. В нравственных отношениях всё «повторяется сначала». Недостаток сердечности — опасность во сто крат сильнее, чем сердечная недостаточность. Без человеческой участливости желания становятся эгоистичными. Чувство любви испытывается временем. Знай, что твоя молодая жена-красавица станет старухой, а ты — стариком. Настоящая любовь — это умение любить до гроба. Любить и тогда, когда человек умер. Любить память о человеке.

Мы придаем исключительно большое значение тому, чтобы наши питомцы были людьми высокой культуры желаний. В этой очень деликатной сфере воспитания мы видим становление морального благородства будущих отцов и матерей. Воспитание же хорошей матери, хорошего отца — это, по существу, решение доброй половины всех задач школы.

Повседневно соприкасаясь с детьми, всматриваясь в их глаза в те мгновения, когда они только что ушли из дому и переступили школьный порог, улавливая в каждом детском слове, во взгляде, в улыбке и огорчении отражение мира сложных отношений между взрослыми, мы все больше убеждаемся, какую огромную роль играет благородство человеческих желаний взрослых в становлении нравственности ребенка. Низменные, порочные, недостойные человеческого звания желания взрослых, проявляясь в поступках, буквально опустошают детскую душу, калечат ее, пробуждают низменные страсти и — что особенно опасно — убивают веру в добро, в человечность, порождают маленьких обманщиков и лицемеров, уже в детском возрасте готовых к духовному порабощению другого человека или же пресмыкательству, угодничеству. К сожалению, есть еще семьи, где господствуют порочные желания. Если этому миру ничего не противопоставлять, человек с малых лет становится трудно воспитуемым или совершенно не воспитуемым, потому что *школа желаний* — это самая питательная сфера для формирования убеждений, для веры или неверия, участливости или равнодушия, доброжелательности или злорадства и озлобления. Подростки, юноши, не умеющие чувствовать рядом с собой человека, способные переступить через беду ближнего во имя своего спокойствия, — это страшное явление порождается там, где маленький человек был поражен, ошеломлен поступком, в основе которого лежит низменное, а иногда и бесчеловечное желание.

С заботы о культуре желаний начинается азбука педагогического просвещения родителей. Нормальное воспитание в школе вообще было бы немыслимым, если бы детей не окружала атмосфера благородных желаний старших, если бы эти желания не выражались в действиях. Мы рассказываем отцам и матерям, как чистосердечное побуждение, желание воспитывает умение любить людей; даем советы о том, как выражать непримиримость к малейшим черточкам эгоизма.

Рассказывая детям об огромной силе благородных желаний, мы убеждаем их в том, что доброе желание, одухотворяя на самоотверженный поступок, способно спасти человека, дурное — может погу-

бить его. Об удивительной истории «Доброе слово», являющейся для нас большим нравственным богатством, мы рассказываем каждому поколению своих воспитанников. Идея этого рассказа лучше всего воспринимается в тот период, когда ребенок приближается к отрочеству.

Важнейшая воспитательная задача в том, чтобы каждое детское сердце было одухотворенно благородным человеческим желанием принести радость, счастье, благополучие, добро, покой другому человеку. Пробудить возвышенное желание, вдохновить на поступок — это, пожалуй, самое сложное в воспитании. Это и есть нравственная школа подлинной любви к человеку — школа воспитания глубокой чуткости к его внутреннему духовному миру, школа готовности отдать силы своей души во имя того, чтобы ближнему было хорошо.

В детском возрасте, на рубеже отрочества и особенно в отроческие годы огромную роль играет сознательное управление желаниями. Яркие жизненные истории, подобные удивительному возвращению к жизни маленькой девочки Оли, мы рассказываем для того, чтобы человек *думал о желаниях,* а это не так просто! Научить по-настоящему любить человека, быть верным своему чувству долга можно лишь тогда, когда желание, возникающее в душе, озаряется светом хорошей, чистой, возвышенной, благородной мысли. Возвышенно и благородно желать может лишь тот, кто умеет возвышенно и благородно думать. Ведущая роль мысли, сознания в управлении желаниями, чувствами — это ничем не заменимая сила, способная воспитать тяготение к желаниям, достойным высокого имени человека. Никак нельзя согласиться с формулой, бытующей в обывательской среде: чувству не прикажешь. Наоборот, человеческая культура и заключается в том, что мысль, облагораживая желание, управляет чувствами, повелевает, приказывает. Там, где поступками движут желания и чувства, а мысль дремлет, рождается нравственная опустошенность, распущенность. Разрушение, нестойкость молодых семей — это в подавляющем большинстве результат того, что скороспелые решения о женитьбе и замужестве принимаются под влиянием разыгравшихся желаний, не сдерживаемых и не управляемых мыслью.

Тяготение к хорошему желанию зарождается и утверждается только под влиянием яркой, высоконравственной мысли, а мысль сама собой в детской голове не возникнет, ее должен внушить воспитатель. Я стремлюсь к тому, чтобы каждый питомец увидел тропинку, идя по которой можно прийти к достойному желанию. Самое главное, чтобы ребенок увидел, почувствовал, понял душу ближнего, был способен увидеть рядом с собой человека, нуждающегося в нравственной поддержке. Когда мой питомец одухотворен красотой любви человека к человеку, я намекаю ему на то, что несколько недель назад из школы ушла на пенсию няня, теперь она переживает нелегкие дни одиночества. Достаточно маленького намека, чтобы у восьмилетней девочки возникло желание пойти к этому человеку. Это желание овладевает юным сердцем с такой силой, что девочке становится стыдно: почему же она до сих пор не подумала, что тетя Вера, приветливо встречавшая каждый день нас в школе, теперь одна... Чем ярче мысль, освещающая в собственном сознании ребенка тончайшие оттенки человеческих

взаимоотношений, мысль, помогающая уяснить, что хорошо и что плохо, тем глубже чувство стыда за свое равнодушие. Чувство стыда — дитя сознания. Не умеющий думать о собственных поступках никогда не устыдится. «Стыд — это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь... — писал К. Маркс. — Стыд это уже своего рода революция» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 371). Задача воспитателя заключается в том, чтобы перед каждым юным разумом открылись те грани бытия, познание которых пробудило бы активное стремление измерить меркой высокой нравственности самого себя. Чтобы в результате этого измерения маленький человек *гневно* и *пристрастно* подумал: хорошо я делаю или плохо? Только устыдившись, только разгневавшись на самого себя, человек начинает критически относиться к собственным желаниям. Это не самобичевание, о котором можно сказать: человек наступает на горло собственным желаниям, подавляя их. Это благородная работа души, заключающаяся в том, что «надо» и «хочу» сливаются воедино.

Подготовка маленького человека к высокой миссии отца и матери, к благородной человеческой любви начинается, таким образом, с умения благородно и возвышенно думать, переживать тяготение к достойным желаниям, находить в жизни радость этих желаний. Каждый ребенок должен пройти школу достойных желаний — это одно из важнейших правил воспитания высокой нравственной культуры, необходимой для того, чтобы стать хорошим отцом, хорошей матерью. Очень трудная миссия старших — оградить, защитить ребенка от равнодушия, бессердечности. Молодым учителям, переступающим порог школы, я рассказываю быль «Алая или багровая?».

Дать маленькому ребенку великое счастье человеческого общения, не допустить, чтобы он потерял веру в добро, опустошился духовно, — это значит посеять зерна достойных желаний на плодородную почву. Несчастливый ребенок — большое горе для общества. Детское несчастье почти всегда ведет за собой озлобленность, неверие в человека. От несчастья ребенок защищается чаще всего злом и эгоизмом. Предотвращение детского несчастья требует огромных духовных сил и большой любви воспитателя. Утраченное в семье надо восполнить в школьном коллективе. Задача воспитателя заключается в том, чтобы школьный коллектив был очагом любви, доверия, верности, преданности, добра. Любовь, ласка, душевная щедрость — вот что должен найти Несчастливый ребенок в школьном коллективе. Ребенок испытывает потребность в любви и ласке конкретного человека: ласковой рукой к детской головке прикасается не коллектив, а человек. Счастье прикосновения ласки и доброты переживается тогда, когда маленький человек чувствует, что он кому-то необходим, дорог, кому-то не безразличны тончайшие оттенки его поведения, кто-то с трепетным волнением хочет, чтобы он, ребенок, был хорошим, кто-то непримирим к злу, которое, может быть, пробивается еле заметными ростками в его душе. Гармония любви, ласки и непримиримости — это плодородная почва, на которой рождается человеческое достоинство маленького гражданина. Без чувства достоинства не может быть и речи о тяготении к достойным, благородным желаниям и тем более о том, чтобы че-

ловек устыдился, пережил угрызения совести. Обогревать сердца отдельных несчастливых детей для чувства возвышенной любви — в этом мы видим очень важную грань воспитательной работы школы.

Наш педагогический коллектив стремится к тому, чтобы к моменту пробуждения полового инстинкта разум подростка, девочки был подготовлен для той огромной *работы души,* которая связана с рождением мужчины и женщины. Мы заблаговременно готовимся к этому второму рождению человека. С того момента, как он почувствовал влечение к личности противоположного пола, он уже не только личность, требующая уважения, но и самостоятельная сила, способная *долженствовать* — отвечать за другого. От того, насколько мудро удалось нам подготовить к этому юный ум, сознание, зависит в решающей мере, что способен принести человек в годы юности и зрелости другому — счастье или беду. Подготовить разум к пробуждению полового влечения — это все равно что укрепить крылья у птенца, отправляющегося в самостоятельный полет. В тот период, когда совершается второе рождение человека, когда в классе уже не малыши или подростки с ежиками и коротенькими косичками, а мужчины и женщины, вмешательство учителя во все сферы их личной жизни резко ограничивается. И в то же время в этот период педагогу важно как можно больше знать обо всем, что происходит в душе каждого питомца, видеть не наблюдая, прикасаться тактично, незаметно.

Я вижу исключительно важную воспитательную задачу в том, чтобы на рубеже детства и отрочества и особенно в годы отрочества воспитанники думали о любви как о нравственной доблести и красоте, увидели в жизни любовь как безграничную верность, преданность человека человеку. Мысли о любви должны быть познанием подлинной человеческой красоты. Воспитывая детский коллектив, я стремлюсь к тому, чтобы каждое поколение моих питомцев изумлялось, восторгалось этой красотой, чтобы верность, преданность озаряла юному разуму и сердцу путь в жизни. Вокруг нас множество ярких, неугасимых огоньков этой красоты. Я стремлюсь к тому, чтобы дети мои обязательно пришли к этому огоньку, чтобы, восторгаясь уже в отрочестве красотой человеческой верности, каждый мой питомец собственными силами своей души облагораживал свои первые порывы полового влечения, готовил себя к высокой миссии мужа, жены, отца, матери. Чистота, благородство, верность, преданность любви — это сила, объединяющая людей в самую прочную, самую неразрывную ячейку — семью. Пример подлинной любви открывает сокровенные уголки юного сердца, и оно легко поддается влиянию слова воспитателя.

Почти каждое воскресенье мальчики и девочки провожали Петра Афанасьевича в лес и там ожидали его возвращения. В холодную погоду разжигали костер. Возвращаясь, дедушка с удовольствием садился у огонька, отдыхал. Он приходил к нам в школьную теплицу, приносил корневища ландышей, учил детей воспринимать и чувствовать тончайшие оттенки красивого.

Я заметил, что мальчики и девочки к чему-то готовятся. Догадывался: хотят чем-то порадовать Петра Афанасьевича, радовался этому и старался не замечать того, что замышляют дети. Оказалось, они узнали день рождения покойной жены врача и накануне

этого дня отнесли на могилу розы. Дети не обмолвились об этом ни словом, не сказал об этом ни слова и дедушка. О том, что он видел розы, дети хорошо знали: в тот день он понес на могилу жены особенной красоты букет. Несколько дней Петр Афанасьевич был молчаливым и задумчивым, детей встречал он радостно, но сдерживал свои чувства. Мы почувствовали, что дедушке хочется помолчать. Под влиянием этого замечательного человека мальчики и девочки становились мягче, добрее, сердечнее. Исчезла развязность и грубость Толи и Володи. У детей как бы открылись глаза на то, где и когда надо выразить словами свое сочувствие, участливость, а где надо помолчать. Появились неведомые мне раньше побуждения к поступкам, в которых выражалась забота о человеке.

Я все больше убеждался, что чувства детей становятся тоньше благодаря тем мыслям о красоте, верности, преданности, которые взволновали, изумили, как бы открыли сердца для благородства.

Надо утверждать в детских сердцах не только жизнерадостные чувства, но и способность грустить, тосковать. Научить радоваться и наслаждаться счастьем — дело нетрудное. Гораздо труднее воспитать чуткость и духовную готовность к горю, сопереживанию. Без этой чуткости человек не может по-настоящему дорожить счастьем.

Яркий пример возвышенной, преданной любви — важнейшее условие того, чтобы в годы детства и особенно отрочества и ранней юности человек думал о любви только благородно и целомудренно. Многолетний опыт убеждает, что с подростками, юношами и девушками надо задушевно, откровенно и, самое главное, умно говорить о любви. В центре беседы воспитателя должно быть поучение: как мысль, разум, сознание управляют чувствами. В слове о любви пусть преобладает не эмоциональная восторженность, а мудрость, рассудочность.

Сознательное, мудрое человеческое отношение к желаниям — это самое существо тех слов о любви, которыми воспитателю надо прикасаться к самому тонкому в человеке.

На протяжении многих лет у меня сложился определенный цикл бесед о любви. Уже 12—13-летним подросткам я внушаю мысль о том, что любовь — преддверие материнства и отцовства. Любить — значит чувствовать огромную ответственность за другого человека — того, которого ты любишь, и того, которого ты создаешь. Любовь только тогда высоконравственна, когда она умна, мудра, предусмотрительна. Чувство, не облагораженное разумом, не озаренное мыслью о будущем, плодит горе и страдания, опустошает души тех, кто имеет несчастье быть дитем такой любви. Задача воспитателя заключается в том, чтобы его питомцы уже в годы отрочества благородно и целомудренно думали о себе как о будущих матерях и отцах.

«Я говорю сейчас с вами, 13-летними мальчиками и девочками, оканчивающими VI класс, и вспоминаю ваших отцов и матерей. Зина, Оля, Галя, Толя, Сережа, Юрко, я помню ваших отцов и матерей семилетними детьми — в тот день, когда они впервые переступили порог школы. Помню и яркое солнечное утро, когда они привели в школу вас, своих семилетних детей. Придет день, когда и вы приведете в школу своих детей, а сами будете приходить в школу, молодые матери и отцы, постигать науку отцовства и материнства. Это самая главная наука; все другие науки существуют лишь для того, чтобы было отцовство и материнство. Постигайте эту науку уже сейчас, в преддверии ранней юности».

49. КАК ВОСПИТЫВАТЬ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ОТНОШЕНИЕ К ЛЮБВИ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ

Ты почувствовал симпатию к девушке. Это пробуждение инстинкта продолжения рода. Он уже тысячи лет облагораживается человеческой культурой. С того времени, как человек поднялся над миром всего живого, его половой инстинкт перестал быть слепым пробуждением — в нем только первая искра для большого костра человеческой любви. Ты пришел в жизнь для того, чтобы, облагораживая дальше инстинкт продолжения рода, внести свою крупицу таланта, творчества в эту великую человеческую красоту.

Ты — человек. Твой половой инстинкт, если он не станет благородной, возвышенной, красивой человеческой любовью, может привести тебя к положению животного. Бойся этого; нравственное невежество в сфере любви приносит нашему обществу неисчислимые беды. Тот, кто считает любовь т о л ь к о удовольствием, доставляет другим людям горе, несчастье, слезы. Дети, оставленные родителями; дети, не знающие своего отца; дети, родители которых не рады, что у них появился ребенок, — это плоды дремучего невежества в той сфере, где только д о л г и о б я з а н н о с т ь могут быть великими вдохновителями человеческого счастья. Половой инстинкт — это лишь один маленький лепесток в большом цветке любви. Человека от животного отличает ответственность за будущее общества и за счастье того, с кем свела тебя судьба.

Уважай девушку, оберегай ее честь, достоинство, гордость, независимость. Девушка, пробудившая у тебя чувство симпатии, может стать твоей женой, матерью твоих детей. Она повторяет тебя и себя в новом поколении, и в этом заключается бессмертие рода человеческого. Любить — это не значит только быть в физической близости. Если ты думаешь, что брак и долгие годы супружеской жизни могут держаться только на физической близости, ты невежда в нравственном отношении, а в жизни можешь стать подлецом.

Твоя любовь к жене, твоя любовь к мужу — это тончайшая сфера духовной жизни, духовно-психологических и нравственно-эстетических отношений. Помни, думай, всю свою жизнь углубляйся мысленно, сердцем своим в истину: любовь — это отношения. Самая прочная и благородная любовь у человека тогда, когда она единая на всю жизнь. Быть преданным, верным своей любви — это значит оставить частицу себя в любимом человеке. Изменить своей любви, если только она действительно была, — это значит разрушить богатство и красоту, созданные силами своей души, если только эти богатства и красота были.

Любовь — это не только восторженное любование, наслаждение красотой, созданной для тебя, но и бесконечное творение красоты в любимом человеке. Тот, кто не умеет быть творцом в любви, быстро разочаровывается; человек, казавшийся красивым, становится постылым, общение с ним надоедает, приходит увлечение другим «предметом любви». Это не любовь, а распущенность, духовная убогость и пустота. Для того чтобы быть верным любимому человеку всю жизнь, надо всю

жизнь создавать, как бы восстанавливать его красоту, отдавая для этого свои духовные силы, вкладывая в него свой ум, чувства, стремления.

В этом отдавании, в этом творении решающую роль играют достойные человека желания. Только тот, кто умеет управлять своими желаниями и находит истинное счастье в благородных побуждениях, любя, все больше влюбляется в свою жену. Это, образно говоря, цветы на древе человеческой мудрости — культуры наших желаний. От того, насколько благородно мы умеем желать, зависит неделимость нашего чувства, наша верность и преданность любимому человеку.

Этическое «я» неразрывно и неделимо. Не может быть хорошим гражданином, подлинным борцом за высокие идеалы человек, мелкий и опустошенный в духовно-психологических и нравственных отношениях. Изменник и подлец в любви — во всем изменник и подлец. Влюбленный в себя не может быть способным на подлинную любовь, хотя как раз самовлюбленные эгоисты горячо влюбляются в девушек, но эта любовь — поиск наслаждений. Эгоизм — это порок, отравляющий любовь.

Многолетний опыт убеждает, что любовь родителей — это важнейшая духовная сила, воспитывающая ребенка. Благородство, нравственная красота и чистота любви матери к отцу и отца к матери, их взаимное уважение, доверие, открытость их сердец, глубокий взаимный интерес, забота, тревога, беспокойство, преданность друг другу, верность во всем — в счастье, в горе, в страданиях, в одиночестве — всё это является ничем не заменимой нравственной средой, в которой формируется чуткая сердцевина юной человеческой души — вера в добро и непримиримость к злу, уверенность в торжестве и могуществе добра, светлое, жизнерадостное, оптимическое ви́дение мира. Ребенка воспитывает прежде всего глубокий взаимный интерес матери и отца, их чуткость друг к другу.

Тончайшими корнями убеждений ребенка, из которых вырастает, формируется его моральный облик, является его вера в правду. Моральное здоровье — это вера в то, что правильное, хорошее торжествует. Вера ребенка в истинное, незыблемое, непоколебимое — яркое солнце, озаряющее его жизненный путь; это крепкая рука мужественного, сильного человека, в которую он доверчиво вкладывает свою руку. Разрушить эту веру, поколебать ее, осквернить чистые детские мысли и надежды зрелищем измены, подлости, предательства, лицемерия — это все равно что полоснуть ножом по нежному сердцу: из кровоточащей раны польется кровь, сердце задрожит и сожмется от невыносимой боли, рана будет долго кровоточить, потом она может закрыться, но тонкая ткань превратится в огрубевшие рубцы, сердце станет бесчувственным к добру и злу.

Разрушение, осквернение детской веры в идеальное — а идеальным в его глазах является преданность, верность человека человеку, которые он наглядно видит во взаимоотношениях матери и отца, — это злая, коварная сила, уродующая детскую душу. Еще хуже, когда этой веры вообще нет и ребенок не постиг в самом раннем возрасте, что это такое. В таком случае к вам в школу приходит совершенно невоспитуемый ребенок, в его душе нет важнейшего человеческого богатства —

веры в правду, понимания того, что такое правда. Я твердо убежден, что измена, подлость, предательство — яды, вошедшие в духовный мир ребенка из источника, имя которому — лицемерное с о ж и т е л ь с т в о матери и отца, сожительство, в котором нет не только истинного человеческого богатства, но иногда и элементарной порядочности. Эти яды порождают в чутком детском сердце озлобление, жестокость, неверие в идеал, презрительно-ироническое отношение к любому поучению старших, безразличие к людям и даже к собственной судьбе. Средство, предотвращающее эти несчастья школы, а потом и общества, — крепкая семья, построенная на чистой, благородной, *мудрой* любви, на том мудром и могучем творчестве, при котором мать и отец все больше влюбляются друг в друга, чем дольше живут они в одном доме, — именно в этом и заключается мудрость любви.

На всю жизнь вошла в мою душу судьба Толи. Мальчику не исполнилось и девяти лет, когда сердце его было потрясено открытием: мать и отец предают друг друга, обманывают, лицемерят, говорят одно, а делают другое. Однажды ночью Толя проснулся и услышал страшные, жестокие слова: отец сказал матери, что он уже давно не испытывает к ней никаких чувств и, если бы не сын, он не оставался бы под этой крышей ни одного дня. Мать ответила: у нее такое же отношение к мужу, а относительно сына, то пусть муж еще подумает, его это сын или не его, это известно только ей... В ответ на эту откровенность сын услышал грязные, пошлые слова.

Всё, что услышал Толя, глубоко потрясло его. Он был поражен, в его голове рождались мысли: жить не стоит, в мире нет правды... Еще больше поразило, потрясло ребенка то, что и утром, и в последующие дни мать и отец говорили друг с другом, как будто бы ничего и не произошло. Мальчик спросил у матери: «Чей я сын?» Мать надавала Толе шлепков, он убежал из дому... Хорошо, что в школе он нашел людей, перед которыми открыл свое сердце, излил горе. Но школа не имела права вмешаться в семейную жизнь, полную предательства и лицемерия. Оставалось единственное: взять ищущую опоры маленькую ручку ребенка и спасти, уберечь его и от страданий — насколько это было возможно — и, главное, от полной утраты веры в правду. Если бы мы этого не сделали, моральное начало в этой юной душе было бы исковеркано, человек мог бы стать несчастным на всю жизнь.

Такие дети, как Толя, не редкость. Миссия школы по отношению к ним исключительно ответственна. Этих детей надо спасать. Нередко приходится прилагать огромные силы, чтобы пробудить или — это еще труднее — возродить веру в идеал, в справедливость, в чистоту человеческих взаимоотношений. Ребенок, потрясенный изменой, предательством, подлостью, лицемерием, грязью, непорядочностью, пошлостью, равно как и те, кто сам стал или всегда был совершенно безразличным в атмосфере равнодушия и безразличия семейных отношений, — такой ребенок нуждается в особых отношениях, которые я назвал бы **требовательной** и **строгой** любовью. Для него надо создать условия, в которых бы он на собственном опыте убедился, что любовь — это *открытость сердца* и уже в силу этого огромная требовательность человека к самому себе. На такого ребенка оказывает большое влияние сильный духом человек, причем сила его духа как раз и заключается в требовательности к самому себе. Только испытав на себе влияние такого человека, ребенок убеждается, что в мире есть истинная любовь. Только такое воспитание можно с полным правом назвать *воспитанием любовью.* Любить без требовательности к самому себе — это значит лишить любовь главного — долга, ответственности.

Опять возвращаемся к той же мысли: всё начинается с семьи, с пер-

вого шага ребенка. Всё зависит от того, что он открывает, познает в родных и близких людях. Мы учим родителей — и будущих, и молодых, и умудренных жизнью — любить друг друга и в этом видим одну из важнейших воспитательных задач. На занятиях родительской школы мы рассказываем отцам и матерям, с чего начинаются беды и неудачи воспитания. Мы стремимся к тому, чтобы те, кому предстоит вступать в брак, задумались, какое страшное горе в душе ребенка порождают развал семьи, неверность, отчуждение. На выпускном вечере я рассказываю десятиклассникам — юношам и девушкам — о житейской истории, очень поучительной для молодежи, которая известна под названием «Седая материнская коса». Она заставляет юношей и девушек задуматься над смыслом жизни, красотой и уродством поступков, верностью чувству и человеку, долгом перед будущим, ответственностью за человека.

«Любовь — это ответственность». Такое убеждение стремимся мы утвердить в сознании и у тех, кто с изумлением и восторгом открывает в себе первое чувство мужчины и женщины, и у тех, кто уже учит жить своих детей словом, поступками, своей жизнью. За безответственность придется расплачиваться в старости. На отцов-изменников честные дети смотрят с презрением. И юноши, и молодые отцы задумываются над историей «Отец и сын», герои которой тоже живут среди нас.

Юноши и девушки, задумайтесь над тем, что придет время, когда вы, отцы и матери своих сыновей и дочерей, станете слабыми, бессильными, дряхлыми. И вам самим, и детям вашим будет ясно, что вы доживаете свой век. Единственное, что облегчает участь человека на закате его жизни, — это искренняя, преданная, верная любовь детей. Все другие радости бледнеют перед этой высшей, истинно человеческой радостью. По-настоящему счастлив и мудр тот, кто всю свою жизнь умеет по крупице накапливать это богатство. Хранилище этого богатства — души ваших детей. Имя ему — ваша ответственность перед детьми. Заботьтесь об этом богатстве, оно возвратится к вам. Знайте, что придет время, когда дети ваши станут сильнее и мудрее вас, отцов, — это неизбежная и очень мудрая закономерность жизни. И единственным источником вашего счастья будет сознание того, что сами вы в духовной жизни своих детей стали огромной, ни с чем не сравнимой ценностью, потому что в вашем разуме, в вашем сердце, в каждом вашем побуждении и устремлении дети будут видеть прежде всего ваш долг и вашу ответственность. Это единственный капитал, на который можно прожить в старости, чувствуя спокойную уверенность в том, что ты прожил жизнь не напрасно.

Духовная подготовка юношества к любви, браку — это прежде всего мудрые советы и поучения о безграничном богатстве человеческих взаимоотношений.

Я вижу очень важную, тонкую и, можно сказать, изящную миссию воспитания в том, чтобы еще до вступления в брак юноша и девушка задумывались, как воспитывать у своих детей преданность им, своим отцам и матерям. Будущим молодым супругам, завтрашним отцам и матерям, которые через несколько лет приведут в школу своих малышей, я рассказываю быль «Отец вернулся» — о преданности детей

своим отцам. Это обращение к уму и сердцу питомцев рассчитано на то, чтобы мысль, убеждение, мудрость любви властвовали над пробуждающимися чувствами. Как раз тогда, когда в человеке рождаются мужчина и женщина, надо особенно заботиться о благородстве, моральной чистоте взаимного влечения.

Дух глубокого уважения к отцу пронизывает всю жизнь этих людей. Нет такой минуты, чтобы с отцом не был кто-нибудь из взрослых или внуков. Забота о дедушке стала прекрасной школой воспитания для внуков. Они близко к сердцу принимают каждое его слово и желание, чтобы дедушка был спокоен и ни в чем не испытывал нужды. Это стало для детей долгом. В праздничные дни внуки часто с дедушкой. Матери сумели внушить детям убеждение: вы живете на свете только потому, что дедушка ваш и миллионы других героев пролили свою кровь и сложили головы за Отечество. Когда у дедушки недомогание, кто-нибудь из внуков не идет в школу, остается дома.

Благородные мысли — источник желаний, достойных настоящего человека. Нас радует, что у детей пробуждается нетерпимость к равнодушию, безразличию, черствости и бессердечности. Это чувство — важнейшее условие критического отношения к собственным желаниям и поступкам. Возмущение, гнев по поводу равнодушия и бессердечности, которые, к сожалению, еще есть в жизни, — это по существу главный регулятор желаний. Только благодаря возмущению, гневу, непримиримости к злу человек становится *богатым благородными, достойными желаниями.* Моральное же богатство желаний ничем не заменимый источник того, что у человека появляется единственный, самый дорогой, самый близкий человек. Благородные, достойные желания, выраженные в отношении к человеку, — это, образно говоря, та копилка, в которую человек по крупинке складывает важнейшую ценность любви — красоту любимого человека, ту красоту, в которую мы чем дальше, тем больше влюбляемся лишь тогда, когда мы эту красоту создаем. Моральное богатство, благородство, достоинство, щедрость, активность желаний порождают привязанность человека к человеку, потребность заботиться о нем, общаться с ним.

Нравственная подготовка к любви в том и заключается, чтобы под влиянием слова воспитателя, его поучений главное место в духовной жизни ребенка, подростка, юноши заняло выражение желаний, благодаря которому человек убеждается: высшая ценность в нашей жизни — это общение с человеком. Я вижу подлинное воспитание в том, чтобы один питомец оставлял себя в другом, как бы вкладывая в него силы своей души, только при этом условии можно достигнуть того, что человек приобретет способность дорожить человеком, не быть равнодушным к тому, какой он есть сегодня и каким станет завтра. Это и есть, образно говоря, духовное облачение любви.

Что значит вкладывать силы души в другого человека? Как достигнуть этого практически в руководстве детским, подростковым, юношеским коллективами? Речь идет о тонких духовных связях, отношениях между личностями. Задолго до того, как в человеке пробудится влечение к лицу противоположного пола, в его духовной жизни должно начаться постижение богатств души другого человека. Взаим-

ное проникновение в интеллектуальные, эстетические интересы и запросы должно сопровождать духовный рост личности. Задача воспитателя заключается в том, чтобы самым удивительным, самым интересным, самым сложным и непостижимым для человека, которого мы воспитываем, был человек; чтобы симпатии и взаимные влечения рождались под влиянием восторга, изумления, удивления перед человеком. Здесь опять надо говорить о личности учителя. Благородные желания пробуждает в юной душе влюбленность в духовные богатства другого человека.

50. В ЧЕМ ДОЛЖНА ЗАКЛЮЧАТЬСЯ ДУХОВНАЯ ПОДГОТОВКА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК К ЛЮБВИ

Перед тем как создавать семью, проверь себя, готов ли ты к этому:

умеешь ли ты быть преданным, верным человеку;

нет ли у тебя лени души, эгоизма, бессердечности;

умеешь ли ты повелевать своими желаниями; готов ли ты обеспечить семью материально, потому что жена твоя может длительное время не работать — она воспитатель твоих детей. Перед тем как жениться, посоветуйся с отцом, матерью. Их жизненная мудрость поможет тебе правильно сделать очень важный шаг в жизни. Смысл и цель семейной жизни — воспитание детей. Если ты накануне вступления в брак отгоняешь мысль о будущих детях, значит, ты собираешься в далекое — на всю жизнь — путешествие, не зная ни своих сил, ни дороги, по которой тебе идти.

Семейная жизнь не может быть и никогда не бывает сплошным праздником. В ней больше тревог, волнений, забот, огорчений, чем чистой радости. Радость семейной жизни— это постижение той высокой цели, во имя которой человек испытывает тревоги, волнения, заботы, огорчения. Сгорать, чтобы освещать путь, по которому ты ведешь за собой любимого человека, — вот в чем смысл счастья семейной жизни. Тебе придется делить с любимым человеком горе, беду, неприятности. Умей принимать на себя удары судьбы и защищать любимого человека. В этом выражается твое духовное благородство, великодушие. Умей мужественно бороться с горем, несчастьем, которое может свалиться на твою семью. Одна из больших бед, постигающих семью, — болезнь любимого человека. Быть верным и преданным в беде — это требует от человека огромного напряжения духовных сил, а нередко и самопожертвования. Умей любить человека и тогда, когда он стал больным, немощным.

В семейной жизни надо считаться с мыслями, убеждениями, чувствами, стремлениями любимого человека. Храня свое достоинство, надо уметь уступать друг другу. «Женщина стала рабыней раньше, чем появился раб» (*Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 49). **Умей предотвратить мерзкое домашнее рабство. Как огня бойся своего мелкого тиранства. С того времени, как вы услышали крик своего ребенка, началась ваша самая сложная, самая ответственная, самая тонкая гражданская деятельность. Ты будешь отцом. Знай, что важнейшая сфера твоей гражданской деятельности, твоего патриотического служения**

Отечеству — это воспитание детей. Любого работника — от сторожа до министра — можно заменить таким же или более способным работником. Хорошего же отца заменить таким же хорошим отцом *невозможно*. Мать с младенцем на руках, мать у колыбели — то же самое, что пограничник на своем посту. Она творит будущее, она же и защищает его. Она творит величие нашей Родины. Мать — первый слуга государства. Миллионы семей — это миллионы тончайших корешков, питающие вечное дерево, имя которому — Отечество. Став мужем, ты стал гражданином вдвойне, потому что ты создал семью.

В воспитании детей, в творении и защите будущего каждый может достигнуть вершины совершенства — стать настоящим мастером, художником, поэтом, мудрецом, большим общественным деятелем. Мудрость отцовства и материнства — это бесценное нравственное богатство нашего государства. Мудрыми отцами и матерями, умеющими воспитывать настоящих граждан, государство должно дорожить так же, как дорожит оно выдающимися учеными, мыслителями, художниками. Овладевай этой мудростью уже в стенах школы. Вы воспитываете своих детей каждым своим шагом, каждым поступком. Вы — первое наглядное представление о человеке, открывающееся перед ребенком, как только он начинает познавать мир. В образе отца и матери ребенок открывает для себя первое понятие о единстве х о ч у и н а д о. Хорошие или плохие дети — это зеркало вашей морали, вашего гражданского долга, вашего поведения, вашей культуры. Жизнь в браке — это не вечерние встречи и свидания. Это огромный сложный и радостный труд, радостный потому, что он вознаграждается ни с чем не сравнимым богатством — продолжением себя в новом человеке.

В браке ни на минуту не прекращается взаимное воспитание и самовоспитание. Одна из граней счастья в браке в том и заключается, что муж и жена становятся духовно богаче; переживание духовного совершенствования доставляет большую радость и полноту жизни. Будущий муж и отец, знайте, что важнейшей школой воспитания вашей духовной культуры в браке является ваше отношение к женщине — жене, матери своих детей, своей матери. Отношение к женщине — тончайшая мера побуждений совести. Умей любить мать своих детей; умей дорожить ее здоровьем, красотой, честью. Умей защищать и оберегать ее от болезни, изнурения, несправедливости. Мать твоих детей — это женщина дважды, трижды, четырежды: сколько у тебя детей, столько раз она и женщина. Честь твоей жены и матери твоих детей — это честь твоего рода.

Алкоголизм — злейший враг счастья. Если ваши дети зачаты в «пьяную минуту», они могут родиться идиотами. Порывы чувств должны облагораживаться мудростью и взглядом в будущее. Если этого нет, от любви может остаться скотское удовлетворение.

Любовь мужчины к женщине, женщины к мужчине — интимное и неприкосновенное чувство. Берегите тайны любви. Рассказывать о своих «любовных успехах» так же аморально, пошло, как и выставлять напоказ сокровенное, интимное. Слова о любви в наших устах могут быть только возвышенными и благородными, но и этими словами нельзя разбрасываться. Если человек сказал грязные, вульгарные слова о

самом прекрасном и сокровенном, он оскорбил, унизил свою мать. Не надо устраивать диспутов и споров о любви. Недостойно искать советов по вопросам, которые должны быть глубоко личным, интимным делом. *Берегите неприкосновенность любви.*

Большое зло — унижать человеческое достоинство, изменять самому высокому человеческому чувству — любви. Ни в чем не может быть надежным человек, изменивший великому человеческому долгу отца, матери, мужа, жены. Верность долгу мужа, отца, матери, жены — для детей это школа человеческой преданности и верности, без которой немыслимы идейная убежденность, нравственная стойкость. От того, как смотрят друг другу в глаза мать и отец, зависит то, как смотрит их сын, дочь на мир и на себя самого. Предательство в отцовстве, материнстве, супружестве — мерзкая подлость, к которой нельзя быть снисходительным. Презирай предателя: не подавай ему руки, не приглашай в компанию, не садись с ним за один стол, а если видишь, что он сидит за тем же столом, где пришлось сесть и тебе, уйди с чувством презрения. Быть безразличным к предательству — это все равно что ходить с грязными руками и не ощущать грязи.

В этих поучениях мы видим путь к воспитанию будущих отцов и матерей. Не будем бояться сказать, что высшая педагогическая мудрость — это умение видеть в маленьких детях-несмышленышах завтрашних отцов и матерей. Это лишь с первого взгляда так кажется, что отцовство и материнство маленьких детей невообразимо далеки. На моих глазах трижды совершился неумолимый круговорот времени: приводят в школу своих внуков те, кто в первые годы моего педагогического труда были моими первыми питомцами. Если вы, воспитатель, всматриваясь в глаза своих маленьких воспитанников, только что переступивших школьный порог, читая строчки их мыслей и особенно то, что между строчками, будете видеть в них будущих отцов и матерей, вы совершенно по-другому их будете воспитывать. На первых порах не надо часто повторять им: придет время, когда у вас будут собственные дети. Но без этого не обойтись; маленький человек уже на пороге детства и отрочества должен задуматься об этом; пусть изумит его мысль о собственной ответственности за то, что *будет*. Когда же в душу вашего питомца стучатся пробуждающиеся мужчина и женщина, мысли о будущем отцовстве и материнстве должны быть по-настоящему зрелыми, серьезными. Я считаю воспитательную цель достигнутой лишь тогда, когда мое напоминание о том, что вы, мальчики и девочки, через 7—8 лет станете матерями и отцами, а через 15 лет приведете своего первенца в школу, вызовет в глазах не просто застенчивую, но заботливо-мудрую улыбку, а потом задумчивость.

Но уже с первых дней обучения мы воспитываем будущих отцов и матерей. Тончайшие грани человеческой и педагогической мудрости мы оттачиваем, раскрываем в себе специально для того, чтобы пробудить в детских душах чувство верности, преданности, горячую любовь к близким, особенно к матери и отцу. Верность человеческому долгу, преданность, привязанность, способность души вкладывать свои силы в другого человека — это важнейшее условие высокой моральной культуры желаний. Маленький человек, остро чувствующий, пережи-

вающий, начинающий глубоко понимать верность как великое достоинство, становится непримиримым к злу — лицемерию, обману, безразличию, измене, предательству.

Я считаю исключительно важным, чтобы маленький человек был верен прежде всего своей колыбели, семье. Мои маленькие дети знают сказку о Верности Своей Колыбели. Я рассказываю ее малышам через несколько дней после того, как они пришли в школу, потом еще рассказываю несколько раз, обогащая ее новыми деталями.

Очень нелегкое это дело — побуждать детей к тому, чтобы учились они задумываться над тем, что окружает их в жизни сегодня, кому они обязаны своими радостями, что их ждет в будущем. Есть в человеческой речи слова, способные пробудить нежные чувства к матери и отцу, есть образы, в которых ребенок видит истоки своих радостей. Есть вещи, о которых надо спешить думать и говорить в детстве: если вы не сумели пробудить об этих вещах мыслей в годы детства, потом никогда не сумеете. Я твердо убежден, что быть преданным отцом и матерью человек учится в детстве. Есть у меня множество сказок, специально придуманных для того, чтобы, поэтизируя образ матери, материнской и сыновней любви, верности, преданности, утверждать в детском сознании убеждение: огромное человеческое счастье — быть любящим матерью и отцом, сыном и дочерью. Есть сказки, без которых я не представляю воспитание благородных желаний, — это «Вороненок и Соловей» и «Ожерелье с четырьмя лучами».

Духовная подготовка к любви — это воспитание интеллектуального, эмоционального, эстетического, нравственного богатства, того, в чем выражается сложный человеческий мир: красоты мыслей и чувств, одухотворенности возвышенными устремлениями, радости общения с другими людьми, нетерпимости и непримиримости к злу. Я вижу очень тонкую и сложную воспитательную задачу в том, чтобы человек уже в годы детства дорожил красотой во всех ее проявлениях, одухотворялся прекрасным, стремился создавать, оберегать, утверждать красоту вокруг себя и в самом себе. Благородство, нравственное величие и достоинство любви заключается в том, что, одухотворяясь красотой, человек оберегает ее, заботится о ней, умеет быть ласковым, нежным с красивым и строгим, непримиримым с пошлым, уродливым, безобразным. У меня есть несколько сказок, предназначенных для того, чтобы учить вдохновляться. Сказке «Красота, Вдохновение, Радость и Тайна» я придаю очень большое значение в воспитании.

Я стремлюсь к тому, чтобы уже на рубеже детства и отрочества каждый мой питомец был изумлен мыслью о вечности красоты, о красоте жизни, наполненной трудом, созиданием, заботой о прекрасном. Подросткам, задумывающимся о смысле и цели жизни, я рассказываю сказку «Перед Справедливым Судьей».

Я еще раз подчеркиваю исключительную важность того, чтобы в тот период, когда в человеке пробуждаются мужчина и женщина, его волновали мысли о цели жизни и предназначении человека, о красоте, благородстве, достоинстве желаний и поступков, о высшем счастье — общении с человеком. Чем богаче духовная жизнь мальчика, девочки в этот период, тем ярче и благороднее нравственная окраска чувств и

переживаний, тем глубже потребность сохранить свои чувства в неприкосновенности, сберечь тайну первых побуждений.

Любовь — это раскрывающийся цветок, и лучше к нему не прикасаться. Пусть юный ум и юную душу изумляет красота цветка как единого целого, не надо анализировать, чем красив каждый лепесток.

Воспитатель должен заботиться, чтобы в период пробуждения мужчины и женщины, в период первых робких, смущенных взглядов на мир любовь озарялась напряженной духовной деятельностью — заботой о человеке, беспокойством, тревогой, волнениями, огорчениями, воплощенными в желания поступать так, чтобы принести людям добро. Любовь облагораживает сила духа, устремленная к утверждению добра, и непримиримость к злу.

В период пробуждения мужчины, женщины жизнь молодого человека должна быть наполнена устремлениями к торжеству правды. Желания, волнующие человека в эти счастливые годы, должны по самому существу своему быть утверждением добра, правды.

С подростками, юношами и девушками мы проводим беседы о том, как воспитывать детей.

Через несколько лет вы увидите себя в человеке, рожденном вашей любовью, учим мы своих питомцев. Рождение — это еще не создание. Человеческое творчество начинается с того, что вы вкладываете в рожденного вами человека свой ум, волю, красоту. С первого же крика вашего ребенка вы встретитесь с его желаниями. Помните древнюю мудрость: если хочешь погубить человека, дай ему всё, что он пожелает. Мудро властвовать над желаниями — вот в чем материнская и отцовская мудрость.

Я забочусь, чтобы в годы отрочества и ранней юности каждый человек видел в эгоизме, себялюбии своего личного противника. Я стремлюсь к тому, чтобы подростки, юноши, девушки понимали, где истоки эгоизма. День начинается для меня детской радостью. Я вижу в радостных детских глазах восхищение красотой раскрывшегося цветка розы, вижу изумление, удивление ребенка, созерцающего что-то необычное, новое: удивительные очертания облака в синем небе, пеструю бабочку среди листьев… С радостью показывают дети подарки родителей. Хорошо, что и общество, и родители дают детям много радостей. Но при виде безмятежных детских лиц в мое сердце закрадывается тревога. Зажигает ли наш неугасимый факел любви к ребенку ответную искорку благодарности в его сердце? Чувствует ли ребенок, что радости и блага жизни — это труд и пот родителей, забота многих и многих, «не родных», но дорогих для него людей — дорогих потому, что без них он не мог бы жить, хотя, часто бывает, ему и в голову это не приходит?

Продолжить самого себя, повторить себя в своем ребенке — это великое счастье. Ты будешь смотреть на своего ребенка как на единственное в мире, неповторимое чудо. Ты готов будешь отдать всё, лишь бы сыну твоему было хорошо. Но не забывай, что он должен быть прежде всего человеком. А в человеке самое главное — чувство долга перед теми, кто делает тебе добро. За добро, которое ты будешь давать ребенку, он переживает чувство признательности, благодарности лишь тогда,

когда он сам будет делать добро для тебя — отца, матери, вообще для людей старших поколений.

Помни, что детское счастье по своей природе эгоистично: добро и благо, созданное для ребенка старшими, он воспринимает как нечто само собой разумеющееся. До тех пор пока он не почувствовал, не пережил на собственном опыте (а опыт сам к нему никогда не придет), что источник его радостей — труд и пот старших, он будет убежден, что отец и мать существуют лишь для того, чтобы приносить ему счастье. Может получиться, что в честной трудовой семье, где родители души не чают в детях, отдавая им все силы своего сердца, дети вырастут бессердечными.

Как же добиться, чтобы золотые крупинки, которые ты будешь дарить своему сыну, превращались в золотые россыпи для других людей? Самое главное — надо учить ребенка понимать и чувствовать, что для каждой искорки его радостей и благ кто-то сжигает свою силу, свой ум; каждый день его безмятежного и беззаботного детства кому-то прибавляет забот и седин. Когда у вас родится ребенок, учите его видеть, понимать, чувствовать людей — это самое сложное в трудном деле, повторении в сыне, дочери. Раннее детство — с тех пор как ребенок осознал сам себя — является школой сердечности. Создание, творение добра для людей начинается с заботы о красоте, с переживания судьбы прекрасного. Всё, что доставляет человеку эстетическое наслаждение, радость, имеет чудодейственную воспитательную силу.

Вы должны будете проектировать человека, думать над содержанием каждого урока школы сердечности: что надо делать ребенку, чтобы он сердцем чувствовал, что живет среди людей. Пусть в вашей семье будет свой семейный праздник, в день которого ребенок творит радость для родителей. Во многих семьях у нас — это Осенний Праздник Розы. Дети сажают куст розы — для матери и отца. Пусть дети ухаживают за кустом, поливают его. Вот появились первые зеленые листочки на кустике... Снова и снова ребенок поливает и рыхлит землю, собирает удобрения. Потом появляются цветки. Огоньки радости, горящие в эти дни в детских глазах, ни с чем не сравнимы. Это не та радость, которую переживает ребенок, получивший что-нибудь в подарок от родителей. Это радость творения для самых дорогих людей. У ребенка и появляются дорогие для него люди, потому что есть труд для них. Нет для молодого родителя счастья больше, чем видеть сияющие детские глаза в те мгновения, когда цветок розы, выращенный собственными руками, ребенок несет матери, отцу. Глаза ребенка озарены чистым сиянием человечности. Это человеческое озарение как бы открывает глаза ребенка на мир. Ребенок принес матери цветы и увидел в материнских глазах ни с чем не сравнимую радость, изумление. Сердце скажет в это мгновение ребенку, что радостное изумление мать переживает не так часто, что у нее бывает немало горестных минут. Чувство жалости к самому дорогому человеку, стремление принести матери минуты радостного изумления — вот какими золотыми россыпями обогащается в эти минуты детское сердце. Ребенку хочется создавать красоту для родных, для матери и отца. Благородные, достойные человека желания рождаются благодаря труду, одухотворен-

ному любовью к человеку. Ребенок, переживший чувство творения красоты, добра для людей, приобретает новое ви́дение мира. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы он видит труд, заботы, тревоги. У него не поднимается рука сломать ветку, сорвать цветок просто так. Неблагодарные дети растут там, где первые шаги сознательной жизни не озарены этими высокими желаниями — принести добро матери, отцу.

Пусть жизнь твоего ребенка будет наполнена заботой, тревогой о живом и красивом. Пусть думает сын о маленькой яблоньке, которой холодно под порывами зимнего ветра; пусть живет в его сердце тревога: а не подкрадывается ли в холодную ночь к яблоньке серый зайчик, не грызет ли кору? Пусть на рассвете идет ребенок в сад, пробует на ощупь тоненький ствол яблоньки, окутывает его соломой. Пусть сердце ребенка болит от того, что во время бури маленький птенец выпал из гнезда. Как его водворить обратно?

Через год-два после начала обучения в школе пусть ваш сын закладывает Сад Благодарности: сажает яблоню матери, яблоню отца, яблоню дедушки, яблоню бабушки. Ребенку надо постоянно внушать, во имя чего он трудится. Пройдет 2—3 года, на деревцах, посаженных, как это кажется ребенку, когда-то очень давно, завяжутся первые плоды. Ребенок переживает это как самые светлые дни своего детства. Он с нетерпением ждет того дня, когда созреют плоды, чтобы снять их и понести матери, отцу, увидеть в их глазах радостное изумление. Эти мгновения оставляют неизгладимый след в юной душе. Он поднимается на первую в своей жизни вершину нравственного развития. Те духовные и физические силы, которые вложил ребенок в труд для дорогого человека, — это целый мир переживаний, чувств. Творение добра для людей станет его потребностью. Он будет чувствовать сердцем, что товарищу, другу, любимому человеку, живущему рядом, надо помочь. Ребенок, испытывающий потребность делать добро, становится очень зорким, восприимчивым, чутким к окружающему миру, людям, поступкам, взаимоотношениям. Как чутки дети, переживающие радость творения добра, к огорчениям и невзгодам матери и отца!

Нравственное воспитание — это мудрое ограничение. Ребенок должен понять, что есть три вещи: *можно, нельзя* и *надо*. Большую, иногда роковую ошибку допускают те матери и отцы, которые, образно говоря, не умеют правильно чередовать эти три блюда: можно, нельзя и надо. Лет до 12, иногда до 13—14, а бывает и до 15—16 кормят одним блюдом: можно. Ребенку, а потом и подростку всё дозволено. Ему вдалбливается мысль, что он чуть ли не центр Вселенной, вокруг него всё вращается. Потом, когда вдруг оказывается, что ребенок, как говорят в народе, сел на шею родителей, мать и отец в пожарном порядке меняют блюдо: нельзя! Вдруг перед маленьким человеком открывается совершенно новая, не известная ему доселе сторона окружающего мира: это запрещается, это не разрешается. Маленький человек чувствует себя оскорбленным. У него извращено представление о добре и зле, справедливости и несправедливости. До сих пор он каждой клеточкой своего существа чувствовал, что он приносил родителям

только радость: что бы он ни делал — мать и отец только хвалят (даже если бабушке пригрозил маленьким кулачком — и за это хвалят: вот какой у нас сын самостоятельный человек!). И вдруг оказывается, что он приносит родителям не радости, а одни беды и огорчения, он уже не «золотко» и не «ненаглядный сыночек», а божье наказание. Вместо ласкового пустословия появляется подзатыльник, а то и ремешок. У ребенка разыгрывается болезненное самолюбие. Каждое новое резкое слово для родителей — это мелкая соль, посыпающая кровоточащие ранки его самолюбия. Жалость к себе — вот душевное состояние, которое я без преувеличения называю неисчерпаемым источником эгоизма. Не допускайте, чтобы у ваших детей зародилось это состояние, — оно породит ожесточенность. Пусть человек умеет жалеть себя лишь постольку, поскольку он умеет быть добрым и жалостливым к другим.

Я еще раз напоминаю, что эти поучения обращены не к родителям, а к подросткам, юношам и девушкам. Без этого я не представляю школы как важнейшего очага нравственной культуры. Многолетний опыт убеждает, что, если все эти вещи, о которых идет речь, становятся предметом мысли 14—17-летних, если они думают о себе как о будущих матерях и отцах, то они становятся совершенно другими людьми. Для них учение становится трудом и долгом, они умеют видеть себя в будущем.

Человека надо учить всему заблаговременно. Трудиться по-настоящему человек начинает лет с восемнадцати, а учат трудиться его начиная с того времени, как он сделал первый шаг. Так и с подготовкой к продолжению рода человеческого. Учить воспитывать своих детей — это значит давать знания о самом главном, что понадобится человеку в жизни. Разве это не поразительно: подростка, юношу учат многому: обрабатывать землю и выращивать хлеб, управлять трактором и работать на токарном станке, но как воспитывать детей — этому никто и не думает учить. А это самое главное.

Иногда говорят: настоящее идейное воспитание начинается с того времени, как ребенок надел пионерский галстук. Это большая ошибка. Идейное воспитание начинается с того момента, когда ребенок произнес слово *мама.* Каким станет существо, родившееся от человека и имеющее человеческий облик, в огромной мере зависит от того, как это существо относится к матери и отцу, какие чувства переживает оно, произнося слово *мама, отец.* Сыновний долг — это испытание на человечность. Об этом рассказывает старинная украинская легенда о материнской любви.

Нет любви сильнее материнской, нет нежности нежнее ласки и заботы материнской, нет тревоги тревожнее бессонных ночей и несомкнутых глаз материнских. «Если в сердце сыновнем загорелась искра в тысячу раз меньше материнской любви, — говорит украинская народная мудрость, — то и тогда эта искра горела бы всю жизнь человеческую неугасимым пламенем». Человечество существует потому, что существует материнская любовь.

Сыновняя благодарность... Сколько горьких дум и скорбных минут переживает материнское и отцовское сердце, чувствуя, что сын или

дочь равнодушны, бессердечны, что они забыли о добре, сделанном для них отцом и матерью! И нет выше радости для человека, чувствующего приближение сумерек жизни, чем любовь и преданность детей. Неблагодарный сын, неблагодарная дочь — в сокровищнице народной морали это, пожалуй, самое острое и самое глубокое осуждение одного из человеческих пороков. Именно у трудового народа нам нужно учиться воспитанию чистого, благородного сердца, в неисчерпаемом источнике народной морали нужно брать духовную энергию, без которой немыслимы человечность, дружба и товарищество, братство свободных людей.

Страшными людьми становятся те, кто в детстве, отрочестве и ранней юности бессердечен. Это мелкие или крупные предатели — в зависимости от того, какое «поле деятельности» открывается перед ними. Став семьянином, такой человек ежедневно совершает предательство: калечит детей, тиранит жену, воспитывает в юных душах эгоизм, себялюбие, равнодушие к людям.

Человек не может быть счастливым, если он в годы отрочества и ранней юности не постиг на собственном опыте, что самое главное богатство нашей жизни — это дружба, верность и преданность идеалам, объединяющим юные души настолько крепкой, нерушимой связью, что разрыв этого духовного сообщества переживается как величайшее горе. Особенно необходима эта благородная потребность — потребность в человеке — для формирования мужчины. Чтобы стать настоящим мужчиной, ты должен в ранней юности раскрыть богатства своей души в дружбе. От этого зависит чистота твоего чувства любви, счастье твоей будущей семьи.

Дружба — это школа воспитания духовной готовности к любви. Дружба нужна нам не для того, чтобы чем-то заполнить время, а для того, чтобы утверждать в самом себе благородство. В дружбе мы отдаем силы своей души другому человеку и от этого сами становимся красивее.

Любовь без дружбы мелка. Если юноша уважает в девушке прежде всего человека, если он любит в ней человека, то эта возвышенная, благородная дружба сама по себе так же прекрасна, как и любовь. Не дружбу строить на половом влечении, а любовь может быть морально оправдана лишь тогда, когда полюбивших связывает крепкая дружба. Не любовь сама по себе вдохновляет нравственную чистоту, а наоборот — благодаря высокой нравственности человеку доступны благородство и красота чувства любви.

Люди, надеющиеся построить духовную общность на половом влечении, как раз и не дорожат любовью, потому что пытаются втиснуть весь мир духовной жизни в поцелуи и ревность. Любовь без высшей духовной жизни, без стремления к единому идеалу, без дружбы во имя этого может превратиться в чувственное наслаждение. Каждый наш юноша записывает в записную книжку слова В. Г. Белинского, читает их наедине, вдумывается в них: «Любовь — поэзия и солнце жизни. Но горе тому, кто в наше время здание счастья своего вздумает построить на одной только любви и в жизни сердца вознадеется найти полное удовлетворение всем своим стремлениям... Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье

заключалось бы только в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачной пустыней, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существенностью которого побледнели бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1966. С. 230, 266).

Если уйти в личное счастье любви невозможно было во времена В. Г. Белинского, то сделать это в наше время равносильно полному одиночеству и бездеятельности, ограничению своего мира до субъективных чувств и переживаний. Если уже в свое время В. Г. Белинский видел, что «кроме внутреннего мира сердца» есть «великий мир жизни, тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование — подвигом», то в наше время такой мир открылся не для отдельных борцов, а для всего народа. Половое влечение только тогда и стало приобретать характер нравственной связи и долга, когда кроме внешней красоты перед человеком открылось внутреннее богатство человека — достоинство личности, ее способности, творчество, общественная деятельность. Для того чтобы любовь стала для человека подвигом, он должен достигнуть высокой ступени морального развития — прежде всего понимать высокую цель своей жизни. Когда борьба за достижение высокой цели становится подлинной страстью, то любовная, половая страсть теряет характер цели, любимый человек становится другом в этой борьбе. Именно это (когда страсть любви перестает быть целью) и облагораживает человека, возвышает его над чувственными страстями. Понимание истинных масштабов счастья личного и счастья общечеловеческого нисколько не унижает человека, не угнетает его, а, наоборот, возвышает, так как пробуждает у него стремление обогатить свою жизнь высокими духовными интересами.

Понимание соразмерности личных чувств и счастья человечества предохраняет от того, чтобы отдельные неурядицы, мелкие споры не превращались в трагедию и не отравляли жизнь. Сколько таких «трагедий», достойных сожаления, унижающих человеческое достоинство, бывает вокруг нас! Сколько «безвыходных положений» и «неразрешимых противоречий» создается в молодых семьях лишь потому, что люди делают из своей любви маленькую вселенную, в которой на каждом шагу тупики, нет простора для широких, благородных движений души.

В душах подростков и юношей мы стремимся утвердить убеждение: там, где духовная жизнь молодых мужа и жены начинается и кончается любовью, по малейшему поводу разыгрывается честолюбие; оскорбленные супруги из-за пустяков неделями не разговаривают, бередят свои сердца мелкими царапинами и умышленно посыпают их солью мелкого гнева. Появляется «несходство характеров», «расхождение во взглядах», а взглядов-то собственно никаких и нет. Такие люди, по существу, не готовы к духовно-психологическому общению, им не следовало бы вступать в брак до тех пор, пока они не определят масштабов своего личного счастья.

От характера отношений мужчины и женщины в годы ранней юности, задолго до брака, от того, насколько преобладает в этих отноше-

ниях духовно-психологический, морально-эстетический элемент, зависит нравственная чистота всей жизни. Опасайтесь «опыта», «многоопытности» в любви — учим мы своих питомцев. Чем чище, благороднее отношения в годы ранней юности, тем выше нравственный долг юноши — будущего мужа. Нравственный долг перед женщиной, ответственность за ее будущее — вот что делает из юноши мужчину. Чистая любовь приносит юноше возмужание, легкомысленная любовь, любовь от скуки развращает его. Тот, кто до брака узнал, испытал всё, вступает в жизнь духовно опустошенным человеком.

Высшая радость духовного общения влюбленных — в интеллектуальном и эстетическом взаимном обогащении, в постепенном узнавании и открытии все новой и новой красоты, в том, что влюбленные жадно впитывают друг от друга всё лучшее и потом как бы отдают всё лучшее друг другу. Верная любовь, любовь на всю жизнь... кто о ней не мечтает? Но от чего же зависит она? От неисчерпаемости человека. Богатство внутреннего духовного мира выражается в множестве оттенков чувств, которые может передать человеческий взгляд. Если же круг этих чувств ограничен, то и внешняя красота, поразившая при первой встрече, со временем как бы тускнеет, теряя свою привлекательность. Там, где любовь питается только мимолетным очарованием, неизбежны разочарование, «несходство характера».

Нет какой-то специальной «науки любви», есть наука человечности; кто овладел ее азбукой, тот готов к благородным духовно-психологическим и морально-эстетическим отношениям. Любовь — строгий экзамен человечности. В беседе с Кларой Цеткин В. И. Ленин подчеркивал, что в любви необходимы самоограничение, самодисциплина (см.: *Ленин В. И.* О воспитании и образовании. М., 1974. С. 626). Ведущая роль здесь принадлежит мужчине.

Будь сдержанным в своих порывах. Знай, что физическая близость любящих друг друга морально оправдывается только особой близостью духовной — готовностью вместе пройти жизнь, родить и воспитать детей, делить трудности. Знай, что девушку, духовно богатую, умную, честную глубоко унижает, возмущает то, что до вступления в брак юноша стремится к близости физической. Самые счастливые дни юности — это та чистая, идеальная любовь, с которой духовно богатым людям долго не хочется расставаться.

Если встретились юноша и девушка, у которых одинаково развито чувство чести и достоинства, то они очень долго не переходят той черты, за которой начинается физическая близость. Это не значит, что у них нет стремления к этому. Стремление это горячо и страстно, но духовная близость сама по себе доставляет им настолько большое счастье, что о физической близости они мечтают как о чем-то второстепенном и далеком. Период духовной близости, идеальной любви у них очень долгий, они намеренно стремятся продлить его, и это дает им большое счастье.

«Жизнь прожить — не поле перейти» — говорит народная мудрость. В том, каков человек в семейной жизни, проявляется его подлинное моральное лицо. Мелкий эгоист и деспот в семье не может быть настоящим гражданином. Есть люди, которые по уровню своего нравствен-

ного развития совсем не готовы к браку, и их женитьба или замужество являются в высшей степени аморальными поступками, преступлениями перед теми, чью жизнь они создают. Кое-кто смотрит на брак как на беспрепятственную возможность удовлетворять свои инстинкты. Отдельные развращенные молодые люди видят в браке право на то, чего им не удалось добиться до брака, несмотря на все домогательства, обещания. Никакие юридические узы не в состоянии укрепить слабость уз духовных.

Помните, юноши и девушки, учим мы своих питомцев, что, вступая в брак, люди берут на себя не только юридические, материальные, но и духовные обязанности. От характера отношений в семье зависит духовное богатство общества. Почему у молодых супругов уже в первые месяцы совместной жизни исчезает «поэзия любви»? Потому, что, вступая в брак, люди полагали: сама по себе любовь как полное отсутствие препятствий к физической и духовной близости принесет счастье, которое будет неисчерпаемым и бесконечным. Не забывайте, что огонь любви, образно говоря, постоянно требует хорошего горючего — разносторонней духовной жизни и, если этого горючего нет, любовь быстро угасает или же чадит, отравляя воздух себе и людям. Любовь лишь тогда укрепляет семью, когда есть еще что-то кроме любви. Если же любовь ограничивается только половым влечением, духовный покров этого влечения настолько убог, что отношения вскоре обнажаются, физическая близость становится постылой...

Помните, учим мы подростков, юношей и девушек, что молодые люди, вступившие в брак, должны быть в гораздо большей степени творцами своей любви, чем потребителями ее радостей. В браке должно больше создаваться, чем потребляться. Без постоянного создания запаса духовных богатств на каком-то этапе семейной жизни вдруг оказывается, что муж и жена полностью исчерпали себя, ничего уже больше не могут раскрыть перед любимым существом, что-нибудь дать для духовной жизни семьи. Иногда доходит до того, что люди, которые до брака страдали от непродолжительной разлуки, не могут переносить друг друга. Это превращает семейную жизнь в ад, страдают же от этого прежде всего дети. Быть гражданином во всех отношениях — значит прежде всего заботиться о будущем общества, а будущее — это дети. Помните, юные мужчины — будущие мужья и отцы, что, если у вас возникает желание создать семью, вы должны хорошо проверить, готовы ли вы выполнить свой гражданский долг.

Для человека, умеющего создавать духовное богатство своей любви, нет первой, второй любви, а есть любовь единственная. Будьте идеалистами в лучшем смысле этого слова. «Люди, которые мечутся, разменивают свои чувства направо и налево, по-моему, должны чувствовать себя в конце концов нищими», — говорит О. Гончар устами одного из своих героев романа «Знаменосцы» (М., 1950. С. 73). Глубокая правда заключена в этих словах человека, преданного единственной любви. Если ты настоящий человек, если ты способен создавать духовное богатство в любимом человеке, то перестать любить того, кого ты любил в течение нескольких лет, невозможно. Настоящая любовь с годами не слабеет, а крепнет. В любимом человеке я оставляю частицу

своей души, красоту и духовную обаятельность своей души он отдает мне, вместе мы создаем такое богатство, которое вторично создать невозможно. В этом богатстве сочетаются и наш духовный рост, взаимное обогащение разума и чувств, и дети, и честь, достоинство семьи, и традиции, и воспоминания о прошлом — поэтический ореол молодости, чистота юношеских чувств. Все это оставляет настолько сильный след в душе, что начать новую жизнь без тяжелой душевной травмы невозможно. Не случайно муж или жена, потеряв любимого человека, долгие годы, а иногда и всю жизнь не могут забыть о нем, у них не может возникнуть новое чувство. Это не что-то исключительное, не «романтическая мечтательность», а глубокое проявление человечного. Человек не может забыть любимое существо, потому что оно вошло в его душу, соединилось с его судьбой. Тот, кто легко выбрасывает из сердца одну любовь и так же легко и безболезненно становится рабом другой любви, попросту гаденький человек, пачкун, гнусный предатель в той сфере духовно-психологических отношений, которая веками человеческого бытия и нравственного опыта освящена как самое чистое, неприкосновенное, глубоко личное. Честь и достоинство мужчины — быть рыцарем в этой прекрасной сфере нашего бытия. Но рыцарство достигается опять же только духовным богатством. Пустой душе оно непостижимо.

Благородная любовь умеет свято хранить верность даже тогда, когда один из супругов погиб. Каждому поколению своих подростков я рассказываю быль о Бессмертнике.

Есть 50—60-летние мужчины, которые, достигнув этого солидного возраста, «вдруг» замечают, что у них уже нет того чувства к жене, которое было в молодости, и влюбляются в молодых, цветущих женщин. Это нравственная извращенность. Значит, в молодые годы такие люди жили чувственной жизнью, для них любовь была удовлетворением естественно-инстинктивных потребностей. К сожалению, это безнравственное явление некоторые писатели выдают за «сложности жизни»... Как бы ни обставлялись эти любовные истории сложными переживаниями, всё это звучит фальшиво; ничего здесь сложного нет, всё просто до отвратительности. Изображать пылкую любовь человека, чья молодость давно ушла, к юной девушке — это значит опошлять и юношескую любовь, и то чистое, светлое, поэтическое чувство, которое объединяет любящие сердца на несколько лет. Юношеская любовь — юношам и девушкам, это ваше богатство, ваше счастье, но вместе с тем это и ваша трудная, очень трудная дорога, которую мы, старшие, обязаны освещать молодому поколению светом мудрости.

Юные мужчины — будущие мужья и отцы, умейте дорожить женственностью своих подруг. В этом умении, в этом духовном рыцарстве и благородстве — высшая честь мужчины. Помните, что отношение к женщине вообще является мерой нравственности. «На основании этого отношения, — писал К. Маркс, — можно судить о ступени общей культуры человека» (***Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., **1956. С. 587).** Хам в отношении к женщине — хам во всех отношениях. Женственность — это самое высокое выражение человеческой красоты, в этой красоте — рождение новой жизни, цветение, развитие и

увядание того, что было прекрасно. Носитель и творец жизни, женщина глубже всего воплощает высоконравственное отношение к будущему человечества. Уважать женщину — значит уважать жизнь. Подлинная женственность как сочетание красоты духа и тела воплощает в себе также и то, что принято называть женской слабостью.

Женская красота — это слияние красоты тела и духа, становление этой красоты зависит в большой мере от вас, мужчин. Женственность должна быть повелительницей человеческой красоты вообще. Если женщина понимает и ценит в себе свою особую роль в становлении новой жизни, она не может быть некрасивой. Сколько есть девушек, не обладающих броской внешней красотой, но в то же время очаровывающих своей обаятельностью потому, что они женственны. Свою большую воспитательную задачу мы видим в том, чтобы юноши видели и ценили прежде всего *эту* женскую красоту. Впрочем, юноша и становится мужчиной под влиянием *этой* красоты.

С наступлением материнства женственность расцветает во всей своей силе и красоте. В хорошей семье женщина-мать вообще является нравственным руководителем и повелителем и, чем больше покоряется ее воле муж-отец, тем лучше для воспитания детей. Это вы, будущие мужья и отцы, должны запомнить. Женственность — это духовная сила женщины, сила, воспитывающая не только детей, но и нас, мужчин — мужа, сына.

Природа и исторический процесс возложили на женщину более тонкую, более изящную работу по сравнению с мужчиной, в той мастерской, имя которой — продолжение рода человеческого. Эта работа требует особой воли, выдержки, мужества, несгибаемости и мудрости. От нашего взгляда на женский труд, от нашего отношения к нему зависит становление той прекрасной женственности, которая облагораживает, воспитывает нас, мужчин. Наша миссия — не умиляться *несуществующей женской слабостью,* а помогать своей сильной, мужественной, несгибаемой подруге. У многих мужчин где-то в глубине души таятся остатки феодала, это есть и у юношей, с этим надо бороться! Во многих семьях всё бремя семейных забот лежит на жене. Ее поглощает мелочный, отупляющий труд на кухне, превращающий ее, по словам В. И. Ленина, в домашнюю рабыню (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 126). Нужны огромные духовные силы женщины, чтобы не допустить этого. Слабоволие, отсутствие духовной стойкости отдельных жен проявляется нередко в том, что жена добровольно соглашается на интеллектуальное «первенство» мужа: он повышает свои знания, учится, а она обслуживает его потребности. В этом опасность не только для женщины, но и для мужчины. Опасайся того, чтобы твоя жена чувствовала твое превосходство, одобряла его. Расцвет женственности в огромной мере зависит от того, как развивается разум жены, насколько далеко выходят ее интересы за пределы быта семьи. Если жена умеет пользоваться превосходством для утверждения своего нравственного авторитета в семье, ее женственность возрастает, в глазах мужа она приобретает особенно сильное обаяние, никогда не теряет своей прелести и внутренней одухотворенности ее красота.

51. КАК РАССКАЗЫВАТЬ ДЕВУШКАМ И ЮНОШАМ О ЛЮБВИ

Девушка, будь мудрой и требовательной в любви. Любовь — горячее чувство, но властвовать над сердцем должен ум. Для девушки это особенно важно. Ты — будущая мать. Природой и обществом на тебя возложена особая ответственность. Ты женщина, а настоящая женственность — это сочетание нежности и строгости, ласки и несгибаемости. Твоя мудрость, сдержанность, требовательность — могучие воспитатели юношества. Мудрость женщины воспитывает честность мужчины. Только благодаря строгости и требовательности девушки-женщины юноша становится настоящим мужчиной. В жизни есть любители легких наслаждений и развлечений. Если бы все девушки были строгими и требовательными, нравственность общества стояла бы неизмеримо выше.

Любовь и легкомыслие несовместимы. Ты рискуешь стать несчастным человеком, спеша поскорее «выскочить замуж». Своему мужу ты доверяешь жизнь. Не верь басням, что «с милым и в шалаше рай».

Для того чтобы быть любимой, надо быть умной, духовно богатой. Невежество, убогость разума и чувств становится в наши дни нравственным пороком.

Человек, которому рюмка водки приносит больше радости, чем ты, чем беседа с тобой, не может принести тебе счастья.

Женщина рождается в девочке раньше, чем мужчина в мальчике. Воспитание у девушек мудрого взгляда на любовь, серьезного отношения к важнейшим жизненным вопросам — это подлинная гуманность школы и педагога. Без этого школа была бы бездушным, бессердечным, казенным учреждением. Мы, педагоги, должны особо заботиться о защите девушек, о воспитании у них защитительных сил, способных противостоять грязи, пошлости, гнусности, которых немало вокруг нас. Воспитание стойких, мужественных, несгибаемых, непримиримых к злу женщин, на мой взгляд, одна из важнейших задач идейного формирования человека.

Начиная с 12-летнего возраста мы говорим с девушками об их великой миссии Женщины, Жены, Матери. Здесь очень важно то, чтобы сами девушки почувствовали, что педагог относится к ним не как к маленьким детям, а как к будущим женщинам.

Счастливой ты будешь лишь тогда, когда будешь мудрой, — это красная нить тех мыслей, которые мы несем будущим женщинам. Миллионы вас, завтрашних жен и матерей, с трепетом сердца думают: что такое любовь? Каждая постигает эту истину по-своему. Думает об этом и каждый юноша, когда в нем пробуждается мужчина. Но ваши, девичьи, мысли должны быть самыми мудрыми: вы будете матерями.

В своих беседах с 12-летними я с особенным чувством ответственности стремлюсь ответить на этот извечный вопрос: что же такое любовь? Я рассказываю девушкам легенду о любви и говорю с девушками, как отец с собственными детьми. Мне хочется, чтобы каждая из них, чувствуя себя Матерью рода человеческого, переживала могучее

и чистое чувство ответственности за то, какими будут граждане нашего Отечества. Перед ними самая трудная страница человеческой мудрости — любовь. Если бы все, без исключения, молодые люди — и женщины, и мужчины — постигли эту мудрость до конца, у нас было бы гармоническое общество; счастье было бы уделом и богатством всех. Человек может научиться возводить величественные сооружения — гидростанции и дворцы, космические корабли и атомные подводные лодки, но, если он не научится по-настоящему, по-человечески любить, он останется дикарем. Образованный же дикарь во сто крат опаснее дикаря необразованного. Невежда, раб или подлец в сфере духовно-психологических и нравственно-эстетических отношений не может быть настоящим гражданином, настоящим творцом, настоящим патриотом. Человек насколько многогранен, бесконечен в своих богатствах и проявлениях, настолько же и един: одна беда тянет за собой другую беду.

Передо мной множество писем от девушек и молодых женщин. Это вопли человеческие, но вместе с тем это и тревожное напоминание о том, что истинную любовь надо творить и беречь, создавать и воспитывать, она не является чем-то стихийным, не передается по наследству, как передается инстинкт продолжения рода.

Раскаленными листами металла кажутся письма, в которых звучит отчаяние и смятение: он меня любит, но не уважает... Что сделать, чтобы он не только любил, но и уважал?

Рассказывая девушкам о несчастьях и подлости, я хочу предостеречь их от ошибок, за которые им приходится очень дорого расплачиваться. Счастьем, здоровьем, а иногда и жизнью. Любовь человеческая должна быть не только красивой, преданной, верной, но и мудрой, осмотрительной, зоркой и разборчивой. И лишь тогда, когда она мудрая и осмотрительная, она может быть красивой и счастливой. Девушки должны отдавать себе отчет в том, что в жизни есть не только красота и благородство. Есть, к сожалению, и подлость, коварство, корыстолюбие, хамство, дремучее невежество, бездушие и жестокость. У девушки должно быть не только открытое, доброе сердце. Строгость, требовательность, несгибаемость, недоступность — без этого не может быть подлинного благородства и открытости сердца. Легкомыслие в любой сфере человеческих отношений очень вредно, в сфере же духовно-психологических и нравственно-эстетических отношений оно смертельно.

Откуда идет эта рабская философия, бессловесная бабья покорность: «Он меня бьет, а я его люблю»? Страшно, больно и обидно, когда видишь такое унижение Человека. Как же против этого бороться, как преодолеть? По-видимому, последним пристанищем духовного рабства в мире человеческом будет сердце женщины. **Бойтесь этого как огня, девушки, бойтесь стать образованными, интеллектуально богатыми рабынями. В духовном рабстве сливаются невежество и подлость.** «Он любит, но не уважает...», «Он бьет меня, а я люблю, потому что люблю его...» — это идет от элементарного невежества, от дремучего бескультурья в сфере духовно-психологических отношений. Как будто бы они существуют отдельно: вот это — любовь, а это —

уважение, сегодня он любит, но не уважает, завтра — уважает, но не любит...

Но дело здесь не только в невежестве и невоспитанности. На юные умы пагубное влияние оказывают «теории», которые в последние годы находят широкое распространение на страницах книг и статей по вопросам брака. Особенную тревогу вызывает «теория» угасания любви. Ю. Рюриков в книге «Три влечения» (М., 1968) и в ряде статей пытается доказать, что чем выше уровень образованности и интеллигентности человека, тем закономернее недолговечность чувства любви, побудившее людей вступить в брак: любовь угасает, и развод в наши дни вообще является больше избавлением от зла, чем злом.

Я бы назвал эту «теорию» гнусной и нечистоплотной; в ней — неверие в благородство человека. Признание угасания любви как закономерности, сопровождающей культурный прогресс нашего общества, — это, по существу, взгляд на любовь как на животное влечение; это пренебрежительное отношение, по существу отрицание духовного начала любви, примитивного взгляда на сложнейшее и сокровеннейшее. Если согласиться с этой «теорией» о том, что угасание одной любви закономерно ведет к рождению любви новой, то это с самого начала обрекает молодые души на неверие в святое и незыблемое: раз любовь угасает, значит, мы сходимся на какое-то время, а потом разойдемся, и общество будет смотреть на это как на благо: ведь мы же не любим друг друга, брак же без любви аморален... В основе этой страшной для молодых душ «теории» — примитивный взгляд на любовь как на нечто властвующее над умом, чувствами, поступками человека, как на некую роковую, стихийную силу. Истинная же сущность любви в том, что она — напряженная духовная жизнь, труднейшая работа человеческого духа, создающая эту величайшую человеческую ценность — любовь. Это не жидкость, которой суждено испариться в течение какого-то времени, а богатство, накапливаемое настоящим человеком по крупице. В этой адски трудной работе духа, живым воплощением которой являются дети, человек оставляет частицу своей души — вот что перечеркивает гнусная «теория» угасания любви. Если одну «угасшую», «испарившуюся» любовь будет сменять новая и т. д., человек духовно опустошится, что и происходит в действительности, если внимательно присмотреться к любителям все новых и новых ощущений, перелетающих с цветка на цветок.

В утверждении «брак без любви аморален» есть нечто опасное. Юношеская пылкая любовь, молодая восторженность не вечны. Им на смену приходит спокойное уважение. Любовь проходит сложную эволюцию, и это закономерно. То, что пылкая юношеская восторженность постепенно уступает место сердечной привязанности, ответственности, долгу, нравственно не подготовленным к браку и невежественным людям кажется угасанием любви.

Теория, оправдывающая распад семьи вследствие угасания любви, направлена прежде всего против детей и против женщины — жены и матери. Им особенно необходим прочный, вечный союз, построенный на человеческой любви — преданности, верности, долге. Она увядает быстрее мужчины, и это увядание нуждается в сердечной участливости

и особой любви мужчины. Я считаю своей исключительно важной воспитательной задачей духовно подготовить мужчину к этому неизбежному увяданию подруги-жены, утвердить в юной душе мужскую готовность беречь, оберегать, хранить свое чувство. К браку и десятилетиям жизни в супружестве мужчина должен относиться как к духовному союзу людей, готовых помогать друг другу до конца жизни. Приходит старость, одолевают слабости и недомогания, супруги становятся особенно нужными друг другу, и в этот, можно сказать, сумеречный час своей жизни любовь выражается прежде всего в преданности: муж и жена лишь тогда настоящие супруги, когда они преданные друзья, готовые отдать свою жизнь во имя счастья и благополучия друга. Верный, преданный друг необходим для того, чтобы разделить горести старости. Он необходим для того, чтобы похоронить друга, — об этом тоже нельзя забывать.

В последние годы стало модным слово *несовместимость*. Не умеют молодые супруги построить жизнь, наладить свои взаимоотношения — и это оправдывается несовместимостью взглядов, характеров, привычек и т. д. Нельзя злоупотреблять этим понятием! Несовместимость имеет свою нравственную, этическую основу. Это капризное существо рождается там, где люди намерены только черпать в любви удовольствия, а не творить красоту отношений. Мудрость любви заключается в том, чтобы человек умел прикасаться к негладким, сложным, зачастую очень хрупким и уязвимым точкам души другого человека. Совместимость — это не есть что-то раз навсегда данное от природы и неизменное. Люди, решившие любить друг друга, должны вырабатывать в себе готовность к духовной совместимости. Это существо должно быть не капризным и неуживчивым, а терпимым, уступчивым, покладистым, умным, рассудительным. Совместимость — это дитя мудрости, рассудка. Рассуждения о несовместимости как о чем-то раз и навсегда данном можно было бы считать детским лепетом — настолько несерьезна основа этих рассуждений! — если бы этот лепет не приносил столько горя и слез. И здесь с особенной яркостью выступает одна из очень важных воспитательных задач школы и семьи — оттачивать, формировать в каждом человеке готовность к совместимости с другим человеком. Человеческая мудрость жизни в коллективе прежде всего и заключается в том, чтобы уметь и сгладить свои «острые углы», и осторожно подходить к «острым углам» другого человека, тонко и терпеливо ослаблять отрицательное и развивать хорошее в себе и в других.

Многое зависит от мудрости взаимной требовательности друг к другу в отроческие и юношеские годы. Я вижу исключительно сложную проблему духовного становления человека в том, чтобы учить подростков, юношей — и особенно девушек! — непреклонной требовательности и бескомпромиссности. То, что в старшем юношеском возрасте выступает уже как сложившиеся «острые углы» личности, вначале бывает результатом своенравия, капризов, неумения управлять собой, сдерживать себя. С девушками я провожу специальные беседы о том, как проявлять требовательность и непреклонность. Такие же беседы надо проводить и с юношами.

Хочется, чтобы каждый из нас, воспитателей, понял: нельзя смотреть на питомцев школы лишь как на детей своих родителей. Большая беда заключается в том, что подчас так и уходят они в жизнь 17- и 18-летними детьми, созревшими для рождения детей физически, но не созревшими духовно для того, чтобы любить, воспитывать, быть мудрыми и требовательными в самой сложной сфере духовной жизни.

Миссия школы — воспитывать человека в гармоническом единстве: гражданина и труженика, любящего и верного супруга и отца — мать. Главный экзамен не в ответах на вопросы экзаменационных билетов, главное торжество школы не в акте вручения аттестатов. Главное — быть настоящим гражданином, тружеником, жить в любви и верности со своим супругом. Главным торжеством школы, по-моему, является тот день, когда мать и отец — наши бывшие питомцы — привели к нам в школу свое дитя, и мы, педагоги, убеждаемся, что питомцы наши в своем творении сумели не только повторить себя, но и поднять свое творение на высшую ступеньку человеческой красоты и нравственной доблести. Вот здесь-то и оказывается, что любовь — это могучая сила, большая мудрость, ни с чем не сравнимое искусство, способное творить чудо — чудо создания человека. Каждый раз, когда ко мне приходят мать и отец, наши бывшие питомцы, и приводят за руку свое дитя, я еще и еще раз убеждаюсь, что о любви человеческой надо говорить как о большом, нелегком труде. Вот он перед нами, этот труд, в облике малыша, который смотрит на мир широко открытыми глазами. Самый сложный, мучительно напряженный, счастливый, благородный, одухотворяющий высокими побуждениями труд — это любовь к человеку. Чтобы по-настоящему любить, надо иметь могучую духовную силу. Миссия семьи, школы, старших поколений — вдохнуть в человека эту мудрую силу. Всё школьное воспитание — это, по существу, воспитание любви и непримиримости, любви и человеческой гордости, любви и ненависти — любви к Отечеству и родному народу, ненависти к его врагам, любви к матери и отцу, любви к человеку, с которым ты будешь не только продолжать род, с этим человеком ты станешь единым существом, сольешь с ним свои взгляды и убеждения, духовные порывы и стремления.

В задушевных беседах с девушками я поучаю их: **когда в присутствии юноши или даже при мысли о нем у тебя учащенно забьется сердце, когда тебе захочется, чтобы юноша смотрел на тебя с изумлением и восхищением, считая тебя единственной в мире, — это значит, в тебе пробудилась Женщина, пробудилась Мать. С этого мгновения началась для тебя новая жизнь. С этого мгновения ты отвечаешь уже не только за себя, но и за то будущее человеческое существо, которое живет в твоей плоти, которое ты носишь в своей душе, — так предначертано природой. Но природа — это лишь строительный материал для творения прекрасного — будущей человеческой жизни, а творить-то тебе, мастером-скульптором быть тебе вместе с тем человеком, который полюбит тебя и которого полюбишь ты.**

Пробуждение Матери — это извечное стремление соединиться с существом противоположного пола для творения новой жизни. Это непреодолимая инстинктивная сила, но это еще не человеческая любовь.

Представьте себе кусок благородного камня-мрамора. Мастер-скульптор может изваять из этого куска прекрасное творение своих рук — каменный цветок, по красоте не уступающий живому, благоухающему цветку с каплей росы и отблеском утренней зари. Он начинает ваять, он трудится в поте лица, и вот из глубин мертвой материи выступают очертания живой красоты — красоты рукотворной, красоты, созданной человеком. Эта красота — из мрамора, но мрамор остается куском мертвого камня до тех пор, пока к нему не прикоснулись руки, одухотворенные внутренней красотой человеческой, талантом. Вот эти одухотворенные руки и есть человеческая красота. Надо быть большим мастером, чтобы добыть ее из глубин дикого камня, чтобы стать достойным высокой человеческой любви — чувства возвышающего, облагораживающего. Человек, не постигший этого великого труда — *труда любви,* кажется мне одетым в звериную шкуру первобытным существом, которое притащило в свою пещеру кусок мрамора и любуется им, не подозревая, что в таинственных глубинах этого куска скрыта дивная красота.

Беда как раз в том и заключается, что многие молодые люди не идут дальше этого первобытного, убогого труда: отковырял кусок мрамора и любуется им. Почувствовал половое влечение и уже стремится удовлетворить его, считая, что это и есть любовь. Если нет ничего, кроме полового влечения, то в супружеской жизни будет только умение рожать детей — для этого большой мудрости не требуется... Но дети не цыплята, и, если они рождаются существом, мудрость которого не простирается дальше мудрости наседки, они несчастны.

Помните, девушки, что пробуждение в вас Женщины (равно как и пробуждение Мужчины в мальчике, в юноше) можно сравнить с тем, что вы приходите на каменоломню, где кругом лежат куски прекрасного мрамора. Настоящей Женщиной, умудренной великой человеческой любовью, вы станете лишь тогда, когда в куске мрамора увидите цветок, который надо добыть, создать, изваять. Помните, что вы — Человек. Человек же отличается от животного тем, что он поднимает голову и смотрит на звезды. Человек отличается от прекрасной лани — она ведь тоже прекрасна! — тем, что им движет не только стремление соединиться с подобным себе, но и глубоко человеческое стремление смотреть в глаза себе подобного — это стремление, оказавшееся недоступным богу, возвышает человека над миром всего живого.

Отрочество и ранняя юность — это заря человеческой жизни; на заре человек должен творить духовные силы для мудрой и мужественной человеческой любви. Задумайтесь над этим, девушка: творить собственные силы души для любви, которую надо пронести через всю жизнь, сберечь, сохранить ее до гроба, сделать единой и неделимой, избежать ошибок и разочарований. Я называю любовь мудрой и мужественной — только такой она должна быть у настоящего человека. Восемнадцатилетняя девушка пишет: «Он меня оскорбляет, он просто издевается надо мной, он снисходительно дарит мне крохи своей любви, а я, как собака, смотрю ему в глаза — преданно и нежно. Что мне делать со своим чувством?» Быть хозяином своего чувства — вот что. Духовно-психологическое рабство идет от эмоционального невежества,

от первобытного бескультурья чувств. Подхватила девушку волна полового влечения, и девушка отдалась на волю судьбы — плывет, не зная куда, полагая, что переживаемое ею чувство уже и есть подлинная любовь. **Любовь дает счастье и наслаждение, каждая из вас, девушки, стремится к счастью, радостям, полноте духовной жизни, но, если вы безвольно плывете на волне, несущей неизвестно куда, если в вашем чувстве нет человеческой мудрости и мужества, никакого счастья не будет, наоборот, вас может постигнуть несчастье. Если половое влечение сливается с бездумностью, с жаждой мимолетной утехи, это значит, что вы подвергаетесь страшной опасности: цветок, который кажется с первого взгляда прекрасным, в самом деле таит в себе смертельный яд.**

Юноша, требующий от девушки пойти навстречу его желаниям, зачастую по уровню своего нравственного развития — дитя. Но дитя это не безобидное, оно страшное. Страшное как раз тем, что, будучи дитем, оно может стать отцом. Это все равно что младенцу, лежащему в колыбели, дать поиграть заряженным пистолетом. Если бы вы умели понять, девушки, сколько таких младенцев рядом с вами! То, что они не отдают себе отчета в том, к чему может привести игра с оружием, — большая беда нашего общества, беда социальная. Корни этой беды уходят в невоспитанность чувств, в эмоциональное невежество, а от невежества до подлости в сфере любви нет и одного шага. Невежествен не только юноша, стремящийся удовлетворить свое половое влечение и не готовый духовно к тому, чтобы стать настоящим Мужчиной. Невежественна и девушка, безвольно плывущая на волне «безотчетного» чувства и оправдывающая свое невежество тысячу раз известным «и сама не знаю, почему, но люблю — и всё». Если юноша своим невежеством причиняет зло другим, если он еще очень далек от осознания того, что его невежество причиняет зло и ему самому, то ваше невежество, девушки, несет горе вам. Вам никак нельзя быть невежественными. Сама природа повелевает вам быть мудрыми и мужественными, осмотрительными и осторожными, требовательными и рассудительными. Будьте настоящими женщинами с того мгновения, как природа пробудила в вас Женщину. Будьте разборчивыми и переборчивыми — не бойтесь этого, если только ваша разборчивость сочетается с женской мудростью и мужественностью, если только она не выливается в легкомыслие. В сфере духовно-психологических и морально-эстетических отношений наступит всеобщая гармония, если властелином и повелителем в любви станет Женщина, мудро и мужественно живущая в душе девушки. Женщина в девушке — вот как надо творить в себе духовные силы для любви, чтобы пронести любовь человеческую через всю жизнь, повторить себя в своих детях, по-человечески встретить старость и смерть.

Женщина — властелин и повелитель в любви, это могучая ласковая и нежная сила, воспитывающая настоящего мужчину. Мужество и мужественность женщины творят духовное благородство, красоту, преданность, верность мужчины. Девочка, девушка, женщина, с молоком матери впитавшая в себя ту истину, что любовь — это ответственность (в первую очередь ответственность, а потом уже наслаждение), становится требовательной к человеческой красоте, нетерпимой к злу —

унижению достоинства личности, обману, лицемерию, безделью. Требовательность к красоте помогает ей установить в семье строгий закон воспитания — дух ответственности каждого члена семьи за благо, счастье, радости, судьбу, жизнь другого человека. Там, где царит мудрая требовательность к красоте, где выработалась *зоркость на красоту и пошлость,* уже маленький ребенок понимает и сердцем чувствует: каждый его шаг, каждый проступок отражается, отзывается в духовной жизни того, кто рядом с ним, — товарища, матери, отца, учителя, совершенно незнакомого человека. Спокойным и счастливым он чувствует себя лишь тогда, когда он не причинил зла, обиды, беспокойства другому человеку. Он не может спать спокойно, зная, что неосторожным прикосновением он принес боль чьему-то сердцу. Это и есть творение духовных сил для любви. Творить эти силы в человеке должен другой человек — более сильный и богатый духовно, более щедрый сердечно. Но каждый должен быть также воспитателем самого себя. Мудро и требовательно умеет любить лишь тот, кто умеет *заставить* себя чувствовать рядом с собой человека, *заставить* себя откликаться на тончайшие движения его души. Только эмоционально тонкий, чуткий, сердечный, добрый человек может быть по-настоящему требовательным и непримиримым, нетерпимым к злу, беспощадным к легкомыслию, духовно-психическому рабству и подлости.

Дух ответственности за человека — это целая сфера семейной жизни... Сердце разрывается от боли, когда видишь, как безответственность в маленьком порождает безответственность в большом. Любовь — это дети! Робкий влюбленный взгляд, объятия, поцелуи — это первый шаг к творению новой жизни. От того, как ты представляешь себе счастье своей любви, что ты в ней ищешь и находишь, зависит счастье ребенка, зависит судьба целого человеческого мира. Страшно видеть детей легкомыслия, боль разрывает душу, когда встречаешь их тоскливый, безнадежный взгляд... Именно так: никакой любви не было, никаких мыслей о рождении новой жизни не было, ребенок появился как бы нечаянно. Дети легкомыслия — несчастные дети. Я знаю маленького ребенка, первым чувством которого было озлобление, а первым убеждением — мысль о том, что в мире нет правды.

Пасмурный осенний день, накрапывает дождик. У ворот автобазы стоит семилетний Коля. Почему он сюда пришел? У него нет отца. От мамы и от людей Коля узнал, что его отец работает здесь шофером. Люди однажды показали: вот тот мужчина — твой отец. Мальчик запомнил черты отцовского лица, и теперь ему хочется просто взглянуть на него. Где-то в глубине души у Коли теплится надежда: может быть, отец остановит машину, выйдет из кабины, подойдет и спросит: как дела, сын? А может, и в кабину посадит... детское сердце замирает при мысли об этом. Но отец проезжает мимо. Коля заметил, что он узнал сына, но даже виду не подал... Боль и гнев несет в сердце ребенок, уходя домой. Он, маленький человек, не верит теперь ни во что. Для него в мире нет ничего святого.

Вы знаете, девушки, будущие матери, какая это большая беда для общества — озлобление и неверие в сердце ребенка? Как мучительно трудно воспитывать маленького человека, который, осознавая себя, пережил горькую мысль: я никому не нужен, я появился в мире случайно, я — горе и наказание для матери. Общество наше не может быть совершенно счастливым, если у него будут такие несчастные сыновья

и дочери. Есть вещи, которые ничем не заменяются и ничем не возмещаются.

Любовь — это высокая человеческая культура. По тому, как человек любит, можно сделать безошибочный вывод, какой он человек. Потому что в любви наиболее ярко раскрывается личная ответственность за будущее общество, за его нравственные устои. Каждый человек в нашей стране должен быть активным общественным деятелем. Для того чтобы выполнить эту высокую миссию, не обязательно занимать какой-то пост. Достаточно быть хорошим отцом, хорошей матерью, хорошим мужем, хорошей женой — и вы стоите у колыбели счастья и блага своего народа. А для этого надо уметь любить — мудро, честно, требовательно, мужественно.

52. КРАСОТА — ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ДОБРОТЫ, ТРУДОЛЮБИЯ, СЕРДЕЧНОСТИ И ЛЮБВИ

В мире есть не только нужное, полезное, но и красивое. С того времени, как человек стал человеком, с того мгновения, когда он засмотрелся на лепестки цветка и вечернюю зарю, он стал всматриваться в самого себя. Человек постиг красоту.

Красота — это глубоко *человеческое*. Красота существует независимо от нашего сознания и воли, но она открывается человеком или постигается, живет в его душе, не было бы нашего сознания, не было бы и красоты. Мы приходим в мир для того, чтобы постигнуть красоту, утвердить, создать ее.

Красота — это радость нашей жизни. Человек стал Человеком потому, что увидел глубину лазурного неба, мерцание звезд, розовый разлив вечерней зари, прозрачную дымку степных просторов, багровый закат перед ветреным днем, трепетание марева над горизонтом, синие тени в сугробах мартовского снега, журавлиную стаю в голубом небе, отражение солнца в мириадах капель утренней росы, серые нити дождя в пасмурный день, фиолетовое облако на сиреневом кусте, нежный стебелек и голубой колокольчик подснежника — увидел и, изумленный, пошел по земле, создавая новую красоту. Остановись и ты в изумлении перед красотой — и в твоем сердце расцветет благородство. Перед человеком открылась радость жизни потому, что он услышал шепот листьев и песню кузнечика, журчанье весеннего ручейка и переливы серебряных колокольчиков жаворонка в горячем летнем небе, шуршанье снежинок и стон метели, ласковое плесканье волны и торжественную тишину ночи — услышал и затаив дыхание слушает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни. Умей и ты слушать эту музыку. Дорожи красотой, береги ее.

Эти слова мы повторяем в те счастливые минуты, когда перед детьми открывается новый оттенок красоты окружающего мира, пробуждая у них радость, волнение, изумление. О серебряных колокольчиках песни жаворонка говорим мы в горячий летний день, когда, отдыхая в тени дубравы после похода или после работы, дети всматриваются в дрожащий комочек жизни... Слова о прекрасном доходят до ре-

бенка лишь тогда, когда он сердцем чувствует красоту. Созерцание и слушание, переживание услышанного — это первое окошко в мир красоты.

Я вожу своих питомцев тысячу раз к истокам красоты — за годы обучения в начальных классах. Это уроки видения прекрасного. Дети учатся видеть, любоваться, вслушиваться в музыку окружающего мира, понимать его.

Красота — один из ручейков, питающих доброту, сердечность, любовь. Изумление кустом шиповника, на котором пылают красные ягоды и оранжевые листья, маленьким кленом и стройной яблонькой с несколькими желтыми листочками, кустом помидоров, обожженным первым ночным дыханием заморозка, — всё это пробуждает в детских сердцах ласковое, доброжелательное, заботливое отношение к живому и красивому. Ребенок сочувствует растениям, готовящимся к зиме. Они становятся для него живыми существами, которым будет холодно под пронизывающими ветрами. Ребенку хочется защитить растение от холода. Когда мы прикрываем на зиму розы и виноград, дети ласково, бережно пригибают каждую веточку к земле, чтобы не сломать и не повредить. Зимой дети с тревогой говорят о молодых деревьях: «Не холодно ли им?» И когда мы собираем снег, чтобы накопить побольше влаги для деревьев, то этот труд для детей — сердечная забота о красоте, а не просто выполнение обязанностей.

Я вижу большой воспитательный смысл в том, чтобы ребенок видел, понимал, чувствовал, переживал, постигал как великую тайну *пробуждение жизни* в природе. Первые весенние цветы и раскрывающиеся почки, первые нежные стрелочки травы, первая бабочка, первое кумканье лягушки, первая ласточка, первый гром, первая весенняя купель воробья — всё это я раскрываю перед детьми как красоту вечной жизни. И чем глубже они одухотворяются этой красотой, тем сильнее стремятся творить прекрасное. Настоящий праздник для детей — цветение сада. Рано утром дети приходят в сад, любуются белыми, розовыми, фиолетовыми, оранжевыми волнами, как бы плывущими по саду, слушают пчелиную арфу. Нельзя долго спать в эти дни, надо просыпаться на заре, учу я детей, проспишь красоту! И дети поднимаются до восхода солнца, чтобы не пропустить тех минут, когда первые лучи озаряют цветы, обильно покрытые каплями росы. Это изумительная игра красок и оттенков, и, если ребенок затаив дыхание любуется этой красотой, он не будет черствым, равнодушным, бессердечным человеком. Духовное богатство, постигнутое благодаря созерцанию красоты, мы развиваем и обогащаем в труде, направленном на создание радости для людей.

Тот, кто творит красоту, творит счастье для людей. Пусть рядом с пшеничным полем цветет хризантема, рядом со стеблем подсолнечника — роза, рядом с кустом картофеля — куст сирени. Украшая землю, вы творите собственную красоту.

Красота облагораживает только тогда, когда человек работает, создавая хлеб для жизни и красоту для того, чтобы не было жизни только ради самого хлеба. Наш воспитательный идеал — чтобы человек трудился не только ради хлеба, но и для радости, чтобы добрые

чувства, возникающие при созерцании красивого, вдохновляли на труд во имя счастья людей.

Творение красоты имеет особенно большое значение в младшем возрасте. Труд маленьких детей — это прежде всего создание материальных ценностей, воплощающих красоту. Одухотворение, воодушевление для этого труда требует мудрого, яркого, убедительного слова воспитателя. Слово — первая искра, зажигающая факел, освещающий мир красивого. В моей этической хрестоматии есть сказки, предназначенные специально для того, чтобы помочь ребенку понять сущность красоты и смысл труда, необходимого для творения прекрасного. Я рассказываю маленьким детям — дошкольникам и первоклассникам сказки «Флейта и Ветер» и «Сергей и Матвей».

Красивое возвышает, одухотворяет, облагораживает человека — эта идея познается детьми через многие сказки и рассказы, которые они глубоко переживают. Я считаю важным воспитывать так, чтобы с малых лет в детском сознании красота женщины — девушки, матери — была окружена поэтическим ореолом. Человек не может стать духовно богатым, тонко чувствующим слово, призыв воспитателя, если он не преклоняется перед красотой и величием женщины — ее предназначением, миссией, подвигом. От сказки о Флейте и Ветре до поэтической легенды о Матери, проклинающей сына-предателя, — по этому пути проникновения в мир красоты веду я своих питомцев. Я стремлюсь к тому, чтобы каждый мальчик с чувством восторга открыл важную для себя истину: нет в мире ничего прекраснее матери, воспитавшей сына-героя, сына — верного патриота Отечества. В годы отрочества мои питомцы переживают чувство изумления, восхищения, слушая поэтический рассказ о Матери у могилы сына.

Образ счастливой матери, бережно прижавшей к груди спящего малютку, — это символ той красоты, которую мы считаем самой могучей силой воспитания. Каждый день, входя в школу, ребенок видит картину, на которой изображены Мать и Дитя. Я считаю это изображение символом идей, во имя которых мы трудимся, отдаем свою душу детям, близко к сердцу принимаем настоящее и думаем о будущем. Это самая яркая красота нашего бытия. Как планеты вращаются вокруг Солнца, так все наши заботы о ребенке устремлены к этой красоте, притягиваются к ней могучей силой и озаряются ее ярким светом. Я твердо убежден, что этот свет учит детей, подростков, юношей видеть красоту женщины, порождает чувство одухотворенности этой красотой, заставляет измерять свои поступки самой высокой меркой — меркой подлинной человеческой красоты.

Красота женщины — вершина человеческой красоты. Восторженное отношение к женской красоте воплотили в бессмертных художественных образах великие поэты — Гомер, Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин, Шевченко, Мицкевич. Целомудренно воспетая ими красота живых женщин, в которых они сами были влюблены, стала мерилом нравственности, чистоты чувств любви для многих поколений. Мы стремимся к тому, чтобы, постигая эту красоту, наши юноши поняли: красота женщины не порождена половым инстинктом и не представляет собой чего-то нераздельного с половыми потребностями. Мы за-

ботимся, чтобы каждый вдумался в слова В. Г. Белинского: «Вот прекрасная молодая женщина: в чертах лица ее вы не находите никакого определенного выражения — это не олицетворение чувства, души, доброты, любви, самоотвержения, возвышенности мысли и стремлений. Оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего, вы не влюблены в эту женщину и чужды желанию быть любимым ею; вы спокойно любуетесь прелестью ее движений, грацией ее манер, и в то же время в ее присутствии сердце ваше бьется как-то живее, и кроткая гармония счастья мгновенно разливается в душе вашей» (*Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 7. М., 1959. С. 372). Человек проходит длительную школу облагораживания чувств, прежде чем он возвысится до столь высокого, бескорыстного ви́дения красоты. Это школа начинается с созерцания красивого в природе, с умения видеть и слышать красивое; она включает в себя мудрые уроки понимания человеческой верности, преданности, привязанности, долга, ответственности. Не может по-настоящему быть бескорыстно влюбленным в красоту тот, кто не перестрадал, кто не постиг красоты материнской души, безмолвно склонившейся над могилой сына. Нравственное ви́дение прекрасного — важное условие того, что я назвал бы влюбленностью в живую красоту девушки, женщины. Нравственно и эстетически воспитанный человек влюблен не только во внешнюю красоту, не только в антропологическое совершенство, но и во внутреннюю одухотворенность. Умение быть очарованным богатым миром мыслей и чувств — очень важная черта нравственной и эстетической воспитанности.

Средоточие духовной жизни, зеркало мысли, выразитель чувств — человеческие глаза. Чем выше интеллектуальное, эстетическое, нравственное развитие и общий уровень духовной культуры человека, тем ярче отражается внутренний духовный мир во внешних чертах. Это свечение души все глубже понимается и чувствуется современным человеком. Внутренняя красота выражается во внешнем облике.

Единство внутренней и внешней красоты — это эстетическое выражение нравственного достоинства. Человек стремится быть красивым, хочет выглядеть красивым — это закономерно. Но осуществимость этого стремления зависит от нравственного облика — от того, в какой мере красота человека сливается с его творческой, деятельной сущностью. Ярче всего человеческая красота проявляется тогда, когда человек занят любимой деятельностью, — внешний облик как бы озаряется внутренним вдохновением. Не случайно красоту дискобола Мирон воплотил в момент, когда напряжение внутренних духовных сил сочетается с напряжением сил физических, в этом сочетании — апофеоз красоты. В девушке, помыслы которой — о творчестве, красота ярче и глубже, чем в такой же девушке, изнывающей от безделья. Безделье — враг красоты. Эту мысль мы внушаем своим питомцам. Красив человек труда — комбайнер, тракторист, летчик за штурвалом своей машины, садовод у любимого дерева. Внутренняя духовная красота озаряет лицо ученого, мыслителя, поэта, художника, рабочего в тот момент, когда разум воодушевлен, озарен светом творчества.

Если хочешь быть красивым, трудись до самозабвения, трудись так, чтобы ты почувствовал себя творцом, мастером, господином в любимом

деле. Трудись так, чтобы глаза твои выражали одухотворенность великим человеческим счастьем — счастьем творчества. Внешняя красота имеет свои внутренние, нравственные истоки. Любимое творчество накладывает отпечаток на черты лица, делает их тоньше, выразительнее.

Красоту создают тревога, забота — то, что обычно называют муками творчества. Как неизгладимые морщины откладывает на лице горе, так и творческие заботы являются самым тонким, самым искусным скульптором, делающим лицо красивым. Понятие *творчество* надо считать многогранным. Внутренняя творческая жизнь, накладывающая тончайший отпечаток на внешнюю красоту, — это не только создание новых ценностей. Это также и умение видеть красоту окружающего мира. Тот, кто тонко видит и чувствует красоту, и сам становится красивым. И наоборот, внутренняя пустота придает внешним чертам лица выражение тупого равнодушия, невыразительности.

Если внутреннее духовное богатство создает красоту, то бездеятельность и тем более безнравственная деятельность эту красоту губит. Когда соприкасаешься с многими молодыми людьми в большом коллективе, то среди ярких, запоминающихся лиц видишь лица, которые ничем не обращают на себя внимание, — они мелькают, но не запоминаются. Духовная пустота делает внешность человека безликой.

Безнравственная деятельность уродует. Привычка лгать и пустословить постепенно создает блуждающий взгляд: человек избегает прямо смотреть в глаза людям; в его глазах трудно увидеть мысль, он прячет ее. Подхалимство, угодничество придают выражение подобострастия глазам, всему лицу; зависть, эгоизм, подозрительность огрубляют черты лица, придают ему угрюмость, нелюдимость.

Идеал человеческой красоты — это вместе с тем и идеал нравственности. Гармония всестороннего развития — в единстве физического, нравственного, эстетического совершенства. Нельзя сделать прекрасной нашу жизнь, не сделав прекрасным человека во всех отношениях. Вершина человеческой красоты в том, что каждый из миллионов членов нашего общества, говоря образно, засверкает своей внутренней красотой.

53. ЧТО ОЗНАЧАЕТ БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ В НАШИ ДНИ

Тем, что ты рожден свободным гражданином первого в мире социалистического государства;

тем, что ты обладаешь величайшим человеческим счастьем — счастьем свободного труда;

тем, что перед тобой открыты богатства духовной жизни и пути духовного роста, развития, совершенствования;

тем, что забота о куске хлеба, одежде и крове над головой отступила на второй план и уступила первое место заботам об интеллекте и чувствах, творчестве и красоте, книге и музыке, ты обязан Великой Октябрьской социалистической революции.

Революция спасла твою Родину от угрозы иностранного порабощения;

революция спасла твой народ, твоих предков, тебя и твоих потомков от нищеты, прозябания, духовной убогости и невежества;

революция подняла твое Отечество на вершину славы и чести перед лицом всего человечества.

Дорожи завоеваниями Великой Октябрьской социалистической революции.

Дорожи идеями и принципами Коммунистической партии, которая привела твое Отечество к вершине величия и счастья. Будь верным идеям, принципам, законам, традициям нашей Великой Революции и Коммунистической партии. Будь революционером и коммунистом — это не только возлагает на тебя огромную ответственность за судьбы Отечества, но и наполняет твою жизнь глубоким смыслом.

Это одно из самых емких этических поучений, оно охватывает огромный мир идей, событий, явлений, фактов — от первого восстания рабов Древнего Рима под предводительством Спартака до пророческих слов семнадцатилетнего Владимира Ульянова, сказавшего «Мы пойдем не тем путем» убитой горем матери, получившей известие о казни старшего сына Александра; от выстрела крейсера «Аврора» до горсти пшеницы, намолоченной пионерами из собранных колосьев при уборке урожая на колхозном поле. Что здесь самое главное — и в словах (а высокие, одухотворенные слова — это искра, зажигающая порох юных сердец), и в делах коллектива и каждой личности? В интеллектуальной, в идейной жизни коллектива и личности должна царить ленинская идея освобожденного — свободного труда. Вложите в сознание ваших питомцев мысль о том, что труд возвысил человека над миром всего живого, от труда вспыхнул в его голове вечно мерцающий огонек мудрости, труд наполнил его душу трепетными чувствами, но общественная жизнь сложилась так, что труд же был использован одним человеком для порабощения другого человека. Возьмите как бы мысленно за руку своих питомцев, проведите их по столбовым дорогам и проселкам многовекового пути человечества к счастью и убедите их, что революционная идея и революционная борьба угнетенных с самого начала выражала их отношение к труду, хлебу и человеческому достоинству. Восставая против угнетателей, человек всегда боролся за свободный труд. Быть революционером в наши дни — это значит быть не только властелином, но и творцом нового — свободного, творческого труда. Отношение к труду, хлебу и человеческому достоинству есть и всегда будет меркой революционной воспитанности человека. Революция продолжается в поле, на животноводческой ферме, у доменной печи и у станка, на пограничном посту рубежей социалистического Отечества.

Воспитывая верность идеалам революции и Коммунистической партии, я стремлюсь к тому, чтобы уже в годы детства маленький гражданин понял разумом и постиг сердцем, какая пропасть отделяет мир социализма от мира капитализма. Вот письма и фотографии, опубликованные о бедствующих, голодающих в Соединенных Штатах Америки. В обществе, идеологи которого называют свой мир образцом сво-

боды и демократии, миллионы людей голодают, дети умирают от истощения и недоедания. Я читаю детям письмо американской учительницы о страшной судьбе четырех девочек-сестер: много месяцев они жили впроголодь, бывали дни, когда дети ничего не ели, — их отец был безработным. Девочки не могли двигаться, их бледные тела светились от истощения. В больнице сестры умерли. Детям становится понятно, от какой угрозы спасла их Великая Октябрьская социалистическая революция. Капитализм предстает перед ними как жестокий, несправедливый мир, где человека безжалостно выбрасывают, выжав из него все силы, где к сорока годам он, обессилевший, потерявший надежду на заработок, оказывается никому не нужным. Чем старше становятся дети, тем глубже проникает в их сознание мысль: капитализм — это обезличивание человека; во имя прибылей миллионеров и льется человеческая кровь, совершаются страшные преступления; дух наживы, стяжательства проникает и в семью, отравляет человеческие отношения; подростков потрясают страшные факты, о которых часто рассказывают американские газеты: сын убивает мать, застраховав предварительно ее жизнь на огромную сумму; муж таким же путем наживается на смерти жены и детей.

Я считаю очень важным донести до сознания и сердца свободных советских граждан ту истину, что самое страшное зло капиталистического мира — это порабощение человеческого духа, подчинение его мысли, таланта, труда интересам владельца миллионов и миллиардов. Один человек продает себя другому человеку, владеющему баснословными богатствами; продавший свою мысль, свой талант и труд не может быть счастливым творцом; самим строем, порядками жестокого общества он низводится на положение бессловесного раба, молчаливого слуги, безвестной пылинки, которая рождается для того, чтобы бесследно исчезнуть. Раб XX века может иметь свой домик и свою автомашину, не испытывать нужды в пище и одежде, даже положить на свой счет в банк определенную сумму денег, но он остается жалким рабом капиталиста, он служит богу наживы, его талант совершенствует производство для того, чтобы выжать больше сил из рабочих, выбросить за ворота новый отряд безработных или же ковать оружие для убийства миллионов людей, для отравления целых народов.

Жестокая сущность капиталистического рабства раскрывается перед сознанием свободного советского человека как соучастие человека труда в подготовке страшных войн, представляющих собой преступление перед человечеством. Подростков и юношей изумляет, потрясает то, что рабочий человек покупает свое благополучие, свой «тихий очаг» участием в преступлениях капиталистов. Тысячи тонн напалма и зажигательных ракет изготовляют в Соединенных Штатах Америки своими руками не владельцы фирм и предприятий, а люди, которые относят себя к рабочему классу. Капитализм делает их наемными убийцами — такими же, как и те убийцы, которые сбрасывают напалм и ракеты на незащищенных людей.

Я стремлюсь к тому, чтобы питомцы мои поняли и почувствовали, что классовая борьба в нынешнем мире приобретает особенный, своеобразный характер.

Нельзя закрывать глаза на то, что рабочий, производящий оружие массового уничтожения, рабочий, участвующий в убийстве тысяч и в подготовке к убийству миллионов людей, не может быть братом по классу нашего советского рабочего. Идеалы дружбы и классовой солидарности с трудящимися капиталистического мира не должны ослаблять классовой ненависти к поджигателям войны, к тиранам колониальных народов. Мы должны духовно готовить своих питомцев к тому, что не исключена возможность схватки на поле боя с теми, кто, относя себя к сословию рабочих, уже сегодня становится наемным убийцей.

Я твердо убежден, что в этическом воспитании советских школьников есть одно очень серьезное упущение: мы мало учим своих питомцев *думать* о *счастье* — о счастье советского народа в целом, о счастье каждой семьи, о тех поистине фантастических возможностях, которые открывает наш социалистический строй перед каждым человеком. Мудрость и мастерство, искусство и технология воспитания сейчас заключаются прежде всего в том, чтобы дети, подростки, юноши думали о счастье — и дорожили им. В воспитании мировоззрения, взглядов, убеждений исключительно важную роль играет дух, направленность интеллектуальной жизни того, кого мы воспитываем. По крупинке, по капельке я обогащаю сознание своих питомцев мыслями о том, какими путями пришел наш народ к счастью свободного труда, какой ценой добыто счастье отнести на второй план заботы о хлебе насущном, одежде, крове над головой, топливе. Об этом дети должны думать, думать и думать; с этим должны быть связаны их открытия все новых и новых граней нашего социалистического бытия, от этого должны отталкиваться первые стремления к самовоспитанию и — это исключительно важно — тревоги, заботы, угрызения совести.

Мы с второклассниками пришли к колхозному зернохранилищу. Перед зданием склада — огромный ворох пшеницы: пять тысяч центнеров. Детям нелегко еще осмыслить эту величину. Я объясняю: этого хлеба хватит на два года для жителей нашего села, а колхоз имеет в нынешнем году пять вот таких ворохов — пять огромных пшеничных караваев. Вот тракторист — восемнадцатилетний юноша, вчерашний выпускник школы Володя Ткаченко — привез очередную «порцию» пшеницы от комбайна... Он недоволен: надо спешить, комбайнер ругается, пшеницы много, трактористы не успевают подавать к комбайну большие прицепы. Вы должны знать, дети, какое это огромное счастье — смотреть на этот ворох пшеницы как на дело само собой разумеющееся, выражать недовольство по поводу того, что пшеницы очень много, куда ее девать? Прадед Володи Ткаченко — крестьянин-бедняк — весь свой век трудился на кулаков, умер в поле за плугом. У него умерло двое детей от голода... До весны у бедного крестьянина не хватало хлеба, и он шел к кулаку, брал взаймы несколько пудов, возвратить долг, конечно, не мог, вынужден был отрабатывать... Этот огромный каравай пшеницы пусть всегда напоминает вам, дети, о свободном труде, о счастье спокойно сидеть за книгой, учиться, думать о будущем. Посмотрите, у Володи Ткаченко сумка с книгами: в свободное время он читает, его мечта — стать инженером, и эта мечта осуществится.

54. КАК ВОСПИТЫВАТЬ В МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ ЧУВСТВО ДОЛГА ПЕРЕД ГЕРОЯМИ ВЕЛИКОЙ ОТЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Много лет назад, когда тебя не было на свете, наш советский народ постигло величайшее горе — на нашу страну напала фашистская Германия. Фашисты хотели уничтожить наше социалистическое государство, захватить наши богатства. Они составили дьявольский план уничтожения русского, белорусского, украинского народов. Их инженеры построили на захваченных землях и у себя в Германии гигантские фабрики смерти, где в газовых камерах умертвлялись ежесуточно тысячи советских людей, а потом сжигались в адских печах — крематориях.

Смрадный дым повис над Европой; помни, никогда не забывай сам и детям, и внукам своим наказывай, чтобы не забывали: фашисты имели намерение полностью уничтожить наш народ, а потом и другие народы, стать царствующей на земле расой. Так и было бы, если бы весь советский народ не поднялся на Великую Отечественную войну против фашистских захватчиков. Двадцать миллионов советских солдат и офицеров отдали свою жизнь за свободу и независимость социалистического Отечества — помни это ты, помнят пусть это твои дети и внуки, помнят пусть вечно это внуки и правнуки твоих внуков и правнуков. То, что сделали фашисты и что они намеревались сделать, нельзя ни забыть, ни простить. Если бы мы забыли об этом или простили это, мы опозорили бы святую память наших детей, наших братьев, наших отцов, наших дедов и прадедов, которые лежат в могилах.

От Сталинграда до Берлина и Праги, от Белого до Черного моря — могилы, могилы, могилы, священные могилы двадцати миллионов героев. Ты не родился бы на свет, а если бы и родился, то прозябал бы рабом, жил бы в стойле, как животное, ел бы вонючую похлебку и спал бы на соломе, если бы двадцать миллионов героев не закрыли грудью колыбель твоего социалистического Отечества, если бы в холодное зимнее утро девятнадцатилетний юноша Александр Матросов не закрыл грудью вражескую амбразуру, если бы летчик Николай Гастелло не направил свой горящий самолет на танковую колонну фашистов, если бы семнадцатилетняя девушка Зоя Космодемьянская, идя на виселицу, не воскликнула: «Смерть фашистам!» Эти слова — то же самое, что выстрел, потому что они поднимали людей на борьбу.

Помни, никогда не забывай, детям и внукам своим наказывай помнить, кто спас тебя, твою семью, наше Отечество, нашу нацию, наши духовные ценности, нашу историю от уничтожения. Великая Партия Коммунистов — вот кто одухотворил наш народ на священную войну.

Я вижу одну из самых тонких и важных воспитательных задач в том, чтобы идеи Коммунистической партии воспринимались детьми в ярком свете героического. Есть легенда о Железном Комиссаре — так называют его люди. В народе живет и будет жить вечно память об этом Великом Коммунисте, так называют его старые колхозники.

Есть идея, которая сильнее всех других ценностей и богатств облагораживает юную душу, — это идея верности трудовому народу, готов-

ности отдать свою жизнь во имя народного счастья. Я назвал бы воспитание *материализацией* идей. Смысл воспитания, по существу, заключается в том, чтобы благородная мысль, возвышенная идея стала личным стремлением, идеалом, который, одухотворяя человека, открывает перед ним его собственную красоту. Убеждения рождаются из чувства гордости за человека, идеал становится желанной, привлекательной вершиной, когда идея предстает перед юным гражданином в ярком образе борца. Идейное воспитание, формирование убеждений — это прежде всего личное отношение человека к святыням Отечества — родной земле, ее свободе и независимости, чести и достоинству, героическому прошлому и величественному настоящему нашего народа. Быть идейно воспитанным — это значит преданно любить и непримиримо ненавидеть. Слияние любви к Отечеству и ненависти к его врагам, умение бережно хранить в памяти сердца и передавать из поколения в поколение то, что никогда не прощается, — это и есть гармония высокой нравственной культуры и подлинной образованности — той образованности, в которой самым главным знанием является знание того, во имя чего и как жить. Если все знания, которые человек приобретает в школе и в жизни, строятся на прочном фундаменте этой истины — во имя чего и как жить, у человека рождается чувство долга перед Отечеством, перед теми людьми, которые спасли Отечество. И вот знание этой истины немыслимо без горячей, непримиримой ненависти, ненависти, испепеляющей врага, ненависти, рождающей мужество. Только человек, ненавидящий враждебные силы нашего Отечества, нашей идеологии, способен на героический подвиг.

Воспитывая в молодом поколении память сердца, воспитывая чувство долга перед теми, кто спас от фашистской чумы наш народ и все человечество, мы должны, как священный огонь, беречь и передавать из поколения в поколение накал ненависти. Фашизм — это зло, которое не погребено в глубинах земли или в пучине морей; это не историческое понятие, покрывшееся архивной пылью. Пока существует империализм, пока сотни миллионов людей на земле остаются рабами капитала, каждый наш питомец должен быть готовым к кровавой схватке на поле боя. Накал ненависти к поджигателям войны и тиранам человечества — империалистам, реваншистам, готовящимся к новому походу против стран социализма, — этот накал из поколения в поколение должен не ослабевать, а возрастать.

Что одухотворяло Николая Паникако, названного в истории Великой Отечественной войны *Данко Волжской Твердыни,* на то, чтобы в буквальном смысле сгореть в бою и огнем своего тела зажечь фашистский танк? Что одухотворяло Николая Гастелло и Александра Матросова, Зою Космодемьянскую своей собственной смертью поразить врага, умереть, чтобы выйти победителем? Ненависть, непримиримая ненависть к врагам Отечества. Ненависть — это духовная энергия любви к святыням Отечества, это воздух, на котором держатся крылья мужества.

Когда вы ведете своих питомцев к могилам воинов, павших в битвах за Родину, приготовьте такие слова, чтобы в юной душе прибавилась еще одна крупинка этого священного чувства, чтобы день за днем, кру-

пинка за крупинкой в юном сердце патриота закладывался могучий заряд ненависти. Помните, воспитатель, что это — самое гуманное, самое благородное чувство, делающее человека поистине красивым, добрым, ласковым, чутким.

Каждый раз, когда мы несем цветы на могилы воинов, павших в битвах за свободу и независимость нашей Родины, дети думают, от каких ужасов спасли мир герои. Если потребуется, наши питомцы встретятся с врагом так же мужественно, как встретились с ним Зоя Космодемьянская и Николай Гастелло, Александр Матросов, Николай Паникако и Олег Кошевой.

В моей хрестоматии есть ряд рассказов, в основу которых положены действительные события Великой Отечественной войны. В этих рассказах ярко выступает идея благородной ненависти, порождающей героизм.

Рассказывайте детям, подросткам, юношам, девушкам о том, что творили фашисты на нашей земле, как они издевались над советскими людьми. Пусть пепел дедов и прадедов, уничтоженных, замученных, сожженных, затравленных собаками, вечно стучит в грудь наших питомцев — сколько бы лет ни прошло.

55. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРАХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ

Есть в нашей жизни великие святыни — коммунистические идеалы, ценности общества и народа, приобретенные, достигнутые, завоеванные дорогой ценой, великой кровью, борьбой. Знамя нашей Великой революции, красный пионерский галстук, звание юного ленинца-пионера, патриотическая верность и преданность нашему строю, народу, Коммунистической партии — вот святыни, которыми ты должен дорожить. Упоминания об этих святынях нельзя превращать в звонкую фразу, которая повторяется на каждом шагу. Нельзя опустошать и обесценивать великие истины приклеиванием к каждому поступку твоего товарища таких слов, как достоин или не достоин пионерского имени, заслуживает или не заслуживает носить красный галстук и т. п. Нельзя превращать святыню в разменную монету.

Это одно из очень тонких и мудрых поучений, имеющих обратное действие, т. е. его осуществление в решающей мере зависит от того, как относимся к детям мы, педагоги. Ошибки педагога в этой очень нежной и тонкой сфере взаимоотношений приводят к тяжелым последствиям.

Учится в IV классе маленький черноглазый мальчик Павло. Его дедушка, тоже Павло, погиб на фронте. Бабушка бережно хранит в сундуке ордена и медали, грамоты и благодарности. Перед праздниками приходит к бабушке внук, просит открыть старинную *скрыню,* разрисованную цветами, долго рассматривает награды.

К Празднику Победы нарисовали портрет дедушки Павло и повесили в классе, — конечно, в том самом классе, где учится внук. У внука радостно забилось сердце, когда он увидел дедушкин портрет — грудь в орденах и медалях, на пилотке — звездочка, в глазах — улыбка. После уроков, когда все уходили домой, Павло оставался на минуту в классе, подходил к портрету дедушки, смотрел в его глаза. В эти мгновения мальчику казалось, что дедушка спрашивает: как у тебя дела, внук?

Но через некоторое время радость сменилась горечью. Не только в четвертом классе, но и во всей школе Павло считался самым неугомонным шалуном и проказником. Учительница Надежда Ивановна, придя с урока, часто вздыхала и говорила: «Наказание мое этот мальчишка...» Когда нарисовали портрет дедушки и повесили недалеко от парты внука, учительница обрадовалась. «Теперь ему стыдно будет шалить и проказничать, — думала она. — Теперь-то он уже не принесет в сумке воробья, не будет бросать лягушат девочкам за воротник во время работы на учебно-опытном участке».

Надежды учительницы не оправдались. Мальчик, по ее словам, стал еще хуже. Раньше его шалости были беззлобными, теперь же Павло стал обидчивым, вспыльчивым, на замечания стал отвечать грубостью. Однажды он не выполнил задания и даже тетрадь забыл по грамматике.

— Как же тебе не стыдно, — упрекала Надежда Ивановна. — У тебя дедушка — герой, ты сидишь рядом с его портретом...

Мальчик вспыхнул.

Через несколько дней Павло положил на парту зеркальце, от зеркальца отразился солнечный зайчик — как это интересно! Под яркими солнечными лучами зеркальце стало шевелиться; солнечный зайчик тоже качался по потолку, увлекая детей.

— Разве можно вести себя так на уроке? — спросила учительница. Она хотела опять напомнить о дедушке, но сдержалась.

В субботу после двух уроков Надежда Ивановна сказала детям:

— Теперь пойдем в лес. Быстренько сбегайте домой, отнесите книги, возьмите пищу и воду. В лесу будем до вечера.

Дети обрадовались. Все устремились к двери, каждому хотелось поскорее уйти домой и возвратиться в школу. Увидев, что если будешь ждать своей очереди, то выйдешь из класса последним, Павло подбежал к открытому окну, выпрыгнул и уже хотел было домой бежать, как вдруг из окна послышался строгий голос Надежды Ивановны:

— Сейчас же возвратись в класс!

Павло возвратился. Детей в классе уже не было. Учительница сидела у стола, Павло стоял перед ней, склонив голову.

— Разве пионеры так делают? — с горечью говорила Надежда Ивановна.

Павло чувствовал, что учительнице больно, и ему стало жалко Надежду Ивановну. Если бы никто не узнал об этом и тем более не увидел, а этого Павло боялся как огня, он сейчас бы подошел к учительнице, обнял бы ее и успокоил... Павло на мгновение поднял голову, чтобы посмотреть в окно, не увидит ли кто его сердечного порыва... но увидел, что кто-то уже приближается к маленькому школьному домику с сумкой и флягой... А учительница, заметив в глазах мальчика сожаление, по-своему истолковала его душевный порыв.

«Ему стыдно, — подумала она, — как это хорошо...» Мальчик снова наклонил голову и потупился, напрягая все силы для того, чтобы лицо его выражало равнодушие: не хватало еще, чтобы Юрко — это он первым возвратился в школу и заглядывает в окно — видел его «нежности»... Учительница не заметила этого резкого изменения душевных движений мальчика, сердце ее размягчилось от мысли, что Павло понял предосудительность своего поступка. Взволнованно и доброжелательно она говорила мальчику:

— Ну, подумай, что было бы, если бы все стали выпрыгивать в окна... Ты же пионер. Ты должен дорожить честью красного галстука. Пионеру так поступать недопустимо. Да и то еще подумай, — продолжала учительница, снизив голос и взяв Павло за руку, — ведь рядом с тобой портрет дедушки! Он же герой. Бери пример с него. Спроси у бабушки: прыгал ли когда-нибудь в окно дедушка, когда в школу ходил? Он ведь учился в этом же классе.

Рассталась Надежда Ивановна с Павло в радостном настроении, на душе у нее было спокойно. Через пять минут Павло прибежал с сумкой, наполненной продуктами.

В лесу было интересно и весело. У детей остались волнующие воспоминания. Прошло воскресенье. В понедельник, как только начался первый урок, Павло поднял руку. Учительница долго не замечала его поднятой руки и веселых, озорных глаз. Павло напомнил о себе:

— Надежда Ивановна, вы велели спросить у бабушки...

— О чем? — силилась припомнить учительница и никак не могла припомнить.

— Не прыгал ли дедушка в окно, когда учился в школе...

— Ну, и что же, ты спрашивал?

— Спрашивал.

— Что сказала бабушка?

— Однажды дедушку оставили после уроков за то, что воробья в класс принес...
— Ну, и что же? — насторожилась учительница, чувствуя что-то недоброе.
— Он через дымоходную трубу на крышу вылез, а с крыши на землю прыгнул и домой убежал.
В классе воцарилась тишина. Дети с восхищением смотрели на портрет дедушки.
— А еще бабушка говорила, — продолжал Павло, — что у дедушки тоже были «двойки» по грамматике... И я, говорит, наверное, в дедушку пошел...
В глазах у Павла сиял восторг, торжество. Он чуть-чуть повернул голову, посмотрел на портрет дедушки, и изумленной учительнице показалось, что сквозь радость, восторг, торжество в детских глазах проглядывает глубоко затаенное чувство зависти: все-таки дедушка сумел выбраться из класса через трубу, а он, внук, всего-навсего в окошко прыгнул.

Не буду говорить о том, что пережила и передумала Надежда Ивановна... Для чего я рассказал об этом маленьком событии из школьной жизни? Оно выглядело бы просто забавным случаем, если бы в нем, как в капле воды, не отражались большие беды воспитания.

Речь идет о великих святынях нашего общества. Юный ленинец — пионер, красный галстук — частица знамени Великой Революции, героизм, мужество наших предков — борцов за коммунистические идеалы, подвиги и могилы дедов и прадедов, павших в боях за свободу и независимость Советской Родины, — вот наши великие святыни, наши знамена, наши тончайшие и сложнейшие, самые сильные и самые действенные, самые нежные и самые хрупкие инструменты, которыми мы, воспитатели, творим человека. Всегда ли правильно и умело, уверенно и мудро прикасаемся мы этими инструментами к наиболее тонкому, что только есть в мире, — живой ткани человеческой души? Я много лет думаю над этим вопросом. В жизни нашей, в труде самом сложном, радостном, тревожном, мучительном, изнуряющем и одухотворяющем новыми силами — в создании человека — в наши дни наступает новый период — период более ясного и мудрого ви́дения мира, более чуткого и более требовательного подхода к человеку. И в этом ви́дении, в этом подходе самое важное — это мудрое прикосновение нашими тончайшими инструментами — святынями наших коммунистических идей, святынями нашей партийности к детской душе.

Наши тончайшие инструменты существуют не для того, чтобы пользоваться ими на каждом шагу. Какими бы хорошими ни были побуждения у Надежды Ивановны, она допустила ошибку. С самого начала, уже с того, что надеялась: портрет дедушки станет для ребенка своеобразной уздой. Ошибка была и в самом ви́дении детской души, детских поступков. Нельзя, совершенно недопустимо видеть какую-то взаимосвязь или противоположность между тем, что ребенок, скажем, пускает солнечных зайчиков, приносит в класс воробушка, бросает лягушонка за воротник своей однокласснице, и подвигами дедушки-героя. Нельзя из пушки стрелять по комару. Пушки пусть стоят зачехленные, и жерла их пусть открываются очень редко. Не принес тетрадь, не так выполнил задание, опоздал на урок, поцарапал на парте чертика — и ребенок уже слышит: какой ты пионер? Разве настоящий ленинец так делает, разве делал так Володя Ульянов? У Володи Ульянова были только «пятерки», а у тебя — что это в дневнике? Разве можешь ты называться настоящим ленинцем? Это и есть бездумное, далекое от мудрости использование наших тончайших инструментов.

Это и есть стрельба из пушек в то время, как надо действовать другим, мелкокалиберным оружием.

Что происходит в юной душе при таком подходе к святыням? Очень грозная, нежелательная вещь: маленький человек теряет веру в наши святыни как раз в ту пору, когда он не может еще хорошо, до конца постигнуть своим умом всю сущность святынь, устоев, основоположений коммунистической идеологии. Происходит то, что мы, может быть, помимо воли нашей отлучаем маленького человека от нашей веры, от наших убеждений. Возможно, кое-кому из взрослых это покажется вещью *детской,* не заслуживающей серьезного разговора, но это далеко не так! Речь идет о самой сердцевине идейных убеждений молодого поколения.

Отдельные педагоги никак не могут понять, что, если ребенок или подросток получил «двойку», это не должно ставиться ни в какую связь с его пионерскими делами, пионерской честью, пионерским достоинством. «Двойка» и звание юного ленинца — совершенно разные вещи. Мы никогда не говорим на пионерских сборах об успеваемости, об оценках.

Если бы мы стали этим заниматься, великое и святое, то, что лежит в основе деятельности пионерской организации как сообщества единомышленников, увлеченных общими идеалами, потеряло бы свою привлекательность. И чем ярче выступает в деятельности пионерской организации одухотворенность святынями коммунистической идеологии, тем глубже переживает каждый юный ленинец свое достоинство и свою устремленность к идеалу и, как следствие, тем меньше «двоек». Пионерская организация должна заботиться об успеваемости без разговоров об успеваемости. Наступление на этом фронте надо вести, образно говоря, заходя глубоко с тыла.

Берегите наши коммунистические святыни в юных сердцах — вот что хочется посоветовать каждому педагогу, отцу и матери. Зорко и мудро следите за тем, чтобы дети наши, подростки, юноши, вырастали глубоко верящими в наши идеалы, чтобы эту веру нельзя было поколебать, говоря словами К. Маркса, не разорвав их собственных сердец (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 118). Средоточие, сердцевина, стержень коммунистического воспитания заключается в том, чтобы каждый наш питомец жил в мире наших святынь и наших идеалов, дорожил ими, верил в них, понимал и чувствовал свою причастность к ним — вот что исключительно важно! — дорожил этой причастностью как своим достоинством, гражданской честью.

Понимать и чувствовать свою причастность к нашим святыням и нашим идеалам — этого достигнуть нелегко, на это требуются годы, но это легко разрушить далекими от мудрости, неумными прикосновениями к детскому сердцу. Тот, кто надеется предотвратить нерадивость, лень, разгильдяйство и тем более бороться с этими пороками, если они, к сожалению, уже есть, постоянным применением самых тонких и самых нежных инструментов, в конце концов остается безоружным. Трудолюбие, мысль, пытливость, любознательность, послушание, уважение к труду учителя и родителей — всё это зависит как раз от того, насколько удалось нам утвердить в каждой юной душе

сердцевину — понимание и чувствование причастности к коммунистическим святыням и идеалам.

Надо задуматься в связи с этим еще над одной очень важной гранью многосложного процесса воспитания. В воспитании ясно различаются две вещи — утверждение и осуждение (отрицание). Мы всегда что-то стремимся утвердить или что-то осудить, преодолеть. От того, в каком соотношении находятся эти две вещи, зависит мудрость воспитания. Там, где преобладает утверждение, царит творческий труд, взаимное доверие; учителю и родителям легко дышится, воспитуемые повинуются воле воспитателей. Там же, где в своих соприкосновениях с детьми приходится прежде всего осуждать, преодолевать пороки, вся школьная жизнь становится тягостной, учителю и родителям невыносимо трудно. Задумаемся, что же происходит, если самые тонкие и самые мудрые наши инструменты — коммунистические святыни — всегда в ходу только для того, чтобы осуждать, преодолевать пороки? А происходит то, что не остается ни инструментов, ни духовных сил наших для утверждения — утверждения той сердцевины, того средоточия, без которых немыслимо *единство* этического *«Я»* человека. Так получилось у Надежды Ивановны в ее взаимоотношениях с Павлом. Так получается у тех воспитателей, кто надеется самыми тонкими нашими инструментами преодолеть «двойку» или детскую шалость.

Лично я очень уважаю, просто люблю шалунов и проказников и считаю, что школа превратилась бы в похоронную контору, если бы, не дай бог, не было шалунов и проказников. Мое отношение к шалостям и проказам вот какое: нельзя учителю становиться на одну доску с шалуном и проказником, нельзя вызывать его на дуэль. По отношению к нему надо уметь быть мудро-снисходительным. Надо иметь в запасе тысячу самых неожиданных для него инструментов — таких, чтобы шалун сгорел от стыда, почувствовал неуместность своей шалости или проказы. Это очень большой, особый вопрос педагогической культуры и техники. Пусть мой любимый шалун и проказник изощряется в поиске таких шалостей и проказ, чтобы сделать свое «творчество» незаметным и скрытым от меня. Я тоже изощряюсь, с тем чтобы, прикасаясь к его «творчеству» своим умом и опытом, своим превосходством и великодушием, побудить его, шалуна и проказника, взглянуть еще на одну грань своей собственной души, взглянуть и — то ли удивиться, то ли устыдиться, то ли изумиться, открыв в самом себе что-то доселе не известное, задуматься над этим неизвестным, подняться на маленькую-маленькую ступеньку в своем нравственном развитии. Когда я побеждаю шалуна и проказника своей мудростью и снисходительностью, своим превосходством и великодушием, он после самой смешной шалости или проказы становится серьезным, задумчивым. В прикосновении своем к «творчеству» шалуна, проказника я вижу счастье своего труда. Без этого счастья моя духовная жизнь превратилась бы в ту комнату загса, где регистрируют разводы: страшно не хочется идти, но надо. Если день прошел без детской шалости, чаще всего умной, действительно творческой, меня угнетает скука. Потому что нет того оселка, на котором воспитателю можно оттачивать свое мастерство.

Это маленькое отступление в раздумьях о нашем тонком воспитательном инструменте — святынях нашей идеологии и морали. Оно крайне необходимо для того, чтобы в нашем труде не смешивалось одно с другим.

Утверждать трепетное, благоговейное отношение к великим святыням коммунистической идеологии, к бессмертным ценностям народа, *строить* и беречь веру юной души в наши святыни — пусть эта грань воспитания сияет звездой первой величины на нашем педагогическом небосклоне. Чем ярче эта звезда, тем бледнее, немощнее пороки, которые нам предстоит осуждать и преодолевать. Пороки действительные, а не мнимые. Шалости и проказы — это не пороки. Это самая сущность детства.

56. КАК ВОСПИТЫВАТЬ ЧУВСТВО ПРЕДАННОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

Есть в нашей жизни соизмеримые ценности и есть несоизмеримые. Можно рассуждать о том, что лучше — семья или одиночество, приверженность избранному идеалу или равнодушие... Но есть вещи, которые ни с чем невозможно ни сопоставлять, ни сравнивать. Это Родина, Отечество, сыновняя верность, преданность той земле, где ты родился и осмыслил сам себя, тому народу, который вскормил и взрастил тебя, тем радостям и горестям, которые сопровождают тебя от рождения до могилы.

Слово Родина — того же корня, что и слово родитель. Подлинное рождение твое как гражданина, мыслящей, одухотворенной благородными идеями личности, труженика, борца за торжество правды и счастья, семьянина происходит благодаря тому, что ты — сын народа; в тебе, как солнечный огонь в капле воды, отражается его многовековая история, его величие и слава, его любовь и надежда, его нерасторжимое единство с теми бесконечно милыми нашему сердцу уголками, которые входят в нашу жизнь как вечное, неуничтожимое, неугасимое.

Мать рождает твою плоть, Отечество рождает твою человеческую, гражданскую душу. Нет ничего дороже Отечества. Во имя счастья, величия, независимости Отечества настоящий человек без колебаний отдает жизнь, потому что жизнь без счастья, величия, независимости Отечества — это не только горе, но и позор. «Россия без меня может прожить, я же без России — ничто» (*Тургенев И. С.* Собр. соч. Т. 2. М., 1954. С. 119). Наша Родина велика и необозрима, это созданный нашими дедами и прадедами Союз Советских Социалистических Республик. Гордись тем, что ты гражданин первой в мире социалистической страны. Ты сын земли, на которой родился вождь и учитель трудящихся всего мира Владимир Ильич Ленин — создатель нашей Коммунистической партии, основатель нашего любимого государства, великий мыслитель, самый гуманный в мире человек. Гордись и дорожи тем, что ты соотечественник Владимира Ильича Ленина.

Безграничны просторы нашей Родины: от суровых льдов Арктики до знойных пустынь Азии, от Карпатских гор до островов Тихого океана раскинулись наши земли. Но у тебя есть место, где ты родился, вдохнул воздух своего Отечества, открыл глаза и увидел мир, осознал свое бытие, произнес свое первое слово, сделал свой первый шаг, прикоснулся к своей земле, пережил первую радость и первое огорчение. **Для каждого из нас Родина начинается с чего-то маленького, как будто бы невзрачного и неприметного; в жизнь каждого из нас навсегда, до последнего нашего дыхания входит что-то единственное и незаменимое, как грудь матери, как ее ласковое прикосновение, как родное слово. Это наш родной уголок, воплощающий в себе живой образ нашего Отечества. Смысл нашего патриотического становления заключается в том, что этот уголок на всю жизнь входит в нашу душу, волнует нас всю жизнь, как первый животворный источник, с которого каждый из нас н а ч а л с я. Дорожи своим патриотическим началом, береги и храни его, никогда не забывай о своей теплой и ласковой колыбели, из которой ты вылетел, помни, что, если бы не она, ты был бы ничто, перед тобой не открывалась бы дверь в огромный мир Родины, на просторах которой есть где показать свою силу, свой ум.**

Познание, постижение человеком своей Родины, становление в нашей душе патриотической сердцевины, патриотическое воспитание в годы детства, отрочества и ранней юности, духовно богатая, деятельная, самоотверженная жизнь патриота — это самые тонкие, самые сложные вещи в том безгранично сложном переплетении идей, поступков, убеждений, мыслей, стремлений, которое называется патриотическим воспитанием. Сложность и ни с чем не сравнимое своеобразие воспитания патриотических чувств, мыслей, убеждений, поступков определяется тем, что в обычной жизни, в повседневном труде жизнь не дает нам высшей меры, с помощью которой можно было бы измерить эту величайшую и трудно постижимую ценность. Эта мера явственно предстает перед нами, вручается нам, воспитателям, — отцу и матери, педагогу, только в годину тяжелых испытаний, в час смертельной опасности для Родины. Настоящий экзамен патриотическим чувствам и убеждениям — это война; только в столкновении со смертельной опасностью полностью раскрывается истинная сущность верности, преданности.

Об этом нам, воспитателям, нельзя забывать ни на мгновение. Нельзя забывать о том, что истинный патриотизм без его живого выражения, без величайшего напряжения всех сил и энергии немыслим; слова о том, как я люблю Родину и к чему я готов ради нее, не имеют никакого веса, и лучше к ним не побуждайте своих питомцев. Надо помнить главное: всё, что мы делаем сегодня, в мирные дни, — это наша подготовка к тем возможным тяжелейшим, грозным испытаниям, которые в нашем современном мире являются не чем-то отвлеченным, а живой реальностью. Школьное патриотическое воспитание — это закалка души и тела для жестокого, непримиримого столкновения с грозным и беспощадным врагом — империализмом. Наша высокая миссия — воспитывать сильных духом, мужественных людей, до конца преданных коммунистическому идеалу, готовых отдать жизнь на поле

боя за счастье, независимость, величие, честь, достоинство Советской многонациональной Родины. Нам ни в коем случае нельзя обольщаться мыслью, что патриотическое воспитание наше за школьной партой имеет определенные успехи и эти успехи мы уже измеряем, видим. Наивным, детским лепетом выглядят рассуждения о том, что, если ученик хорошо учится, — значит, он уже выполняет свой патриотический долг, он станет настоящим гражданином и т. д. Только устремленность в будущее, только тревожная мысль и тревожная забота каждого нашего питомца о том, где начинается настоящее поле патриотического служения Отечеству, — только это может быть настоящим критерием полноценности нашей воспитательной работы.

Но нельзя забывать и о том, что мы живем в мирные дни; одно за другим вырастают, созревают, вступают в жизнь поколения, для которых грозные испытания советского народа — история; живая, дышащая горячим накалом героизма и самопожертвования, но все же история. Патриотическую сердцевину, мужественный дух, несгибаемость, готовность к величайшим испытаниям на поле боя — все это нам нужно утвердить в юной душе в мирные дни, где трудно создать условия для максимального напряжения физических и духовных сил, где возникает и нередко вступает в действие опасность тепличной обстановки. Птенцу, привыкшему к теплому, уютному гнезду, трудно будет сменить его на голую скалу под пронизывающим, леденящим ветром, под градом пуль и осколков — вот о чем нам нельзя забывать ни на минуту! Радости жизни, радости бытия, лучезарное будущее — всё это в жизни юных поколений, вступающих в жизнь, настолько пленительно, прекрасно, дорого, что даже мысль о смерти во имя этого лучезарного и радостного может показаться дикой, — нам, воспитателям, надо помнить об этом! И не только помнить, а иметь в виду в практической работе.

Патриотический дух поколений, которые мы заботливо взращиваем, лелеем, как розовые кусты, должен быть мужественным и бесстрашным. Жизнь, которую мы творим для наших детей, — лучезарная, пленительная, счастливая, — эта жизнь является для них великой ценностью, но мудрость, искусство, таинство патриотического воспитания должны заключаться в том, чтобы в душе каждого молодого человека было нечто дороже счастья личного бытия — Отечество. Каждому своему питомцу мы должны вложить в грудь горячее сердце комсомольцев Зои Космодемьянской, Александра Матросова и Николая Гастелло. Патриотическая сердцевина человека в том, чтобы дети наши понимали и переживали истинную цену счастья, которое они имеют. Перед их глазами, перед открытым сердцем каждого должна всегда быть высшая мера патриотической сущности гражданина — живое представление о величайших испытаниях, которые предстоит выдержать в суровую годину. Стимулом патриотического труда в мирные дни пусть будет мысль: как бы трудно ни было в мирные дни, это не составляет и тысячной доли того, что предстоит мне тогда, когда я вступлю в смертельный поединок с врагом.

Патриотическое воспитание имеет множества граней. Первая из них — это ви́дение мира. То, что открывается перед человеком с пер-

вых же шагов его сознательной жизни — с того момента, как он подумал и пережил, он должен не только видеть и понимать, но и любить, дорожить, считать *своим*, чувствовать себя частицей мира, в котором он родился. Позаботьтесь о тысяче тончайших нитей, связывающих личность с Отечеством, — это первый совет отцу, матери и педагогу по патриотическому воспитанию. Мы заботимся о том, чтобы в сознании, в эмоциональной памяти детей запечатлевались, навсегда оставались мельчайшие детали родной природы, те незабываемые уголки, из которых постепенно складывается мир, дорогой для человека. Речь идет о том, что называют *памятью сердца*. Нам, воспитателям, надо бережно, заботливо прикасаться к полузабытым детским воспоминаниям, помогать детям возрождать, восстанавливать их в памяти, открывать глаза для новых образов родного мира.

Мы идем с детьми по родной земле специально для того, чтобы видеть, чувствовать, запоминать, изумляться. Я убедился, что образы родной природы, картины труда, проявления духовной жизни — всё, что я помогаю детям увидеть, навсегда сохраняется в их душе как самое дорогое воспоминание об Отечестве.

Летний вечер. Мы стоим на высоком степном кургане. Зашло солнце. Степь и курганы обволакивает сумрак. Несколько раз меняется окраска полей. Я выбираю несколько ярких, выразительных слов для того, чтобы дети глубже почувствовали то, что они видят и понимают... Прошло много лет. Я встречаюсь с бывшими питомцами, приехавшими из далеких уголков нашей страны, — они служат в армии, работают. Каждый из них помнит летний вечер. Люди, обветренные суровыми ветрами, пережившие много невзгод, с сердечной теплотой вспоминают, как из оврагов растекались по степи мягкие волны сумрака, как фиолетовой дымкой покрылся лес на горизонте. Запомнилась даже одинокая ворона, улетавшая к лесу, запомнилась былинка полыни, выросшая на кургане. Мои питомцы рассказывают: это вспоминается вдалеке от родного села и, чем дальше уходят годы детства, тем ярче и дороже воспоминания. Они волнуют душу, влекут к родному.

Я придаю исключительное значение тому, что вещи, предметы, явления, ставшие для нас, взрослых, привычными, воспринимаются ребенком впервые. Для меня не безразлично, *как* увидит ребенок впервые утреннюю зарю и услышит курлыканье журавлей, какие мысли и чувства пробудит в юной душе первое ви́дение чужого горя, в какие мгновения маленький человек впервые ощутит ласку и заботу. Для меня дорого то, что в памяти сердца каждого питомца хранятся дорогие, милые, никогда не забываемые образы. Это и есть тысячи нитей, которыми сердце навеки привязано к родному, своему. То, что рассказали мне через 25—30 лет после окончания школы мои питомцы, вошло в мою хрестоматию.

Слова матерей и отцов, наших бывших питомцев, — зрелые размышления об идее Отечества. По моему глубокому убеждению, пусть человек начинает говорить об этом лишь тогда, когда он всматривается в свое детство на расстоянии, вдумывается в свое прошлое, умудренный опытом гражданской жизни. Идея Отечества формируется тонко и сложно. Она овладевает мыслями и чувствами, становится силой духа только тогда, когда у человека есть что-то дорогое. Патриотические мысли, переживания, устремления захватывают душу, становятся глубоко личным стремлением благодаря нравственному богатству личного духовного мира. Во всех приведенных высказываниях

красной нитью проходит мысль о том, что красота родной земли, изумление перед открывшимся дорогим, ни с чем не сравнимым, тончайшие черточки окружающего мира, запомнившиеся на всю жизнь и ставшие первым источником патриотического сознания, — всё это искры, зажигающие пламя прекрасного в собственной душе. Чем ярче открылось перед мысленным взором ребенка что-то дорогое его душе, тем глубже переживает он собственное достоинство. Я считаю важным, чтобы в духовной жизни каждого моего питомца были дни, когда, образно говоря, время как бы останавливается на несколько мгновений, картины окружающего мира навсегда запечатлеваются в сознании, на жизненном пути остается вечный огонек. В годы детства не надо говорить своим питомцам много громких и высоких слов о Родине. Самое главное — зажигать на жизненном пути каждого вечные огоньки, навсегда запечатлевать в сознании немеркнущие образы, открывать глаза на дорогое и родное.

Утверждение в сознании и чувствах дорогого, родного, ни с чем не сравнимого и не сопоставимого — всё это делается не для того, чтобы человек пассивно любовался красотой. Дорожить по-настоящему — это значит хранить, оберегать, быть лично заинтересованным в судьбе родного. Маленького гражданина должна приводить в негодование даже мысль о том, что на родной, дорогой и неприкосновенный мир может кто-то посягнуть.

В одном большом селе на берегу Днепра в годы войны произошло такое событие. Заняв село, фашистские офицеры пришли на школьный двор. Их внимание привлекли красивые цветы — георгины. Офицеры стали говорить о том, что завтра у них вечеринка, хорошо было бы украсить зал этими цветами. Их разговор слышал пятиклассник Володя. Это он ухаживал за цветами; еще вчера вечером поливал их. Слова фашистов пробудили у мальчика чувство негодования. Поздно ночью он прошел в школу, сорвал цветы и сложил их в классе под портретом Владимира Ильича Ленина. Рассказывая об этом событии, я не делаю выводов и обобщений. Их делают сами дети. У них сжимаются кулаки от ненависти к врагу, посягнувшему на нашу священную землю.

Ненависть к врагам Отечества — это вершина, поднимаясь на которую маленький человек видит мир; благодаря этому чувству перед ним открывается Отечество как ни с чем не сравнимое и не сопоставимое. Только горячая ненависть, непримиримость к врагам Отечества, живущая и оберегающаяся из поколения в поколение память классового сознания и благородного сердца открывают перед юным гражданином истинную меру ценностей: судьбы Отечества становятся выше и дороже жизни; благодаря ненависти человек с малых лет проникается мыслью: примириться с врагом, стать перед ним на колени, быть равнодушным к его намерениям и стремлениям — это вечный позор мне, моему роду, моей матери. Чувство ненависти претворяет идею в личное убеждение.

С первых же дней пребывания детей в школе я начинаю с ними путешествие в мир подвигов во имя величия, чести, славы, независимости нашей Родины, в мир героической, трудной борьбы и самопожертвования. Я стремлюсь к тому, чтобы в детских сердцах вечно жил накал классовой ненависти трудового народа к поработителям и завоевателям, мечтавшим уничтожить нашу Родину, поставить наш народ на

колени. Благодаря памяти классового сознания и благородного сердца каждый мой питомец — маленький человек, будущий хозяин родной земли — начинает жить гражданской жизнью уже сейчас, в детстве; он становится частицей трудового народа, переживает его судьбы, близко принимая к сердцу радости и горести Отечества. Я стремлюсь к тому, чтобы героическая история нашей Родины, летопись подвигов народа всегда была ярким светом, озаряющим моим питомцам мир современности и дорогу в будущее. Дети должны пóмнить и героические подвиги, и величайшие преступления фашистов против человечества, и предательство отдельных граждан нашей страны, которые в трудный для Родины час пошли на службу к врагу.

Сознание и чувство Родины я формирую у юных граждан, раскрывая перед ними судьбы родного села, судьбы семей, дедов и прадедов. Сознание и чувство Родины — это глубокое убеждение в том, что каждая горсть родной земли, каждый камень пропитаны кровью борцов-патриотов; в том, что счастье детства, счастье мирного труда матерей и отцов, счастье мечты о будущем завоевано дорогой ценой. Путешествие детей в мир подвигов во имя чести, славы, величия, независимости Отечества — это начало их жизни в мире великого, возвышенного. Воспитать юных граждан политическими единомышленниками — борцами за коммунистический идеал, — значит, добиться того, чтобы их жизнь постепенно выходила за рамки интересов семьи, родного очага, родного села. Я вижу важную воспитательную задачу в том, чтобы в сознание и сердце детей как можно раньше входили интересы общества, Родины, всего человечества. Чтобы на вещи и события окружающего мира у ребенка была гражданская точка зрения. Чтобы в детстве юное сердце болело горестями и тревогами, которые, казалось бы, не имеют непосредственного отношения к жизни личности. Но как раз для этого и надо начинать познание мира с того, что близко, — с семьи, с родного очага, с судьбы деда и прадеда, с пожелтевших от времени грамот и благодарностей, полученных за участие в Великой Отечественной войне.

Патриотическое сознание, патриотические убеждения — это не механическая сумма знаний об Отечестве. Это прежде всего классовый накал сердцевины знаний — отношение к судьбам Родины, ненависть и непримиримость к ее врагам, готовность отдать собственную жизнь во имя священного и ни с чем не сопоставимого. Чтобы истина стала убеждением, она должна пройти через сердце, наполнить деятельной силой ум и руки. Познать Родину классовым сознанием и благородным сердцем — это значит, идя по ее дорогам, видеть в том, что было на этих дорогах в прошлом, частицу жизни своего рода, своих дедов и прадедов. Патриотическое вúдение окружающего мира как раз и состоит в том, что юный гражданин познает живую историю своей семьи, своих соотечественников, живших несколько столетий и десятилетий назад, недавно ушедших из жизни, во имя свободы и счастья которой они сражались. Только при таком вúдении мира юный гражданин чувствует, что быть настоящим патриотом, — значит, вырастить колос на ниве, почувствовать мозоли на ладонях от труда для богатства родной земли.

Я стремлюсь к тому, чтобы, созерцая и познавая красоту родных уголков, привязываясь тысячью нитей к родному, единственному, маленький гражданин понимал и чувствовал, что его счастье созерцать и познавать эту красоту добыто дорогой ценой — потом, кровью, слезами, несчастьями, страданиями дедов и прадедов. Я показываю детям те уголки родной земли, где сражались и умирали герои в годы Великой Отечественной войны.

Недалеко от родного очага моих детей — село Подлесное. С каждым поколением малышей, переступивших порог школы, мы идем на окраину этого села, в лес. Здесь до войны жили пионеры — Федя Шепель и Яша Матвиенко. Пришли фашисты. От горя и гнева стонала советская земля. По ночам гремели выстрелы — из лесу наши партизаны нападали на фашистов, уничтожали их. Федя и Яша стали партизанскими связными. Вечером, когда мальчики возвращались из лесу, их схватили фашисты. Они пытали их, добиваясь, чтобы пионеры рассказали о партизанах. Никакие пытки не могли заставить юных ленинцев стать предателями. Тогда фашисты пошли на страшное преступление. Они заставили Федю и Яшу выкопать под дубом яму. И в этой яме закопали пионеров живыми.

Мы стоим перед маленькой зеленой лужайкой: здесь была их страшная могила (теперь прах героев перенесен в село).

Прикоснись к этой земле, юный друг, и ты услышишь, как стонет земля. Пусть в твоей душе живет вечная ненависть к врагу. Мы не можем простить страшных преступлений и фашистам, и тем изменникам, которые, став полицейскими, служили поработителям.

С каждым поколением детей, которые становятся нашими воспитанниками, мы идем на вершину кургана, расположенного рядом со школой. Здесь в трудные дни 1941 г., когда наши войска отступали под натиском вооруженного до зубов врага, была позиция артиллерийского орудия. В жестоком бою пали артиллеристы, остался в живых только один герой. Полдня он сражался против нескольких танков и роты автоматчиков. Несколько раз было прострелено его тело, кровь заливала герою глаза, но он продолжал стрелять и уничтожать врага. Когда к павшему в этом неравном бою солдату пришли колхозники, чтобы захоронить его останки, на теле героя нашли сорок три раны. Прямым попаданием бронебойной пули была прострелена его грудь, сердце вырвано из груди. Здесь колхозники захоронили останки героя, завернув его в красный кумач. В отдельном куске кумача было захоронено вырванное из груди и разорванное сердце. Вот здесь оно истлело; знайте, юные друзья, чтó такое горсти этой родной земли.

Рассказы о героях учат детей видеть мир глазами патриотов. Героическое не только расширяет горизонт, но и помогает почувствовать, что в жизни всех советских граждан — и тех, кто ушел из жизни, и тех, кто живет ныне, — есть что-то общее, великое, священное, самое дорогое и ни с чем не сравнимое — *Родина*.

Никогда не забуду жарких июльских дней и коротких ночей, проведенных с детьми на сенокосе. Мы пошли в трехдневный поход. Днем помогали сгребать сено, ловили рыбу, а вечером, после ужина, ложились на сене спать. До глубокой ночи дети слушали рассказы о жизни и борьбе героев Отечества. Я рассказывал о Николае Островском и Александре Матросове, Зое Космодемьянской и Николае Паникако, Николае Гастелло и Дмитрии Карбышеве. Однажды мы не спали до рассвета. Когда небо на востоке заалело и заря предвещала рождение нового дня, мы пошли на высокий берег реки, сели в высокой траве, молча смотрели на далекие села и покрытые туманом поля. В эти предутренние часы никто не сказал ни слова, но мне понятно было, что происходило тогда в детских сердцах. Дети переживали величие и красоту верности Родине. Пепел героев стучал в юные сер-

дца, пробуждал гражданские чувства, напоминал, что они, юные граждане, — соотечественники героев. В эти предутренние часы в каждой юной душе рождался гражданин.

Я не один год мучился над проблемой: как сделать воспитанников единомышленниками, как добиться, чтобы они стали братьями по идее? Ответ на эти вопросы открыло мне живое общение с детьми. Я убедился, что единомыслие зависит от того, *о чем* они думают. Единомыслие утверждается тогда, когда детей одухотворяет возвышенная идея и в связи с этим им хочется что-то сделать, чем-то доказать свою приверженность идее. В пробуждении этого желания — один из секретов педагогического мастерства.

Когда с деревьев опали листья, мы принесли на курган маленький дубок. Детей одухотворял этот труд. Они чувствовали, что закладывают живой памятник герою. Пройдут годы, дуб вырастет, станет могучим деревом, будут приходить люди, отдыхать под тенистой кроной, вспоминать о герое. Весной, когда курган покрывается нежной травкой, дети ежедневно бегают смотреть: не распускаются ли почки? Радостно бьются детские сердца, когда навстречу солнцу и теплому дождю раскрываются нежные, терпкие листочки. Мы поливаем дубок, подкармливаем его. Это не только кропотливый труд, но и наше ви́дение мира, наше отношение к герою.

Юные ленинцы объединяются в *содружества*, которые называются отрядом, дружиной. Часто слышишь и читаешь в пионерских газетах тревожные слова: как добиться, чтобы отряд был дружным, сплоченным, чтобы в нашем труде играла неиссякаемым родничком творческая живинка? И нередко бывает так: придумывают всякие хитроумные вещи, чтобы укрепить дружбу и сплоченность. То сбор о дружбе подготовят, то в лес идут специально для того, чтобы быть дружными. Не с этого надо начинать. Подлинные дружба, товарищество начинаются там, где есть гражданский корень, гражданский источник содружества. Дети, подростки становятся настоящими борцами-единомышленниками, юными коммунистами лишь тогда, когда их содружество озарено идеей верности Родине. Патриотическое ви́дение окружающего мира, труд, одухотворенный величием подвигов героев, отдавших свою жизнь за Родину, — вот та волна, на которой может плыть корабль пионерской дружбы, товарищества.

Пройдут десятилетия, уйдут из жизни участники небывалой в истории битвы, все новые и новые поколения будут с изумлением и благодарностью вспоминать тех, кто спас человечество от фашистского порабощения и истребления. Я стремлюсь к тому, чтобы дети знали и понимали, хранили в своем сознании и в сердце, что такое бедствия и ужасы войны, зарева пожаров, стоны умирающих от разрывов бомб, плач угоняемых на каторгу в фашистскую Германию, рыдания матерей, получивших похоронную. **Здесь, в нашей школе, где мы сейчас учимся, фашисты во время оккупации устроили пересыльную тюрьму для угоняемых на каторгу советских юношей и девушек. Вы никогда не должны забывать об этом, дети. Вы станете взрослыми, у вас будут дети — передайте им, как эстафету, горячее чувство ненависти к врагу.**

Наши дети должны понимать, что преступниками, совершившими страшные злодеяния против нашего народа, являются Гитлер и его свора. Четыре миллиона людей — стариков, женщин, грудных младенцев, девушек-красавиц и мальчиков-подростков — убито, сожжено

только в Освенциме. Такая судьба была уготована целым народам, и прежде всего нашему, советскому народу, — наши дети с содроганием сердца должны помнить и думать об этом, не забывая этой страшной правды. Утверждая в сознании и сердце своих питомцев эту мысль и это убеждение, мы не имеем в виду воспитание ненависти к немецкому народу. Наш народ добр и великодушен; в силу жизненности нашей гуманнейшей в мире идеологии он не может ненавидеть другие народы. Но человек не может и не должен безмолвно и бездумно подчиняться, если преступник заставляет его убивать невинных. Чтобы не стать преступником и остаться человеком, он должен убить того, кто отдает преступные приказы, умереть самому, но сохранить человеческое достоинство.

Ясность позиций в этих вещах так же важна, как важно диалектико-материалистическое понимание природы.

Пока в мире есть силы, которые готовят войну против свободолюбивых народов, пока тлеет фашистский очаг в Западной Германии, пока ходят по земле убийцы, уничтожающие детей и стариков, пока остаются преступники, убившие миллионы невинных людей, ненависть нужна нам как воздух; чувство горячей ненависти мы будем передавать из поколения в поколение как завещание погибших живым. Школа — это живая и вечная хранительница истории. Той печальной, трагической истории, которая может жить лишь тогда, когда в памяти сознания и сердца хранятся яркие картины бесчеловечных преступлений и мужественной стойкости. Народ — это не абстрактные единицы, а живые человеческие глаза, живые сердца и мысли, страсти и стремления. Подлинным патриотом может быть лишь тот, кто останется верным долгу перед павшими за свободу и независимость Отечества, перед погибшими от рук фашистских убийц. Ничто и никто не должны быть преданы забвению. Забвение — это не только равнодушие, но и предательство.

Не допустить забвения, вечно хранить в памяти грядущих поколений и героизм, и человеконенавистническую мерзость фашизма, и предательство отщепенцев нашего народа — в этом мы видим высокую миссию школы. Пройдет сто лет с того дня, как советский народ ценой неисчислимых жертв спас человечество от страшной угрозы фашизма; героизм предков станет для новых поколений далекой историей, и в школу придут дети нового столетия, придут посмотреть на портреты героев, павших на фронте во имя того, чтобы на земле царствовало счастье. Люди будут читать горячие страницы героических подвигов своих предков.

У детей и подростков очень маленький жизненный — социальный, нравственный и эстетический — опыт, и, чем меньше этот опыт, тем ярче и глубже их *жажда прекрасного*. Утоление жажды прекрасного — благородная человеческая потребность. В воспитании патриотических чувств и убеждений, в становлении гражданина вообще понимание этих тонкостей детской души играет исключительно важную роль. От того, *как* утоляется жажда прекрасного, по существу, зависит моральный облик того, кого мы воспитываем. Надо учитывать, что в детском и подростковом сознании прекрасное ассоциируется с необычным, уди-

вительным, захватывающим воображение и сердце. Ребенок и подросток не могут жить без того, чтобы что-то их не изумляло. Ребенок безграничен в своей верности, преданности тому, что его захватывает, изумляет. Прекрасному — необычному и удивительному он готов отдать свое сердце. У него ярко выражено стремление быть на стороне прекрасного — необычного и удивительного. Но здесь-то и надо быть педагогу очень зорким, внимательным, потому что это стремление настолько благородно, насколько и опасно. Ведь необычайное и удивительное, изумляющее и захватывающее может быть не только возвышенным, нравственно чистым, но и порочным; прекрасным юному уму и сердцу может показаться то, что по существу является уродливым. Мудрость воспитателя заключается как раз в том, чтобы захватывающим и изумляющим ребенка было только благородное, истинно прекрасное, возвышенное.

Опытный педагог стремится к тому, чтобы ребенка захватывала верность возвышенной идее, выраженная в ярком поступке, в человеческих страстях. Я считаю исключительно важным, чтобы детство было озарено изумлением верностью Отечеству. Маленький человек по-настоящему воспитывается тогда, когда его изумляет человек, поднявшийся на вершину нравственной доблести. Маленький человек должен видеть вершины человеческого, а не идти с наклоненной головой, присматриваясь к ухабам и болотцам. Пусть голова юного гражданина всегда будет поднята к вершинам, озаренным благородством идеи, — лишь при этом условии он будет переживать чувство благодарности Родине, чувство долга перед ней. Умение показывать юному гражданину вершины человеческого — одна из тонких граней педагогического мастерства и искусства. О красоте геройских подвигов надо рассказывать детям, чтобы взор их всегда был устремлен к вершинам.

Есть в нашей Ленинской комнате тетрадь, в которой наклеены вырезки из газет и журналов. Это героические и вместе с тем трагические рассказы о расстрелянных деревнях и селах — русских, белорусских, украинских... Открывая и читая эту тетрадь, юный гражданин переживает чувство изумления. Это самые яркие вершины человеческого — героизм сотен людей, взявшихся за руки в свой предсмертный час, не ставших на колени; на их устах застыли слова непримиримости и ненависти. Это нравственная красота советского человека, преданного Отечеству, тысячекратно помноженная на мужество, волю, выдержку. Рассказы о расстрелянных, сожженных, живыми закопанных в землю гражданах наших сел и деревень — поистине героические поэмы. Рассказ о том, как мужественно умирали дети и подростки белорусской деревни Хатынь, жителей которой фашистские убийцы живыми сожгли в сарае, не только потрясает наших питомцев. Он, как и другие рассказы, заставляет глубоко задуматься над смыслом наших поучений.

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Безмерно дорога человеческая жизнь, но есть ценности неизмеримо выше жизни моей и твоей — это вечная жизнь Отечества. Наша Родина живет и будет вечно жить потому, что миллионы героев пошли на смерть во имя ее жизни, чести, достоинства. Спасать свою жизнь ценой предательства, укло-

няться от опасности, когда для Родины наступает час тяжелых испытаний, позорно и омерзительно. В слове предатель на всех языках звучит гневное презрение к отщепенцу народа. Будь духовно готов к тому, чтобы встретить мужественно и стойко смерть на поле боя. Бесстрашие, одухотворенное верностью Родине, — самое сильное твое оружие. Умей умереть на поле боя так, чтобы и смерть твоя была победой и повергла врага в смятение. Уже то, что перед лицом смерти ты ненавидишь врага, является твоей победой. Если бы человеку суждено было одно — телом остановить пулю, то и для этого стоило бы родиться на свет (* Леонов Л. Собр. соч. Т. 6. М., 1955. С. 586). Уметь мужественно умереть — это не значит готовиться перед боем к смерти. Это значит, презирая смерть, готовиться к победе.

С малых лет я воспитываю у будущих граждан, тружеников, отцов и матерей, воинов презрение к измене и предательству. Одна из самых важных задач идейного воспитания в том, чтобы человек видел вершину человеческого в величии духа, чтобы верность Родине, убеждениям одухотворяла, наполняла жизнь радостью и верой в высшую правду — бессмертие народа. Я стремлюсь к тому, чтобы маленький гражданин понял и почувствовал, что есть настоящая человеческая жизнь и есть холопское, рабское существование, купленное предательством, попранием идеалов. Гневная ненависть к холопьему прозябанию — это нравственная основа величия духа. Я добиваюсь того, чтобы в детстве и отрочестве мои питомцы восхищались героями, презирающими жалкое прозябание, идущими на мужественную смерть.

Одну за другой я открываю перед детьми новые вершины человеческого духа. Вот портрет одного из героев. Дети видят искалеченное, но благородное лицо: в глазах героя — высшая человеческая красота. Это человек, подвиг которого сделал его имя бессмертным. В одном из боев в годы Великой Отечественной войны он, рядовой Советской Армии Алексей Бетюк, при выполнении боевого задания был схвачен фашистами. Его привели к офицеру. От него требовали выдать военную тайну. На все вопросы фашиста Алексей отвечал: нет, не знаю. Тогда один из гитлеровцев отрезал ему ухо. Солдат вздрогнул, но не проронил ни слова. Взбешенные гитлеровцы отрезали второе ухо, потом отрезали нос. Советский солдат молчал. Ножом ему разжали рот, вытянули язык и прибили его гвоздем к столу. Потом отрезали ему язык. Окровавленный русский герой лежал без сознания. Фашисты считали его мертвым, только поэтому они и оставили его, отступая под ударами наших войск. Сейчас Алексей Бетюк живет и работает в Донбассе. Все жители города знают героя.

Это — Живое Бессмертие, дети. Имя этого героя мало известно всему нашему народу только потому, что героический народ в дни смертельных испытаний рождает тысячи людей, готовых отдать свою жизнь во имя чести и славы Отечества. Мужество бессмертных сынов нашей Родины приводит врага в состояние страха и яростного бессилия. Враг злобствует, потому что он чувствует превосходство духа нашего человека.

Помните, будущие граждане и воины, что своим презрением к смерти, своим отношением к предательству как к самой низкой мерзости вы побеждаете врага. Ненависть и презрение к жалкому холопьему прозябанию — могучее оружие борца. Знайте, что это оружие тысячи раз оказывалось могучей силой, которая в годы Великой Отечественной войны открывала глаза вражеским солдатам на правду, заставляла за-

думаться над вопросом: за что воюю я и за что воюет мой противник? Помните, что там, где есть презрение к смерти, предательству, измене, где мужественная смерть не допускает даже мысли о жизни, купленной жалким отступничеством, — там есть столкновение двух идеологий, двух миров, двух убеждений и победителем выходит наш, коммунистический мир, наша, коммунистическая идеология. Обращаясь с этими поучениями к разуму и сердцу подростков и юношей, я стремлюсь к тому, чтобы каждый мой питомец не просто изумлялся героическим подвигом, но представил себя на месте Алексея Бетюка, *убежденно подумал* о том, что ему обязательно придется вступить в непримиримое столкновение с враждебным миром. Я подчеркиваю исключительную важность того, чтобы человек думал об этом как о живой реальности, неизбежной в нашем мире, чтобы в жизни каждого молодого человека наступило такое мгновение, когда сознание его ярко озарила мысль: мне обязательно придется взять в руки то же оружие, которым в свой предсмертный час сражались Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, Алексей Бетюк и Николай Гастелло. Если человек убежденно подумал об этом в годы своего отрочества и ранней юности, если его взгляд гордо устремлен к вершине человеческого и ничто не в силе склонить его головы, он совершенно по-другому видит мир вокруг себя и себя в окружающем мире: гражданственность проникает в его поступки, в его отношение к учению. Нет сильнее средства заставить серьезно думать о своем долге, чем открыть перед юным умом и сердцем вершину величия человеческого духа — презрение к смерти.

Я стремлюсь к тому, чтобы питомцы мои понимали: патриотический подвиг — презрение к смерти — это акт высокой гражданской сознательности. Совершая этот подвиг, человек мысленно как бы обозревает свою жизнь. В этом патриотическом вúдении мира главным является понимание того, что я — частица народа; я должен быть несгибаемым перед лицом смерти для того, чтобы был бессмертным народ. Идея принадлежности к народу, причастности к его бессмертию — эту мысль я стремлюсь провести через все рассказы о героях, презирающих смерть. Особое место в моих рассказах занимают герои, повторившие подвиги Ивана Сусанина, Зои Космодемьянской, Александра Матросова. Здесь исключительно важно, чтобы подросток пережил состояние собственной духовной готовности к тому, чтобы сознательно идти на смерть. Не просто изумление перед чрезвычайным, героическим характером, столкновение враждебных сил, взглядов, убеждений, а именно состояние внутренней собранности, духовного накала, идеологической твердости — вот что я стремлюсь пробудить в юных душах. Важно, чтобы питомец мой слушал об Иване Сусанине или Володе Дубинине, а думал о себе, чтобы его душа была потрясена мыслью: я тоже должен быть готовым *к этому*. Еще раз повторяю: это не значит, что человек, вступая в бой, готовится к смерти. Это значит, что он презирает смерть, думает не о смерти, а только о победе; и эти его мысли, эта духовная готовность означают ответственность за бессмертие народа, Отечества.

Особое место в моей воспитательной работе с детьми и подрост-

ками занимает рассказ «Коммунистический партизанский отряд». На подростков и юношей особенно сильное влияние оказывают люди, задолго до свершения подвига принявшие решение избрать смерть оружием борьбы с врагом. Непоколебимость и несгибаемость переживаются подростками и юношеством как победа коммунистического сознания над человеконенавистнической идеологией врага, смерть героя — как победа жизни над смертью. Я стремлюсь к тому, чтобы каждое слово было обращено к сознанию и совести питомцев. Для свершения героического подвига необходимо не только сознание правоты, но и бесстрашие. Источник бесстрашия — презрение к врагу, ненависть к человеконенавистничеству, понимание и переживание преступности планов, намерений врага.

Человек, если он только хочет стать настоящим гражданином, мужественным, непоколебимым патриотом, неутомимым тружеником, преданным мужем и отцом, должен обладать благородным умением — не жалеть себя. «Не жалей себя — это самая гордая, самая красивая мудрость на земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное» (*Горький М.* Собр. соч. Т. 2. С. 430).

Речь идет о воспитании неумения жалеть себя. В этом нравственном качестве — основа храбрости и бесстрашия. Отец, мать, воспитатель, как огня бойтесь детской жалости к самому себе. Хныканье, слезы по поводу малейшей боли — это живучее семя эгоизма и трусости, отступничества и предательства. История «Жаль себя» поучительна и для отцов, и для педагогов.

Жалость к самому себе, повышенная чувствительность к собственным болям и страданиям порождает нравственную глухоту: человек не видит горя других; равнодушие становится его каменной крепостью, из которой он боится выйти. Одно из наших поучений, с которыми мы обращаемся к матерям, гласит: умейте не заметить детской боли, трудности, лишения. Пусть считает ребенок постыдным сказать, что ему больно. Пусть с малых лет учится мужественно переносить трудности. Пусть слезы вызовет у него сочувствие к горю других, а не собственная боль.

Мужество и бесстрашие в маленьком — это маленький росток гражданской стойкости и несгибаемости, воинской доблести и героизма. Задача заключается в том, чтобы этот росток был заложен в каждую юную душу. Придет время — и он даст могучую поросль. Опасайтесь заложить росток хныканья, расслабленности, безволия. Маленький нравоучительный рассказ «Кому идти за дровами» заставляет матерей и отцов задуматься над тем, правильно ли они воспитывают детей.

Я вижу одну из очень важных воспитательных задач в том, чтобы в детстве каждый человек проявил бесстрашие, храбрость. Один решительный шаг может буквально перевернуть душу. Надо помочь ребенку, особенно боязливому, нерешительному, сделать этот шаг.

Воспитатель, пусть тревожит вас каждый боязливый, нерешительный, плаксивый мальчишка. Он должен стать стойким, бесстрашным, мужественным.

57. ВОСПИТАНИЕ ИДЕЙНОСТИ ПУТЕМ СТРЕМЛЕНИЯ К ИДЕАЛУ

Родина — твой дом, твоя колыбель. В родном доме не всё гладко. Есть у нас свои беды и боли. Говоря о них, помни: ты говоришь о бедах и болях своего родного дома. Для того чтобы иметь моральное право говорить о бедах и горестях своего народа, чтобы один раз сказать, надо десять раз сделать что-то конкретное для укрепления своей Родины. Кричать о недостатках — для этого большого ума не надо. Презирай демагогию и болтовню. Думай и делай всё для того, чтобы торжествовали добро и справедливость. Умей не только смотреть, но и видеть. Вырабатывай свои взгляды на мир. Для того чтобы иметь свою точку зрения, надо оставить частицу сердца в том, что вокруг тебя, рядом с тобой. Мировоззрение вырабатывается лишь тогда, когда в жизни ты видишь и создаешь что-то дорогое для себя. Без горения сердца для создания дорогого и святого самые правильные истины останутся для тебя мертвыми буквами. Их можно сложить в слова и прочитать, но они не зажигают.

В 14 лет ты должен сознательно поставить перед собой вопрос: для чего я живу на свете? — и дать на него ответ гражданина. В четырнадцать лет ты поступаешь в комсомол. Комсомольский билет — это твой первый документ о принадлежности к политической организации единомышленников — борцов-ленинцев. В четырнадцать лет, оглянувшись назад, ты уже должен видеть плоды своего труда, подвести первые итоги своей гражданственной жизни.

Высокое звание коммуниста-ленинца — это идеал нашей морали, нашего поведения, нашей жизни, нашего труда во имя счастья, величия и независимости Советской Родины.

Родина, патриотизм и мировоззрение — это три краеугольных камня, на которых должно строиться воспитание коммуниста, борца, преданного нашим ленинским идеалам, готового положить голову за их непоколебимость и торжество в жизни, во взаимоотношениях. Воспитание мировоззрения, идейной устремленности немыслимо без воспитания ума, мудрости, глубокой заинтересованности в том, что есть и что должно быть. Идея — это корень; идеал — зеленый росток, из которого развивается могучее дерево человеческой мысли, деятельности, поступков, страстей, порывов, столкновений. Мы должны каждого молодого человека научить постижению важнейшей жизненной мудрости: думать так, чтобы приблизиться к познанию идеи, чтобы стремиться к идеалу. Многие жалуются на память, но почему никто не жалуется на свой ум? А ведь без постоянного развития ума немыслимо мировоззрение.

Как же воспитывать ум, мировоззрение, идейность, стремление к идеалу, как поставить все это в ряд?

Мудрость есть дочь опыта, писал Леонардо да Винчи. Железо ржа-

веет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет (*см.:*Леонардо да Винчи*. Избр. М., 1952. С. 178, 235). Вот что исключительно важно для воспитания глубоко заинтересованного, тревожного, патриотически устремленного ума: подвергать умственному анализу то, что делается, как и во имя чего делается. Строителю коммунистического общества необходим разум творца — мировоззрение в действии. Учение должно отличаться тем, что, думая, вы должны не только познавать, объяснять окружающий мир, но и что-то утверждать, за что-то бороться, что-то отстаивать. Единство мысли и убеждения, мысли и мировоззрения достигается тогда, когда человек в годы отрочества и ранней юности воспитывает в себе мужество и честность ума. Мужество ума состоит в том, чтобы не отступать перед тягостями умственного труда. Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой, стремиться к ней, находить ее любой ценой, гнушаться легких и удобных половинчатых решений, унизительной лжи. Иметь смелость самостоятельно мыслить. Быть человеком (*см.: *Роллан Р.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 13. М., 1958. С. 126).

Мужество и честность ума — вот красная нить идейной жизни коллектива, ориентируясь на которую человек стремится к идеалу. Я стремлюсь к тому, чтобы подростки, юноши и девушки мужественно и честно думали над самыми трудными, самыми сложными проблемами, в корне которых — истоки патриотических чувств и убеждений, преданности, верности идеалу, причины идейной неустойчивости, измены, предательства. Время от времени я рассказываю своим питомцам яркие жизненные истории, главное предназначение которых — быть пищей для ума, формировать патриотическую мудрость и убежденность. Эти рассказы я считаю одним из главных средств воспитания честного, бескомпромиссного ума. О чем бы ни шла речь в рассказе, главное, чтобы питомец думал о себе, восторгался и негодовал, мысленно вступал в борьбу. Воспитательную цель я вижу здесь в том, чтобы отрочество и ранняя юность были насыщены яркой, стремительной жизнью ума. *В жизни ума* — важнейшее условие стремления к идеалу. У М. Горького есть изумительная мысль: «Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, она дала ему, в виде посоха, — идеал! И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему — всё выше! Сделайте это стремление сознательным, учите людей понимать, что только в сознательном стремлении к лучшему— истинное счастье» (*см.: *Горький М.* Собр. соч. Т. 2. С. 428). Смысл своих рассказов я вижу в том, чтобы в юной душе утверждалось презрение к мерзкому и вместе с тем восхищение прекрасным. Свои рассказы я считаю уроками ненависти, непримиримости и горячего стремления к идеалу.

Страшная судьба человека без имени, рассказ о котором входит в беседы по воспитанию, заставляет молодых людей посмотреть на себя как бы со стороны, заглянуть в свою душу и спросить самого себя: что для меня дорого в жизни? Где нити, которыми я связан с народом? Чем я заслуживаю и чем заслужу в будущем уважение своих сограждан?

Поставьте перед собой эти вопросы, юноши и девушки. Задумай-

тесь над тем, что человек сам толкает себя в пропасть одиночества, если в его душе нет того священного огонька, без которого невозможно счастье, — любви к людям. Почему у честных трудолюбивых родителей вырос сын-предатель? Разве не радостным и счастливым было его детство? Казалось, мать и отец отмерили сыну счастье полной мерой. Но *какое* это было счастье и чем оно измерялось? Счастьем для ребенка стала животная радость потребления. Эгоистические удовольствия отгородили юное сердце глухой стеной от радостей и невзгод других людей, и оно стало черствым, бездушным. Эгоизм — самый главный источник предательства.

Помните, юноши и девушки, что для человека, бездушного, бессердечного в своих взаимоотношениях с другими людьми, не может быть ничего святого и возвышенного. Средоточие Отечества — материнское сердце. Любовь к Отчизне и любовь к людям — это два быстрых потока, которые, сливаясь, образуют могучую реку патриотизма. Не забывай, юный гражданин, что в жизни твоей наступит момент, когда от тебя потребуется мужество, стойкость, готовность к такому напряжению всех физических и духовных сил, когда по одну сторону — радость, удовольствия, блага, а по другую — лишения, самопожертвования, даже смерть во имя жизни и счастья людей. Готовь себя к тому, чтобы в нужный момент подняться на вершину доблести — и победить.

На почетном месте у нас в школе висит портрет восемнадцатилетнего юноши Леонида Шевченко. Он поехал добровольцем в Казахстан в первый год освоения целинных земель, работал трактористом, погиб на боевом посту, защищая социалистическую собственность. Под портретом юноши слова: «Жизнь человеческая подобна железу: если употреблять его в дело — оно истирается, если не употреблять — ржавчина съедает его». Пусть горит твое сердце ярким пламенем, пусть освещает дорогу и тебе, и твоим детям — в этом счастье жизни. Тот, чье сердце съедает ржавчина бездеятельности, обречен на жалкое прозябание. Леонид Шевченко предпочел горение тлению. В морозный февральский день 1956 года он вместе с товарищами поехал за сеном — за пятьдесят километров. На обратном пути разыгрался буран. Можно было оставить трактор, пойти в землянку к животноводам, селение которых было недалеко от дороги. Но юноша не оставил машину. «Идите, — сказал он товарищам, — переждите буран, а я останусь, буду подогревать моторы, ведь если оставить машины, потом сутки не заведешь»... Буран перешел в страшный ураган, усилился мороз, к тракторному каравану невозможно было подойти. Через сутки товарищи нашли юношу в кабине: он замерз, окоченевшая рука сжимала штурвал.

Человек без имени и 18-летний юноша, чье имя с гордостью произносит не одно поколение школьников, родились на одной земле. Почему же так различна их судьба? Потому, что один жил, по выражению Достоевского, в собственное брюхо, а другой любил людей. Потому что мать человека без имени оберегала сына от тревог и волнений, кормила его радостями, и это стало для него высшей радостью, а мать Леонида учила сына: ты живешь среди людей, помни, что высшая твоя радость — это радость, которую ты принес людям. Вспоминается детство и отрочество Леонида. Мальчик был обыкновенный, как тысячи других: шалил на перерывах, дрался с товарищами, стрелял из рогатки... Мать научила сына не жалеть себя для людей. Рядом с домом семьи Леонида расположилась тракторная

бригада. От непогоды механизаторы укрывались в деревянном вагончике, а кругом — поле, в знойные дни от жары негде укрыться. Сказала мать детям: посадим для людей ореховое дерево. Трудился и семилетний Леонид. Благодарили трактористы, радовались дети. Много лет прошло с той поры. Ореховое дерево разрослось, под его тенью в знойные дни отдыхают люди.

Я рассказываю вам, юноши, о человеческих судьбах и смотрю в ваши глаза. Каждый из вас — это не только отдельный мир, но и судьбы других людей — ваших жен и мужей, детей и внуков. Ваши поступки — это радость или горе матерей. Я смотрю в твои глаза, юноша, и думаю: что ты сделал для людей? Где нить, связывающая тебя с трудовым народом? Где корень, питающий твое духовное благородство из источника вечной и непреходящей красоты — морали трудового народа? Что принесло тебе самую большую в мире радость? Вспоминаю, как во время первомайского праздника ты сел за руль трактора, работал два дня в поле, чтобы ветераны труда в эти дни отдохнули. Ты возвращался с работы уставший, лицо твое было покрыто пылью, но радостный, счастливый, потому что ты сделал людям добро и в этом нашел свою радость. Ты вывез в поле двадцать тонн удобрений, и маленький клочок пустыря, где даже сорняки не росли, стал превращаться в тучную ниву. В твоих глазах загораются огоньки человеческой гордости, когда ты смотришь на *свое* поле.

Я всматриваюсь в ваши глаза, юноши и девушки, и больше всего меня беспокоит: чтобы не было ни одной пустой души. Чем ярче красота миллионов роз в нашем всенародном цветнике, тем больше бросается в глаза куст дурмана или чертополоха, неизвестно откуда взявшийся, отравляющий чистый воздух нашей жизни. Дурман и чертополох можно вырвать, удалить из цветника, человека же из общества не выбросишь. Надо заботиться о том, чтобы дурман не появлялся, чтобы каждое семя, положенное в плодородную почву, дало красивый цветок.

58. КАК ВОСПИТЫВАТЬ У ШКОЛЬНИКОВ МОРАЛЬНУЮ ГОТОВНОСТЬ К ВОИНСКОМУ ДОЛГУ

Ты не только будущий труженик, но и воин. С малых лет готовься к воинской службе. Будь выносливым, терпеливым, не бойся трудностей. С детства учись быть верным слову. Верность слову — нравственная доблесть, которую ты должен сам в себе развивать.

«Сам погибай, а товарища выручай» — в этом правиле народной мудрости глубокий моральный смысл. Будь благородным в дружбе. Оставить товарища, друга в беде — позор. Отказаться от дружбы, если друг твой допустил ошибку, — бесчестно.

Посвятить свою жизнь защите Отечества — честь юноши.

Ты встретил человека на костылях и с медалью на груди. Поклонись инвалиду Великой Отечественной войны. Он грудью защитил твоих детей. Благодаря ему ты живешь на свете — счастливый и свободный. Встретив воина, офицера Советской Армии, поклонись им — они защищают твою жизнь. Они на страже нашего покоя и счастья. Армия —

могучий щит и меч нашего Отечества. Щит должен быть всегда прочным, а меч — острым. Мы не собираемся ни на кого нападать, но, если нападут на нас, мы должны уничтожить врага.

Береги семейные реликвии Великой Отечественной войны: письма твоего деда и прадеда, медали и ордена, фотографии. Это честь и гордость твоего рода.

Береги и почитай памятники старины. История нашего народа — это твое духовное богатство. Передавай внукам и правнукам предания рода своего, рассказы о подвигах и заслугах своих предков.

Моральная подготовка к воинскому долгу начинается с дружбы, верности, честности, непримиримости к злу, готовности защищать свои убеждения.

Воспитание чувства подлинной дружбы — сфера самых тонких движений человеческой души, и в прикосновениях к этим движениям педагогу надо быть особенно чутким, тактичным, вдумчивым. Надо помнить, что в детской и юношеской среде свои законы дружбы и верности, и, если учитель хочет быть мудрым повелителем сердец, он не должен нарушать эти законы. Ребенок с ярко развитыми, достойными человека желаниями во имя дружбы и товарищества готов на всё; эту благородную готовность надо беречь, развивать, оберегать от эгоизма и себялюбия.

Верная служба Родине, выполнение воинского долга, строгая дисциплина и ответственность — всё это немыслимо без чистосердечной, преданной дружбы. Хочется посоветовать учителям: как самые нежные и хрупкие цветы, берегите детскую и юношескую дружбу, стремление к взаимопомощи. Дружба — это школа воспитания благородных чувств. Верность дружбе, преданность другу побуждают детей, подростков, юношей к самоотверженным поступкам. В проявлениях детской и особенно юношеской дружбы всегда есть что-то кажущееся учителю недопустимым или по меньшей мере странным. С этим «недопустимым» приходится мириться, проявляя снисходительность и великодушие. Я много раз наблюдал случаи, описанные в рассказе «Самая трудная контрольная». Там, где речь идет о честной, преданной дружбе, недопустимы придирчивость и педантичность.

Воспитывать в каждом питомце душевные богатства, необходимые для благородной, требовательной, преданной, щедрой дружбы, — одно из самых тонких прикосновений воспитания к самым чувствительным уголкам индивидуальности. Мы стремимся к тому, чтобы в коллективе подростков и юношества утверждались *Законы дружбы*, выработанные многими поколениями людей, прошедших нашу школу. Эти законы сами по себе являются большим нравственным достоянием коллектива. Мы разъясняем их подросткам и юношеству, стремясь возвысить благородство человеческой верности, преданности, требовательности, долженствования. Вот эти законы.

1. Не оставляй друга в беде. Быть *верным* дружбе — это значит делить с другом не только радости, но и горе. У друга могут быть ошибки, трудности, испытания. Если ты видишь, что у друга беда, иди к нему на помощь. Отвернуться от друга в тяжелую для него минуту — это значит нравственно готовить себя к предательству.

2. Тебе не безразлично, *какой* твой друг. Дружба — это нравственное обогащение человека; обретая надежного друга, ты умножаешь свои силы, становишься морально чище, богаче, красивее. Знай, что, имея верного друга, ты ежечасно, ежеминутно не только видишь сам себя, но и оставляешь свою душу открытой перед тем, кому ты веришь.

3. Дружба — это прежде всего вера в человека, требовательность к нему и долженствование. Гармоническое слияние этих трех начал дает ни с чем не сравнимое счастье духовного общения с близким по духу и идеалам человеком. Чем глубже твоя вера в друга, тем выше должна быть требовательность, тем больше ты обязан, должен.

4. Дружба и эгоизм непримиримы и несовместимы. Дружба учит человека отдавать духовные силы и богатства, заботу. Когда у тебя появляется верный и надежный друг, ты становишься человеком, остро заинтересованным в том, что делается в мире, какие люди окружают тебя, что для них свято и дорого, чем они живут, в чем видят радости, что любят и что ненавидят.

5. Дружба учит преданно любить и стойко, мужественно ненавидеть и быть непримиримым. Дружбу я бы назвал вершиной, с которой перед человеком открываются мельчайшие детали доблести и красоты, пошлости и уродства. Дружба дает человеку зоркость на добро и зло. Дружить — значит быть прилежным, старательным учеником в школе требовательности.

6. Дружба испытывается в беде и опасности. Смертельной бедой и смертельной опасностью является война. Ты должен быть духовно готовым к этому великому испытанию. Дружба — могучий и неисчерпаемый источник доблести, мужества, стойкости. Человек остается непобедимым в самых трудных условиях главным образом потому, что он чувствует плечо соратника. Умей жить так, чтобы уже в отрочестве и ранней юности познавать счастье единомыслия, счастье стойкости и несгибаемости в едином строю со своими друзьями.

7. Умей жить так, чтобы тебя с другом объединяло единство духа, идеалов. Наиболее ярким выражением духовной активности человека является преданность идеям, идеалам, борьбе. Мудрость коммунистического воспитания и самовоспитания заключается в том, чтобы люди уже в годы отрочества и ранней юности умели объединять свои силы во имя преданности, верности, несгибаемости, воли к победе. Дружба лишь тогда могуча и облагораживающа, когда она является маленьким ростком идеала, из которого вырастает могучая поросль жизненной цели. Верная дружба немыслима без мечты о будущем. Умей видеть себя вместе со своим другом на том поле Отечества, которое открывается перед тобой. Пусть дружба будет для тебя ярким светом, озаряющим цель жизни.

8. Юность без верной, преданной дружбы убога и пуста. Не умея дружить, ты обкрадываешь себя. Годы юности, озаренные яркой, духовно насыщенной дружбой, — это духовная энергия всей твоей жизни. От того, что ты сумел создать в годы юности и взять с собой в зрелые годы, зависит счастье твоего бытия всю жизнь. Самое главное, что создается человеческой дружбой, что должен создать ты вместе со

своим единомышленником и соратником, — это приверженность возвышенному, идеальному. Юность, лишенная идейно богатой, озаренной светом единомыслия дружбы, порождает у человека мысль о том, что он серая, безвестная пылинка и его первая задача — как-то приспособиться для добывания хлеба насущного, для создания уютного гнездышка. Мещанская мечта о благополучии, безбедности и сытости — порождение юности, не знающей истинной, богатой идеями дружбы.

9. Дружба воспитывает приверженность возвышенному, идеальному уже потому, что дружбе больше отдают, чем приобретают, и по-настоящему приобретают лишь потому, что отдают; самым богатым становится самый щедрый. Готовность отдать самое дорогое во имя идеала — положить голову в борьбе за счастье человечества — это огромное нравственное богатство доступно лишь тому, кто видит в жизни нечто большее, чем кусок хлеба и уютное гнездышко. Подлинная дружба предохраняет от эгоизма, учит презирать корыстолюбие.

10. В дружбе ты проходишь подлинную школу бескорыстия. Дружба дает тебе ни с чем не сравнимую радость оттого, что ты отдал. Дружба, по существу, открывает нам истинный смысл жизни.

11. Друг, если только это настоящая дружба, становится частицей тебя самого. Если ты видишь в друге что-то плохое, недостойное вашего единомыслия, вашей приверженности идеальному, скажи ему откровенно об этом. Не заявляй во всеуслышание, перед коллективом, о пороках или ошибках друга в надежде на то, что это исправит его. Это все равно что бичевать самого себя. Ты должен быть самым строгим и самым справедливым, самым мужественным и самым неумолимым судьей своего друга. Взаимная ответственность, озаряющая вашу дружбу, является важнейшим истоком верности, преданности. Вместе с тем взаимная ответственность побуждает к самовоспитанию — совершенствованию себя своими собственными силами. Стыдно самому перед собой — это чувство тонко развито у того, кто знает подлинную дружбу. По-настоящему испытывает стыд перед собой тот, кто видит себя не только своими собственными глазами, но и глазами друга. Если бы человек жил, как в пустыне, в полном одиночестве, он не знал бы вообще, что такое стыд и совесть. Самовоспитание, самосовершенствование — это не саморазвитие цыпленка в яйце под теплым крылышком наседки. Это сложное человеческое сознание и чувствование того, что не я один смотрю сам на себя; зорко смотрит на меня и видит меня мой верный друг. Наиболее способным к самовоспитанию становится тот, кто имеет надежного, верного друга, умеющего не только мужественно помочь, вступиться за тебя, но и мужественно ненавидеть зло, быть непримиримым к злу. Эта настоящая верность и преданность друга имеет особенную, неоценимую ценность в сложных, трудных, порой трагических условиях воинской службы.

12. Без дружбы — преданной, верной, требовательной, долженствующей — немыслим коллектив. Самый крепкий, идейно стойкий коллектив там, где дружба озарена приверженностью к идеальному, ясностью жизненной цели, строгой требовательностью и непримиримостью к злу. Дружба — это глубинные течения реки; у них — свои закономерности, без этих течений немыслимо и то, что на поверхности.

Наиболее чутким к общественному мнению коллектива является тот, кто связан с другим человеком узами подлинной дружбы.

13. Быть требовательным в дружбе — это значит иметь мужество разорвать ее, если друг предает то, во имя чего построена дружба: приверженность возвышенному и идеальному, готовность и умение *отдавать* и находить в этом высшее счастье духовной жизни. Отступничество — самый подлый порок, ненависть и непримиримость к которому должны воспитываться каждым шагом школьной жизни, каждым выражением человеческих отношений. Беспринципность опустошает дружбу; если у вас нет единства духа, идеалов, взглядов, убеждений; если вы не умеете единодушно любить и ненавидеть; если вас влекут друг к другу только скука и одиночество, вы потеряли дружбу или вообще не имели ее.

14. Из кирпичиков прочной, идейно богатой дружбы строится то, что я бы назвал нравственной силой коллектива. Чувство долга и ответственности перед коллективом тесно связано с чувством стыда: только тот, кому хочется видеть себя морально достойным высоконравственной, красивой дружбы, обладает большой чуткостью к тому, что говорят и думают о нем люди. Есть условия, определяющие создание коллектива; при отсутствии этих условий коллектив вообще немыслим, что бы мы ни делали. Этими условиями являются: богатство духовных, нравственных, идейных интересов и запросов личности, высокая требовательность человека к человеку; тонкое развитие в каждой личности важнейшей человеческой потребности — потребности в духовном общении с другим человеком, умение отдавать свои духовные силы и переживать в связи с этим счастье. Если этими качествами обладает каждый, индивидуальности связываются прочными нитями духовных, идейных связей, и эти связи, по существу, и являются одной из граней коллектива.

Наш педагогический коллектив твердо убежден, что осуществление этих Законов дружбы является одним из важнейших элементов воспитания будущего воина. Подготовить человека к защите Отечества — это значит не только дать ему образование, необходимое для того, чтобы владеть могучим современным оружием, не только утвердить в нем чувство непримиримости к врагу. Огромную роль играет воспитание духовной готовности к идейному, боевому, ратному содружеству и братству. Братство по оружию невозможно без братства по убеждениям, по идеалам. Большой заботой каждого воспитателя является духовная подготовка к дружбе — преданной, верной, требовательной и долженствующей. Самое главное в этой подготовке — мудро и умело ввести маленького человека в мир общественных интересов. Настоящим другом может стать лишь тот, кто близко принимает к сердцу то, что не связано с удовлетворением личных потребностей.

С малых лет надо формировать мужество — это одна из самых ярких граней воспитания духовной готовности к защите Родины. Уходя своими корнями в детство, мужество слагается из множества, казалось бы, незаметных черточек, которые проявляются в поведении, во взаимоотношениях как среди ровесников, так и младших со старшими. Нам, родителям и воспитателям, надо помнить, что в семейной и

школьной жизни есть подводные камни, представляющие собой — это можно сказать без преувеличения — смертельную опасность для души, в которой нужно воспитать мужество. Этими камнями являются и беззаботность, и порой мещанство, обывательское «моя хата с краю» старших, и, что особенно часто бывает, неумение воспитывать.

Большую угрозу для воспитания мужества представляет пустословие, отсутствие единства слова и дела. Все фальшивое, показное развращает душу, порождая подлость, отступничество и другие низменные побуждения. Святым правилом школы должно быть: ни одно слово пусть не произносится впустую, ни одно обещание пусть не дается для красного словца, ни одно дело не надо начинать, если оно не будет завершено, ни одно усилие, затраченное детьми, не должно оцениваться выше, чем оно того заслуживает.

Совершенно недопустимо, что дети бросают слово на ветер, а педагоги иногда побуждают их к этому. Не надо учить детей и подростков произносить красивые слова. Надо учить делать красивые дела. Как огня бойтесь того, чтобы дети говорили чужими словами, излагали заданные мысли. Нежнейшие корешки мужества — это привычка говорить только то, что думаешь, обещать лишь то, что духовно готов выполнить. Не надо приучать маленьких детей говорить по шпаргалкам, как, к сожалению, делается в некоторых школах: малыши заучивают приветствия по случаю праздников и торжеств и декламируют малопонятные им или вовсе не понятные слова. Присутствующие умиляются только потому, что эти слова произносят маленькие дети; если бы вместо детей на сцене выстроили взрослых, в зале царила бы скука. Детство любит игрушки, но мстит нам, взрослым, если мы превращаем детей в игрушки. Может быть, кому-то это кажется маленькой ошибкой, но в самом деле это страшная вещь: вкладывать в уста маленького человека вместо доступной для него сказки, песни святые слова, которых он еще не может постигнуть. Умиляясь тем, как малыш произносит эти слова, отец и воспитатель потом, через несколько лет удивляются: откуда у детей легкомыслие, равнодушие, а иногда и подлость?

Мужественным, бесстрашным человеком станет только тот, кто с детства научился дорожить своим гражданским достоинством — это первый закон воспитания мужества. А гражданское достоинство заключается в единстве мысли и дела, слова и поступка. Мужество на поле боя, в поединке с жестоким и непримиримым врагом имеет своими тончайшими корнями мужество мысли, духа, слова, выражающееся в нетерпимости к молчаливому равнодушию, обману, лицемерию, боязни «вмешаться не в свое дело». Я считаю исключительно важной воспитательной задачей: с первых шагов своей жизни в коллективе каждый питомец должен учиться *мужественно думать*. Всё, что происходит и рядом с тобой, и далеко в огромном мире борьбы добра и зла, социальной справедливости и угнетения, — всё касается тебя, юный гражданин, до всего тебе есть дело, всё ты должен принимать близко к сердцу, обо всем думать, думать, думать. Мужественно думать — это значит прежде всего ненавидеть всей душой зло, несправедливость, нести в своем сердце, как неугасимый огонек, возмущение злом, несправедливостью, беречь этот священный огонек от тьмы рав-

нодушия, духовно готовиться к столкновению с противником. Мужественно думать — это значит чувствовать, что я не могу жить спокойно, пока в мире есть зло, а самое большое, нетерпимое зло нашего времени — это порабощение, угнетение человека человеком, война, рождение человека для того, чтобы исчезнуть бесследной пылинкой. Детство наших питомцев радостно и беззаботно, общество наше дает своей детворе с каждым годом все больше материальных и духовных благ. Но ни на одну минуту наши дети не должны забывать, что в мире есть горе, нищета, страдания, сотни миллионов людей голодают, до сих пор человека продают в рабство, арсеналы войны наполнены смертоносным оружием, которого достаточно для того, чтобы уничтожить на земле все живое. Воспитывать надо так, чтобы все это порождало не чувство бессилия и обреченности «маленького человека», а гражданскую готовность бороться за торжество добра, справедливости. Мужество мысли — это устремленность в будущее. Человек не будет чувствовать себя безвестной пылинкой лишь тогда, когда он духовно готовится к столкновению с жестоким противником — социальной несправедливостью общественного строя, несущего угнетение, голод, войну. Духовная готовность отдать свою жизнь во имя этой справедливой борьбы необходима вовсе не для того, чтобы уметь мужественно умереть. Она необходима для того, чтобы, презирая опасность, воспитывая в себе бесстрашие, будучи духовно готовым ко всему, мужественно выстоять, победить.

Там, где воспитатель учит детей мужественно думать обо всем, что происходит в мире, растет человек с чутким гражданским сердцем, с сознанием борца, непримиримого к злу.

Как священный огонь жизни, берегите эту чуткость и непримиримость. Рассказ «Вы ведь выросли, папа» — о событии, которое заставляет нас, воспитателей, глубоко вдуматься в самую сущность воспитания, особенно в проблему: как уберечь истоки мужества от замутнения, от опасности поглощения их мещанским болотом равнодушия? Если мы хотим, чтобы в душе маленького гражданина неугасимо горел огонек ненависти к социальному злу, мы сами должны озарять и согревать каждый шаг его жизни таким же мужественным огоньком. Вокруг ребенка не должно быть обстановки равнодушия.

Маленький человек, каким бы слабым и беззащитным он ни был, не должен чувствовать себя слабым и беззащитным — это второй закон воспитания мужества. Как очень большой опасности бойтесь того, чтобы эти живучие семена — чувство своей слабости и беззащитности — не взошли ростком *жалостливой любви* к самому себе. Каждому воспитателю надо помнить замечательные слова Ф. Э. Дзержинского: «Если любить только себя, то с приходом тяжелых жизненных испытаний человек проклинает свою судьбу и переживает страшные муки. А где есть любовь и забота о других, там нет отчаяния» (*Дзержинский Ф. Э.* Дневник заключенного. Письма. М., 1967. С.33). Маленький человек должен чувствовать себя сильным, способным защищать других — вот в чем один из секретов воспитания. Воспитывает мужество не созерцательная, пассивная любовь, не умиление, а труд, одухотворенный любовью. Мужественным делает человека мысль: во-

круг меня — множество слабых; мне стыдно даже подумать о том, что я беззащитный. Слабые нуждаются в моем заступничестве. Я должен быть готовым в любую минуту драться с обидчиками слабых.

Тот не будущий солдат, не воин, не храбрец, если в годы детства и особенно отрочества он не сражался с обидчиком слабого, сам грудью своей не закрыл беззащитного. Воспитание мужества требует, чтобы духовные силы всегда в человеке были неизмеримо больше сил физических, лишь при этом условии он становится мужественным и бесстрашным, храбрым и безбоязненным. Дисгармония между телом и духом, когда энергия, таящаяся в руках, в ногах, спит под влиянием бездеятельного, слабого духа, — эта дисгармония является большой опасностью для всего воспитательного процесса. С самого «нежного» возраста, с детского сада надо воспитывать в человеке гармонию между телом и духом — преобладание силы духа.

В воспитании мужества мы видим становление подлинного мужчины, сильного, бесстрашного и безбоязненного, нравственно благородного, непримиримого к злу и великодушного. Воспитание мужества — это сложнейший процесс формирования силы духа, прежде всего воли, умения приказать себе, заставить себя.

С первых шагов школьной жизни мы учим своих питомцев властвованию духа над телом — в этом заключается один из интереснейших моментов воспитания и самовоспитания.

Силы твои могут быть слабые и ограниченные, учим мы своих питомцев, но, если ты умеешь властвовать над физическими силами своим духом, волей, стремлениями, ты будешь непобедимым и несгибаемым. Человек — это воля человеческая, воля к победе над трудностями и сложными, подчас драматическими ситуациями. Воспитывай в себе с малых лет волевую устремленность, стойкость и выдержку. Не поддавайся отчаянию и унынию. Будь властелином над своими побуждениями, страстями, желаниями, чувствами, настроениями, влечениями. Сила воли превращает искру физических сил в могучее пламя, слабость воли гасит огонь физических сил и они превращаются в холодный пепел. Мужество — это подлинная красота духа и тела, убеждений и поступков. Мужество делает человека могучим и добрым, сильным и ласковым.

На протяжении многих лет у нас выработались определенные *правила воспитания мужества.* Мудрость и искусство воспитания настоящего человека мы видим в том, чтобы эти правила были не только нашими инструментами — средством воздействия на юные души, но и самой сущностью духовной жизни детей, подростков и юношества. В становлении мужества воспитание лишь тогда обретает свою силу, когда оно органически сливается с самовоспитанием. Мы воспитываем в маленьком человеке способность чувствовать полноту духовных сил в связи с тем, что он, властвуя над собой, проходит школу духовной закалки. Чувство удовлетворения, гордости, переживаемое в связи с этим, — это та замечательная черта духовной жизни личности, без которой не может быть и речи о становлении мужества. Источник этого чувства в том, что, понимая правило воспитания мужества как самую сущность своей жизни, маленький человек сознательно управляет

своими поступками — заставляет себя властвовать над собственной волей, становится повелителем сильных, мужественных душевных движений.

Вот правила, которые я стремлюсь сделать теми *внутренними законами личности,* по которым она строит свою жизнь, распоряжается собственной судьбой.

1. **Умей пробудить гнев на себя, злость к самому себе, если тебе что-то н е х о ч е т с я.** Не хочется — это опасный враг подлинно человеческого бытия. С *не хочется,* если оно вышло победителем над *надо, должен, требуется,* начинается никчемность и безволие. Тот, кто не сумел вступить в единоборство с *не хочется,* становится рабом лени. Бездумное времяпрепровождение, кажущееся свободой, в самом деле является гнусным рабством духа.

Я убежден, что об этих вещах надо говорить уже с маленькими школьниками — первоклассниками и второклассниками. Именно их дух является податливым и чутким к одухотворению стремлениями к волевым поступкам.

Тебе не хочется подниматься в семь часов, учу я 9-летних детей, разгневайся на себя, заведи будильник на шесть, поднимись с постели мгновенно, как только услышишь звонок. Сделай зарядку, умойся, оботри свое тело влажным полотенцем, пойди в сад, полей цветы, посмотри, как поднимается солнце, присмотрись, как пробуждается природа, потом сядь за книгу, почитай, потом рисуй... Ты убедишься, как это радостно — заставлять себя, повелевать собой, быть хозяином своих влечений. Пусть *не хочется* отступит перед тобой — ты почувствуешь себя хозяином своей воли. Ты постепенно обретешь драгоценное умение — умение желать и повелевать желаниями.

Ты посадил цветы, каждый вечер надо принести от колодца несколько ведер воды, а не хочется, ой, как не хочется. Где-то в уголке твоего сознания зарождается, шевелится, как болотная тина, мысль: ну, что произойдет, если один день не полить? Помни, что эта мысль — страшный враг твой. Разгневайся на себя за то, что ты допустил в свою душу кусочек этого болотца. Выплесни его, заставь себя подавить коварное *не хочется.*

Такие беседы с детьми — очень нужные поучения и наставления, представляющие собой самую сущность воспитания силы духа. Особенно необходимы такие поучения подросткам и юношам. Многие годы педагогического труда убедили меня, что не должно быть ни одного дня, когда бы ум юного гражданина не углубился в мысли о силе собственного духа.

Тебе надо написать сочинение на сложную тему, учу я подростков. Над ним надо поработать часов десять, не меньше, лишь тогда что-нибудь получится. А тебе хочется сделать работу в один присест — это значит *не хочется* трудиться. Умей стать беспощадным к себе, возненавидь в себе жалкое, тщедушное чувство боязни настоящего труда. Если ты пойдешь на поводу у этого чувства, ты станешь тряпкой, безвольным существом. Рядом с тобой могут жить и трудиться люди сильной воли, но ничья, даже самая сильная воля не может заставить тебя, если сам ты безвольный. Садись за работу, трудись два часа сегодня,

три часа завтра, потом опять три часа, потом еще три часа... Каждая твоя победа над собственным безволием — это уже твоя сила духа. Это уже то, что ты приобрел, завоевал, постиг. Умей гневаться на самого себя, лишь при этом условии ты станешь обладателем бесценного духовного богатства — радости мужественного поступка. Помни, что безволие, слабость, отступничество начинаются с небольшого твоего отступления перед злосчастным *не хочется.*

Важно, чтобы дети, подростки, юноши, одухотворенные мыслями о силе собственного духа, с увлечением трудились, воспитывая в себе мужество. Работа духа, воли, желаний — самый сложный и тонкий труд, к нему надо побуждать повседневно, умно, тактично, доброжелательно. В том, чтобы в духовной жизни каждого ребенка, особенно каждого подростка и юноши, была эта работа, я вижу весь смысл своего влияния на юные души. Если нет этой работы, если подросток не приходит ко мне радостный, возбужденный, одухотворенный и не рассказывает о том, как ему удалось заставить себя, как он преодолел *не хочется,* как почувствовал себя сильным, если в вашей воспитательной работе этого нет, то нет и не может быть никакого воспитания как целеустремленного влияния одного человека на другого. Самые хитроумные, самые изощренные средства требовательности и контроля останутся бессильными, если нет этой одухотворенной высокими побуждениями *работы духа,* труда души. Кстати, надо остановиться здесь еще на одной важной закономерности воспитания: только человек, овладевший уже в годы отрочества и ранней юности этой тонкой и сложной *работой,* становится нравственно устойчивым против чуждых влияний. Преодоление *не хочется* является сознательным стремлением к моральной красоте.

2. **Пробуди в себе чувство настороженности, если что-то покажется тебе невозможным, неосуществимым, непреодолимым. Собери все силы своего духа, чтобы невозможное сделать возможным.**

Это, по-моему, самое главное правило воспитания мужества. Каждый в годы детства, отрочества, ранней юности должен совершить свой *подвиг духа* — невозможное сделать возможным, неосуществимое — осуществимым. Без этих настоящих уроков мужества теряют воспитательную силу любые поучения, с которыми воспитатель обращается к юным умам и сердцам. Если же эти уроки есть, слово воспитателя обретает могучую силу.

Подвиг духа — претворение невозможного в возможное — это самая сущность властвования духа над телом.

Мы видим мастерство и искусство воспитания в том, чтобы в обычной, повседневной жизни найти поле для настоящих уроков мужества.

Дети стали учениками. Я показываю, объясняю, истолковываю им мир. Вот виноградник, вот тучная нива, на которой зеленеют всходы пшеницы. А в двухстах шагах от плодородной нивы — бесплодный глинистый участок. Даже бурьян здесь не растет. Это умершее поле, дети. Несколько десятилетий назад оно было таким же тучным черноземом, как и нива, на которой зеленеет пшеница. Почву здесь неправильно пахали, дожди по капельке смывали чернозем, и поле умерло.

Я стремлюсь к тому, чтобы ви́дение мира началось для детей с тревоги и озабоченности: а ведь все поля могут умереть, если человек бу-

дет неразумным хозяином! Я не боюсь омрачить детство тревожными и горькими мыслями — мужества без тревог и забот не воспитаешь! Боли и горести общества становятся болями и горестями личными — в этом живительная среда для подвига духа. Как это важно, чтобы уже в детские годы человек не мог спокойно уснуть от мысли, что если он, маленький человек, будет бездеятельным, то родная земля станет беднее. Другого пути овладеть детским сердцем нет — только гражданская тревога, гражданская горечь, зовущая к деятельности.

Эту бесплодную, умершую землю надо превратить в плодородную почву. Детям это кажется невозможным. Но их увлекает, одухотворяет вера воспитателя. Рядом с бесплодной глиной на тучном черноземе мы посеяли маки. Цветущее Маковое поле — и рядом умершая почва... ребенок видит эти вещи одновременно для того, чтобы ви́дение мира началось с тревоги и озабоченности. Чтобы у маленького гражданина появилось *желание трудиться.*

Это очень сложная, тонкая, нежная вещь — детское желание трудиться. Без него нельзя воспитать мужество, без него невозможен подвиг духа. Оно возникает тогда, когда в детской душе прочно засела мысль: *так не должно быть!* Не должно быть поля умершего, должно быть Маковое поле. Воспитание мужества начинается с непримиримости — я в этом твердо убежден. А непримиримость рождает желание увидеть мир лучше. Радость постижима вообще только в том случае, если маленький человек нашел, добыл ее рядом с горечью, если вырастил ее росток из зерна непримиримости. Это одна из очень важных закономерностей воспитания. Подвиг духа, гражданское мужество — *дитя радости труда.* И вот рядом с тучной нивой начинается многолетний труд.

Умершее поле должно ожить — эта мысль одухотворяет интересы, устремления. Дети создают плодородную почву. Этот труд нелегкий. На умершее поле дети носят ил, песок, перегной. Ведро, лопата, корзинка, грабли, сапка — самые немудреные инструменты извечного крестьянского труда, с них начинается прикосновение маленького человека к земле, прикасается он к ней не только руками, но и душой. Его волнуют и радуют успехи, огорчают неудачи. Бывают и веселые, радостные дни, бывают и слезы. В первую весну на оживающем поле — бледные ростки маков. Жизнь в почве только пробуждается, маки увядают, не успев расцвести, но, если в детском сознании твердо засело *так не должно быть!* и *так должно быть!,* в духовной жизни появляется та тонкая и в то же время крепкая ветвь, которая называется *верой.*

Вера — это средоточие подвига духа. Без веры в осуществимость замысла, в достижение цели, в свою собственную терпеливость и настойчивость не могут раскрыться силы духа, вообще немыслимо вхождение мужественной борьбы в духовную жизнь. С каждым годом труд приносит все более ощутимые плоды. За шесть, иногда за пять лет маленький участок умершего поля оживает, превращается в плодородную почву. Настоящим торжеством для детей становится та весна, когда на мертвом, когда-то безжизненном пустыре расцветают, как радуги, маки, рождается Маковое поле — детская мечта, в ее осуществлении и заключается подвиг духа. Через год на Маковом поле созревают колосья пшеницы.

Маковое поле — это своеобразный символ. Наша воспитательная цель — чтобы каждый ребенок, образно говоря, создал свое Маковое поле. Если к 12—13-летнему возрасту юный гражданин увидел, как колосится пшеница на почве, которую он создал своими руками, — значит, он совершил подвиг духа. Он пережил ни с чем не сравнимое чув-

ство изумления самим собой, в его сердце пробудилась гордая мысль: невозможное стало возможным.

Эти переживания и чувства — огромное моральное богатство. Корни мужества закладываются там, где это богатство приобретается в годы детства и отрочества. Упущенного ничем не наверстаешь. В подвиге духа творится настоящий человек. Мужество рождается там, где благодаря собственному труду человек увидел мир таким, каким он должен быть.

В 12—13-летнем возрасте начинается второй этап труда, имеющего ярко выраженный характер подвига духа. Каждый подросток берет несколько квадратных метров умершего поля. Цель работы та же — создать плодородную почву, на которой должна колоситься пшеница. Труд этот рассчитывается на 4—5 лет, завершаясь обычно в год окончания школы.

Гражданская одухотворенность, несгибаемость, непримиримость — вот какими нравственными идеями проникнута эта деятельность. Без этого урока мужества мы вообще не представляем воспитания подростков и юношества. Воспитательный смысл этого урока заключается прежде всего в том, что человеку трудно, и это трудно — во имя возвышенной гражданской цели. В глубине души подростка, юноши заложено стремление быть борцом — это одна из истин, игнорирование которой рождает такую социальную беду, как нравственная неустойчивость отдельных молодых людей, нежелание трудиться, склонность к дешевым удовольствиям. Мы стремимся к тому, чтобы стремление к необычному, героическому было озарено благородным гражданским мужеством. Создавая плодородную почву, юный гражданин утверждает то, что *должно* быть. Годы отрочества и ранней юности наполнены непримиримостью к расточительности, бесхозяйственности, равнодушию. Не просто труд, но труд мужественный, а возвратить жизнь ста квадратным метрам умершей почвы — это требует больших духовных сил, непримиримости и несгибаемости. Умершее поле превращается в Пшеничную Ниву. Сотни раз приходится подростку, юноше подниматься до восхода солнца; он копает и возит на умершее поле ил и перегной, с надеждой и тревогой ожидает пробуждения жизни в почве. Чем больше сил оставляет он в нелегком труде, тем глубже входит этот труд в его духовную жизнь. Земля, труд на ней становится для юного гражданина тем дорогим, глубоко личным, что связывает его стремления с будущим.

В мужественном, нелегком труде, создающем всенародное богатство, рождается единство общественного и личного. В этом творении формируется человек коммунистических взглядов, убеждений, интересов. Нам, воспитателям, большую радость доставляет то, что молодые труженики видят мир глазами граждан, лично заинтересованных в том, чтобы все было так, как *должно* быть.

Мы, сельские учителя, воспитываем своих питомцев в особых условиях. Колыбелью наших детей, миром, в котором они открывают глаза, познают сами себя, является бесценное народное богатство — плодородная почва. Бескрайние поля тучного чернозема, волнующиеся нивы пшеницы входят в детскую мысль вместе с первым образом, словом, представлением, сказкой. Мы ходим, образно говоря, по драго-

ценным камням, попираем ногами ценности, по сравнению с которыми золото — ценность преходящая. Величайшее народное богатство — плодородная почва — может войти в сознание юного гражданина как богатство *ничье,* никому не принадлежащее, не имеющее никакой цены, если маленький человек видит мир только глазами потребителя; в таком ви́дении кроется опасность: у человека не будет, как говорят в народе, ничего святого за душой. Если всё дается очень легко — человек расслабляется, помыслы и чувства его обращаются внутрь самого себя, желания ограничиваются удовлетворением собственных потребностей. Если же он мужественно преодолевает трудности, добывая радости бытия собственным трудом, предметом его желаний становится общественное благо. Преодоление трудности — это мужественное возвышение человека на вершину нравственной доблести. Путь к этой вершине должен быть тернистым, и преодолевать его человек должен собственными силами. Мужество недостижимо, если мы будем тянуть питомца за руку или нести его к вершине доблести на руках. Тот, кто не постиг трудного, не способен гордиться тем, что невозможное он сделал возможным. Важнейшая воспитательная миссия сельской школы в том, чтобы земля, плодородная почва осмысливалась и переживалась каждым нашим питомцем не только как ни с чем не сравнимая материальная ценность, но и как мера благородства, чтобы это всенародное богатство было святыней юного патриота. Забота о том, чтобы маленький человек, родившийся в селе, навсегда прирос душой к земле, считал ее великой святыней своего бытия и мерой всех других ценностей, является для нас средоточием гражданского воспитания детей и юношества. Человек по-настоящему воспитывается только тогда, когда с малых лет у него есть гражданские мысли, тревоги, волнения, надежды, радости, горести. Наша система воспитательной работы заключается в том, что ребенок живет в мире гражданских мыслей и дел, в этих мыслях и делах для него — главный источник радостей и огорчений.

Вопрос это исключительно важный, сложный и тонкий. Гражданина, у которого было бы *святое за душой,* не воспитаешь, если с детства он видит только розовые грани нашего мира, а собственная жизнь представляется ему как сплошное удовольствие. Гражданственность слагается из чувства хозяина, наследника, созданного старшими поколениями, и из чувства ответственности за то, что у нас еще плохо. Мы видим смысл гражданского воспитания в том, чтобы ви́дение мира началось для маленького человека с тревоги и озабоченности, чтобы первым гражданским желанием, взволновавшим ребенка, была мысль: так не должно быть! Чтобы эта мысль пробудила чувство непримиримости к злу, безделью, бесхозяйственности, расточительности, заставила маленького человека засучив рукава взяться за дело.

Нельзя себе представить полноценное воспитание подростка, невозможно ввести его сильным и мужественным в раннюю юность, если он в годы раннего отрочества не совершил подвига духа. Жизнь столь богата и бесконечно многообразна, что на каждом шагу есть возможность подвести десятилетнего мальчика к вершине, кажущейся недосягаемой, и сказать ему: штурмуй! Не просто сказать, но позвать его за

собой, увлечь, одухотворить, чтобы он в вас чувствовал единомышленника и соратника. Подвиг духа всегда сопряжен с чувством коллектива, сообщества, верной дружбы, товарищества.

3. **Умей презирать недостойное. Умей пробуждать в себе чувство гневной нетерпимости, презрения, негодования ко всему, в чем может выразиться равнодушие к злу, малодушие, подлость, хамство. Активное презрение к недостойному само по себе является подвигом духа. На твоих глазах, в твоем присутствии ежечасно совершаются десятки поступков; в отношениях друг к другу люди выражают себя, они всегда то ли утверждают что-то, то ли осуждают; там, где люди определенным образом относятся друг к другу, живут нравственные идеи. Если ты видишь и слышишь, ты уже активный участник этой жизни идей. Тот, кто стремится ничего не видеть и не слышать, быть безразличным к жизни идей, — подлое, тщедушное существо.**

Это очень тонкая сторона воспитания мужества. Речь идет о мужестве, бесстрашии, безбоязненности во взаимоотношениях с другими людьми.

С малых лет мы воспитываем у детей презрение к таким ядовитым семенам пороков, как равнодушие и предательство. Исключительно важно, чтобы в юном сердце загорался неугасимый огонь презрения, негодования, гнева, если человек видит это зло. Мы добиваемся того, чтобы питомец наш с малых лет мог безбоязненно сказать в глаза своему ровеснику: ты стоишь над пропастью предательства! Если ты не преодолеешь в себе страха, малодушия, безволия ты погибнешь!

Дети и подростки очень чутки к добру и злу. У них сильно развито стихийное социальное прямодушие, по которому всё, что происходит вокруг, они резко делят на добро и зло. Их чувство справедливости до того обострено, если только жизнь не дает им губительных уроков равнодушия, что осуждение зла, обмана, подлости, лицемерия в детской и отроческой среде всегда очень яркое и бескомпромиссное. От воспитателя требуется не только уважение детской непримиримости к злу. Эту непримиримость надо оберегать от любых посягательств, хранить ее в чистоте. Никогда не надо гасить бурные проявления негодования, возмущения злом. Это яркое пламя мужества, и, если не дать ему разгореться в детстве и отрочестве, человек вырастет безвольным и равнодушным. Детский и подростковый коллектив и держится, по существу, на изумлении прекрасным и презрении к злу — это могучее, ничем не заменимое нравственно-эмоциональное *сцепление* личностей. Активное презрение к недостойному — это, образно говоря, мужественная сердцевина коллектива. Нет этой сердцевины — нет и коллектива.

Как важно, чтобы в самых разнообразных отношениях между членами коллектива выражалось столкновение и *противоборство* идей! Образно говоря, это столкновение и противоборство являются той почвой, о которую до блеска оттачивается лемех мужества, необходимого будущему воину и гражданину. Тихая, невозмутимая жизнь коллектива, без ярких и сильных конфликтов и обострений — опасное свидетельство того, что в юных душах нет напряжения сил, необходимого для становления мужества. Вовлекайте детей в такие дела, чтобы за поступками и отношениями дети чувствовали идеи.

С большой настойчивостью мы учим детей и подростков презирать равнодушие к слабым, беззащитным и особенно к девочке, девушке, женщине.

Если ты прошел равнодушно мимо слабого и беззащитного, если глаза твои остались незрячими, а душа бесчувственной, ты вырастешь жестоким, а жестокость — это слабость, умноженная на подлость. Мужество не имеет ничего общего с жестокостью. Мужественный человек тонко чувствует молчаливый призыв слабого и беззащитного к помощи. Мужество великодушно и нежно. Мужественный человек умеет быть верным и преданным своим убеждениям, мыслям, чувствам. Мужественный не обидит и не предаст того, кого он любит. Мужественный умеет любить преданно и отвечать за судьбу человека, вверившего ему свою жизнь.

С малых лет мы внушаем детям мысль: проявить равнодушие к слабому и беззащитному, пройти мимо нуждающегося в помощи, не услышать бессловесной просьбы и молчаливого стона — значит совершить предательство. Сердечная, великодушная защита слабого — это, образно говоря, самый тонкий нерв мужественной сердцевины человека.

4. Умей властвовать над духом, волей, над слабостями своего тела. Сила человеческой воли беспредельна. Упадок духа в тяжелой жизненной ситуации — это твое поражение, гибель. В единоборстве с врагом на поле боя могут быть такие обстоятельства, когда единственным твоим оружием может остаться сила духа, воли, и, если ты сумеешь воспользоваться этим оружием, ты победишь.

Умение властвовать духом над слабостями тела — одна из важнейших граней идейного воспитания. Многим детям и подросткам угрожает в настоящее время такое зло, как тепличность и разнеженность. Нередко можно видеть в школах следующее. Здоровый, краснощекий парень уходит с уроков в больницу — болит зуб. Парень не может дождаться конца занятий, мысли о боли настолько поглощают его волевые силы, что он не может не только ничего делать на уроках, но и сидеть за партой... Маленькая царапина на пальце вызывает у десятилетнего мальчика чувство отчаяния, и он ревет, взывая к жалости, ему хочется, чтобы все считали его царапину чем-то чрезвычайным. Малейшая головная боль во многих случаях является достаточным поводом для того, чтобы ничего не делать...

Все это надо предотвращать, предупреждать.

Достоинство мужчин — не заявлять о своей боли, внушаем мы эту мысль уже первокласснику. Ты мужчина, и уже поэтому ты должен быть стойким и терпеливым. Болезненность и хилость не делают тебе чести. Если у тебя болит зуб, не спеши заявлять об этом во всеуслышание — стыдно! Стыдно перед учителем, перед товарищами, особенно перед девочками. Молчи, терпеливо переноси боль, а после занятий пойди в больницу, чтобы никто и не знал об этом. Умей переносить холод и другие лишения. Внушай, создавай в себе чувство бодрости.

Дети болеют. Иногда болезнь затягивается, ребенок отрывается от коллектива. Одиночество — одна из причин духовной слабости, безволия. Задача воспитателя заключается в том, чтобы болеющий ребенок не чувствовал себя одиноким. Конечно, большое значение имеет за-

бота коллектива о товарище, но дело не только в этом. В те дни и недели, когда маленький человек прикован к постели (а это и для взрослого нелегко!), его жизнь должна быть насыщена бодрой, оптимистической деятельностью духа. Болезнь — это сражение человеческого духа с опасностями и угрозами, которые могут подавить человека, если он не возьмет себя в руки — не выйдет из болезни с закаленной волей. (Я вижу большую опасность в том, что из болезни, даже не очень продолжительной, ребенок нередко выходит духовно ослабленным, не способным к преодолению трудностей; жалость переболевшего к самому себе — очень нежелательное состояние духа, в силу которого ребенок после болезни становится раздражительным и капризным.) С болеющим ребенком (и в определенный период после болезни) надо проводить специальную воспитательную работу. Забвение этой истины несет иногда необратимые последствия: болезнь делает человека на всю жизнь слабовольным.

У постели больного должны быть не только мать и врач, но и педагог — это очень важное правило. Идите к больному не просто для того, чтобы навестить его, утешить и пожалеть, но и для того, чтобы дать ему заряд духовной бодрости, научить мужественной, оптимистической деятельности духа. Это настолько большой и важный вопрос, что о нем надо писать специальную книгу. Воспитание больного, физически страдающего или перестрадавшего, слабого и ослабленного ребенка (да, нельзя ни на мгновение забывать, что это маленький человек, духовно не окрепший даже при хорошем состоянии здоровья) выдвигает множество совершенно новых задач, о которых здесь можно только сказать. Мы много думаем о том, что должно стать предметом мысли, размышлений ребенка, прикованного недугом к постели; о чем он должен думать, что читать, какие радости должны обязательно прийти к нему и взволновать его душу, что может и должно одухотворить его не окрепшие еще духовные силы в сражении с опасностью, а опасность нередко может быть очень большой; мучительные страдания, даже угрозу смерти — всё это ребенок переносит, всё это отражается на его взглядах, поведении, отношении к товарищам.

Активная деятельность духа больного ребенка — это прежде всего его размышления. От того, какую книжку сумеете вы дать ему в руки (когда ему можно читать), зависит очень многое. За тридцать пять лет педагогической деятельности я провел много часов у постели больных детей и вынес твердое убеждение в том, что беседа воспитателя и книга, которую ребенок читает, определяют тот психический, волевой настрой, от которого зависит его воля к жизни, оптимистическое, безбоязненное отношение к опасности, несгибаемость в самых тяжелых ситуациях, презрение к слабоволию, расслабленности, капризности. Ребенок — в большой мере вообще беззащитное существо, и миссия воспитателя — мужественно и самоотверженно защищать его во всех обстоятельствах; в постели же он беззащитный во много раз больше, но я, воспитатель, должен внушить ему такие мысли и размышления, чтобы он не чувствовал своей беззащитности. Я защищаю его мужеством, особым, ребячьим мужеством, которое надо пробудить в юной душе. У меня есть специальные сказки и рассказы для больных детей.

(Это исключительно важный вопрос; от того, какое значение придается состоянию духа болеющих и справившихся с болезнью детей, зачастую зависит вся их дальнейшая нравственная жизнь.) Они проникнуты радостью, оптимистическим мироощущением, порывом к солнцу и простору, то, что я рассказываю ребенку, призывает его вырваться из оков болезни, не поддаваться отчаянию и унынию. В хрестоматию я включил сказки для болеющих детей: «Я еще раз увидел тебя, Солнечный Луч», «Ленивая подушка», «Поющее перышко», «Любопытное маковое зернышко».

Самое главное, что звучит в этих сказках, — призыв к жизни, радости, солнцу. Я стремлюсь к тому, чтобы сердце ребенка, страдающего от болезни, затрепетало при мысли о лазурном небе и зеленом луге, прекрасной песне и преданной дружбе.

Когда я чувствую, что болеющему ребенку, подростку посильны размышления о мире человеческих страстей и поступков, я рассказываю ему быль о несгибаемом мужестве. Это рассказ о сильном духом человеке, пример которого увлекает и одухотворяет. Я стремлюсь к тому, чтобы маленький болеющий человек поднялся на ту ступеньку духовной жизни, где начинается творческий труд. Бездеятельность становится постылой — и ребенок, подросток, забывая о болезни, пишет, рисует, читает книгу с сознательной целью обогатить свои знания.

Если вы сумеете чутко, нежно и мудро прикоснуться к сердцу больного и болеющего ребенка, он возвратится после болезни в школу не ослабевшим и хилым, а духовно окрепшим и возмужавшим. Преодолев испытание, он станет сильнее и мудрее.

Есть дети и подростки, болеющие постоянно, и ни один врач не может привести такого ребенка к полному исцелению. Физический недуг, слабость, недомогание — всё это нередко бывает слабовыраженным, как бы скрытым, но такие дети представляют собой совершенно особый объект воспитания, по отношению к ним необходима специальная педагогика — ученые называют ее медицинской, есть общее представление о ее целях, но ни содержания, ни методов этой педагогики еще нет. А между тем постоянно болеющие, недомогающие, слабые дети не редкость и не исключение; нельзя ни на минуту забывать, что им через несколько лет придется стать тружениками, воинами, отцами и матерями. Задача заключается в том, чтобы недуг, слабость, недомогание не сломили духовно ни одного из этих воспитанников. Воспитание силы духа, стойкости, мужества в работе с такими детьми приобретает первостепенное значение. Забвение этих специфичных задач порождает многие беды, источник которых во многих случаях кажется непонятным. Неумелое воспитание недомогающего, слабого ребенка приводит зачастую и к лени, и к нерадивости, и к отставанию в учении. Как воспитывать волю и мужество этих детей и подростков — очень большой и сложный вопрос, практическое решение которого пока является педагогической целиной.

Слабый телом, недомогающий должен быть сильным духом — это важнейшее правило нашей медицинской педагогики.

Превозмогая боли, слабость, недомогание, властвуя над своими поступками, поведением, желаниями, ты укрепляешь тело, становишься

полноценным человеком, учим мы физически слабых, страдающих болезнями и недомоганиями. **Боль, страдание, недомогание, какими бы сильными и неотвязными они ни были, не должны стать сильнее твоей воли. Слабость превозмогается деятельностью. Твоя воля, выдержка, стойкость пусть всегда наступают на слабость.**

Эти поучения надо доносить до каждого человека; в воспитательной работе со слабыми и страдающими, болезненными и недомогающими исключительную роль играет индивидуальный подход, такт, уважение к личности и, что особенно важно, постоянная забота воспитателя о тончайших гранях духовной жизни маленького человека: у слабого телом должны быть богатая и тонкая духовная жизнь, полноценные интересы и запросы.

В воспитании моральной готовности к защите Советской Родины мы придаем очень большое значение рассказам о подвигах героев в годы Великой Отечественной войны. К детям и подросткам приходят солдаты и офицеры. Рассказы из их уст — это, образно говоря, огромный эмоциональный заряд идеи верности долгу перед Отечеством. Участники сражений с фашистами рассказывают о подвигах своих товарищей — братьев по оружию. Мы придаем очень большое значение тому, чтобы с ранних лет в сознании юного гражданина утверждались убеждения: патриотический долг — высшая человеческая доблесть; сила духа и ненависть к врагу — важнейший источник воли к победе; мы, юные граждане Советской Родины, не только наследники славы своих дедов и прадедов; мы должны умножать верность долгу, бесстрашие, мужество, храбрость, непримиримость к врагу. Рассказы участников войны о подвигах героев воспитывают в юных душах нравственную черту, которой мы придаем исключительное значение в становлении единства патриотических чувств и патриотического сознания, — *переживание и осознание причастности* к героическому прошлому, величественному настоящему и славному будущему Отечества. Восхищаясь героическим, дети и подростки переживают чувство кровной связи, родства, неразрывного единства со всем, что совершено во имя независимости, могущества, славы нашей Советской Родины.

Мы придаем исключительное значение тому, чтобы в отрочестве и ранней юности в сознании каждого нашего питомца сложилось стойкое убеждение: каждый гражданин, где бы он ни трудился, какими бы глубоко мирными ни были его интересы и увлечения, всегда является верным защитником своего Отечества, готовым в любую минуту взять в руки оружие и сражаться с врагом. Мужественное сознание воина, бесстрашная воля к победе — это патриотическая сердцевина человека, которого мы воспитываем. Дух героизма озаряет детство, отрочество и юность наших питомцев не только для того, чтобы восхищаться прошлым. Восхищаясь и гордясь славой предков, наши питомцы мысленно устремлены в будущее — это самое главное. То, что я называю мужественным сознанием воина, — это такое состояние и такая устремленность мыслей, когда в трудную для нашего Отечества минуту человек должен быть готовым всеми силами своей души переключиться на единственную деятельность — сражение с врагом. Замечательной чертой этого состояния мыслей, чувств, устремлений является

то, что человек, размышляя о судьбах Отечества, видит себя не безвестной пылинкой, а большой силой. В конечном счете воспитательная цель любого рассказа о героическом в том, чтобы юный гражданин думал о себе как о солдате, видел себя в будущем сражении, мысленно проверял себя.

Слушая эти рассказы, пионеры принимают близко к сердцу каждую деталь, их волнуют судьбы героев, в исходе боя они видят победу собственных идеалов; переживая героическое, чувствуя свою причастность и к горю, и к славе, юный гражданин представляет себя на месте героя, он думает о себе как о сражающемся воине. В эти мгновения в каждой юной душе совершается сложнейшая работа духа: человек думает о великом, святом, возвышенном и в то же время его раздумья устремлены к собственной судьбе. В этом смысл патриотического воспитания; в этих мыслях и раздумьях как раз и происходит становление мужественного сознания воина. Мужественное сознание пробуждается и утверждается благодаря тому, что человек в годы отрочества мысленно остается наедине с великим и возвышенным — Советским Отечеством. Умейте так рассказать о патриотическом подвиге, чтобы в приобщении личности к Родине юный гражданин открывал самые сокровенные уголки своего сердца. Я твердо убежден, что наиболее чувствительным, тонким, нежным уголком сердца является человеческое достоинство. Постижение героического умом и сердцем я бы образно сравнил со шлифовкой тончайших граней как раз того камушка, имя которому — достоинство. Юноша, постигающий Родину, должен, оставаясь с ней лицом к лицу, чувствовать себя перед ней как перед женщиной изумительной красоты. Я считаю цель воспитательной беседы о Родине достигнутой тогда, когда, соприкасаясь своей душой с великим и возвышенным, человек уходит с высоко поднятой головой, пылающими глазами и учащенно бьющимся сердцем. Мужественное сознание воина — это могучая духовная сила, таящая в себе, образно говоря, нравственную энергию, необходимую для творения красоты — красоты в природе, в жизни, в человеческих взаимоотношениях. Человек, восхищенный героическим, очень чуток к красоте и справедливости, нетерпим к пошлости и уродству во всех их проявлениях. Переживший эти ни с чем не сравнимые мгновения, юный человек не может сказать грубое слово девушке, оскорбить друга, принести боль матери. Нельзя считать, что для мужественного сознания воина время еще впереди, что мужество его раскроется и проявится только на поле боя. Мужество живет и проявляется в любых обстоятельствах. Такой человек сознательно ищет поле, на котором можно было бы творить красоту.

В воспитании защитника Отечества исключительно важно, чтобы он видел родную землю мужественными глазами воина, борца, которому не безразлично то, что было и что будет. Высшая доблесть патриота — не отступить ни шагу перед врагом, который попытается посягнуть на свободу, независимость, честь, достоинство Советской Родины.

Рассказы о героизме дедов и прадедов утверждают в юном сознании мужественного воина мысль, что Отечество и я — это единое целое, честь и достоинство Отечества — это моя личная честь. Причастность

собственных, глубоко личных мыслей, идеалов, устремлений, порывов, надежд к судьбам Родины должна стать нравственной ценностью, святыней души — в этом правиле воспитания мы видим залог того, что верность родной земле юный гражданин рассматривает как свой высший долг.

Одной из важных воспитательных задач я считаю утверждение в юной душе чувства ненависти к врагу. Мужественное сознание воина становится зрелым лишь тогда, когда любовь к Отечеству озаряется мыслью о том, что захватчик, посягнувший на священную землю дедов и прадедов, — твой личный враг, враг моей матери и моего отца. Защищать Отечество, — значит, защищать честь и достоинство матери, оградить своей грудью счастье детства. Сознание того, что я — сила и надежда Отечества, в моих руках — судьба будущих поколений, возвышает юного гражданина в собственных глазах. Ненависть к врагу тем глубже и сознательнее, чем ярче воспитатель раскрывает гуманные человечные цели, во имя которых советский гражданин берет в руки оружие и становится воином. Я рассказываю детям и подросткам о героях, которые в буквальном смысле отдают жизнь за то, чтобы спасти ребенка. Об этом рассказ «Сердце советского солдата», пробуждающий ненависть к врагу-убийце прежде всего потому, что истоком этого чувства является любовь к детям, нежное, заботливое отношение к беззащитному существу.

Чем ярче, яснее благородная цель, во имя которой сражается и идет на подвиг советский воин, тем сильнее ненависть к врагу. Я рассказываю детям и подросткам о боевом братстве, дружбе, верности, ставших силой, одухотворяющей храбрость и бесстрашие мужественным сознанием долга перед Отечеством. Идея братства — это, образно говоря, оружие сердец, объединенных единством цели, борьбы, воли к победе. Это оружие несокрушимо и непобедимо.

Мы, советские педагоги, не скрываем своих идейных целей. Мы воспитываем ненависть к врагам Отечества; если бы мы забыли об этом, мы предали бы свои идеалы, мы стали бы равнодушными жителями своих сел и городов, а не преданными патриотами Отечества. Ненависть необходима нам как щит, ограждающий сердце Родины. Ненависть объединяет нас, всех советских граждан, детей разных народов, в единую семью. Наша ненависть не притязания на чужие земли, а защита.

Только тот настоящий воспитатель юных патриотов, в чьих руках всегда горит огонек, зажигающий в юных душах вечное знамя ненависти к врагу. Я вижу свою воспитательную миссию в том, чтобы умело и тонко прикоснуться этим огоньком к каждому юному сердцу и зажечь в нем пламя мужественной ненависти. Это и есть воспитание беззаветной любви к Отечеству.

Для того чтобы порох в юных сердцах всегда оставался сухим и прикосновения моего огонька зажигали его, я рассказываю детям и подросткам о вещах, смысл которых открывает истину: кто такой враг нашего Отечества, с какими замыслами и целями он приходил на нашу священную землю, что он сделал и что сделал бы, если бы не бессмертный подвиг Советской Армии, которая спасла мир от угрозы фашист-

ского рабства. В сознании каждого поколения, которое мы воспитываем, идейно одухотворяем и благословляем на самостоятельные деяния, должна жить *историческая память* нашего советского народа. Каждый мужчина, которого мы творим из малыша-несмышленыша, должен быть духовно готовым уничтожить, убить врага, посягнувшего на наше священное Отечество. Этот величайший акт воли и мужества требует огромной нравственной стойкости и непоколебимости. Убить врага — это должно переживаться мужественным воином как очищение земли от морального зловония, от мерзкого преступника, поднимающего руку на счастье и радость, прежде всего на жизнь детей. Мы считаем очень важным, чтобы красоту и счастье социалистического строя каждый мужчина видел прежде всего в счастье и красоте детства. Ужас и страдания детей, уничтоженных, убитых, расстрелянных, сожженных заживо гитлеровцами, должны навсегда войти в сознание наших питомцев как горячая, раскаленная страница истории. Горячей, раскаленной она будет оставаться вечно тогда, когда мы утвердили в сознании будущих воинов и их мужественных жен ту мысль, что они — защитники детей, детства, счастья самого справедливого в мире общества.

Полноценное воспитание мы мыслим только в той нравственной атмосфере, где человек в годы детства и отрочества перестрадал страданиями детей, павших жертвами зверя, ненависть к которому должна быть вечной.

У меня есть несколько рассказов о мужестве и смерти детей в годы Великой Отечественной войны. Открывая перед детьми и подростками страницы героических подвигов, я вижу смысл этой воспитательной работы в том, чтобы в мужественном сознании будущих защитников Родины происходило становление исторической памяти нашего народа. Слушание и переживание этих рассказов — это приобщение молодого поколения к народным идеалам.

59. КАК УЧИТЬ ДЕТЕЙ ПОНИМАТЬ И ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЗАКОНАМИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Уважай и выполняй законы Советского государства. Государство — это воля трудящегося народа, защищающего свое счастье, благополучие, неприкосновенность каждой личности. Законы нашего государства справедливы и гуманны. В них — концентрация многовековой мудрости и многовекового стремления народа к торжеству добра и справедливости. Закон защищает и оберегает прежде всего тебя, твою семью, твое счастье, будущее твоих детей.

Законы нашего государства не могли бы быть справедливыми и гуманными, если бы они не были сильными и непримиримыми к злу. У наших законов могучее оружие — не только воля миллионов трудящихся, но и суд, милиция, тюрьма. В том, что законы нашего государства карают преступников, — высшая человечность нашего строя и наших взаимоотношений.

Умей уважать сложившиеся в течение многих веков в среде трудящихся нормы человечных взаимоотношений, закрепленных социалистическим правом. Нарушая п р а в о, ты становишься несправедливым по отношению к своим соотечественникам и заслуживаешь осуждения. От маленького, казалось бы, правонарушения — один шаг к преступлению.

Умение подчиняться закону, дисциплине, порядку, нормам социалистического общежития — высшее выражение с в о б о д ы. Нарушать советский закон — это все равно что рубить сук, на котором ты сидишь. Ты свободный гражданин социалистического государства. Но свобода — это величайшая с и л а, которой надо пользоваться осмотрительно и мудро. Свобода в руках безумного превращается в источник горя. Мудрость гражданского воспитания и самовоспитания заключается в большой мере в том, чтобы учиться брать в руки и пользоваться этой могучей и благотворной, нежной и в то же время о п а с н о й силой — свободой.

Мудрость владения и властвования свободой — вот в чем одна из сокровенных тайн воспитания, вот где та кисть, которой мы, художники человеческого совершенства, творцы нравственной красоты, должны владеть тонко и сильно, изящно и — не будет это преувеличением — беспощадно! Эта мудрость и эта кисть в одинаковой мере нужны и педагогу, и отцу с матерью. Там, где эта мудрость и в семье, и в школе достигает вершины, в итоге получается прекрасный человек.

Не будь безмолвным наблюдателем нарушений права и закона. Найди активную форму выражения твоей нетерпимости к нарушителям права и закона.

Правовое воспитание, предупреждение правонарушений и преступлений — одна из самых острых социальных проблем нашего общества. Во многих письмах несчастные матери и отцы, поглощенные горькими раздумьями о судьбе своих попавших за тюремную решетку сыновей (а иногда и дочерей), спрашивают: «Почему так получилось? Как это могло произойти с моим сыном? Мы с отцом так о нем заботились, жили для него, всё ему отдавали...»

Страшная пустота души, страшное непонимание жизни как величайшей ценности — вот что стоит за этими преступлениями. Надо вести *специальную* воспитательную работу, рассчитанную *специально* на то, чтобы не было в нашем обществе преступников и правонарушителей. Я представляю себе смысл, сущность, объем, формы, всю сложность этой трудной работы. Это труд ума и сердца воспитателей, но он был бы безрезультатным, если бы нам не удалось поставить рядом с собой питомцев с самого раннего детства. Школу, заботящуюся о том, чтобы ни один ее питомец в будущем не стал на преступный путь, я представляю себе только так: в сложном, очень трудном, порой невыносимо напряженном и изнурительном деле воспитания мы, педагоги, и наши питомцы не только единомышленники, но и сотрудники, соратники, братья по цели и борьбе. Опыт — не всегда положительный, иногда и горький — научил меня определять уже в детские годы человека, которому в будущем, лет, может быть, через пятнадцать или двадцать, угрожает опасность соскользнуть на дурную тропу правона-

рушения и преступности. Предотвратить эту опасность — в этом одна из самых тонких граней нашего педагогического мастерства. И если я сказал, что смерть преступника, погубившего жизнь человека, я переживаю как утрату, то это означает глубокое сожаление по поводу того, что еще в раннем детстве человеку не сумели привить сильного противоядия даже от самой возможности, от мысли, что он может стать преступником или правонарушителем. Дорог мне не преступник сам по себе; дорога утраченная человеческая жизнь. Дорого то, что осталось в человеке не раскрытым, не выраженным, ушло в могилу.

В чем же заключается смысл этой работы? Что и как надо делать практически, чтобы не было у нас ни преступников, ни правонарушителей? В нашей системе воспитания сложился ряд правил, я и остановлюсь на них.

1. Дети и подростки обладают стихийным социальным прямодушием: им ясно и недвусмысленно, четко и без всяких оговорок скажи, что хорошо и что плохо, где белое и где черное. Им вынь и положи справедливость — и никаких гвоздей! Весь мир человеческого они делят на добро и зло, хорошее и плохое. Как важно не только не забывать об этом ни на мгновение, но вносить эту детскую идею, насыщать этим первым их социальным опытом всю их жизнь. Оберегайте, развивайте у детей их пока еще стихийное социальное прямодушие: потом оно станет мужественным сознанием борца. Первое противоядие, первая прививка против возможности преступления заключается в детской нетерпимости, непримиримости, презрении, ненависти к злу. Не бойтесь того, что, следуя законам своего детского мира социального прямодушия, малыши иногда перегибают палку... в этом нет ничего опасного, позже всё исправится.

Ко мне прибежала маленькая Майя, синеглазая первоклассница, с жалобой: Витя нашел палку и бьет ею по траве, а в траве цветочки — «желтенькие, радостные цветочки одуванчика, как маленькие подсолнечники, — зачем же он бьет их?» Дитя прибежало ко мне не жаловаться на Витю. Если бы я наказал его сию же минуту, Майя была бы озадачена и уязвлена в самое сердце. Она пришла ко мне за правдой. Я должен прежде всего сказать: это зло! Дитя ожидает, что у меня в глазах вспыхнут огоньки возмущения. Вот за чем прибежала ко мне синеглазая Майя. Я, конечно, возмущаюсь проступком Вити, дитя радуется, мы вместе идем к Вите — защищать цветок и устыдить мальчика. И то и другое — торжество добра, справедливости. Но вместе с тем и то и другое — оселок, на котором оттачивается лезвие детской нетерпимости, непримиримости, презрения, ненависти к злу.

Не допускайте, чтобы, прикасаясь мыслью и сердцем к злу, несправедливости, ребенок оставался равнодушным. Я еще скажу, для чего это нужно, — это маленькая ступенька к более высокой и более трудной ступеньке нравственного развития. Воспитывайте так, чтобы на глазах у маленьких детей тожествовало добро и чтобы они — это исключительно важно! — чувствовали себя сопричастными к этому торжеству, близко принимали к сердцу, как собственные радости и собственные горести, то, что добро согрето ласковым теплом или же оно, наоборот, охвачено смертоносным морозом...

Пусть тысячу раз в годы детства ребенок переживает торжество справедливости. Помните, воспитатель, мать, отец, что бурно возмущаться злом умеют только маленькие дети. Это доступно только им.

Попробуйте пробудить возмущение аналогичным поступком в годы отрочества — ничего не выйдет, возраст уже не тот... Не упускайте золотых дней детства, ведите своих питомцев к торжеству правды и добра. Только там, где есть непримиримость, нетерпимость, презрение, ненависть, есть и восторг, изумление, гордость, одухотворение. Но для чего это нужно, на какую следующую ступеньку нравственного развития ребенка надо поднимать?

2. Вместе с матерями и отцами своих питомцев мы видим смысл своей рассчитанной на далекие годы работы в том, чтобы дети понимали и чувствовали: в мире есть вещи *мерзкие, гнусные.* Испытывать отвращение, негодование к этим вещам — нравственная доблесть; быть в какой-то мере сопричастным к ним — подлость и *отступничество, измена, предательство* — да, эти понятия у нас также в ходу, как у верующих в ходу было понятие *грех.* Добрая половина всех усилий наших, направленных на то, чтобы питомцы наши были нравственно здоровыми и несгибаемыми, уходит на утверждение, если так можно сказать, кодекса человеческой порядочности. Вот что считается у нас мерзким и гнусным:

наедине с самим собой поступать не так, как ты поступал бы на глазах у людей;

лениться, бездельничать, быть нерадивым, дармоедом;

выдавать за доблесть и заслугу то, что является твоим долгом;

требовать у отца, матери того, что ты не заслужил трудом;

быть жадным, корыстолюбивым, негостеприимным;

гнушаться простого труда своего отца и матери своей;

надругаться над старостью;

лицемерить, говорить не то, что думаешь и чувствуешь;

заискивать перед тем, кто сильнее тебя;

давать пустые обещания, нарушать слово;

наушничать, доносить на товарища;

малодушничать, уходить от ответственности за свой поступок;

проходить равнодушно мимо человеческой беды, горя, отчаяния, особенно ссылаться на свою слабость, бессилие;

употреблять свою силу, физическое превосходство во зло;

молчать, когда надо говорить, и говорить, когда надо молчать;

отступать перед опасностью из стремления сохранить покой, благополучие;

добиваться для себя облегчения за счет трудностей и лишений товарища;

обижать девочку, девушку, женщину;

ослушаться мать, отца, обмануть их;

пустословить, произносить вслух святые имена;

смеяться над увечными;

не любить и обижать животных.

Я добиваюсь того, чтобы мерзкое и гнусное, представая перед глазами, разумом и сердцем ребенка в своем отвратительном облике, с малых лет пробуждало *презрение, гнев, отвращение.* Здесь важно, чтобы маленький человек не просто понимал, что вот это мерзкое и гнусное, а страдал, горевал, мучился из-за того, что в мире есть мерзкое и гнус-

ное. Гнев и отвращение к гнусному и мерзкому постепенно переносится на самого себя — это исключительно тонкий переход, от которого в решающей мере зависит тяготение маленького человека к прекрасному, идеальному и непримиримость к злу; человек переживает гнев и отвращение к самому себе, если он не то что сделал, но даже представил себе, что он может сделать мерзость. Мерзкое, гнусное становится лично невыносимым, нетерпимым, невозможным, недопустимым; гнев, злость на себя, к себе — это источник благородного чувства стыда — верного стража совести. Стыд — вот могучее противоядие от гнусного и мерзкого, стыд — это, образно говоря, та глубокая вода, на которой держится ладья чести, совести, достоинства. От чувства омерзения — к стыду, от стыда — к мужественной стойкости, несгибаемости, непоколебимости, неподатливости, устойчивости против каких бы то ни было побуждений, толчков («дружков», «улицы») к правонарушению, преступлению.

Я стремлюсь так воздействовать на сознание маленького ребенка (повторяю: чутким и восприимчивым к слову, рисующему облик мерзкого и гнусного, к непосредственному ви́дению мерзости является ребенок, а не подросток), чтобы он *устыдился за человека,* — вдумайтесь, углубитесь, педагог и воспитатель, в тонкие, нежные оттенки этих детских чувств, и вы поймете, что такое нетерпимость, гнев, злость, отвращение к мерзкому и гнусному. У меня есть такие рассказы о мерзостях человеческой жизни, которые заставляют детские сердца содрогнуться от боли и отвращения. С этого начинается воспитание гнева, стыда, совести, мужественного сознания. Рассказ, специально написанный для маленьких детей, называется «Огурцы вокруг колодца».

Покажите маленькому человеку мерзость так, чтобы он устыдился за человека, — мерзкое станет для него лично непереносимым, он будет стыдиться даже мысли о том, что люди могут подумать о его сопричастности к мерзости. Если мой маленький питомец устыдился за человека, если его сердце потрясено мыслью: до чего же низко может пасть человек во власти мерзких страстей и побуждений, он наедине с самим собой будет поступать так же, как поступал бы на глазах у людей! Наедине с самим собой он чувствует присутствие строгого судьи — собственной совести.

Есть у меня еще один рассказ о мерзости, он учит быть непримиримым к одной из разновидности мерзости — обману, лицемерию. Называется этот рассказ «Кто страшнее — бог или дед Трофим?».

Сердцевиной духовной стойкости, несгибаемости, не позволяющей человеку соскользнуть на дурной путь, является атмосфера действенной нетерпимости и презрения мерзости. Переживая чувство стыда за человека, сожалея и даже сочувствуя тому, кто низко пал, как сочувствуют несчастному, ребенок *стремится быть хорошим* — вот где один из ключиков, с помощью которых можно подступиться к детской душе. Помните, мать и отец, воспитатель и ученый-педагог, что без презрения к мерзости, без того, чтобы маленький гражданин в годы своего раннего детства не *перестрадал* за человека, немыслима эта единственная реальная движущая сила воспитания — стремление быть

хорошим. Ни на что другое опираться нам нет возможности, всё другое — пустопорожняя болтовня; только стремление быть хорошим, жажда хорошего, устремленность к идеалу — единственная пружина, движущая сложный механизм педагогического воздействия человека на человека. И эта пружина, образно говоря, заводится ключиком, имя которому — презрение, нетерпимость к мерзости. Презирать мерзость, устыдиться за человека, страдать за него: если все это гармонически сливается в юной душе, она становится стойкой и несгибаемой, в ней навсегда сохранится иммунитет к соскальзыванию на путь правонарушения и преступности. Когда я рассказываю детям быль о дедушке Трофиме, дети презирают лицемерие и ханжество и в то же время им стыдно и больно за человека... Без неугасимого огня презрения и нетерпимости немыслима подлинная человечность. Только тому, кто несет в себе этот огонь и мудро и мужественно оберегает его, доступно *счастье быть хорошим,* счастье понимать и чувствовать, что я достоин высокого имени человека.

Мать и отец, обеспокоенные судьбой своего сына! Если вы хотите, чтобы мыслями и поступками вашего сына двигала устремленность к хорошему, вложите в его душу презрение к мерзости. Если из всей сложности мира человеческого сын ваш не выделяет того, что достойно презрения, нетерпимости, ненависти, он может вырасти былинкой, которая будет клониться туда, куда ветер повеет...

Атмосфера действенного презрения, активной нетерпимости к мерзости... Начинается создание этой атмосферы с нетерпимости к лени, безделью, нерадивости, пустому времяпрепровождению. Не случайно народная мудрость учит: лень — мать всех пороков. Я убежден, что трудовое воспитание начинается за партой, за книгой — это главный и самый сложный *станок,* овладеть которым не так просто.

Самое главное в школе, самое важное и самое сложное, самое трудно постижимое и самое тонкое, что есть в педагогическом мастерстве, — это добиться того, чтобы маленький человек стыдился своей праздности, презирал, ненавидел лень и нерадивость. Праздность омерзительна, трудолюбие доблестно — вот первое деление в мире человеческого, которое в практической работе мы стремимся утвердить. Что же здесь *перводвижущее,* как пишет в своем письме один молодой педагог? Я считаю перводвижущим *достоинство труженика.* Это сложный вопрос, о котором следовало бы написать большую книгу. Речь идет о том, чтобы человек, сидящий за школьной партой, был глубоко убежден, что он — труженик познания. Речь идет о нравственной стороне умственного труда, о той грани нашего школьного дела, за которой открывается сложное и трудное — воспитание любви к учению. Ум, добывающий знания, должен быть мужественным, волевым, стойким, несгибаемым. Я добиваюсь, чтобы ум, который я воспитываю мыслью, был настоящим тружеником-борцом, презирающим даже подобие мысли об отступлении перед трудностью. Знания, которыми тебе надо овладеть, мой юный друг, — это бесформенный кусок мрамора, таящий в себе дивную красоту. Ты — открыватель, добытчик этой красоты; твой ум — резец, твоя мысль — вдохновение.

Чтобы воспитать презрение к праздности, чтобы лень и неради-

вость считались мерзостью, я всегда обращаюсь к достоинству юного ума как мужественного труженика-борца: стыдно что-то не сделать, стыдно не думать, стыдно провести день в праздности! Воспитатель, умейте чувствовать перед собой ум как живое нравственное существо, воспитывайте ум труженика, обращайтесь всегда к тому самому чуткому, самому сокровенному уголку ума, где кроется достоинство разума. Если вам это удастся, если вы будете делать это постоянно, ваш питомец будет считать мерзостью праздность и безделье. Он органически не будет переносить безделья, как не переносят люди голода и жажды. Труд необходим будет ему как пища жизни. Такой человек никогда не попадет на скользкий путь. Его и канатом не затащишь на путь преступления, не то что он попадет под дурное влияние.

Уроки — это общий для всех умственный труд. Но в воспитании ума труженика не менее важно, чтобы у каждого был кроме уроков свой индивидуальный интерес, свое увлечение. Зажечь в каждом юном сердце личное одухотворение — это еще одно противоядие от пустоты души, от опасности соскользнуть на дурной путь, от безволия и слепой подверженности нежелательным влияниям. Высокую миссию воспитателя я считаю выполненной лишь в том случае, если у каждого — буквально у каждого! — подростка, юноши есть своя богатая, наполненная волнениями, тревогами, радостями жизнь в мире книг, мыслей. Питомца моего влечет, одухотворяет, вдохновляет, дает ни с чем не сравнимое счастье сидение за книгой, уединение в мире изумительных вещей, открывающихся повседневно благодаря напряжению ума. Одержимость нелегким и трепетным интеллектуальным трудом становится для подростка всепоглощающей силой — вот в чем один из секретов той современной педагогики, о которой нам, воспитателям, надо мечтать! Я вижу цель воспитания достигнутой тогда, когда для каждого — буквально для каждого! — подростка, юноши книга, мысль становится узами, из которых он не может вырваться, не ранив больно собственной души. Книга, мысль, думание становится ярким интеллектуальным светом, озаряющим каждому моему питомцу путь трудовой жизни; этот свет высвечивает мельчайшие крупицы того мерзкого, гнусного, к которому в юной душе зреет — именно благодаря одержимости книгой, мыслью — отвращение и презрение.

Тот не мужчина с мужественным сознанием труженика, борца, будущего воина и мужа, будущего отца, у которого к 14—15-летнему возрасту не сложилась в заветном уголке величайшая ценность его души — сто, двести книг, которые он с трепетом сердца читал ночь напролет, над которыми встретил рассвет, которые стали для него откровением, *благодаря которым* учитель стал для него другом, единомышленником, его мысль слилась с мыслью учителя, и он стал дорогим его сердцу наставником жизни — вот где капля всепобеждающего противоядия от дурного и преступного, вот где всесильный магнит, влекущий юную душу к знаниям, познанию.

Дорогие отец и мать, озабоченные судьбой сына своего, дорогой коллега учитель, не знающий ни минуты покоя от забот, как воспитать настоящего человека, помните, что в этой капле, в этом магните и начинается трудовое воспитание! Умственная страсть, богатая интеллек-

туальная жизнь — вот могучая сила, благодаря которой юная душа становится жадной и ненасытной к величайшему человеческому богатству — знаниям. Никакими цепями не привяжешь подростка к парте, никакими ухищрениями не заставишь учиться, если уже в 14—15-летнем возрасте на собственном опыте он не постигнет истину, что величайшее человеческое счастье — это возможность учиться, познавать, знать, становиться сегодня умнее, чем был вчера.

Самое страшное горе — горе для семьи, горе для школы, горе для общества, если молодому человеку *не хочется знать.* Это мрак, в котором мне видятся очертания скамьи подсудимого и угрюмая тюремная стена. Нежелание знать — это символическая железная решетка, которой человек закрывает от себя безграничное синее небо; вместо символической потом может появиться настоящая.

Миссию воспитателя юношества я вижу в том, чтобы вместе с каждым подростком, юношей построить здание его интеллектуальной жизни. Подлинный наставник ныне тот, кто умеет увлечь, одухотворить, вдохновить. Быть воспитателем юношества — значит встречаться с подростком, юношей не только на уроке. Это значит быть с ним единоверцем — да, не бойтесь этого слова! — и единомышленником, тянуться друг к другу, находить великое счастье удовлетворения потребности человека в человеке. Пробуждать в подростке *жажду человека,* удовлетворять ее мудро и настойчиво — жажду умного, твердого в своей вере человека, к которому бы подросток тянулся как к свету и добру, а подчас и как к своей единственной защите, — вот в чем один из секретов современной педагогики! Я убежден, что подростка одухотворяют, вдохновляют знания только тогда, когда он встречает на своем пути человека, одержимого страстью к познанию, неутолимой жаждой знать, знать, знать. Вот это и есть та вера, которую мы должны как величайшее духовное богатство передавать молодым: вера в истинного человека. Если каждый одухотворен этой верой, если наставник и его питомцы-единомышленники и единоверцы, в школе царит всепобеждающая атмосфера труда, а лень и безделье становятся мерзостью.

Вкус к труду не будет постигнут, если вы, уединившись со своим трудным, строптивым, бывает, непостижимым в своей сложности подростком, не пленили его своими мыслями, не оставили в его душе следа на всю жизнь... а порой нужно, чтобы прикосновение его к вашей мысли, к вашей вере перевернуло его душу, заставило задуматься над смыслом и целью жизни. Я считал бы свой труд в школе беспросветной тьмой, если бы не верил, что самый трудный, самый сложный подросток ждет этого прикосновения мысли, прикосновения ярких человеческих страстей — часто он и сам не отдает себе отчета, в чем его ожидания! Откройте перед подростком радость общения с настоящим человеком — и он в своих жизненных принципах, в своей убежденности будет не мягким тестом, из которого первый встречный вылепит, что ему захочется, а неодолимым кремнем. Он не только не будет подвержен опасности поддаться чуждому, нежелательному влиянию, но сам станет грозой для очагов этого влияния. Его надо будет не оберегать от опасностей (например, от «улицы»), а, наоборот, посылать

туда, где опасно, зная, что столкновение кремня с опасностью высечет огонь.

Задумайтесь, мой друг-педагог, часто ли происходит в школе то, что должно быть, по существу, главным в воспитании подростков и юношества — вот это тонкое прикосновение одной души человеческой к другой душе, такое прикосновение, которое озаряет тянущегося к счастью человека, пробуждает в нем дремлющие силы, зажигает страсть к познанию, рождает и укрепляет веру в то, что истинное счастье в жизни — быть неутомимым тружеником, что учение, познание — это самый сложный и нелегкий, напряженный и счастливый труд. Как это ни парадоксально, однако беда эта пока что остается главной в жизни множества школ: нет прикосновения человека к человеку; трудные и колеблющиеся, нестойкие и неустойчивые не находят своей опоры. Тот, кто соскальзывает на дурной путь, — это люди глубоко одинокие, несмотря на то, что их окружают многие старшие и сверстники, несмотря на то, что ежедневно им долбят: этого нельзя! Это недопустимо! Это мерзко! Дай слово, что не будешь плохим (впрочем, иногда бывает и так, что человека предоставляют самому себе, ему уже и этого никто не говорит). Чувство омерзения мерзким и гнусным пробуждается в юной душе лишь тогда, когда она постигает счастье красивого...

Школа — это, по моему глубокому убеждению, прежде всего, образно говоря, мир человеческих прикосновений, прикосновений мудрых и знающих, опытных и стойких к ищущим и жаждущим понять и постигнуть, к нестойким и неустойчивым. У каждого учителя, у директора школы в особенности, — свои единомышленники и единоверцы. Дело вовсе не в том, что кто-то к кому-то прикреплен — об этом не надо говорить, все это чепуха. Дело в том, что меня навсегда связала судьба с наиболее яркими, наиболее сложными и, по-моему, наиболее интересными подростками, они вошли в мою жизнь, стали частицей моего существа, мой неугомонный и беспокойный дух уснул бы, успокоился, а поэтому исчезло бы мое творчество и мое мастерство, если бы не они. Не должно быть в школе ни одного человека, жизнь которого в годы отрочества и ранней юности прошла бы в одиночестве, без прикосновения мудрого и нравственно стойкого человека, — вот, по-моему, одна из важнейших закономерностей воспитания; если она станет реальностью, общество вздохнет с облегчением.

3. С малых лет мы учим своих питомцев дорожить жизнью и свободой, познанию той простой и вместе с тем мудрой истины, что ж и з н ь и с в о б о д а — величайшие человеческие ценности, в которых выражается самая сущность человека. Только в том случае, если это познание стало красной нитью воспитания, у человека вырабатывается стойкий иммунитет против правонарушений и преступности. Без этого познания немыслимы нетерпимость, непримиримость к мерзостям. Для того, кто постиг, что такое жизнь и свобода, мерзость становится лично непереносимой. По-настоящему умеет презирать и ненавидеть зло, по-настоящему восстает и борется за добро тот, кто всеми силами своей души любит жизнь и свободу.

Осторожно прикасайся к человеку, учим мы детей, подростков,

юношей, жить среди людей — это все равно что ходить в сказочном саду, где вокруг тебя тончайшие лепестки цветов с дрожащими на них каплями росы; надо так прикасаться к цветам, чтобы не упала на землю ни одна капля. Среди нашего школьного двора — стеклянный домик, рядом с ним — кусты розы. Это, образно говоря, градусники, которыми мы измеряем температуру организма, имя которому — *нравственное здоровье* коллектива и всех наших сложных и нелегких личностей. В течение многих лет не разбито ни одно стеклышко в стеклянном домике, капли росы не падают на землю от грубых прикосновений, — значит, всё в порядке. Если хотите постоянно проверять самих себя, как ваши питомцы относятся к величайшим ценностям — жизни и свободе, в особенности как умеют пользоваться свободой, поставьте этот градусник.

Очень трудно найти слова и образы для того, чтобы объяснить детям, что такое жизнь и смерть, свобода и *лишение свободы,* не только объяснить, но и воспитать у каждого глубоко личное отношение к этим ценностям. Я считаю в нравственном воспитании важной задачей, чтобы дети глубоко поняли: жизнь могучая и всепобеждающая, но в то же время нежная и нередко беззащитная, легко уязвимая ценность; порой возникают такие обстоятельства, когда достаточно одного жестокого слова, равнодушного взгляда, чтобы тоненькая нить жизни перервалась. У меня в этической хрестоматии есть рассказы о житейских историях, смысл и мораль которых сводится к тому, насколько чутким и бережным надо быть к этой тоненькой нити.

Эти рассказы заставляют детей задумываться над самой сущностью человеческого бытия. Как только ребенок переступил школьный порог, меня больше всего интересует, какими духовными нитями связан он с родными и близкими. Нормальное нравственное развитие, гармония любви, счастья и труда (а от этой гармонии, в сущности, зависит моральное здоровье человека), возможно только при том условии, если ребенок убежден: я кому-то очень, очень нужен. Я для кого-то безмерно дорог. Кто-то видит во мне смысл своей жизни. Но и я кем-то очень, очень дорожу, без кого-то я не могу жить, кто-то для меня безмерно дорог. Может быть, это убеждение не выступает в виде отчетливой мысли, но оно наполняет все человеческое существо ребенка переживанием радости, полноты жизни. Ласка, радость духовного общения с родными, особенно с матерью, сердечная близость с матерью и отцом — это не только источник гармонии любви, счастья и труда. Это также источник долга, долженствования человека перед человеком. Одна из причин преступлений — совершенное безразличие человека к тому, что о нем думают родные и близкие. И наоборот, мерзость — а преступление есть величайшая мерзость — вызывает у человека презрение, гнев тогда, когда он связан многими духовными нитями с другими людьми, когда он осознает и переживает: каждый мой дурной шаг — несчастье для родных и близких. Истинное воспитание, высвечивающее перед глазами маленького человека мерзости, отталкивающее от мерзостей и вдохновляющее на борьбу с ними, — это *воспитание человеческого долженствования.* Если вы хотите, чтобы сын ваш не вступил на дурную дорожку преступности, воспитывайте у него

умение любить человека, дорожить жизнью, здоровьем, покоем, счастьем родных и близких. Вы умеете дорожить вашим сыном лишь тогда, когда вы безмерно дороги для него, — вот еще один золотой ключик от волшебной шкатулки мудрости воспитания. *Настоящие плоды вашей любви к сыну — это его любовь к вам.* Душевно богатым ваш сын становится тогда, когда он отдает вам свои богатства. Ваша щедрость — в мудрой скупости. Как же, как добиться, чтобы для сына вашего самым главным богатством, самой большой радостью был человек? Как добиться, чтобы любовь вашего сына к вам, матери и отцу, была для него, образно говоря, могучим светильником ответственности, освещающим ему прямую дорогу честной жизни?

Дорого то, что создается, созидается. И любовь — это прежде всего большой, нелегкий, «черный» труд. Труд любви — основа человеческой преданности и ответственности человека перед человеком. Я всегда мечтал, чтобы и в школе, и в семье царствовала эта тонкая, одухотворяющая юные души вещь — *труд любви.* Какое это всесильное и надежное противоядие от мерзости! Труд любви заключается в том, что человек вкладывает силы своей души в другого человека и, совершая этот труд, обретает то, что становится для него самым дорогим.

Труд души... Это несравненно сложнее и богаче, чем принести одиноким старикам воды или нарубить дров. Труд души — это значит страдать, болеть страданиями и болями человека, прежде всего матери, отца, сестры, брата, дедушки, бабушки. Не бойтесь открывать юную душу для этих страданий и мучений — они благородны. Пусть 9-летний сын ночь не спит у постели заболевших матери или отца, пусть чужая боль заполнит все уголки его сердца, поглотит все силы и устремления. Наверное, я не ошибусь, если скажу, что одна из самых мучительно трудных вещей в педагогике — это учить ребенка труду любви, труду души. Я учу своих маленьких питомцев видеть и чувствовать слабенький огонек жизни, теплящийся в душе бабушки и дедушки. Я не опасаюсь сказать детям, что этот огонек скоро угаснет и им, маленьким, надо беречь его. Считаю большим успехом воспитания, если мне удалось пробудить в юном сердце боль жалости, слезы угрызения совести при одном воспоминании, при одной мысли о том, что я причинил своей бабушке какую-то обиду или огорчение.

Принести человеку радость и в этом найти свою собственную радость — вот в чем труд души, труд любви, которому мы учим детей. Мы зорко и придирчиво всматриваемся в жизнь, в деяния своих питомцев, задумываясь над одним из главнейших вопросов человековедения и нравственного воспитания: *научился ли ты ж е л а т ь приносить радость своим родным,* умеешь ли трудиться, чтобы повелевать этим самым благородным человеческим желанием? Мы учим повседневно и неустанно — *как желать* и как поступать, чтобы приносить радость родным. В жизни тысячи обстоятельств, когда ребенок, одухотворенный нашими поучениями, сам чувствует: вот здесь *труд любви.*

Дорожить жизнью и свободой научится лишь тот, кто в детстве постиг мудрость ограничения своей свободы и желаний. Эта мудрость — один из самых тонких инструментов воспитания. Бездумное отношение к свободе, неумение властвовать над желаниями превращает дитя, об-

разно говоря, в *живой комок произвола.* Произвол этот — опаснейшая вещь, он таит в себе те глухие, необузданные, дремлющие до поры до времени силы, которые «неожиданно», как кажется с первого взгляда, толкают человека на преступление.

Я уверен: многие не умеют дорожить свободой из-за того, что не представляют, что значит ее потерять.

Тот не человек, кто в годы детства и отрочества не пережил того мудрого и мужественного состояния, когда *надо, необходимо* отказаться от желания, исполнение которого сулило столько удовольствий, и заставить себя делать нечто противоположное. Обуздание желаний — тонкий резец, без которого не обойтись ваятелю благородства. Умейте пускать этот резец в дело! Не давайте воли желанию, если исполнение его вовлекает человека в мерзость, опасайтесь этого, как гнойника, потому что мерзость, совершенная в состоянии неудержимого порыва к удовольствию, наслаждению, — это мерзость, затаившаяся глубоко внутри, это гнойник в глубине.

Дорогой мой коллега-педагог, уважаемые отцы и матери! Мудрое и мужественное управление желаниями — это та волшебная дирижерская палочка, по мановению которой творится гармония человеческой красоты. Возьмите в руку эту палочку. Научитесь управлять ею — и вы овладеете *дисциплиной души* вашего питомца, вашего сына. А дисциплина души — это обратная сторона того, что мы назвали непримиримостью к мерзости.

Опасайтесь оказаться во власти желания, исполнение которого может привести вас к мерзости, учу я детей. Умейте приказать себе отказаться от исполнения желания, безобидного с первого взгляда и мерзкого по своему существу. Если вы переступили через этот приказ раз, переступили второй раз, третий, вы можете стать преступником. Преступление начинается с того, что безвольный, слабовольный человек переступает черту, за которой начинается мерзость.

4. Предотвращение опасности соскальзывания на дурной путь правонарушений и преступности мы видим также в том, чтобы в человеке не зародилось б е с с т ы д с т в о. Бесстыдство — опасный порок души; бесстыжему человеку вначале безразлично, что о нем думают люди, а потом — доходит и до этого — безразлична собственная судьба. На вопрос судьи о профессии один шестнадцатилетний парень, совершивший тяжкое преступление, ответил: хулиган... Что еще можно найти равнозначное такому падению человека?.. Наглость, подлость, отступничество, предательство — каждый из этих пороков — дитя бесстыдства и пустоты души.

Что надо делать, чтобы предотвратить зарождение этих пороков и их духовной матери — бесстыдства?

В школе не должно быть пустословия и пустомыслия. «Берегите слова!» — хочется посоветовать воспитателям. Будьте очень осторожны и осмотрительны, побуждая детей высказывать свою мысль. Не вкладывайте в уста дитяти слова, смысл которых оно еще не может постигнуть! Не допускайте, чтобы высокие, святые слова, особенно слова о любви к Отечеству, превращались в разменную монету. Настоящая любовь молчалива. Вызывает недоумение организация конкур-

сов: кто напишет лучшее сочинение об Отечестве, о своих собственных патриотических чувствах... Нельзя этого делать, товарищи... Пусть увлечет детей и юношество другой конкурс: кто вырастит лучшую дубраву, кто превратит мертвый пустырь в плодородную почву. **Надо учить любить, а не учить говорить о любви.** Учить чувствовать и хранить свои чувства, а не учить подыскивать слова для того, чтобы сказать о несуществующих чувствах. Так плодится лицемерие. Вообще важно учить говорить, но не менее важно учить молчать.

Бесстыдство порождается невыполнимыми обещаниями. Не вынуждайте ребенка давать обещание, к которому он духовно не подготовлен, для которого у него нет еще сил и твердости души. Если он сам что-нибудь обещает, выслушайте, поверьте, но в то же время скажите: опасайся давать обещание, если не уверен, что сдержишь его. Помните, что дурная привычка часто давать слово, обещание и забывать о них порождает одеревенение, окостенение сердца, оно не чувствует мерзости лжи.

Пусть в школе (так же и в семье) царствуют правда и доверие. Пусть каждое слово, произнесенное в школе, дает плод, а не остается пустоцветом.

Вот в чем заключается смысл той *работы души,* которая предупреждает правонарушения и преступность.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярная

Василий Александрович
Сухомлинский

КАК ВОСПИТАТЬ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

(ЭТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ)

Составитель *Ольга Васильевна Сухомлинская*

Зав. редакцией *Э. П. Абельцева.* Редактор *Э. П. Абельцева.* Художественный редактор *Е. В. Гаврилин.* Технические редакторы: *О. В. Недосекина, Л. А. Зотова.* Корректор *В. Н. Рейбекель*

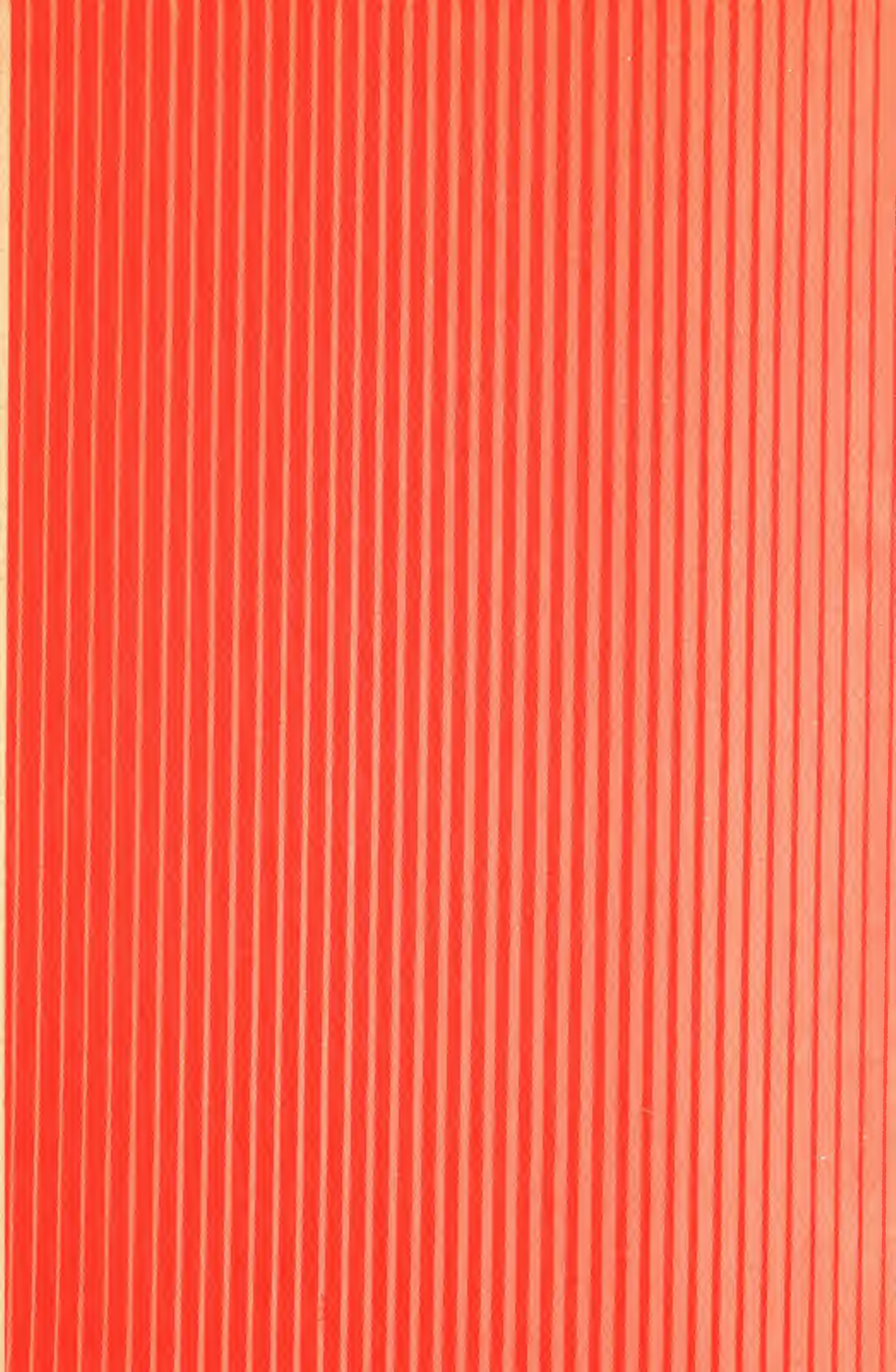
ИБ № 1178

Сдано в набор 02.08.88. Подписано в печать 18.01.89. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага офс. № 2. Печать офсетная. Гарнитура тип таймс. Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 23,76. Усл. кр.-отт. 18,5. Тираж 475 000 экз. (2-ой завод 100001—475000 экз.). Зак. № 2403. Цена 1 р. 30 к.

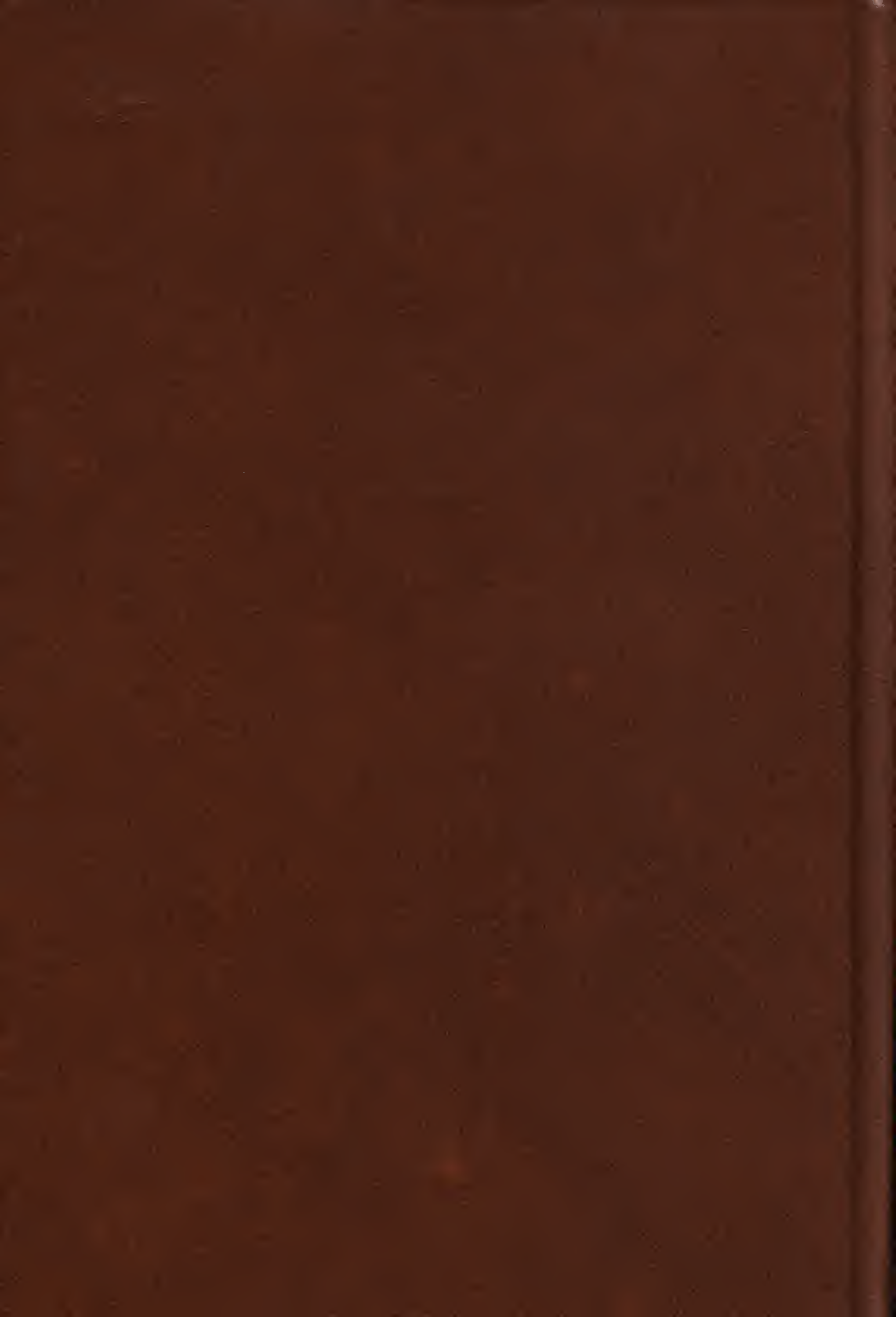
Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ   КАК ВОСПИТАТЬ НАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА